АССОЦИАЦИЯ «АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ»

АКАДЕМИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ САМОЗАЩИТЫ

В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий

ПРЕДЕЛЫ СОКРАЩЕНИЯ
(доклад Российскому интеллектуальному клубу)

2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
«Ядерный гамбит» России, возможен ли выигрыш? 3
«Давайте вычислим, господа». 15
1 Границы и качественная характеристика анализируемого объекта (дискурсивный анализ) 21
2 Что день грядущий нам готовит? 40
2.1 Можем ли мы «попасть» в точку «алеф» (по Кантору)? Краткий исторический экскурс 40
2.2 Междисциплинарный анализ глобальных процессов препятствующих сокращениям в сфере ЯО и стимулирующих «горизонтальное распространение» 46
2.3 Зачем Америке нужна «большая война»? 63
2.4 «Большая война» - глобальный вызов России 80
2.5 «Умная оборона НАТО» - новые опасности и угрозы для России. От стратегии Клаузевица к Сунь-Цзы 89
2.6 Нужен ли России «новый Брест»? 95
3 Новый ДСНВ и дестабилизирующие факторы системы стратегической стабильности 107
3.1 Проблема ЕвроПРО – возможно ли решение? 107
3.2 Какой же Договор ратифицировала Госдума? 109
3.3 Что скрывает новый Договор о СНВ ? 113
3.4 Что делать? 127
4 Чем спорить, давайте подсчитаем 145
4.1 Немного о проблеме «сдерживающего ущерба» 146
4.2 Элементы общей (простейшей, «статической») теории сдерживания. 147
4.3 Генезис и эволюция концепции неприемлемого ущерба как основы (простейшей, «статической») стратегии сдерживания. 152
4.4 Новые подходы к оценке сдерживающего ущерба 166
4.5 Результаты математического моделирования изменения совокупной мощи государства в зависимости от сокращений в сфере СЯС 170
5 «По карману» ли России ядерное оружие? 180
6 «Китайский гамбит» Б. Обамы? 194
7 На очереди остатки тактического ядерного оружия России 213
8 Зачем «обнуляется» Россия. Пятый сценарий (к вопросу о всеобщем ядерном разоружении) 219
8.1 «Ядерный гамбит» большой геополитической игры США 219
9 Большая ядерная геополитическая игра по формуле «7+1» 233
9.1 По пути «благих намерений» 233
9.2 Что скрывается за словами об укреплении ДНЯО? 241
10 Дестабилизирующие военно-технологические факторы системы стратегического ядерного сдерживания 245
11 Новые подходы 261
Заключение 267
Библиография 276

«Та война справедлива, которая необходима, и то оружие священно, на которое единственная надежда»

Н. Макиавелли «Государь»

ВВЕДЕНИЕ

«Ядерный гамбит» России, возможен ли выигрыш?

Перед войной во время встречи и беседы с А.Моруа У.Черчиль, обсуждая творчество последнего, высказал следующую мысль: «На вашем месте я писал бы только об одном, что у Франции слишком мало самолетов». По воспоминаниям классика биографического жанра, в тот момент английский премьер ему показался не умным и даже не вполне адекватным человеком. Однако, в последствии, он сожалел о данной оценке. Спустя 70 дней после упомянутой встречи немцы вошли в Париж /1/.

В настоящее время эта история вспоминается прежде всего потому, что для современной России «ядерный фактор» как инструмент обеспечения ее безопасности и статусного положения в Мир-системе играет ту же роль, что и когда-то самолеты для Франции.

Сегодня «ядерный фактор» все в большей степени оказывается в центре Российской (и мировой) политики. При этом «международный фон», на котором он должен проявляться, в настоящее время крайне неблагоприятен для принятия далеко идущих разоруженческих решений в сфере ядерного оружия (ЯО), к которым толкают Россию. Это обусловлено следующими факторами.

Во-первых, после начала активного разрушения Западом Ялтинско-Постдамской политической системы сущность нового мирового порядка составляет состояние «глобальной турбулентности». Мир-система находится, говоря языком синергетики, в «перемешивающем слое». И если развитие международных отношений, как утверждается, идет по пути глобализации, то в данном случае теоретически с научной точки зрения возможны разные пути построения глобального мира, в том числе и необязательно ведущие к «миру Америки». Возможно возникновение региональных «аттракторов», для которых обладание ядерным оружием объективно является важным фактором поддержания своего геополитического статуса /2…19/.

Очевидно, что наличие столь разрушительного оружия в руках другого государства само по себе является большой имманентной угрозой национальной безопасности России. Единственной непреходящей гарантией безопасности является свой потенциал «ядерного сдерживания» - даже если на данное время государства не считают друг друга врагами.

Во вторых, развал Бреттон-Вудской системы, намечающийся крах «Вашингтонского консенсуса» и экономический кризис привели к тому, что главный инструмент власти США на международной арене – доллар, уже не обеспеченный золотом, - поддерживается исключительно военной мощью, регулярно задействуемой в разных точках мира, что усиливает указанные выше стимулы к обладанию ЯО.

В третьих, серьезными дестабилизирующими факторами международной обстановки, которые Россия должна учитывать в своей ядерной политике, являются изменения в НАТО в сторону **глобализации** своей деятельности.

После принятия новой стратегической концепции альянса объективно усиливаются стимулы к «горизонтальному распространению» ЯО, являющегося для многих стран, находящихся на периферии и полу - периферии Мир-системы, единственным средством обеспечения своего национально-государственного суверенитета перед лицом активно-агрессивного «центра» (Запада).

Как показывает моделирование глобальных экономических процессов /2….4, 17, 18/, западная экономическая система в условиях рыночной конкуренции может стабильно существовать только при постоянном вливании дополнительных ресурсов извне. То есть для стабильного существования такой системы необходимо наличие периферии, из которой можно черпать дешевые ресурсы.

В этих условиях современное **НАТО является инструментом поддержания устойчивости системы «центр-периферия»**, в которой только и может существовать Западный мир. В этом и состоят новые функции альянса. Фактически НАТО есть объединение государств Западного мира, составляющих центр Мир-системы, для военного обеспечения эксплуатации периферии. Однако выполнять свои функции альянсу придется в изменяющихся условиях формирования нового баланса сил в военной области, возникновения условия, которое многие аналитики уже определяют концептом «восставшая Азия» /46/.

В четвертых, существенно обостряются негативные мировые процессы, связанные с циклическими тенденциями.

Как показывают исследования динамики глобальных процессов наиболее сложным для России в геополитическом плане, если руководствоваться структурным подобием с предшествовавшими циклами, скорее всего станет период 2014 – 2025 гг. /2…4, 31..33/. К потрясениям этого периода необходимо готовиться уже сейчас. И в первую очередь готовить адекватные средства направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов, в том числе потенциал стратегического и регионального сдерживания и деэскалации конфликтов.

В пятых, происходит явное ослабление роли Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которое объективно отражает состояние кризиса системы международно-правового регулирования, возникшего в результате распада Версальско-Вашингтонской

модели мировой политической системы (завершившегося Второй мировой войной), а затем и началом демонтажа Западом Ялтинско - Постдамской системы.

В шестых, в настоящее время мы переживаем ситуацию, когда слабеющий доминант (США), рассчитывая сохранить свою позицию на мировой арене, всё чаще прибегает к непосредственной военной силе и организовывает зоны нестабильности. Финансовое доминирование США самими американскими стратегами всё чаще увязывается с необходимостью иметь подавляющую военную мощь. Напомним, что в последние годы военный бюджет США сравним с совокупным военным бюджетом всех остальных стран мира.

Американские исследователи Л.Г. Бадалян и В.Ф. Криворотов [54], разработавшие теорию техноценозов, приводят ряд убедительных аргументов в пользу того, что нынешнее положение дел, мировая система и уровень глобализации очень близки к тем, которые имели место в начале XX века, когда слабеющий доминант (Великобритания), чтобы удержать лидерство, осуществляла жесткое милитаристскую политику, стравливая своих конкурентов и тем самым ведя дело к мировой войне.

В меняющемся мире Россия оказалась втянута в «Большую геополитическую игру», где ядерный фактор объективно играет роль «тяжелой фигуры». Это обусловлено в том числе и тем, что ядерное оружие и особенно стратегические ядерные силы (СЯС) являются «**дисциплинирующим» фактором конфликтов,** препятствующим переходу к крупномасштабной войне. Обладание таким инструментом дает не только высокий геополитический статус, но и возможность эффективного управления конфликтами.

Может ли Росси, находясь в бессубъектном состоянии, если не выиграть, то хотя бы свести матч вничью? Сегодня в аффективный компонент общественного сознания, в том числе в основные базовые элементы системы принятия военно-политических решений вводится положение о том, что для игры в «геополитические шахматы» в США создана «программа чемпионского уровня», обеспечивающая Америке эффективную победу, а также, что «противостоять такой программе никто не захочет и не сможет».

А так ли универсально указанное положение? Ведь достаточно очевидно, что даже если Россия по каким-либо причинам и не смогла бы сыграть с США геополитический «гроссмейстерский матч» как равный соперник, всегда остается возможность играть по другим правилам, например, устроив США «турнир в Васюках», или «сменив игру». Вместо «великой шахматной партии» (по З. Бжезинскому) Россия может сыграть в «политический покер». И серьезный ядерный потенциал при его рациональном использовании может фундировать данную поведенческую стратегию.

Вместе с тем, складывается впечатление, что в «великой шахматной партии США» Российская сторона входит в состояние «политического цугцванга» (когда все ходы плохие). Этот вывод можно сделать, например, из анализа процесса подготовки заключенного

Договора о сокращении наступательных вооружений (ДСНВ) и хода обсуждения соответствующего ратификационного закона в Госдуме.

Как представляется, не в последнюю очередь сей прискорбный результат может быть объяснен значительным содержанием в нашем так называемом «экспертном сообществе» лиц, полагающих целью и смыслом своей деятельности «профессиональную любовь» к Западу. К сожалению, усматривается наличие свидетельств, что им зачастую удается «посадить на интеллектуальную иглу» определенную часть «базовых элементов» российской системы принятия решений в военно-политической сфере.

При этом в основе «концептуального мэйнстрима», в который «заталкивается» российская внешняя (оборонная) политика, лежит либо примитивная маниловщина, либо своеобразный вариант «неотроцкизма», задающий «демобилизационную» поведенческую стратегию («ни мира, ни войны, а армию распустить – читай, Россию «денуклеаризовать»).

Даже самый поверхностный анализ позиции «перезагрузчиков», которая, как представляется, в определенной мере определяет принимаемые решения в ядерной сфере, позволяет сделать вывод о том, что выдвинутые в 1960 году Т. Шеллингом (в ожидании самолета в Вашингтонском аэропорту) критерии эффективности политики США в области контроля над вооружениями до сих пор задают направление политической мысли не только в самих США, но и у их «друзей» за рубежом.

Невозможно избавиться от впечатления, что все так называемые «новые подходы к контролю над ядерными вооружениями» (см., например, /48/) за всей словесной «дымовой завесой», их сопровождаемой, имеют свою конечную цель - реализацию устремлений и установок (в том числе и приписываемых одному из бывших Президентов США) о необходимости «вырвать у России «ядерные зубы» и действовать в этом направлении до тех пор, пока ядерного оружия у нее больше не останется», ибо: «Нет лучшей возможности направить средства на национальную безопасность, чем способствовать уничтожению ядерного оружия, науки и промышленности бывшего врага. Нет ничего менее разумного и глупого для США, чем упустить эту возможность».

Проводить подробный анализ аргументации сторонников «ядерного нуля» или существенных ограничений российских СЯС и тактического ядерного оружия (ТЯО) довольно скучное и бесполезное дело. Уже продолжительный период времени ими как мантры повторяется один и тот же набор положений о бесполезности и ненужности для России обладания мощным потенциалом СЯС и ТЯО.

В целом, при изучении работ многих «экспертов» (из ИСКАН, ИМЭМО, ИНСОР и др.) приходит на ум мысль, высказанная С. Клеменсом в рассказе «Старые времена на Миссисипи»: «В науке есть что-то захватывающее, какие далеко идущие выводы она может сделать, опираясь на самые ничтожные основания» /47/.

Трудно не заметить, что задействуемые «денуклеаризаторами» механизмы управления целевыми аудиториями основаны на применении техник обмана и манипуляции сознанием.

Необходимо отметить, что сторонники ядерного разоружения особо не обременяют себя выработкой системы достаточных оснований, полагаемых в основу вырабатываемых информационных фреймов для организации воздействия на когнитивную и аффективную компоненты сознания основных российских «базовых элементов» системы принятия военно – политических решений, да и общества в целом. И, самое удивительное, это у них часто «срабатывает».

Если пропустить все «квазигуманитарные» рассуждения «сторонников ядерного разоружения» через «концептуальное сито», то большинство из них сводится к отказу от стратегии «сдерживания» и переходу к стратегии «умиротворения» противостоящих «акторов» межгосударственных конфликтов (см., например, /48/).

При этом скрытым (скрываемым) параметром предлагаемой поведенческой стратегии является ЦЕНА такого умиротворения. А цена начинает постепенно озвучиваться. От России требуют мол «делиться надо». Это может показаться невероятным, но претензии М.Олбрайт и Д.Чейни уже поддерживаются Российскими «либералами», публично рассуждающими о возможности совместного управления (с развитыми мировыми державами) ресурсами Сибири. И если кому то данный сценарий покажется невозможным, в том числе и с международно-правовой точки зрения, то напомним, что Российская Федерация есть правопреемница Российской Империи. А та в 1884 г. подписала соответствующую международную конвенцию, содержащую «принцип эффективной оккупации». Из него следует, что если какая-либо страна не способна эффективно управлять своими ресурсами, то может быть введено внешнее управление. В те времена он легитимизировал колониальную систему, завтра может обосновать правомерность изъятия у России исключительных прав на управление ее собственными ресурсами.

Главный тезис прозападного лобби состоит в том, что де мол «демократический» Запад никогда не нападет на Россию, а, следовательно, ее усилия в сфере ЯО излишни (избыточны). Данный тезис представляет собой один из активно внедряемых в сознание Российского общества архетипов. Он ярко характеризует убогость концептуальной основы «либерального видения картины мира».

Достаточно очевидно и не требует никаких доказательств, что у Запада нет никаких «табу» по использованию военной мощи. И, наоборот, вся практика международных отношений за последние 20 лет свидетельствует:

а) о полном отходе Запада от Вестфальской системы к концепции ограниченного национального суверенитета, когда все решает Запад (Америка – мировой шериф);

б) об активным задействовании фактора военной мощи НАТО при решении внешнеполитических вопросов, вплоть до прямой вооруженной агрессии.

Хотелось бы узнать, действительно ли прозападные «эксперты» пользуются услугами «астрального мира» и до них доведено знание о том, что Запад всегда будет «белым и пушистым» и в будущем ограничит масштаб применения военной силы? И вообще, при чем

тут непосредственное военное нападение на Россию? Согласно трактату «Сунь - Цзы», это «худшая из войн» /49/. Запад уже давно основывается на теориях Лиддал-Гарта о непрямых действиях /50/ и научился использовать силовой фактор опосредованно как один из элементов механизма «внешнего управления».

Действительно, зачем ему нападать (или даже оказывать прямое военное давление на Россию), если ею можно «мягко» управлять в рамках «Вашинтонского консенуса» через сформировавшуюся консорцию «агентов перемен», постоянно действующий либеральный блок правительства и др.

Но, если Россия выйдет из бессубъектного состояния, в ней сформируются мощные стратегические субъекты, Запад не задумываясь может задействовать «силовой фактор» как он это делал всегда.

Все эти факторы определяют для России объективные основания для сохранения и поддержания на соответствующем (количественном и качественном) уровне группировки СЯС и «нестратегического» ЯО (ЯО регионального сдерживания) в качестве наиболее важных составляющих системы средств «направленного воздействия» на участников межгосударственных конфликтов «высокой интенсивности».

Это тем более важно, поскольку уроки истории и особенно события последних десятилетий учат, что международное право как инструмент обеспечения интересов страны и, в том числе, ее безопасности не стоит и гроша, если нет вооруженных сил, способных его убедительно отстаивать.

Настойчивое стремление Запада к демонтажу Ялтинско-Потсдамской политической системы и развал (после распада СССР) сформировавшейся после второй мировой войны Мир-системы открывают «ящик Пандоры» с невиданными последствиями. В этой связи возникает очевидный вопрос – с чем мы их встретим? Вместе с тем, из анализа внешнеполитической деятельности России складывается впечатление, что наше руководство может стать жертвой «синдрома Сидония Апполинария», т.е. не увидеть нависшей над головой угрозы.

К такому выводу приводят, в том числе, и события последних лет, связанные с реализацией технологий внешнего «институционального» управления Россией по «втягиванию» ее в процесс «денуклеаризации» на основе неуклонного и поэтапного снижения своего ядерного потенциала.

В современных условиях для России целесообразно не снижение, а усиление потенциала стратегического и регионального сдерживания. Важно помнить высказывание Н. Макиавелли: «…то оружие священно, на которое единственная надежда». В противном случае России опять, как и в XIII веке, суждено стать «демпфером-поглотителем», в котором рассеется энергия натиска «восставшей Азии» на Европу.

В этой связи не демобилизация, а мобилизация сил, составляющих оборонный потенциал страны, может обеспечить невовлечение России в будущую «большую войну».

В свете вышесказанного интересно отметить исторический прецедент, связанный с одним из первых (из известных) фактов практической реализации стратегии сдерживания за счет демонстративного усиления военного потенциала государства. В XVII веке Арман Жан дю Плесси – герцог де Ришелье произвел первую в Европе широкую мобилизацию военных сил в мирное время (в то время войны в Европе велись в основном «силами постоянной готовности»). Это позволило ему избежать вовлечения Франции в тридцатилетнюю войну (в невыгодных для нее условиях) до 1635 г./34/.

России для того, чтобы в соответствии со стратагемой № 19 спокойно «наблюдать за пожаром с противоположенного берега» /35/, надо помнить уроки истории и иметь соответствующий военный потенциал, включая ядерный потенциал, фундирующий это естественное для ее народа желание. Тем более представляется важным в описанных выше условиях не дать Западу воспользоваться стратагемой № 20 /35/ «пожертвовать сливой (т. е. Россией), чтобы спасти персиковое дерево (западную цивилизацию)».

Достаточно очевидно (и об этом уже много говорилось), что мир без ядерного оружия не станет более безопасным. Без решения основных социальных, экономических, политических и гуманитарных проблем, которые являются центральными в международных конфликтах, подталкивающих государства к войнам, формирующийся мир без ядерного оружия вряд ли будет стабильным. В свое время по поводу предложений М.С. Горбачева по всеобщему ядерному разоружению к 2000г. З. Бжезинский сказал: «**Этот план для устройства мира, удобного для ведения обычной войны».**

В сегодняшнем состоянии Россия, в случае если она пойдет на то, чтобы разыграть «ядерный гамбит», т.е. согласившись на дальнейшие сокращения своих СЯС и на переговоры по сокращению своего ТЯО, рискует потерпеть поражение в «большой геополитической игре» и быть отброшенной на периферию мир-системы.

Исследования динамики глобальных процессов в Мир - системе, проводимые на основе математического моделирования, показывают, что сохранить свое лидерство Америка сможет лишь организовав новое радикальное изменение геополитических параметров ведущих стран. При этом «быстроту» такого изменения обеспечивает, как будет показано, только крупномасштабная война /36, 51, 52/.

Данные выводы согласуются с одной из концепций теории международных отношений – концепцией «перехода лидерства» (по оценкам специалистов, она наиболее адекватно объясняет «истинные первопричины» начала Первой мировой войны), согласно которой страна, теряющая лидерство, «обязана атаковать первой» /36, 51, 52/. Как нам представляется, в последние полтора десятилетия именно эту концепцию, только в модифицированном варианте, США и применяли на практике. При этом суть американский модификации заключается в том, что атаке подвергается не претендент, а другое государство, выбор которого определяется «ценой вопроса». Таким образом, если в свое время с помощью Югославии и Ирака американцы пытались решить более мелкие

(«субгеополитические») проблемы, то при данной, «большой ставке» нужен будет уже соответствующий «большой партнер». По нашему мнению, именно «денуклеаризованная» Россия более всего подходит на роль такого «невольного партнера» по новому переделу мира, который, естественно, реализуется за ее счет.

Следовательно, чтобы априори исключить такой сценарий, Россия должна сохранить свой ядерный потенциал, причем на уровне, который будет гарантированно, при любых условиях возможного ядерного конфликта с Америкой, обеспечивать потерю американского геополитического лидерства. Необходимо сохранить любой ценой наш постепенно слабеющий, но еще пока «геополитически эффективный» ядерный кулак. Обязательно сохранить. По крайне мере, до тех пор, пока у нас не появится соответствующий альтернативный, неядерный инструмент, гарантирующий бесперспективность, для США, нового «военного» передела мира за счет России.

Соответственно, России необходима полноценная **оптимизированная** ядерная деятельность, включая **адекватную реакцию** на различного вида разоруженческие инициативы.

Указанная адекватность подразумевает, в том числе и переход к невербальным основам принятия решений в военно-политической сфере. Вырабатываемые предложения (позиция) должны стать результатом междисциплинарных исследований и количественного анализа альтернатив позволяющих учесть влияние фактора обладания ЯО на совокупную мощь государства.

Это тем более актуально, поскольку становиться совершенно ясно, что предпринимаемые США сегодня и на перспективу меры по ограничению СЯС – всего лишь политическое отражение реального процесса обновления «технологически устаревших» видов оружия. Предлагаемые меры по разоружению и контролю над вооружениями имеют своей конечной целью не столько ограничение масштабов военно-технического соперничества, сколько **переводят его в иные измерения военно-технологического пространства**.

При этом американским военным не приходится беспокоиться в отношении того, не переусердствуют ли их политики в разоружении.

Для этого американской администрацией еще в начале 1990-х годов в качестве одного из основных принципов стратегии национальной безопасности была принята так называемая концепция «воссоздания», предусматривающая сохранение инфраструктуры стратегических наступательных сил (СНС) и оборонной индустриальной базы, обеспечение лидерства США в жизненно важных технологиях и накопление стратегических материалов /53/.

Анализируя последствия сокращения ядерной компоненты стратегических наступательных сил США, важно отметить, что США в значительной мере технически готовы к быстрому снижению своего ядерного потенциала. Несмотря на прогнозируемое (временное) сокращение «геополитической дистанции» с Китаем (вследствие ограничений

своих СЯС), Америка имеет возможность сравнительно быстро восстановить свой «геополитический статус» и сделать «рывок» в военном потенциале за счет реализации результатов новой «микрореволюции» в военном деле, позволяющей существенно усилить **неядерную компоненту** стратегических наступательных и оборонительных сил, а также осуществить качественный (беспрецедентный) скачок в повышении потенциала сил общего назначения. Здесь Россия (да и Китай) отстает от США, скорее всего «навсегда».

Таким образом, рассматривая вопрос влияния ядерного разоружения на стратегическую стабильность, необходимо отметить следующее. Концепция силового устрашения глубоко укоренилась в системе политико-культурных ценностей Запада. Происходящий в настоящее время в США поиск функциональных эквивалентов ЯО за счет так называемых обычных вооружений в условиях сохранения традиционной парадигмы сдерживания путем устрашения носит наступательный характер и ведет к дестабилизации ситуации в мире.

Поэтому вновь встает вопрос о пользе нового Договора о СНВ для России, правильности выбранных ориентиров, то есть о целесообразности существенного сокращения ядерного оружия, представляющего собой достаточно эффективное средство направленного действия на участников межгосударственных конфликтов различной интенсивности.

Вместе с тем в процессе изучения представленных в нем (а также ратификационной «Резолюции о совете и согласии Сената…») концептуальных положений напрашивается вывод, что большую (если не основную) угрозу для российской системы стратегического сдерживания составляет опасность того, что современные российско-американские отношения опять, как и в 1990-х годах, могут представлять собой триумф «оптимизма» над разумом. Как известно из курса виктимологии (криминальной психологии), это положение составляет один из базовых архетипов мышления жертв мошенничества.

В свете вышесказанного авторы считают необходимым пояснить в предлагаемой работе ряд принципиальных моментов, связанных с новым разоруженческим соглашением, которые, по нашему мнению, скрыты не только от Российской общественности, но и от «лиц принимающих решения» в военно-политической сфере.

Кратко остановившись на указанном вопросе, необходимо отметить следующее.

Первая «тайна» нового Договора о СНВ состоит в том, что глубокие сокращения в сфере СЯС являются **дестабилизирующим фактором** системы стратегической стабильности.

Только специалистам известно, что одним из «парадоксов ядерного сдерживания», тщательно скрываемым не только от общества, но и от руководства страны, является тот факт, что объективно существует **«ядерный порог стабильности»**. Он характеризуется тем, что понижение уровня ядерного потенциала ниже указанного порога **снижает кризисную стабильность.** Публично об этом было заявлено группой известных ученых РАН (А.И.

Агеев, В.С. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий) в работе «Проектирование будущего, кризис и идеи С.П. Курдюмова» /55/.

Приведем цитату из данной статьи, обосновывающую высказанное положение.

«В самом деле, паритет стратегических вооружений, обеспечивший полвека мира, основан на возможности каждой из сторон нанести другой сдерживающий ущерб на любой стадии конфликта. Это уберегает каждую из сторон от соблазна такой конфликт начать.

Однако предположим, что в процессе сокращения вооружений, пусть даже симметричных, взаимных и контролируемых, достигнут некоторый **критический порог**. При этом каждая из сторон может нанести неприемлемый ущерб в первом ударе. Но не может сделать это, нанося ответный удар. И тогда появляется соблазн нанести удар первыми…

В самом деле, возникает **рефлексивная игра:** «Я знаю, что противник знает, что я не смогу ответить, если он нападет первым. Поэтому он сочтет, естественно, что я сам, желая защитить свою страну, готовлюсь к первому удару. Значит, рационально рассуждая, он сам должен стремиться к такому удару или готовить «туза в рукаве» - неядерные средства противоборства, которые способны обеспечить решения тех же стратегических задач и т.д.»

Несложная математическая модель Ланчестера, которую обычно излагают в курсах математического моделирования, дает критический порог примерно в 1600 боеголовок» /55/.

Таким образом, в новом Договоре о СНВ мы уже фактически достигли такого порога. И здесь возникает проблема **устойчивости** Российского потенциала сдерживания относительно дестабилизирующих факторов, которая совершенно неясно как учитывалась при заключении данного соглашения. По крайней мере, по нашему мнению, Российская сторона при заключении ДСНВ в конце - концов отошла от позиции, высказываемой нашим руководством в апреле 2009 г.

В указанном контексте устойчивости **вторая «тайна»** нового Договора о СНВ состоит в том, что вопреки заявлению, содержащемуся в преамбуле, предлагаемые в нем «меры по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений и другие обязательства…» **не укрепляют** «предсказуемость и стабильность».

Поясним выдвинутое положение.

Специалисты выделяют в стратегической стабильности два понятия – **кризисная стабильность и стабильность гонки вооружений.** В первом случае подразумевается, что ситуация является стабильной, когда даже в кризисной ситуации у каждой из противостоящих сторон отсутствуют серьезные стимулы для нанесения первого ядерного удара. Во втором случае стабильность оценивается по наличию стимулов для резкого наращивания своего стратегического потенциала, причем не только за счет повышения потенциала СЯС, но и за счет усиления неядерной компоненты стратегических наступательных и оборонительных сил, а также потенциала сил общего назначения (СОН).

Механизм действия кризисной стабильности заключается в следующем. В случае, если стратегические силы какой-либо из противостоящих сторон обладают достаточно высоким контрценностным (контрсиловым) потенциалом, но при этом уязвимы для превентивного удара противника и, более того, «привлекательны» для нанесения по ним первого удара, стратегическая (кризисная) стабильность считается нарушенной.

Из сказанного выше вытекает, что на условия сохранения стратегической стабильности сильное влияние способны оказать «внешние» дестабилизирующие факторы, к которым в первую очередь относятся наличие ПРО территории страны, «доядерные» боевые действия с применением «обычных вооружений», в результате которых может быть причинен ущерб боевым и информационным управляющим средствам СЯС, технологические прорывы, позволяющие резко повысить контрсиловой потенциал одной из сторон, образование коалиций ядерных государств при использовании ими единого оперативного планирования и т.п.

В качестве дестабилизирующих факторов могут проявляться также **«скрытые параметры»** Договора, к наиболее существенным из которых относятся «возвратный потенциал», ряд нефундированных требований Протокола и приложений (таких как, например, требования по телеметрии) и др.

Возвращаясь к дестабилизирующим факторам, необходимо также отметить следующее.

В предлагаемой работе (помимо часто упоминаемых систем «стратегической» и так называемой «нестратегической» ПРО) в качестве основных дестабилизирующих факторов, представляющих собой угрозы системе стратегической стабильности на предполагаемый период действия нового ДСНВ, идентифицированы следующие:

- Разрабатываемые в США базовые военные технологии создания **высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых высокоточных ударных средств большой дальности в «обычном оснащении».**
- Разрабатываемые и принимаемые на вооружение в США **ударные беспилотные летательные аппараты** (БЛА) различного типа, включая **платформы для противоракет**.

Оценивая влияние дестабилизирующих факторов, важно понимать, что не только тяжелобомбардировочная и стратегическая авиация, но и **«тактическая»** авиационная компонента ВС США модернизируется под обеспечение возможности поражения **«критичных по времени целей»** и, таким образом, приобретает способность к нанесению эффективного, в том числе «экологически приемлемого», **контрсилового удара** по СЯС России.

Интеграция технологий гиперзвуковых управляемых ракет (УР) «воздух-земля» с разрабатываемыми тактическими авиационными системами нового поколения, отличающимися сверхзвуковой скоростью полета, универсальностью базирования (морское, наземное, в том числе и с неподготовленных площадок), малой заметностью, большим радиусом действия и боевой нагрузкой, позволит США создать в так называемом

«тактическом звене» своих ВС эффективную и, главное, не **подпадающую под договорные ограничения контрсиловую компоненту**. Технические характеристики разрабатываемых систем вооружения позволяют сделать вывод, что указанная компонента способна не только эффективно поражать объекты СЯС России в так называемый «безъядерный период» ведения боевых действий (на «нижних» ступенях эскалации военного конфликта), но будет представлять собой «тактическую» группировку, способную к нанесению **внезапного контрсилового и «обезглавливающего» удара по объектам Российских СЯС и органам управления.** Договорные ограничения на число стратегических носителей (т.е. потенциальных целей) могут еще больше обострить данную проблему.

Россия не имеет и в обозримом будущем не сможет иметь аналогичные по возможностям (включая приближенность к объектам США) «тактические» группировки ударных средств. Таким образом, возникает все более и более увеличивающийся **дисбаланс в боевых возможностях СЯС** России и США, связанный с неучетом влияния разрабатываемых базовых военных технологий, составляющих перспективу развития ударного авиационного и морского компонента сил общего назначения США. Это самым непосредственным образом влияет на обеспечение сдерживающих функций СЯС России при принятии решений на их глубокое сокращение, в том числе и сокращение числа носителей.

В связи с наличием и развитием «неядерной компоненты» стратегических наступательных сил США и приобретением существенных контрсиловых возможностей американскими силами общего назначения (СОН) необходимо отметить следующее. Важной сдерживающей функцией ЯО является **сдерживание технологической гонки вооружений**.

Одним из следствий деградации СЯС России уже стал выход США из Договора по ПРО 1972 г. Дальнейшее снижение потенциала СЯС может активизировать создание и развертывание США **новых контрсиловых систем**.

Таким образом, в качестве безусловного императива в работе обоснован вывод о том, что снижение потенциала СЯС России и, в частности, снижение числа носителей, в условиях отсутствия ограничений на неядерную компоненту СНС (наступательную и оборонительную), а также на контрсиловые возможности СОН США, **представляет собой дестабилизирующий фактор, может явиться источником новых вызовов и угроз для военной безопасности России и подтолкнуть США к «раскручиванию» нового витка гонки вооружений** в сфере «неядерных» наступательных и оборонительных систем, обладающих контрсиловыми возможностями.

Третьей «тайной» нового Договора является то, что его заключение не может повлиять на нераспространение ядерного оружия. Борьба с «горизонтальным распространением» является попыткой борьбы со следствием, а не с причиной. Выход из «ядерного тупика» на пути создания все более совершенных механизмов контроля

невозможен. Человечество должно измениться само, и в первую очередь это относится к ведущим странам мира.

Война - проблема не техническая, и она поэтому не может быть решена техническими средствами, как-то: сокращением вооружений, ограничением или даже уничтожением определенных их видов, запрещением применять какие-то средства. Сама история дает подтверждение выдвинутому положению.

В этой связи интересно отметить тот факт, что перед 2-й Мировой войной конференции по разоружению шли в Лиге наций почти непрерывно.

«Вашингтонские морские соглашения», будучи образцовым разоруженческим Договором, не помешали Японии в 1941 г атаковать Америку. То есть разоруженческие соглашения сами по себе не способны укрепить международную безопасность.

Необходимо также остановиться еще на одной проблеме, опосредованно связанной с рассматриваемой.

Ядерное оружие, с которым в настоящее время активно «борются», есть «экстремальный» вид вооружений 4-го технологического уклада. В наступающем шестом технологическом укладе вызовы и угрозы становятся масштабнее и приобретают новые формы.

В области разработок нанотехнологий и биотехнологий возрастают потенциальные возможности создания не только развитыми странами, но и малыми группами исследователей невиданного по силе оружия и передачи его в руки асоциальных элементов, способных уничтожить или поработить человечество. Реагирование на этот вызов не может быть эффективным только за счет создания механизмов контроля, куда нас усиленно ведут «денуклеаризаторы». Человечество должно измениться само и найти адекватные формы организации своей жизнедеятельности. И пока этого не произойдет, будут существовать в том числе и угрозы, связанные с наличием «ядерного фактора», которые невозможно парировать никакими Договорами, Саммитами и др.

«Давайте вычислим, господа».

Г.Лейбниц

Поскольку Россия (ввиду своей ограниченной субъектности), по видимому, все же «обречена» на сокращения в сфере ЯО, то центральным вопросом, который необходимо решить является определение предельно-допустимой для России глубины сокращений СЯС.

По указанному вопросу либеральным «экспертным сообществом» запущен эффективный механизм управления поведением целевых аудиторий – «формирование системы отношений». Производится направленное влияние на построение ментального состояния основных базовых элементов российской системы принятия военно-

политических решений, нацеленное на поддержку инициатив по глубоким сокращениям в сфере СЯС и ТЯО.

Мы не считаем целесообразным рамках данного труда прокомментировать с позиции «теории обмана» систему аргументов указанного «экспертного сообщества», выступающего в целом с поддержкой американских предложений. Это может стать предметом отдельных обсуждений.

Вместе с тем в настоящей работе мы предлагаем в духе основателя «Римского клуба» Аурелио Печчеи: «**чем спорить, давайте подсчитаем**».

В этой связи мы хотим указать на то, что ученым Российской Академии наук (в рамках исследований по подпрограмме «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» программы Президиума РАН «Экономика и социология знания») прямо выдвигается положение о наличии **критического порога** сокращений СЯС, как некоторого **фундаментального параметра стратегической стабильности** (определяющего условия обеспечения «кризисной стабильности»), который поддается (подлежит) вычислению.

В этой связи, возникает закономерный вопрос: «Что считать и как считать?».

В настоящее время при определении параметров Договоров о сокращениях (ограничениях) в сфере СЯС количественному анализу подвергается лишь чисто «военная составляющая» проблемы, связанная с оценками **достаточности** характеристик группировок сокращенных СЯС для нанесения «**сдерживающего ущерба**». Другие аспекты сокращения СЯС, обусловленные влиянием данного процесса на развитие мир-системы, возникновение в данном контексте альтернатив для мира России, открывающиеся (закрывающиеся!) возможности и прогнозы наиболее вероятных угроз для нашей страны проводятся **на гуманитарном уровне строгости**. Они фактически представляют собой результаты дескриптивного анализа, которые в значительной (если не в определяющей) мере обусловлены **видением «картины мира»** у конкретных экспертов и базовых элементов системы принятия решений в сфере сокращения СЯС.

Необходимо отметить, что оценки достаточности параметров СЯС напрямую зависят от выбранных при проведении количественного анализа характеристик «сдерживающего ущерба». Данный конструкт при этом является «сложным в научном отношении». На его идентификацию влияет, в том числе, ряд «гностических» неопределенностей. Как будет показано в настоящей работе, его определение представляет собой **междисциплинарную научную проблему,** а результаты оценок величины сдерживающего ущерба имеют тенденцию к изменению и уточнению.

Как известно, неприемлемый (сдерживающий) ущерб применительно к такому объекту поражения как государство имеет далеко неоднозначный, многоаспектный характер, определяемый как многогранностью сфер функционирования государства и системы межгосударственных отношений (СМО) в целом, так и спецификой (уникальностью) конкретного государства – объекта сдерживания (ГОС), и самого конфликта. Это, в свою

очередь, определяет неоднозначность, многопараметричность (многофакторность) критериев сдерживающего ущерба (КСУ), которые при этом зависят от:

поставленных целей конфликта (для каждой цели – своя «цена» и, как следствие, свои критерии);

текущего этапа конфликта (для каждого этапа – свои критерии);

характеристики конкретного ГОС (для каждой страны – свои критерии).

Кроме того, динамичная трансформация характеристик ГОС и СМО предопределяет еще одно свойство КСУ – их нестационарность, даже в рамках одного конкретного этапа конфликта и/или ГОС.

Следовательно, разработка КСУ предполагает определение (установление) уровней ущерба для конкретного ГОС в условиях конкретного этапа конфликта и текущего момента времени. Как видно, в общем случае речь идет о системе нестационарных критериев, адекватной всему возможному спектру межгосударственного конфликта. При этом разработка конкретного КСУ для некоторого этапа конфликта означает определение структуры критерия, включающей триаду:

а) систему критериальных показателей ущерба;

б) нормативные количественные и/или качественные значения данных показателей;

в) механизм функционирования критерия (правило взаимодействия показателей).

В свете вышесказанного, при проведении оценок достаточности потенциалов СЯС центральным является традиционный вопрос структурной и количественной идентификации «сдерживающего ущерба», поскольку стало очевидно, что, несмотря на всю дискуссионность и неконвенциональность любой конкретизации этого понятия, альтернативы ей (конкретизации) сегодня нет. Точнее, альтернативой является, в конечном итоге, **фаталистический принцип «сколько есть, то и достаточно»,** который, как представляется, может реально использоваться при обосновании серьезных, далеко идущих решений в сфере СЯС.

Таким образом, необходимо константировать, что традиционные количественные оценки достаточности параметров СЯС для обеспечения стратегической стабильности неустойчивы относительно принимаемых в расчетах характеристик сдерживающего ущерба. В этой связи уместно заметить, что общепринятым способом разрешения указанного типа проблем является введение соответствующих запасов на количественные характеристики. Кроме того, необходимо отметить, что традиционные оценки достаточности некомплексны, поскольку в них СЯС рассматриваются только как фактор возмездия, что далеко не в полной мере определяет их стратегическую функцию как одного из инструментов управления межгосударственными конфликтами.

Помимо вышесказанного, необходимо указать на еще один существенный для обсуждаемой проблемы момент.

К сожалению, классический подход к определению достаточности потенциала сдерживания, основанный на оценках эффективности боевого применения СЯС в различных военно-политических ситуациях, по понятным причинам не может быть объектом широкого обсуждения. Этим фактом зачастую пользуется либеральное «экспертное сообщество». Оно имеет возможность широко излагать свои взгляды, сформулированные на «гуманитарном уровне строгости», активно используя при этом основной средневековой способ доказательства – «ссылку на авторитеты», в качестве которых выступают несколько «специально подобранных авгуров».

При этом военные эксперты с другим видением «картины мира» (по вышеуказанной причине) находятся в условиях невозможности открытого оппонирования «либеральному блоку» на уровне строгости, принятом в военно-стратегических исследованиях.

В результате три взаимосвязанных компонента ментального состояния ЛПР (когнитивный, аффективный и поведенческий) формируются в информационной среде, определяемой системой отношений, задаваемых либеральным (прозападным) сообществом.

Указанные выше сложности для случая, когда в качестве ГОС рассматриваются США, могут быть преодолены путем перехода на более высокие иерархические уровни рассмотрения межгосударственных конфликтных отношений.

В этом случае от анализа взаимодействия СЯС конфликтующих сторон мы переходим к оценке ролевых функций стран в мировом сообществе через **определение параметров их совокупной мощи – «геополитических статусов» /37..43/**.

Выбирая методологию анализа и оценки последствий разоруженческих соглашений в сфере СЯС, необходимо исходить из того, что ядерное оружие (ЯО) – это не только чисто военный фактор. Обладая огромной разрушительной силой и глобальной досягаемостью, ЯО является серьезным геополитическим фактором мощи государства**.**

Вследствие вышесказаного в основе базовой методической парадигмы настоящего исследования лежит положение о том, что далеко идущие разоруженческие инициативы в сфере СЯС должны оцениваться **не только с чисто «военных» позиций, но и также исходя из их влияния на статусное положение страны в мировом сообществе**.

В качестве «концептуальной лупы», через которую целесообразно рассматривать разоруженческие инициативы, мы предлагаем использовать геополитическую динамику. Только изучаемую не в рамках той геополитики, которая превратилась в «особый вид художественной литературы», а применить математическую геополитику – новую отрасль знаний, связанную с математическим моделированием геополитических процессов /2…4/.

Общий метод количественного исследования рассматриваемой задачи предлагаемый в настоящей работе основан на иерархической системе концепций, базовая из которых связана с новой трактовкой и формализацией понятия «неприемлемость результатов вооруженного противоборства» /8, 14, 51, 52/. В данном случае постулируется, что **неприемлемым для США будет потеря ими лидирующего положения в мире**. Как показывает политический

и экономический анализ, более высокое место страны в мировой иерархии – это не просто вопрос престижа, а более высокие возможности по обеспечению национальных интересов, вплоть до возможности жить за счет остального мира, как это делает Америка. Если во время Бреттон-Вудских соглашений доллар был обеспечен золотым запасом США, то сегодня только и исключительно **мощью** государства.

В работе рассмотрена ситуация, когда, вступая в вооруженное противоборство (в данном случае ядерный конфликт с Россией), пусть даже в итоге и победоносное, США могут потерять (конечно, при определенном уровне физического ущерба их населению, военному и экономическому потенциалам) свое лидерство в современном мире. При этом на первое место в мировой «табели о рангах» может выдвинуться некоторая «третья сторона» (государство), причем, возможно даже и не участвующая в непосредственно военном конфликте. В этом случае для гарантированного обеспечения потери американского лидерства субъект сдерживания (в данном случае Россия) должен обладать соответствующими количественными и качественными параметрами своих СЯС как инструмента реализации «физического ущерба». Как видно, в такой трактовке «физический ущерб» выступает теперь в качестве «начальных» данных для оценки итогового (геополитического) «ущерба» США.

Предлагаемый авторами подход к анализу решений принимаемых в сфере СЯС через оценку их влияния на геополитические статусы «акторов» межгосударственных конфликтов представляется правомерным и целесообразным по следующим причинам:

1. Он принят мировым научным сообществом и опирается на реальный научный фундамент – «теорию полезности», на основе которой можно использовать определенные виды «сверток», показателей, определяющих «вклад» различных параметров в итоговый критерий.

2. Результаты анализа могут быть озвучены без оглашения закрытой информации.

3. Он позволяет проводить анализ результатов принимаемых в военно-технической сфере решений не только применительно к экстремальным ситуациям военно-политического конфликта (этапам вооруженного противоборства), но и к текущим ситуациям «мирного времени».

В предлагаемой работе выдвигается положение, что упомянутый выше критический порог сокращений СЯС должен определяться **двумя типами условий**, вытекающих:

а) **во-первых**, из «традиционных» (чисто военных) задач СЯС, как средства сдерживания (обеспечение требуемой величины «сдерживающего ущерба», обеспечение «кризисной стабильности», сдерживание от развертывания технологической гонки вооружений и др.);

б) **во-вторых**, исходя из **новых**, ранее не рассматривавшихся (на уровне строгости естественных наук) геополитических задач, связанных с обеспечением управления

международным противоборством за сохранение (или изменение) ролевых функций страны в Мир - системе за счет задействования **потенциала мощи государства.**

В рассматриваемом случае первое условие (а) состоит в поддержании таких параметров СЯС России, при которых США будут не способны после крупномасштабного ядерного конфликта восстановить за обозримый промежуток времени свое лидирующее положение в мире.

Второе условие (б) состоит в обеспечении сохранения (и повышения) геополитического статуса (ГС) России и «непопадания» ее в (установленный в результате математического моделирования) «геополитический коридор» - аттрактор.

Таким образом в предлагаемой работе определение рационального уровня сокращений в сфере ЯО (и сама целесообразность указанных сокращений) рассматривается как сложная МЕЖДИСЦИПЛИНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА. Она была сформулирована и решалась в рамках исследований проводимых РАН совместно с АВН по подпрограмме «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» /2…..4/. В предлагаемой книге изложены основные результаты исследований по данной проблеме.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Известное римское изречение гласит: «Тот кто предупрежден, тот вооружен». В нынешней реальности это справедливо более, чем когда либо – огромные преимущества получает тот, кто может «просчитать будущее» лучше своих оппонентов. И кроме того, само предупреждение доведенное до основных базовых элементов системы принятия военно – политических решений или обращенное в массовое сознание, может стать важным фактором, меняющим это будущее. А это очень важно в контексте рассматриваемой проблемы, поскольку (как это отмечалось в солидном издании «Американская национальная безопасность»): «…В истории сохранилось множество воспоминаний об **обломках государств и империй**, которые осмелились игнорировать старые уроки о значении силы в мировой политике» /44/.

1 ГРАНИЦЫ И КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИЗИРУЕМОГО ОБЪЕКТА (ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Анализируемый в настоящей работе (докладе) объект исследований можно обозначить термином "ядерное оружие и безопасность".

Важными особенностями выделенного объекта как объекта управления при обосновании рациональных поведенческих стратегий являются следующие.

1. ***Высокий иерархический уровень:*** целевые установки при определении рациональной структуры и характеристик «ядерного арсенала» (ЯА), включая оценки возможности и целесообразности его сокращения, должны формулироваться исходя из национальных интересов РФ. Это обстоятельство предполагает выход за рамки традиционной "вооруженческой" методологии, замыкающейся, как правило, на анализ конкретных боевых задач (операций) при зафиксированных требованиях к функциям ядерного оружия именно на уровне боевых задач (операций).

2. ***Структурная сложность.*** Переход от высших целей (национальные интересы) к требуемым характеристикам «ядерного арсенала государства» предполагает «прохождение» через несколько иерархически вложенных уровней принятия решения. При таком прохождении должны быть проанализированы различные, в свою очередь структурно сложные понятия: "национальная безопасность", "внешние и внутренние угрозы", "спектр средств нейтрализации угроз" и др. Должны быть выявлены отношения между понятиями, между их составными частями; разделены объекты постулирования (то есть, например, положения, принимаемые как элементы государственной доктрины), объективные ограничения (например, ресурсные и наличие внешнего мира такого, каким он сложился к определенному моменту времени), анализируемые объекты (при принятых постулатах и ограничениях).

3. **Динамичность.** Прежде всего динамичность присуща всем составным частям рассматриваемого объекта исследований. Соответственно, **динамична сама "рациональность ядерного арсенала"**. Следовательно, "решение" проблемы должно пониматься как **процесс**: можно будет говорить об обосновании рационального облика ядерного арсенала, **если будет создан механизм постоянной оценки ситуации и своевременной адекватной корректировки его структуры и характеристик.** Именно аспект динамичности во многом "ответственен" за наличие соответствующих концептуальных проблем с ядерным арсеналом в настоящее время. Обострение всех внутри - и внешнеполитических факторов, деградация реального сектора экономики, постепенная эволюция понятия "национальная безопасность", осуществляющаяся не без внешнего влияния, приводят к широкому распространению «видения картины мира», сформированного на базе внедренной системы отношений, в когнитивный компонент которой вводится положение о несоответствии существующей структуры и характеристик

ядерного оружия его функциям в составе Вооруженных сил РФ. Не оспаривая в рамках дискурсивного анализа самого этого положения, отметим только, что, по нашему мнению, в данной области пока не достигнута должная полнота и обоснованность выводов. В частности, распространено (и усиленно внедряется в общественное сознание) мнение о том, что ведущиеся сокращения ЯО - это часть необходимого России процесса ликвидации ядерного оружия. С объективной точки зрения несостоятельным является именно безапелляционное принятие предположения о необходимости глубоких сокращении и даже ликвидации ЯО в обозримом будущем. По нашему мнению должен быть «запущен» не процесс глубоких сокращений, а процесс устранения возможного дефекта – некоторого несоответствия количественных и качественных характеристик ядерного арсенала его функциям в рамках принятой концепции обеспечения национальной безопасности. То есть нужны не сокращения или ликвидация, а рационализация необходимого России вида вооружений, включая в том числе разработку и принятие на вооружение ядерных боеприпасов (ЯБП) с новыми свойствами, а также, новых носителей.

Специфику стратегических ядерных вооружений удобно анализировать в сравнении с особенностями обычных вооружений (ОВ). Особенности эти сводятся к следующим:

- Поражающее воздействие отдельных средств ОВ, хотя и имеет тенденцию к росту, но все-таки весьма далеко от глобального, катастрофического уровня.
- "Параллельное" существование в составе Вооруженных сил наступательных видов ОВ (танки, самолёты, вертолёты и др.) и соответствующих им оборонительных средств и систем (противотанковая оборона, противовоздушная оборона и др.).
- Массовый характер применения ОВ в боевых операциях; значительная продолжительность этих операций. При этом массовость обеспечена не только большим количеством средств ОВ, но и возможностью многократного применения каждого из них в ходе боевых операций.
- Относительно небольшая стоимость отдельных средств и систем ОВ.
- Существование обширной и глубокой практики боевого применения конкретных типов и видов наступательного и оборонительного ОВ, либо их аналогов.
- Возможность полномасштабного испытания типов и видов ОВ путём проведения войсковых учений, максимально приближенных к реальным условиям боевых действий.
- Возможность испытания образцов ОВ за пределами территории государства-производителя в военных конфликтах, в том числе через посредство рынка вооружений.

Именно эти особенности обеспечили формирование у специалистов устойчивого и, в конечном счёте, повсеместно апробированного представления как о самом объекте, т.е. об обычных вооружениях, так и о методологии исследования их эффективности. Сама эта методология (которую, для определённости, назовём традиционной) вместе с соответствующей ей методической надстройкой была разработана с широким

использованием аппарата классической и прикладной математики и достаточно полно представлена в обширной учебно-методической литературе.

Стратегическое ядерное вооружение в той или иной степени затронуло все перечисленные выше особенности. Так, по отношению к этому вновь появившемуся виду вооружения ряд особенностей просто изменили свои содержания на противоположные в то время, как количественные меры остальных особенностей претерпели практически радикальные изменения. Следствием такой специфики стратегических вооружений являлись определенные сложности в создании теории и методологии исследования их эффективности. Это связано с тем, что привычная для учёных традиционная методология исследования эффективности вооружений, включая и способы их боевого применения, оказалась непредставительной в приложении к их стратегическим видам. В частности, затруднилась основа для безусловного использования целого ряда математических дисциплин и, в том числе, теории вероятностей и теории игр, а использование усреднённых значений показателей эффективности (включая математическое ожидание и его оценки) стало просто недопустимым при исследовании эффективности стратегических вооружений. Действительно, **каждая боевая операция с применением стратегических вооружений по-своему уникальна, неповторима и её нельзя в среднем выиграть или проиграть**; её можно определённо выиграть или проиграть с катастрофическими последствиями. Вот почему, в частности, самим ракетно-ядерным конфликтом, а также его исходом можно уверено продолжить ряд примеров, которые приводятся во введении любого серьёзного "Курса теории вероятности", иллюстрируя случайные события, которые не принадлежат сфере её компетенции.

Перечисленные особенности рассматриваемого объекта иллюстрируют его сложность и междисциплинарный характер исследований по обоснованию параметров необходимого для России «ядерного арсенала».

При этом теоретическому различению и объяснению должна подвергаться следующая цепочка отношений:

(а) - отношение ("интересы"-"угрозы"), порождающее ***критерии защищенности интересов и ограничения***, в которых приходится обеспечивать защищенность интересов;

(б) - отношение ("угроза"-"оружие") (или, более общее, ("угроза"-"средство")), порождающее ***требования к ядерному оружию (средству)*** с учетом критериев и ограничений из (а);

(в) - отношение ("оружие"-"интерес"), порождающее динамическую (постоянно корректируемую) оценку ***соответствия имеющегося арсенала ядерного оружия заявленным интересам.***

Отношение (в) порождает постоянно действующую «обратную связь» и наиболее явно отражает отмеченный выше аспект динамичности. Именно оно обеспечивает идентификацию проблемы как несоответствия желаемого и действительного. Подчеркнем,

что это отношение не может быть "сконструировано" из (а) и (б). Оценка соответствия оружия, в том числе ядерного, определенным интересам должна быть самостоятельной процедурой, не использующей критерии, порождаемые отношением (а). Полезность ядерного оружия должна оцениваться ***по независимым признакам***, например, по его влиянию на статусное положение России в Мир-системе, эффективности поддержки им дипломатических мероприятий и политических решений и др. В противном случае неизбежен «порочный круг», что на государственном уровне может привести к потерям и издержкам. По нашему мнению, деградация ядерного потенциала в настоящее время в определенной мере является, в частности, следствием такого «порочного круга», потери обратной связи в контуре управления.

Важный вопрос, который нас интересует на данном этапе анализа, таков: достаточно ли информации (точнее, насколько недостаточно информации) для того, чтобы провести анализ объекта исследований в той полноте, которая предусмотрена предложенной схемой.

Рассмотрим отношение ("интересы"-"угрозы"). Согласно действующим нормативным документам под интересами понимается, в частности, "территориальная целостность РФ" и "физическая безопасность граждан", а под угрозами -"прямые внешние военные угрозы" трех типов: "вооруженная агрессия против России", "потенциальная опасность вооруженной агрессии, создаваемая существующим оружием эвентуальных противников", "потенциальная опасность, порождаемая возможностью разработки и создания эвентуальными противниками новых видов оружия". В рамках намеченной выше логики исследования вопросов нормативного характера интерпретация указанного *отношения должна порождать критерии выбора* либо конкретных видов оружия, либо направлений разработки оружия, либо направлений поисковых исследований в области вооружений, обеспечивающих предотвращение реализации потенциальной угрозы в будущем. Отсюда мы непосредственно выходим на необходимость раскрытия понятия "интерес". Однако оперирование даже такими "очевидными" понятиями, как "территориальная целостность" и "физическая безопасность граждан", порождает сложные и пока нерешенные вопросы доктринального и информационного обеспечения рассматриваемой проблемы. Для понимания содержания таких вопросов целесообразно обратиться к конфликтологическому аспекту проблемы. В этом аспекте ключевыми являются вопросы оценки "цены" объекта разногласия в конкретном конфликте (причем не обязательно совпадающие оценки обеих конфликтующих сторон). Для наглядности дадим (сильно упрощенный) перечень некоторых возникающих вопросов:

1. Каковы конкретные территориальные претензии противника?

2. Если они известны, то какова *максимальная цена противника,* которую он готов платить за реализацию этих претензий?

3. Каковы допустимые параметры (в том числе экономические) ответных действий на угрозу боевого применения и на реальное боевое применение военных средств при заданных претензиях противника? Точнее, каков критерий адекватности ответных действий?

Без ответа на эти вопросы невозможен прогноз реальных действий противника в данном конфликте.

Третий сформированный выше вопрос это, фактически, вопрос о "цене" интереса. Его постановка означает, что анализируя вышеуказанную цепочку отношений (а)…(в), мы не находимся в рамках расхожих рассуждений о войне «до победного конца - любыми средствами». Одной из вариаций рассуждений на эту тему является очень распространенное, в том числе в среде военных, утверждение о том, что любое применение ядерного оружия неизбежно приведет к обмену уничтожающими массированными ядерными ударами. Это типичный пример концептуально несостоятельного суждения о слабо структурированной проблеме.

Отметим важную особенность сложившегося положения дел: ни один документ доктринального или стратегического уровня, существующий в РФ, не дает дифференцированного ответа или методологической основы для получения решения третьего вопроса. Существующие официальные взгляды слишком "обобщенны" для получения дифференцированных ответов. Это непосредственно сказывается на ситуации с ядерным оружием. Сейчас отсутствуют серьезные исходные концептуальные основания для создания в рамках математической теории конфликтов операционной теории, позволяющей провести на междисциплинарном уровне состоятельную интерпретацию ядерных вооружений кроме как оружия возмездия, предназначенного для массированного ответного удара (и соответствующего устрашения). Однако понятно, что концепция массированного ответного удара составляет довольно узкую нишу оправданного существования ядерного арсенала. Известен часто встречающийся тезис «агентов перемен» либерального толка: «имеет ли смысл держать дорогостоящее и потенциально опасное оружие, полезное лишь в ситуациях, которые (по мнению многих политиков и "простых" граждан) являются, малореальными?»

Это обстоятельство, с одной стороны, а также явная недостаточность мощи обычных вооруженных сил России и все большее отставание их технологического базиса от стран-лидеров, с другой, приводит к актуализации концепции ограниченного применения ядерного оружия. Однако в настоящее время высказаны только общие доктринальные принципы ограниченного применения ядерного оружия, и постепенно формируются оперативно-стратегические взгляды на качественную шкалу уровней применения ЯО - "лестницу эскалации".

Вопрос количественного (метризованного) описания критериев допустимости ограниченного применения ЯО представляет собой сложную слабоструктурированную междисциплинарную научную проблему и пока остается предметом текущих исследований.

Следствием этого являются:

- с одной стороны, отсутствие возможности обоснования целесообразности и допустимости ограниченного применения ЯО и, тем более, требований к отдельным новым видам ЯО на уровне строгости, приближающимся к логико-дедуктивному в рамках математической теории конфликтов;

- с другой, активное внедрение уже упоминавшейся точки зрения на ЯО как на оружие, однозначно подлежащее глубоким сокращениям и даже ликвидации уже в среднесрочной перспективе (деятельность международной группы «Global-Zero»).

Сторонники указанной точки зрения рассматривают только «негативные» свойства ЯО (хотя такими свойствами обладают ***любые технические системы, не только военные***). Ретроспективно ясно, что наличие такой точки зрения есть, в частности, результат "зашоренности" самих специалистов в области ядерных вооружений: слишком долгое время *все* внимание было сосредоточено на тех видах ЯО, которые по преимуществу обладают свойствами ***оружия массового поражения,*** и, соответственно, на «негативных» последствиях ядерных взрывов. В результате сложившееся положение вполне может быть охарактеризовано как концептуальный кризис. Состоятельный выход из него (без "сваливания" в одну из крайностей) не может быть найден на пути только качественной характеристики положительных стратегических (стабилизирующих) свойств ядерного оружия. Такая характеристика безусловно необходима, в частности, как элемент дискуссии. Однако, скорее всего, результатом движения только по этому пути будет эмоциональное противостояние сторонников и противников ЯО.

Разрешение данного концептуального кризиса возможно только при сопоставлении полезных и негативных качеств ЯО в единой шкале ценностей. И здесь мы возвращаемся к вопросу о метризации отношения ("интерес"-"угроза"). В этой связи необходима разработка механизмов оценки:

- ценности объектов, составляющих предмет раздора в различных реальных конфликтах;

- стоимости применения (в той же шкале ценности) различных видов оружия (как ядерных, так и обычных), в том числе с учетом всех последствий, в частности, отдаленных во времени;

- сравнительной ценности различных интересов (например: в какой степени допустимо рисковать физической безопасностью отдельных граждан при защите территориальной целостности всего государства).

Какими бы сложными (а для некоторых, и шокирующими) ни были соответствующие работы (которые носят междисциплинарный характер), без их выполнения невозможно формирование состоятельной объективной политики в области ядерных вооружений России, что чрезвычайно важно с точки защиты ее национальных интересов.

Принципиально важной составной частью конфликтологической линии исследований является анализ проблемы эскалации конфликта. Сдерживающие возможности ядерного оружия не могут быть объяснены и обоснованы без анализа возможных механизмов эскалации при применении ЯО и, соответственно, способов ее предотвращения. Ясна чрезвычайная сложность понятия "эскалация конфликта" и невозможность его раскрытия без детального анализа воздействия ЯО на различные объекты, в том числе в таких аспектах, которые раньше выпадали из поля зрения специалистов по ядерным вооружениям.

Разрешение принципиальных вопросов высокого уровня из сферы отношения "интересы"-"угрозы" должно явиться основанием для анализа следующего в указанной выше цепочке отношения - "угроза"-"оружие". Отметим, что последнее до настоящего времени исследуется без должного сопоставления со структурой отношения ("интересы"-"угрозы"). Примерно до середины 80-х годов такое положение дел считалось естественным: в директивных органах экспертно формировался перечень типовых боевых задач (операций), а задачей исследований являлся выбор характеристик ЯО по критериям типа «стоимость-эффективность» (при весьма нежестких экономических и других ограничениях). Проблема определения критериев выбора оружия на основе анализа отношения ("интересы"- "угрозы") перед исследователями не ставилась. Решение этой проблемы было прерогативой политиков и высших военных руководителей.

Проведенный выше дискурсивный анализ позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1. Существующие основания для решения проблемы определения направлений рационального развития ядерного арсенала России должны квалифицироваться как недостаточные. Наиболее существенны "пробелы" в доктринальных и методологических разделах оснований. Устранение этих пробелов возможно только при детальном анализе всего комплекса аспектов, связанных с понятием "национальная безопасность". При этом принципиален конфликтологический аспект, в рамках которого ключевыми понятиями являются: «цена конфликта", "цена последствий применения средств сдерживания конфликта, в том числе ядерного оружия", "факторы эскалации конфликта, в том числе порождаемые специфическим свойствами ядерного оружия" и т.п.

2. Выделение из общей концептуальной (понятийной) схемы объекта исследования "подсхемы", минимально достаточной для состоятельного анализа проблемы на уровне строгости, приближающимся к логико-дедуктивному, например, с использованием технологий концептуального анализа и проектирования, при сегодняшнем уровне знаний, строго говоря, невозможно. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о принципиальной невозможности в настоящее время проведения метризации отношения «оружие-интерес» на основе использования содержательной дедуктивной теории, которая, по всей видимости, не скоро появится.

С учетом последнего из названных обстоятельств необходимо отметить, что задача разработки полноценных доктринальных, методологических и других оснований для решения проблемы оптимального развития ядерного оружия вообще относится к классу задач государственного масштаба, которые **никогда не решаются "до конца".** В то же время при любой недостаточности оснований, в силу объективной необходимости, конкретные практические вопросы **должны решаться**. В этих условиях выбор рациональной стратегии исследований является основой правильного решения рассматриваемой проблемы.

В этой связи представляется целесообразным при обосновании решений в проблемной области сформированного объекта («ядерное оружие – безопасность») основываться на принципе рациональных рассуждений Д.Пойа [1].

Данный подход позволяет сформировать систему предпочтений лиц принимающих решение (ЛПР), позволяющую проводить целенаправленный выбор решения из множества вариантов на основе введения и обоснования **«системы положений достаточного основания»,** вытекающих из дискурсивного анализа рассматриваемого объекта [2]. Таким образом обеспечивается **объективизация** принимаемых решений в рамках базовой парадигмы когерентной теории истинности /3,4/, согласно которой истинность любого положения состоит в его «когерентности» с некоторым определенным базовым множеством «правильных» (по Д.Пойа) утверждений.

На предлагаемой базе возможны осмысленные дискуссии по проблемным вопросам, связанным с «оружейными аспектами» стратегического сдерживания.

В свете вышесказанного, анализируя отношение «ядерное оружие и безопасность», необходимо отметить следующее.

Несмотря на многоаспектность проблемы национальной безопасности, в конечном счете, военно-политические подходы к ее обеспечению в значительной мере определяются экономической базой страны.

Имея это ввиду, необходимо отметить, что Россия является ЕДИНСТВЕННОЙ крупной мировой державой с таким потенциалом, который способен обеспечивать ее перспективное развитие за счет **внутренних** климатических и географических условий, сырьевых, технологических, экономических и человеческих ресурсов.

Из этого следует, что военно-политические задачи национальной безопасности в значительной мере связаны с задачей обеспечения государственного суверенитета. И успешное решение таких задач невозможно без эффективной оборонной стратегии, в которой, в условиях переходного периода и все возрастающего отставания России от ведущих стран в силах общего назначения, основной упор целесообразно сделать на широкое задействование ядерного фактора для обеспечения ее военной безопасности.

В современной и перспективной ситуации значение ядерного «зонтика» для России не только не уменьшается, но еще более возрастает.

При этом надо отметить, что ядерные вооружения не только эффективно обеспечивают защиту национальных интересов, но и являются наиболее **экономичным оборонным средством** с уникально высоким показателем по критерию «оборонная эффективность-стоимость», что обуславливает их особую роль в переходный период в условиях перевооружения вооруженных сил и становления субъектности России.

Для России (тем более в ее реальном положении) ядерное оружие является наиболее радикальным и дешевым средством обеспечения военной безопасности страны. Ядерные вооружения не только относительно менее дорогостоящи, но и требуют существенно меньшей численности личного состава, опираются на довольно компактную, но технологически высшую научно-инженерную базу. Ядерные и ракетные технологии давно освоены, и их не надо создавать заново.

В этой связи необходимо отметить, что фактор научно-технического прогресса представляется важным мотивом безэмоционального определения отношения к ЯО и его перспективам.

В силу специфичности ядерного оружия основное внимание при рассмотрении технических и технологических аспектов его развития обычно сосредотачивалось на оценках необходимых экономических условий и возможностей ядерного оружейного комплекса.

В то же время научно- техническая сфера порождает не только необходимые условия (пассивный аспект), но и движущие факторы, создающие определенные закономерности развития вооружений, в том числе ядерных. И важнейшим из них является фактор научно-технического прогресса.

Хотя для многих понятия "ядерное оружие" и "прогресс" несовместны, мы, отвлекаясь от эмоциональных оценок, будем употреблять именно такое сочетание терминов, имея в виду, что ЯО появилось как следствие объективного развития физики, химии и соответствующих областей техники, а не злого умысла «темных сил». Оно такое же следствие научно-технического прогресса, как стрелковое оружие, динамит, артиллерия и т.д., то есть все то, что ассоциируется с понятием "обычное оружие". Для тех, кто предпочитает моральные оценки, не для дискуссии, а в порядке констатации факта, напомним, что подавляющее большинство ученых, работавших в Лос-Аламосской лаборатории и в лаборатории И.В.Курчатова, считали свою работу необходимым условием выживания человечества или, по крайней мере, своего государства.

Пролонгация сформулированного тезиса на будущее требует признать, что и далее до тех пор, пока существует социальный заказ на оружие, как на средство, например, самозащиты государства, и, следовательно, пока существуют целые отрасли, занятые разработкой оружия (мы подчеркиваем - оружия вообще, а не конкретно ядерного), несерьезно пытаться "закрыть" одно из возможных направлений развития оружия только на основании "морально-этических соображений". Тем более, что ядерное оружие в отличие,

например, от химического или биологического, несло и несет **общественно-позитивную функцию сдерживания масштабных агрессий**. В этой связи необходимо отметить несостоятельность оценок ЯО как фактора регресса, только на основании специфики обеспечения его безопасности в процессе создания и эксплуатации. Прибегнем к аналогии. Известно, что, например, в России существуют целые регионы с развитой химической промышленностью, объявленные зонами экологического бедствия. Тем не менее никто не предлагает "запретить" химическую промышленность. Выбирается другой путь - освоение безопасных технологий при сохранении полезных качеств "вредных" производств. Ситуация с ЯО аналогична: оно объективно существует и независимо от чьих- то желаний еще долго будет существовать. Поскольку же оно обладает еще и положительными качествами, то проблема заключается не в том, чтобы приступить к немедленному уничтожению ЯО, а в том, чтобы найти ему адекватное место в системе средств обеспечения безопасности России, ее статусного положения в Мир-системе.

Следует признать политически наивной и ставку на действенность "демонстраций миролюбия" - акций по сокращению своего ядерного оружия без учета его конкретных характеристик, без сопоставления мощи ВС РФ в целом с вооруженными силами вероятных противников и т.д. Элементарный принцип гарантированных оценок заставляет предполагать, что любое разумное руководство другого государства не применет воспользоваться плодами научно-технического прогресса, если это потребуется для обеспечения его национальных интересов. И обратно, если какое-то государство объявляет о сокращении определенных видов ядерного оружия или вообще декларирует отказ от его разработки, то корни такого решения следует искать не в "миролюбии" этого государства и, тем более, не в подражании демонстративным акциям России, а в факторах сугубо прагматического характера - в достаточности имеющегося военного потенциала (включая обычное оружие), в невыполнении необходимых условий в ресурсной, технологической и т.д. областях, в отсутствии военно-стратегической целесообразности применения ядерного оружия в данном регионе при любом развитии военно-политической обстановки и т.п.

Сказанное отражает роль фактора научно- технического прогресса в социальной и военно-политической сферах.

В военно-технической сфере он проявляется в чрезвычайном разнообразии возможных типов ядерного оружия. Качественно характеризуя достигнутый прогресс в развитии ядерных вооружений, можно констатировать, что классификация, согласно которой все они однозначно относились к оружию массового поражения (ОМП), устарела. Конечно, большую часть существующих ядерных арсеналов правомерно отнести к ОМП. Однако, исследования, проведенные к настоящему времени, показывают, что возможна разработка таких боеприпасов, применение которых в ходе боевых действий будет приводить к поражению важных технических средств (систем) противника и при этом будет исключаться непосредственное поражение людей, а также значимые отдаленные, в том числе

экологические, последствия, связываемые, как правило, с радиоактивным заражением местности (РЗМ) /5, 223/. Количественно последнее выражается в том, что уровни радиационных факторов, порождаемых применением ядерного оружия, могут быть значительно ниже уровней аналогичных естественных радиационных факторов. Более того, указанного эффекта можно достичь даже при использовании **существующих боеприпасов**, если выполнить определенные ограничения на условия их применения. Прежде всего, сказанное может относиться к «оборонительному» ядерному оружию, точнее к ядерным боеприпасам с локализованной зоной поражения, которыми могут быть оснащены комплексы оборонительного оружия. Основной эффект от использования такого оружия, например, в стратегической противовоздушной операции должен достигаться не за счет массированного применения ядерных боеприпасов против всех видов средств воздушно-космического нападения противника, а, главным образом, за счет гарантированного уничтожения с помощью таких боеприпасов ключевых элементов сложных технических систем противника (разведывательно-ударных, информационных и др.). Такая же идеология применения ядерных боеприпасов с локализованной зоной поражения может быть распространена на комплексы вооружения, предназначенные для уничтожения наземных элементов информационных систем и систем управления группировками войск противника. По существу, такое применение ядерных боеприпасов с локализованной зоной поражения следует рассматривать как расширение оборонительных функций ядерных средств.

Анализируя «негативные» последствия применения ЯО, необходимо указать на наличие **объективных возможностей избежать** (даже при **массированном** его применении!) эффектов так называемой «ядерной зимы» /224/, абсолютно неадекватные представления о которой прочно «вшиты» в аффективную и когнитивную компоненту системы отношений, определяющих ментальное состояние свойственное не только «обычным» людям но и лицам, принимающим решения /6/.

Учитывая вышесказанное, а также принимая во внимание увеличение роли "войны идей", можно предположить, что расширение спектра боевых свойств ЯО, в том числе сближение свойств некоторых видов ядерного оружия со свойствами обычного оружия, не обязательно приведет к возрастанию угрозы реального боевого применения ЯО и, тем более, возникновению ядерных войн больших масштабов. Скорее будет достигнут обратный эффект - снижение угрозы перехода любого конфликта в фазу реального боевого применения оружия, в том числе ядерного. Основанием для такого предположения является следующая гипотеза о сути военного фактора сдерживания вооруженной агрессии, переводящего процесс разрешения конфликта в политическую сферу: сдерживание вооруженной агрессии тем эффективнее, чем шире спектр боевых свойств вооружений и ВС в целом, точнее, **сдерживание эффективно в том случае, если любому конкретному виду вооруженной агрессии, в случае ее актуализации в процессе развития конкретного конфликта может быть противопоставлен адекватный военный фактор сдерживания.**

Не останавливаясь на раскрытии понятия "адекватность", отметим, что в рамках сформулированной гипотезы ЯО может играть двоякую роль. Во-первых, благодаря расширению боевых свойств - роль дополнения обычных вооружений до полного необходимого набора средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов и, во-вторых, благодаря практически неограниченной мощи тех видов ЯО, которые традиционно относят к ОМП, - роль гаранта возмездия для любого агрессора. Отмеченное обстоятельство можно рассматривать как основной аргумент в пользу объективного (безэмоционального) отношения к фактору научно- технического прогресса и, соответственно, взвешенной оценки роли ядерного оружия в разрешении межгосударственных конфликтов.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

Ядерное оружие обладает глобальной досягаемостью, абсолютной разрушающей силой, в том числе обеспечивает возможность реализации комплексного многоканального поражающего действия факторами различной физической природы. И это в определенной мере уравнивает неблагоприятное для России соотношение сил в мире – экономических, технологических, демографических и географических. **Альтернативы ядерному оружию для России сейчас нет.**

Любое, даже хорошее дело можно довести до абсурда, как это сейчас происходит в отношении ядерного оружия. Яркий пример этого – подпись России под «беспороговым вариантом» Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Данное «разоруженческое соглашение» не помешало США принять на вооружение в 1997 г. новую проникающую ядерную бомбу, не предотвратило (и не могло в принципе предотвратить) расширение числа стран-участников «ядерного клуба»), но лишило нас, например, сравнительно дешевого и экологически чистого пути избавления от «ядерных завалов» с использованием подземных ядерных взрывов и может системно привести к деградации ядерного оружейного комплекса России.

Поэтому вновь встает вопрос о правильности выбранных ориентиров, то есть о целесообразности существенного сокращения ядерного оружия, представляющего собой достаточно эффективное средство сдерживания и деэскалации военных конфликтов.

До тех пор, пока на стратегические ядерные силы (СЯС) будет возлагаться задача «гарантированного нанесения сдерживающего ущерба агрессору в любых условиях», не должно быть и стремления к резкому сокращению и – тем более, к полной ликвидации в обозримом будущем ядерного оружия России.

Соответственно, России необходима полноценная **оптимизированная** ядерная деятельность, включая **адекватную реакцию** на различного вида разоруженческие инициативы.

Указанная адекватность подразумевает в том числе и переход к невербальным основам принятия решений в военно-политической сфере. Вырабатываемые предложения (позиция)

должны стать результатом междисциплинарных исследований и количественного анализа альтернатив на базе использования «теории полезности», позволяющей учесть влияние фактора обладания ЯО на совокупную мощь государства.

При этом представляется целесообразным сформулировать и положить в основу невербальных подходов (количественной оценки альтернатив) к принятию решений в ядерной сфере базовую **систему принципов «достаточного основания»,** позволяющую объективизировать нормативную деятельность в сфере ядерных вооружений, включая возможные сокращения, а также рационализацию ЯА.

Она может быть получена на основе использования упоминавшегося выше принципа «правильных рассуждений» Д.Пойа на базе одной из программных (доктринальных) статей В.В.Путина (публикация в «Российской газете») - "Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России" и «когерентного» ей «Закона П.Струве» сформулированного и обоснованного им в работах «Великая Россия» и «Интеллигенция и народное хозяйство». Он определен автором как «верховный закон бытия всякого сложившегося государства» и сформулирован следующим образом»:

«Всякое здоровое и прочное государство, фактически самим собой держащееся, желает быть МОГУЩЕСТВЕННЫМ и непременно обладать ВНЕШНЕЙ МОЩЬЮ» /7/.

Развивая указанную мысль, П.Струве отмечает следующее.

«Оселком, мерилом всей политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует **«внешнему могуществу государства» [7].**

«Великий народ не может под угрозой упадка и вырождения сидеть смирно среди растущего **в непрерывной борьбе мира» [7]**.

«Столкновения государств между собой в основе вытекают из конфликтов интересов и из **соотношений могущества**, а не из-за международного бреттерства правительств» [7].

«Политика… и должна начать с того, чтобы на всех пунктах государственной жизни **противогосударственному духу, не признающему внешней государственный мощи** и с нею не считающемуся,…противопоставить **новое** политическое и культурное сознание» [7].

«Государство должно быть прогрессивно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть прогрессивным, когда и поскольку это подрывает его могущество» [7].

Принятие «Закона П. Струве» в качестве **центральной (базовой) реконструктивной гипотезы** для формирования указанной выше системы принципов достаточного основания вытекает (в соответствии с основными положениями когерентной теории истинности) из его «когерентности» с **Планом В.Путина** о преобразовании России в **великую** энергетическую **державу**.

Применительно к анализируемой проблеме «когерентная» (закону П.Струве и Плану В.Путина) система принципов достаточного основания может быть сформулирована следующим образом.

1. **Стратегическое сдерживание** (СС) как особый способ контроля над быстроменяющееся военно-политической ситуацией в мире является одним из базовых элементов внешней политики государства. **Примат стратегического сдерживания** над другими способами обеспечения международной (военной) безопасности России («умиротворение» потенциального агрессора, уступки, «баланс интересов» и т.д.) является безусловным **политическим императивом.**

2. Обеспечение возможности реализации механизма СС и его функциональная эффективность на различных фазах потенциальных конфликтов («латентной», «демонстрационной», военной) между Россией и основными «акторами» международных отношений и, в первую очередь, странами «ядерного клуба» есть основной способ сохранения «стратегической стабильности» в мире.

3. Для России **стратегическая стабильность** есть желаемое состояние в системе основных «акторов» международных отношений на «латентной» фазе международного конфликта. **Главная задача** системы стратегического сдерживания состоит в недопущении перерастания конфликта между Россией и основными «акторами» международных отношений (группой «акторов») из «латентной фазы» в «демонстрационную» и, главное, в военную, а в случае перехода в военную фазу, ее прекращение на «нижних ступенях» эскалации в интересах России.

4. Обеспечение **«кризисной стабильности» как отсутствия у потенциальных противников мотива** для нанесения упреждающего контрсилового удара на «демонстрационной» фазе конфликта есть военно-политический императив государства.

5. Метризация отношения «оружие - национальный интерес» опирается на тот факт, что ядерное оружие представляет собой:

а) **военный фактор** сдерживания (деэскалации конфликта, сдерживания гонки вооружения);

б) **фактор совокупной мощи государства**, его статусного положения в Мир-Системе.

6. Для метризации отношения «национальный интерес – угроза» принимается **«аксиома Лиддел-Гарта»:** «Цель войны – добиться лучшего состояния мира, хотя бы только с вашей точки зрения» /9/.

7. Требование нахождения системы стратегического сдерживания в «**метастабильном состоянии**» удовлетворяющем условиям устойчивости реализации механизма стратегического сдерживания (на различных фазах потенциальных конфликтов) относительно возмущений дестабилизирующих факторов системы (включая военно-технологические и в том числе фактор «военно-технологической внезапности»), есть

жесткое **ограничивающее условие** при рационализации «ядерного арсенала» (в том числе при принятии решений по его сокращениям).

Указанная выше совокупность принципов представляют собой открытую систему, которая может быть расширена (или сужена) при построении нормативной деятельности (организации управления) в сфере СЯС. Применительно к рассматриваемой проблеме она представляется полноценной непротиворечивой системой принципов, содержащих в себе основания, позволяющие обеспечить **объективизацию** переговорной деятельности по принятию решений при заключении различного вида Договоров об ограничениях и сокращениях в сфере ЯО.

Интересно отметить, что во всех многочисленных публикациях на тему «целесообразности» и «полезности» глубоких сокращений в сфере ЯО выполненных представителями «интеллектуального кластера» «денуклеаризаторов» система принципов достаточного основания положенная в основу их выводов и предложений не озвучивается. Нельзя же, в конце концов, серьезно рассматривать в качестве таковых утверждения о том, что ядерное разоружение якобы является фактором укрепления безопасности и стратегической стабильности в мире, способствует укреплению режима ДНЯО и препятствует «горизонтальному распространению» ЯО и т.д.

Достаточно очевидно (и об этом уже много говорилось), что мир без ядерного оружия не станет более безопасным. Без решения основных социальных, экономических, политических и гуманитарных проблем, которые являются центральными в международных конфликтах, подталкивающих государства к войнам, формирующийся мир без ядерного оружия вряд ли будет стабильным. **В свое время по поводу предложений М.С. Горбачева по всеобщему ядерному разоружению к 2000 г. З. Бжезинский сказал: «Этот план для устройства мира, удобного для ведения обычной войны» /10/**.

Что касается влияния ядерного разоружения на стратегическую стабильность, то необходимо отметить следующее. Концепция силового устрашения глубоко укоренилась в системе политико-культурных ценностей Запада. Происходящий в настоящее время в США поиск функциональных эквивалентов ЯО за счет так называемых обычных вооружений в условиях сохранения традиционной парадигмы сдерживания путем устрашения носит наступательный характер и ведет к дестабилизации ситуации в мире.

Целесообразность ядерного разоружения сомнительна, если оно не будет сопровождаться резкими переменами в отношениях великих держав, в том числе изменениями в балансе обычных вооружений, полным соблюдением существующих и будущих договоренностей, мирным урегулированием региональных конфликтов, обеспечивающим свободу выбора и отсутствие вмешательства извне.

В этой связи безосновательны надежды на то, что сама постановка такой задачи будет способствовать подключению к процессу сокращения ядерного оружия (ЯО) Франции, Великобритании и Китая. Пример Японии и Германии показывает, что страна, имея даже

исключительно высокоразвитый экономический потенциал, но не подкрепленный адекватным военным потенциалом, не может фактически претендовать на роль великой державы**.** В то же время Россия, с ее разрушенной экономикой, обладая ЯО, остается в «клубе избранных» и с ней пока что вынуждены считаться.

Что касается «горизонтального распространения» ЯО, то в этой связи необходимо отметить, что имеющее место явное ослабление роли ДНЯО объективно отражает состояние кризиса системы международно-правового регулирования, которое возникло в результате распада Версальско-Вашингтонской модели мировой политической системы (завершившегося Второй мировой войной), а затем и активно ведущегося демонтажа Западом Ялтинско - Постдамской системы.

Как представляется, указанное ослабление роли ДНЯО в современных условиях неизбежно, поскольку сам по себе Договор являлся продуктом декларативной политики. Он не помешал (да и не мог помешать) «горизонтальному распространению» ЯО, появлению данного оружия у Индии, Пакистана, Израиля, Северной Кореи, ЮАР. И это обусловлено тем очевидным фактом, что стабилизирующая роль Договора держалась и держится только на усилиях государств-лидеров Мир-системы, поскольку он имеет явно дискриминационный характер. Невозможно внятно объяснить, почему, например, одним странам можно иметь ЯО, а другим нельзя.

Сама же Америка в попытках строить мир «под себя» нанесла несколько мощных ударов режиму нераспространения.

Первый – выход из договора по ПРО 1972 г.

Второй – приняв новую ядерную доктрину, которая снизила порог возможного применения ЯО и фактически перевела его из средства сдерживания в оружие поля боя. При этом, как отмечалось в статье Г. Рахмана «Мир без ядерного оружия? Спасибо, не надо» (The Financial Times), разоруженческие инициативы Б. Обамы – «…это тактический ход для противодействия иранской пропаганде. Призыв Америки к тотальному ядерному разоружению был не лишен изящества. Он дает Соединенным Штатам моральное превосходство в дебатах и усиливает позицию страны в сложной ядерной дипломатии, ведущейся в ООН, поскольку согласно ДНЯО ядерные державы обязаны предпринимать усилия во имя разоружения…Именно поэтому **иммитация** веры в тотальное ядерное разоружение является **необходимым элементом западного лицемерия**».

Третий удар связан с признанием Индии де-факто ядерной державой и заключением с ней договора о сотрудничестве в ядерной области.

Четвертый удар связан с идущим демонтажем Ялтинско-Постдамской системы и усилением «силового компонента» во внешней политике США и НАТО с объявлением всего мира зоной жизненно важных интересов. При этом после Югославии, Ирака, Афганистана совершенно ясно, что сегодня для стран, объявленных США «странами-изгоями» или в отношении которых возникнут какие-либо «подозрения», отсутствуют возможности

обеспечения военной безопасности путем сдерживания агрессии нормами международного права.

Для них обладание ЯО есть единственный способ оградить себя от «демократизации» с использованием крылатых ракет и авиации. И международные события постоянно подтверждают справедливость данного тезиса. Ведь только после того, как многочисленные «инспекции» ООН выявили полное отсутствие в Ираке ОМП (играющего роль эффективного средства сдерживания), НАТО начало широкомасштабную военную агрессию. В то же самое время Северная Корея, всего лишь выйдя из ДНЯО и объявив себя ядерной державой, сразу добилась того, что эскалация угроз в ее адрес заметно снизилась, и начались соответствующие переговоры по размену ее ядерного статуса на топливо, продовольствие и др.

Вообще трудно избавиться от ощущения существенной дестабилизирующей роли проводимых с начала 90-х годов всевозможных инспекций (ОБСЕ, МАГАТЭ и др.), которые повсеместно способствуют не разрядке, а лишь нагнетанию напряженности.

Главный же тезис прозападного лобби состоит в том, что де мол «демократический Запад никогда не нападет на Россию, а, следовательно, ее усилия в сфере ЯО излишни (избыточны). Данный тезис представляет собой один из активно внедряемых в сознание Российского общества архетипов. Он ярко характеризует убогость концептуальной основы «либерального владения картины мира».

Достаточно очевидно и не требует никаких доказательств, что у Запада нет никаких «табу» по использованию военной мощи. И, наоборот, вся практика международных отношений за последние 20 лет свидетельствует:

а) о полном отходе Запада от Вестфальской системы к концепции **ограниченного национального суверенитета**, когда все решает Запад (Америка – мировой шериф);

б) активным задействованиием фактора военной мощи НАТО при решении внешнеполитических вопросов, вплоть до прямой вооруженной агрессии.

Хотелось бы узнать, действительно ли прозападные «эксперты» превзошли Кантора и ими найдена «точка Алеф» или они пользуются услугами «астрального мира» и до них доведено знание о том, что Запад всегда будет «белым и пушистым» и в будущем ограничит масштаб применения военной силы? И вообще, при чем тут непосредственное военное нападение на Россию? Согласно трактату «Лао-Цзы», это «худшая из войн». Запад уже давно основывается на теориях Лиддал-Гарта о **непрямых действиях** и научился использовать силовой фактор **опосредованно** как один из элементов механизма **«внешнего управления»**.

Действительно, зачем ему нападать (или даже оказывать прямое военное давление на Россию), если ею можно «мягко» управлять через сформировавшуюся консорцию «агентов перемен», постоянно действующий либеральный блок правительства и др.

Западу нет никакой необходимости использовать военную силу пока Российская Федерация:

а) бесперебойно поставляет сырье, квалифицированные (подготовленные на деньги Российских налогоплательщиков) кадры;

б) вкладывается в исследования и разработки (составляющие 6-й технологический уклад), результаты которых могут быть востребованы только на Западе, а экономика России сама просто их не может использовать;

в) не активна во внешнеполитической сфере, ведет скромную «застенчивую» внешнюю политику и вяло отстаивает свои интересы;

г) входит в «Вашингтонский консенсус» на правах «полуколониального государства»;

д) по образному выражению А.Кудрина «стерилизуют» свою («избыточную»?) денежную массу (будто деньги это бродячая собака, а не инструмент экономики) и держит свой стабфонд на Западе.

Но, в случае, если Россия выйдет из бессубъектного состояния, в ней сформируются мощные стратегические субъекты (субъекты стратегического действия), Запад не задумываясь может задействовать «силовой фактор».

В этой связи необходимо отметить следующее. На учениях НАТО уже началась отработка проблемных вопросов сопровождающих оккупацию (северных) территорий России. Так с 12 по 21 марта 2012 года НАТО провел зимние военные учения "Cold Response" ("Холодный ответ") под норвежским руководством в северных губерниях Норвегии Нурланд и Трумс. Основной целью учений являлась отработка активных действий НАТО «**по мандату ООН»** в зимних условиях. В "Cold Response" приняли участие 16 тыс. солдат из 15-ти стран, в том числе, из не входящей в блок НАТО Швеции. Участники "Cold Response" практиковались в применении сил быстрого реагирования в кризисном районе, где им пришлось, по сценарию учения, иметь дело, как с **интенсивными боевыми действиями**, так и отражением террористических угроз и противостоянием мирным демонстрациям.

Таким образом, фактически, учения "Cold Response" являлись отработкой действий в зимних условиях оккупации враждебного "кризисного района" /8/. Путем «пристального вглядывания» в карту можно легко видеть, что таким районом может быть только территория России.

Российские «голуби» - борцы за американский вариант «мира во всем мире» наконец-то должны осознать, что мирно ворковать на эту тему, греясь на солнышке и поклёвывая «крохи малые», они смогут только лишь тогда, когда небо у них над головами будут сторожить отечественные «ястребы», вооруженные ядерным мечом и антиядерным щитом. В этом случае у них есть хоть какой-то шанс выжить в «пищевой цепочке». В противном случае, когда заокеанские «ястребы» сделают свое дело, то «пятую колонну» «склюют» в первую очередь, как отработанный материал, в назидание другим.

Накал споров о мире без ЯО - это верный признак того, что скоро на Западе за помощью обратятся к военным. А они (американские военные) не подведут. Тут же включатся в борьбу за безъядерный мир, только своими способами. Интересно отметить тот факт, что перед 2-й Мировой войной конференции по разоружению шли в Лиге наций почти непрерывно.

2 ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

2.1 Можем ли мы «попасть» в точку «алеф» (по Кантору)? Краткий исторический экскурс

Не требует сколь-нибудь развернутой аргументации положение о том, что для формирования рационального облика ВС РФ и в том числе для рационализации ядерного арсенала России на значимую перспективу было бы очень важно определить сущность, содержание, характерные особенности военных конфликтов будущего.

В этой связи интересно отметить следующий факт.

Осенью 2008 года Пентагон в лице Командования объединенных сил CLLIA(USJFCOM) выдал в свет любопытный документ. По сути дела — некую военную доктрину, названную «Среда для действий Объединенных сил» (The Joint Operating Environment — JOE). В ней сделана попытка заглянуть в будущее на четверть века вперед и понять: в какой среде придется воевать и вести операции? И первый вывод, который сделали американцы: **Большая Неопределенность. Непредсказуемость.**

Чтобы подчеркнуть приведенные выводы ниже кратко представлены исторические примеры того, что люди исключительно плохие разведчики будущего, когда это касается военной сферы взятые из книги Максима Калашникова и Евгения Осинцева «Завтра была война» /11/:

«……Люди вообще - плохие предсказатели.

Кто еще в начале XX века мог предугадать, чем кончится тогдашняя, **первая Глобализация**? Большинство свято верило, что блестящее настоящее успешно продлится на десятки лет вперед. Люди радовались первым успехам авиации и радио, хохотали до упаду над потешными короткометражками Чарли Чаплина и Макса Линдера. Жизнь становилась все богаче и зажиточнее. Рабочие получали первые социальные гарантии. Высшее общество устраивало «балы драгоценностей». Бизнес разных стран активно переплетался, немцы покупали акции английских, русских и французских предприятий, а русские, французы и британцы имели доли в компаниях Второго рейха. Торговля и финансы начала XX века смело перешагивали национальные границы.

В начале 1850-х британский промышленник Джон Брайт заявлял: «Нет вещи более дурацкой для торговой нации, чем политика войны. Любой мир лучше самой успешной войны». (Nothing could be so foolish as a policy of war for a trading nation. Any peace was better than the most successful war).

В 1911 году британский журналист Норман Энджелл опубликовал книгу «Великая иллюзия», где доказывал: глобальная торговля изменила природу богатства. Теперь оно не зависит от контроля над территориями и ресурсами. А вера в военную силу как в основу безопасности, писал Энджелл, стала нынче опасной иллюзией. Войны, мол, стали невыгодными, они не создают богатства, а только уничтожают их. И вообще, планетарное

переплетение деловых интересов делает войны невозможными. Книга пользовалась настолько бешеной популярностью, что ее в 1913 году переиздали в расширенной и дополненной версии.

Все было прекрасно. За одним исключением: всего лишь через год началась Первая мировая война с таким ожесточением и такими жертвами, каких дотоле не видывала история. Когда за пару месяцев погибало больше людей, чем за пятнадцать лет всех войн Наполеона. Война с атаками с воздуха, с применением первого оружия массового уничтожения - газового. А в итоге этой глобальной бойни (10 миллионов трупов) разрушилась и Первая Глобализация, и целые страны, и мир был расколот, и родились все условия для новой мировой бойни - уже Второй.

Нет, о грядущей войне в начале XX века все-таки говорили, многие предупреждали о ней. Но все считали, будто она будет короткой схваткой «малой кровью». Множество экспертов наперебой твердили о том, что долгое содержание миллионных армий быстро разорит экономики стран Европы. Что экономически Англия, Франция, Германия, Америка, Австро-Венгрия и Россия переплетены теснейшим образом. Кроме того, современная скорострельная артиллерия может превратить Европу в пустыню. Кому это надо, господа? А значит, большой, ожесточенной и долгой войны быть не может по определению. Ну, в крайнем случае, все решится очень быстро и как можно более гуманно.

Властители военных дум, глава германского Генштаба Шлиффен и начальник высшей военной школы Франции, будущий маршал Фош, писали книги о том, что **война в Европе ожидается молниеносной.** «Длительные войны невозможны в эпоху, когда все существование нации зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и остановленный механизм должен быть снова приведен в действие с помощью быстрого решения. Стратегия измора немыслима, когда содержание миллионов солдат требует миллиардных расходов!» - утверждало немецкое светило военной мысли. Фош вторил Шлиффену: «Она не может долго продолжаться... Ее нужно вести с жестокой энергией и быстро достигнуть своей цели...»

Были эксперты калибром поменьше. Например, генерал Лаваль, что до самой своей смерти в 1912 году уповал на решающую роль легкой скорострельной артиллерии. Дескать, ее массированный огонь решит в наступлении все-все, а тяжелые орудия как бы и вовсе не нужны.

Как жестоко они заблуждались! Война получилась все-таки долгой, невероятно кровопролитной и жестокой, что называется - на истощение. С тяжелыми пушками, с голодом в Германии, с холодом, с невероятной гуманитарной катастрофой, с превращением насилия в обыденную черту повседневной жизни.

Самое интересное, что тех, кто правильно предвидел Первую мировую, было очень немного. Русский генерал Николай Михневич, начальник Академии Генштаба в 1911 году писал, что войны будут вестись со страшным напряжением, причем бороться каждому

придется не только с армией противника, но и его народом. А потому война будет длинной и жестокой. Михневич рассчитывал, что такой схватки не выдержат европейцы, а вот русские - как раз выдюжат. Но, увы, в Первую мировую случилось как раз наоборот. Зато во Вторую - Михневич оказался стопроцентно прав. Однако Михневича не послушали.

Еще одним гениальным провидцем показал себя банкир И. Блиох. Задолго до начала Первой мировой Блиох опубликовал свой труд, посвятив его будущей мегавойне. Поразительно: но пока все вокруг рисовали войну залихватски-скоротечную и наступательную, сравнивая боевые качества европейских солдат, Блиох взял за основу опыт совсем других войн: англо-бурской (1899-1902 гг.) и Гражданской войны в США 1861-1865 годов.

По поводу Блиоха и его занятий «научным пацифизмом» немало язвит в своих воспоминаниях знаменитый граф Витте. Мол, Блиоху все это писала команда нанятых аналитиков. Да если и так - что это меняет? Витте, умерев в 1911-м, просто не успел увидеть исполнение предсказаний Блиоха.

Человек сугубо штатский, Блиох не стал опираться ни на опыт франко-прусской войны 1870 года, ни на пример австро-прусской схватки 1866-го. Он обошел вниманием Русско-турецкую (1877-1878 гг.), Испано-американскую (1899-й), Японо-китайскую (1894) и Русско-японскую (1903-1904 гг.) войны. Нет, он тщательно изучил опыт американской Гражданской войны времен генералов Гранта и Ли. Войны, где впервые на арену истории вышли миллионные армии с нарезным оружием и железными дорогами. Войны, где оборона впервые оказалась сильнее наступления, где войска стали зарываться в землю, а для прорыва обороны приходилось буквально заваливать противника трупами. Блиох оказался полностью прав: Первая мировая действительно больше всего напоминала увеличенную в масштабах войну Севера и Юга Америки.

…….Блиох в своей книге написал, что грядущая мегавойна будет тяжелой и оборонительной, а не наступательной. Боевые качества солдат сыграют самую маленькую роль: все решит производство боеприпасов и продовольствия, экономика, подъездные пути, обозы. Словом, все самое скучное и непрозаичное. Блиох писал о «войне госпиталей», об огромной смертности раненых, которых будет невообразимо много. О том, что щедрую дань жизнями придется заплатить тифу и воспалению легких.

Мрачный прогноз Блиоха (или коллектива прогнозистов под его руководством) полностью оправдался. Он даже смог предчувствовать некоторые реалии Гражданской войны 1918-1922 гг. в России.

……Однако Михневич, Энгельс и Блиох оказались «белыми воронами». Большинство людей еще в 1913-м году отвергало всякую мысль о возможности всепланетной бойни.

Кстати, после окончания Первой мировой мало кто ожидал того, что будет Вторая, со впятеро большим числом жертв. С лагерями смерти и этническими чистками. С первой ядерной бомбардировкой и воздушным террором.

Британия в 1929-м на государственном уровне приняла доктрину **невозможности Большой войны в ближайшие десять лет и слепо ей следовала даже в середине 1930-х, сокращая оборонные расходы. Чем это обернулось, пересказывать не надо.**

Сегодня, во дни Второй Глобализации, аргументы Энджелла почти без изменений повторяет рать либеральных экономистов, экспертов, футурологов. Дескать, эпоха грубой военной силы при развитии глобальной торговли осталась в прошлом. Что теперь силу определяет экономика, технологическое и культурное лидерство, что теперь не нужен контроль над территориями и природными ресурсами, чтобы быть богатым и красивым.

А вы уверены в том, что все эти эксперты-аналитики не гонят туфту?

Люди в основной своей массе - все-таки плохие предсказатели, и доказательств тому - множество. Да и маститые аналитики чаще всего лишь выражают общестадное течение мысли.

……К сожалению, опыт истории показывает, что истинных провидцев, как правило, не замечают. Не хотят слушать.» (конец цитаты).

Зададимся и мы вопросом – а можно ли в принципе определить содержание и характерные особенности военных конфликтов будущего исходя из учета следующих объективных факторов?!

Первая группа факторов **гностической неопределенности** существенно затрудняющая «разведку будущего» связана с идущими глобальными изменениями в Мир-системе (см. ниже в п.2.2). Ситуация в Мир-системе - сильнодинамична. «Горизонт прогнозирования» (фундаментальное ограничение на достоверность прогноза) - крайне мал для сколь нибудь достоверной оценки возможных конфликтов в Мир-системе.

Вторая группа факторов связана с наличием своеобразного «технологического императива» определяющего возможную номенклатуру средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов (военно-технологический базис), которые, в свою очередь, в значительной мере определяют содержание и характерные особенности военных конфликтов.

В качестве научной гипотезы в работе /12/ было выдвинуто и обосновано следующее положение

Развитие технологического базиса вооружений в промышленно развитых странах неправомерно представлять в виде монотонно возрастающего (гонка вооружений) или убывающего («разрядка», политика глубоких сокращений ЯО и т. д.) процесса, происходящего при определяющем влиянии институциональных структур. Оно происходит в форме циклически повторяющихся с определенным периодом времени (15..20 лет) толчков («микрореволюций»), в которых закладывается основа нового технологического базиса. В последующей фазе развития происходит совершенствование военных технологий (улучшающие инновации), постановка на вооружение новых образцов. Основой для

возникновения новой технологической базы войны являются слившиеся в кластеры базисные военные технологии.

Было показано, что к 2020..2025г следует ожидать очередную военно-технологическую микрореволюцию в военном деле /12/.

Поэтому сегодня мы весьма туманно можем представить себе будущую технологическую базу войны и, следовательно, связанные с ней характерные особенности военных конфликтов будущего.

Третья группа факторов связана с очевидной зависимостью «облика» будущих войн от выбора поведенческой стратегии всех противостоящих «акторов» международного конфликта при его переходе от его «демонстративной» фазы к «горячей» фазе.

Например, в настоящее время в когнитивную и аффективную компоненты российской целевой аудитории восприятия (куда входят и основные базовые элементы системы принятия военно-политических решений) активно вводится положение о том, что будущие войны будут, как правило, бесконтактными с использованием в основном неядерных высокоточных средств. Если это у нас превратится в поведенческий архетип, то, разумеется, так оно скорей всего и будет. Мы будем **готовиться** к войне, в которой у нас, очевидно, на краткосрочную и среднесрочную перспективу нет шансов на победу (запрограммированное поражение). Но если мы зададимся вопросом «а собственно почему?» и в качестве «ассиметричного ответа» Западу будем **готовить контактную войну** с применением всего арсенала средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов (включая ЯО!), которым мы можем обладать, то и характер такой будущей войны будет уже другой!

Вместе с тем, несмотря на все вышесказанное можно идентифицировать ряд более менее устойчивых факторов, влияющих на стратегическую конъюнктуру для развития СЯС России.

В настоящее время стратегическую конъюнктуру для развития военной организации России и обеспечения ее безопасности определяют следующие доминирующие на Западе теории ведения войны:

1. **Теория «непрямых действий»** Б. Г. Лиддел – Гарта (часто называемого «Клаузевицем 20го века») /9/, дополненная «Искусством войны» Сунь–Цзы. Реализуется в рамках недавно озвученной концепции **«Умной обороны» /26/.**

2. **Кибернетическая модель OODA** (наблюдай, ориентируйся, решай, действуй) Дж. Бойда /13/ и ее развитие в форме «концепции центров тяжести» Дж. Уордена /26/, определяющей способ выбора **«болевых точек»** в цикле «О» и предусматривающей нанесение по ним «точечного удара» в цикле «А».

Примечание. Указанная модель реализуется в рамках следующих трех базовых концепций:

- Концепции единого геоцентрического ТВД сформулированной в 2009г. Командующим космическими войсками США генералом Робертом Келером, предложившим также подход к обеспечению доминирования на нём – принцип Space Situational Awareness, SSA /22..24/.
- Концепции «быстрого глобального удара» /16/.
- Концепции адаптированного планирования боевого применения стратегических наступательных сил /26/.

3. Теория и технологии «управляемой конфронтации» В. Лефевра /17…21/.

4. Концепция перехода к реализации так называемых **«Войн 4-го поколения»** /15. 25/.

Как отмечается основные отличные особенности указанных «войн 4-го поколения» состоят в следующем:

- В войне 4-го поколения поле боя будет включать все общество, от имени которого противник ведет войну.
- Повышается значимость гибких действий небольших групп комбатантов, на основе знания и понимания намерений высшего командования.
- Происходит снижение зависимости от централизованной системы логистики.
- Больший акцент на маневр. Усиление роли сравнительно небольших, высокоманевренных и подвижных сил.
- Направленность действий на достижение **внутреннего коллапса сил противника**. В число объектов «поражения» будут входить в том числе такие, как культура противника, поддержка войны населением, «ассабийа» и др.

В целом же процесс управления межгосударственным конфликтным противоборством организуется на основе сквозных функциональных технологий, позволяющих реализовать в системе управления указанным противоборством все виды (механизмы) выработки управленческих решений /13….24/.

В рамках организации многоуровневого процесса управления межгосударственным конфликтом «цикл OODA» реализуется на «тактическом» уровне управления, в то время как на стратегическом уровне ведется подрывная деятельность (по Сунь-Цзы) с задействованием технологий «управляемого хаоса», «информационных войн 2-го поколения» (по терминологии корпорации РЭНД) и так называемого «организационного оружия» /26/.

Еще одним важным внешним фактором определяющим указанную выше стратегическую конъюнктуру является принятая в Китае концепция «три Севера, четыре моря». Она прямо ориентирует на то, что занятый Китаем Центр по закону перемен к 2019 году должен одолеть "три севера в пределах четырех морей" и тогда "XXI век станет веком Китая". Три севера - это Северо-Атлантический альянс, **Россия** и Североамериканские Соединенные Штаты в Новом Свете.

Таким образом, еще одним значимым источником опасностей и угроз которые должны учитываться при обеспечении развития СЯС России является наличие огромных и сравнительно хорошо оснащенных ВС Китая («советского образца») ориентированных на ведение войны «поколения 3+».

2.2 Междисциплинарный анализ глобальных процессов препятствующих сокращениям в сфере ЯО и стимулирующих «горизонтальное распространение»

Как уже было сказано выше в настоящее время «ядерный фактор» и в том числе проблема сокращений в сфере ЯО и «горизонтального распространения» находятся в центре мировой политики. Провал «Обзорных конференций» ООН по вопросу укрепления режима ДНЯО 2005 и 2010гг., очередные корейские ядерные испытания проводимые, несмотря на мощное внешнее давление требуют проведения более глубокого казуального анализа проблемы нераспространения, чем это обычно принято в политологических исследованиях. Объяснение наличия явно выраженного «военно - политического тренда» в направлении обладания «экстремальными видами вооружений» (и, в частности, ЯО), а также средствами их доставки требует перехода от чисто гуманитарного политического дискурса на **междисциплинарный уровень** анализа. И в первую очередь это касается международных аспектов проблемы рационализации ядерного арсенала России в контексте обеспечения режима нераспространения.

В целом любой политически неангажированный политик легко прийдет к заключению, что «международный фон», в настоящее время крайне неблагоприятен для сколь нибудь заметных ограничений ядерного потенциала России и обеспечения режима нераспространения. Это связано со следующими особенностями протекания глобальных процессов в Мир-системе.

Во-первых, после начавшегося разрушения Западом Ялтинско-Постдамской политической системы сущность нового мирового порядка составляет состояние «глобальной турбулентности». Мир-система находится, говоря языком синергетики, в «перемешивающем слое» /27/. И если развитие международных отношений, как утверждается, идет по пути глобализации, то в данном случае теоретически с научной точки зрения возможны разные пути построения глобального мира, в том числе и необязательно ведущие к «миру Америки». Возможно возникновение **региональных «атракторов», для которых обладание ядерным оружием объективно является важным фактором поддержания своего геополитического статуса /27…31/.**

Во-вторых, развал Бреттон-Вудской системы и экономический кризис привели к тому, что главный инструмент власти США на международной арене – доллар, уже не обеспеченный золотом, - поддерживается исключительно военной мощью, регулярно задействуемой в разных точках мира, что усиливает указанные выше **стимулы к обладанию ЯО.**

В-третьих, существенно обостряются негативные мировые процессы, связанные с **циклическими тенденциями /37…60/.**

В последние десятилетия неоднократно звучали мнения известных западных экспертов о вступлении развитых стран в "бескризисную" эпоху, о "конце истории", о поступательном ходе прогресса и т.п. Однако реальная динамика событий показывает, что кризисы и волны в развитии общества не исчезают, а лишь модифицируются /37…60/. Наиболее важными из глобальных циклических тенденций являются длинные волны экономического и социально-политического развития, исследованные выдающимся русским экономистом и социологом Н.Д. Кондратьевым, а затем многими другими учеными /37…60/.

В качестве иллюстрации в таблице 1 приведена датировка длинных волн, принятая большинством исследователей /39..57/, причем датировка первых трех циклов принадлежит самому Н.Д. Кондратьеву. Для пятого цикла датировка еще только начавшейся понижательной волны является гипотетической, основанной на экстраполяции длительности предшествующих понижательных волн.

Таблица 2.1. Датировка кондратьевских циклов

Цикл	**Повышательная волна**	**Понижательная волна**
I	С конца 1780-х до 1810 – 1817 гг.	С 1810 – 1817 гг. до 1844 – 1851 гг.
II	С 1844 – 1851 до начала 1870-х гг.	С начала 1870-х до середины 1890-х гг.
III	С середины 1890-х до 1914 – 1921 гг.	С 1914 – 1921 до середины 1940-х гг.
IV	С середины 1940-х до 1968 – 1974 гг.	С 1968 – 1974 до начала 1980-х гг.
V	С начала 1980-х до 2005 – 2010 гг.	С 2005 – 2008 до 2017 – 2020 гг. (?)

Важно подчеркнуть, что **кондратьевские циклы описывают не только экономическое, но и социально-политическое развитие /32..37/**. Иными словами, длинные волны тесно связаны не только с экономикой, но и с политикой и социальными процессами. На это четко указывал сам Н.Д.Кондратьев /38/: "Бурный рост новых производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп, внутри создает предпосылки для обострения борьбы против устарелых и тормозящих развитие социально-экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переворотов. Вот почему, как мы видим, в действительности период длительного повышения конъюнктуры связан с радикальными изменениями в области производства, с полосой частых войн и революционных потрясений". Позднее связь длинных волн с социально-политическими изменениями была подтверждена в целом ряде работ (см., например: Room van 1983; Berry 1991; Полетаев, Савельева 1993).

Знание границ повышательных и понижательных волн, а также высших и низших точек кондратьевских циклов не только позволяет глубже понять уже произошедшие

события, но и достаточно точно прогнозировать переломные точки будущего мирового социально-политического развития.

Датировка длинных волн и прогнозирование переломных точек в социально-политическом развитии может происходить не только на основании исследования динамики различных экономических показателей, но и с помощью учета меняющегося вектора социально-политического развития, учета "знаковых", поворотных политических событий и социальных процессов, которыми, как правило являются великие революции, масштабные войны и геополитические сдвиги.

Так, нетрудно убедиться, что по данным таблицы 2.1, начало повышательной волны I кондратьевского цикла (конец 1780-х гг.) было отмечено Великой французской революцией 1789 – 1794 гг., а конец этой повышательной волны и переход к понижательной волне совпал с апогеем наполеоновских войн (1812 – 1814), которые превратились в войну общеевропейскую. Точно так же переход от понижательной к повышательной волне II цикла в конце 1840-х – начале 1850-х гг. был отмечен революциями 1848 – 1849 гг. в Европе, а завершение повышательной волны II цикла сопровождалось франко-прусской (опять-таки почти общеевропейской) войной 1870 – 1871 гг. Переход от понижательной к повышательной волне III цикла в 1890-х гг. ознаменовался важными событиями не столько на Западе, сколько на Востоке и в России. С одной стороны, разразилась война Японии с Китаем (1894 – 1895 гг.), которая стала прологом к русско-японской войне и к революции 1905 г. в России, а с другой стороны, после голода 1891 г. в 1890-е гг. произошел резкий подъем революционного движения в России (в 1895 – 1897 гг. произошли массовые стачки в Петербурге, в 1895 г. – образование "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", в руководство которого вошел В.И. Ленин, в 1898 г. – Первый съезд РСДРП). Наконец, в 1900 г. произошло восстание ихэтуаней в Китае, которое стало прологом будущих революций в Китае. Иными словами, 1890-е гг. подготовили будущие великие революции в России и в Китае.

Переход от повышательной к понижательной волне III цикла в 1914 – 1921 гг. ознаменовался сразу двумя крупнейшими событиями всемирно-исторического значения – Первой Мировой войной и Октябрьской революцией 1917 г. в России. Оба этих события определили дальнейшее мировое развитие на многие десятилетия. Вместе с тем и завершение понижательной волны III цикла в 1940-х гг. также сопровождалось, с одной стороны, Второй Мировой войной, а с другой стороны, целой цепью революций и восстаний (антифашистские восстания в Италии, Югославии и восточноевропейских странах, освобождение Индии от колониальной зависимости в 1947 г., революция 1949 г. в Китае и др.). Понижательная волна третьего кондратьевского цикла оказалась исключительно насыщенной как мировыми войнами, так и великими революциями.

Переход от повышательной к понижательной волне IV цикла в конце 1960-х – начале 1970-х гг. сопровождался войной США во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии, причем в ходе

вьетнамской войны столкнулись интересы трех великих держав – США, СССР и Китая. Аналогично, переход к повышательной волне V цикла в конце 1970-х – начале 1980-х гг. сопровождался революцией в Иране, антикоммунистической революцией в Польше под руководством профсоюза "Солидарность", началом войны в Афганистане. Наконец, переход к понижательной волне в начале 2000-х гг. сопровождался террористическими актами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, войной США и их союзников в Афганистане (с 2002 г.), войной США в Ираке (с 2003 г.), попытками администрации Дж. Буша развязать конфликт с Ираном, а также "цветными" революциями в Сербии, Грузии, Украине.

Иными словами, из анализа динамики развития Мир-системы вытекает, что общая закономерность при переходе от одной волны к другой состоит в резком усилении социально-политической напряженности в мире, которая приводит к войнам и революциям. При этом при переходе от понижательной волны к повышательной, как правило, происходят крупные революционные потрясения или резкий рост политической нестабильности. При переходе от повышательной волны к понижательной, как правило, происходят масштабные (общеевропейские или мировые) войны или же крупные военные конфликты, затрагивающие интересы многих великих держав.

Исходя из данных тенденций можно определить следующие перспективы. Во-первых, выход из глобального кризиса 2008 – 2010 гг. скорее всего не приведет к стабильному росту, и уже **в 2014 – 2016 гг. весьма вероятен новый мировой экономический кризис /35..37, 58..60/**. Этот вывод следует из структурного подобия нынешней понижательной волны и понижательных волн предшествовавших кондратьевских циклов (К-циклов). Если кризис 2008 – 2010 гг. подобен кризису 1929 – 1932 гг. в третьем цикле и кризису 1969 – 1970 гг. в четвертом цикле, то кризис 2014 – 2016 гг. будет подобен кризису 1937 – 1938 гг. в третьем цикле и кризису 1974 – 1975 гг. в четвертом цикле, соответственно. Кризис 2014 – 2016 гг., как и аналогичные кризисы в предшествовавших циклах, скорее всего может привести к значительной социальной и политической дестабилизации, к социальным потрясениям и военным конфликтам.

График спадов и подъемов мировой экономики на «понижательной» волне пятого К-цикла (фаза «великих потрясений»), рассчитанный В.Пантиным и А.Айвазовым (еще в 2005г т.е до начала «первой фазы» кризиса) представлен на Рис.2.1. Из результатов расчетов следует, что в 2007-2008 годах во всех четырех циклах «самодвижения капитала в рыночной экономике» практически одновременно были пройдены верхние точки роста. И с эффектом резонанса началась фаза падения или рецессии 2008 – 2010гг.: Y(0)max – Y(1)min. Получившая название «первой волны».

Рис. 2.1 График прогнозируемых спадов и подъемов мировой экономики на «понижательной» волне пятого К-цикла(фаза «великих потрясений»

Поскольку материальную основу К-циклов, (по теории С. Глазьева) /45/, составляет технологический уклад (ТУ), то одним из индикаторов текущего глобального финансово – экономического кризиса выступает очередная смена ТУ.

В начале 2000-х гг. был полностью исчерпан потенциал роста пятого ТУ, основанного на микроэлектронике, компьютерной технике, IT-технологиях и мобильной связи, что свидетельствовало об окончании повышательной волны К-цикла, и вхождении мировой экономики в его понижательную волну. В процессе понижательной волны (2008-2020 гг.) произойдет формирования нового шестого ТУ. На понижательной волне К-цикла формируется группа базисных инноваций, обеспечивающих бурное развитие экономики на повышательной волне. Но Кондратьев предупреждал, что «средние циклы (Китчина, Жюгляра, Кузнеца), приходящиеся на понижательный период большого цикла, характеризуются длительностью и глубиной рецессий, при краткости и слабости подъемов».

Поэтому избыточный оптимизм лидеров крупнейших экономик мира от кратковременного подъема в текущем цикле Китчина (восстановление равновесия спроса и предложения товаров 2010 – 2012гг: Y(1)min – Y(4)max) является ИЛЛЮЗИЕЙ СТАБИЛИЗАЦИИ!

Как следует из результатов расчетов Пантина и Айвазова **вторая волна глобального кризиса зримо проявится уже как «новая великая депрессия» в 2014 –2016 годах.** А третья волна – в 2017-2019гг.. И только с 2020 года, когда сформируется группа базисных инноваций шестого ТУ, мировая экономика войдет в «затяжной подъем». А с 2025 года начнется бурный рост на базе нового ТУ. В фазе депрессии внедрение базисных инноваций оказывается единственной возможностью прибыльного инвестирования и, в конце концов, "нововведения преодолевают депрессию" (Г. Менш). В соответствии с результатами оценок повышательная волна шестого К-цикла продлится до 2045 г.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что период 2014 – 2020 гг., подобно периоду 1939 – 1949 гг. и периоду 1975 – 1983 гг., скорее всего будет насыщен социальными и военно-политическими конфликтами. По оценкам аналитиков /40..43, 61…83 / вероятными регионами, которые могут стать ареной этих конфликтов, являются Дальневосточный регион, Ближний и Средний Восток, постсоветское пространство, Пакистан и Индия. Масштабные конфликты, о которых идет речь, как и в предшествовавших циклах, инициируют важные геополитические и геоэкономические изменения, которые в итоге, могут привести к становлению нового мирового порядка и новой модели глобализации. В этой связи у большого количества государств, находящихся в настоящее время на «полупериферии» и «периферии» Мир-системы появляются **мощные стимулы к обладанию ЯО /28/.** Это обуславливается следующими причинами:

- ЯО является наиболее эффективным средством направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов высокой степени интенсивности из подкласса «экстремальных видов оружия», обладающим, к тому же, максимальным значением показателя «эффект от применения - стоимость». Для «слабого актора» межгосударственного конфликта боевые свойства ЯО (как «экстремального вида» вооружений) позволяют в значительной мере скомпенсировать существенный дисбаланс в боевых потенциалах сил общего назначения (СОН) по отношению к «сильному актору». В условиях, когда страны, составляющие ядро Мир-системы и, в первую очередь-США все чаще используют военную силу ,как инструмент проецирования своего влияния в мире (вплоть до ее прямого задействования в различных регионах) альтернативы ядерному оружию для стран периферии и полупериферии (стремящихся к обеспечению субьектности) сейчас нет!
- Стремление к обладанию ЯО непосредственно вытекает из того факта, что (как показывают результаты исследований /28, 31..34/) оно представляет собой геополитический фактор, имеющий один из самых больших «весовых коэффициентов» при определении совокупной мощи государства.
- «Теория борьбы условных информаций» (Д.С.Чернавского) /84/ определяет в качестве одного из базовых геополитических состояний «обьединение «слабых» вокруг «сильного»- против «сильных». В этой связи обладание ЯО позволяет (достаточно «просто») обрести статус **регионального лидера ,** и изменить свое статусное положение в регионе (и в мире в целом), что для ряда стран является одной из наиболее значимых целей внешней политики.

В качестве иллюстрации к сказанному выше приведем некоторые оценки трансформации геополитической конфигурации мира как следствие процесса ядерного распространения (ЯР).

Основой для постановки такой задачи является тот факт, что ЯО это не только военно-политический и военно-технический инструмент обеспечения функционирования страны,

но и атрибут геополитической состоятельности («статусности») государства [28, 31..34].

Содержательно, задача состоит в количественно-качественной оценке влияния ядерного распространения на мировую геополитической иерархию.

Иерархия (геополитический рейтинг государств) рассчитывается на основе такого показателя как геополитический статус страны (ГС), представляющий собой представляющих собой безразмерную «свертку» двух групп параметров:

а) собственно геополитических атрибутов государства, совокупность которых именуется «геополитическим потенциалом»;

б) внешних и внутренних факторов, также влияющих на положение страны на международной арене.

Математическая модель для определения значения ГС (S) в момент времени t предложена В.Н.Винокуровым и Ю.А.Подкорытовым в рамках составной части исследований «Проекты и риски будущего» совместно проводимых РАН и АВН (проект «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики») /31, 34…36/.

В рассматриваемом случае входными параметрами модели являлись различные (варьируемые) уровни ядерного потенциала «пороговых» стран, а основным выходным парметром – изменение ГС государств и «новая» геополитическая конфигурация мира.

По условиям сценарных расчетов ядерный потенциал «потенциально новых» ядерных стран (Японии, Германии, Бразилии, Аргентины, Ирана, Северной Кореи) варьировался в пределах 100 – 500 боезарядов (безотносительно к реальности таких чисел).

В качестве иллюстрации результаты изменения ГС этих стран, адекватно заданным (варьируемым) уровням ядерного потенциала представлены в таблице 2.2.

Анализ результатов полученных при проведении расчетов показывает, что ГС стран могут увеличиваться (при принятых количественных параметрах) до 24%. При этом ведущие страны (Япония и Германия), сравняв свои потенциалы с российским (при достижении ими уровня ядерного потенциала в 500 боезарядов), могут получить прирост ГС примерно на 15%. При этом наша страна «теряет» около 6% своего статуса.

В результате реализации максимального варианта развертывания ядерного потенциала «потенциально новых» ядерных стран (500 ЯБЗ) Россия в геополитическом рейтинге практически сравнивается с Японией и Германией. Надо отметить, что как показывают расчеты, мировые лидеры – США и Китай также при этом потеряют в статусе примерно 8-9%.

Прирост статусов остальных стран все же не позволит им войти в число геополитических лидеров мира, хотя Бразилия существенно приблизиться к ведущим государствам. Таким образом, при принятом сценарии реализации ядерного распространения образуется уже группа стран (Россия, Япония и Германия), занимающих в геополитической иерархии места после главных мировых лидеров (США и Китая).

Таблица 2.2 Прирост (в %) ГС потенциально «новых» ядерных стран и его влияние на ГС России

Кол-во ЯБЗ, шт	Прирост ГС страны (%):						
	Япония	Германия	Иран	Бразилия	Аргентина	С.Корея	Россия*
100	7,0	6,2	10,2	3,8	3,8	12,2	-0,6
500	16,2	15,0	22,1	13,5	13,5	24,3	-5,7

Примечание: * Максимальные «потери» ГС России при увеличении ГС других стран

С учетом вышесказанного можно сделать общий вывод, о том, что для «неядерных» стран ЯО является значимым фактором обеспечения заметной трансформации геополитической конфигурации мира и изменения своего статусного положения, что является мощным стимулом к обладанию ЯО.

В целом, подъитоживая результаты анализа дестабилизирующего фактора мировой политики, связанного с циклическими тенденциями, можно сделать вывод, что в период 2014 – 2025 гг. весьма вероятны крупные геополитические и геоэкономические сдвиги в мире (известным аналогом этих сдвигов являются сдвиги периода 1937 – 1955 гг. При этом роль США и других западных стран может уменьшиться, а роль Китая, Индии и других стран Востока может, напротив, возрасти /32…36/. Наиболее проблемным для принятия решений о проведении сокращений ядерного арсенала России и сложным для обеспечения режима нераспространения в геополитическом плане, если руководствоваться структурным подобием с предшествовавшими циклами, скорее всего станет период 2014 – 2025 гг. К потрясениям этого периода необходимо готовиться уже сейчас. И в первую очередь готовить адекватный потенциал средств направленного действия на потенциально возможных (противостоящих России «акторов» межгосударственных конфликтов), включающий в том числе и «экстремальные средства» воздействия (ЯО) составляющие потенциал стратегического и регионального сдерживания.

Четвертым дестабилизирующим фактором мировой политики, способным оказать существенное влияния на будущее формирование геополитической конфигурации, по мнению ряда экспертов, является возможность резкого изменения климата Земли. Климатические изменения на Земле могут носить не только постепенный характер. Возможен и катастрофический сдвиг, который потребует чрезвычайных, в том числе военных, мер реагирования. Таков, в частности, основной вывод доклада "**Сводка погоды: 2012-2020",** подготовленного профессиональными футурологами по заказу министерства обороны США. Как утверждают эксперты, ожидаемые **глобальные климатические изменения способны полностью дестабилизировать политическую обстановку на планете.**

В основу прогнозов авторов доклада (Питера Шварца и Дугласа Рэндолла) положена гипотеза о возможности того, что в результате природных сдвигов резко изменится динамика океанских течений. В этом случае Европа, Азия и Северная Америка лишатся

тогда привычного тепла. А в Южном полушарии, наоборот, станет жарче. Если произойдет катастрофическое изменение климата, то в качестве основных глобальных опасностей выступят нехватка продовольствия, воды, стратегических полезных ископаемых (не в последнюю очередь нефти). Все это создает основу для военных конфликтов за их обладание. В этом случае неизбежным представляется и распространение ядерного оружия.

Авторы указанного выше доклада отмечают следующее: "Поскольку в мире насчитывается всего пять или шесть ключевых зернопроизводящих регионов (США, Австралия, Аргентина, Россия, Китай и Индия), то излишков при глобальных поставках продовольствия оказывается недостаточно, чтобы нейтрализовать последствия суровых погодных условий одновременно в ряде регионов, разве что в четырех – пяти».

Легко видеть, что если указанный футурологический прогноз станет реальностью, то о «глобализации», во всяком случае в том виде, как она представляется сейчас, похоже, придется забыть. В указанном выше докладе представлена возможная картина разобщенности и вражды стран и регионов, в условиях когда на земном шаре резко изменится климат, и связанные с ним представления о реальном благополучии. По мнению авторов доклада, в тяжелом положении может оказаться Европа, которая «станет холоднее, суше, ветренее и будет больше походить на Сибирь». В условиях нехватки продовольствия начнется массовый исход населения. Более холодные зимы и слишком знойное лето способны породить широкомасштабный голод в Китае. Авторы доклада отмечают, что располагающие ядерным оружием Индия, Пакистан и Китай могут втянуться в пограничные конфликты из-за потоков беженцев, а также прав на пахотные земли и богатства общих рек. В указанных условиях США придется сдерживать наплыв масс мигрантов из других стран.

В Мир-системе, считают авторы доклада, могут произойти самые невероятные и противоречивые изменения. Как полагают ученые «Соединенные Штаты и Канада могут стать единым целым, облегчая задачу охраны границ». Или же «Канада может закрыть от других свои гидроэнергоресурсы, создав энергетические проблемы для США. Север и Юг Кореи могут вступить в союз, чтобы создать единое образование, располагающее высокоразвитыми технологиями и ядерным оружием. Европа может действовать в качестве единого блока, урегулировав проблемы миграции между отдельными европейскими государствами и обеспечив оборону от агрессоров». Что касается нашей страны, то «Россия, располагающая богатыми запасами минералов, нефти и природного газа, может присоединиться к Европе". Но именно из-за своих ресурсов Россия может стать объектом устремлений других стран.

Авторы доклада составили следующий примерный "график" вероятных драматических событий, связанных с климатическими изменениями, для отдельных ключевых регионов мира:

Европа:

- 2014г…2015 гг. - холода могут вызвать движение на юг населения скандинавских государств, которое наталкивается на сопротивление со стороны других стран Европейского союза;

- 2015 г. - возникает конфликт внутри ЕС по поводу продовольственного и водоснабжения, что приводит к стычкам и напряженности в дипломатических отношениях;

- 2018 г. - Россия вступает в ЕС, обеспечивая его энергоресурсами;

- 2020 г. - идет миграция населения из северных стран, таких, как Нидерланды и Германия, в сторону Испании и Италии;

- 2020 г. - Нарастание стычек по поводу водопользования и иммиграции;

- 2022 г. - Столкновение между Францией и Германией из- за коммерческого доступа к Рейну;

- 2025 г. - ЕС близок к распаду;

- 2027 г. - Усиливается миграционный поток в страны Средиземноморья, такие, как Алжир, Марокко и Израиль;

- 2030 г. - Почти 10 проц. европейского населения перемещаются в другие страны.

Азия:

- 2014 г. - Региональная нестабильность заставляет Японию создавать потенциал внешнего силового воздействия;

- 2015 г. - Стратегическое соглашение между Японией и Россией об использовании энергоресурсов Сибири и Сахалина;

- 2018 г. - Китай идет на вмешательство в Казахстане для защиты трубопроводов, на которых постоянно совершают акты саботажа мятежники и преступники;

- 2020 г. - Незатухающий конфликт в Юго-Восточной Азии; участвуют Мьянма, Лаос, Вьетнам, Индия, Китай.

- 2025 г. - Резко ухудшаются внутренние условия в Китае, что ведет к гражданской войне и пограничным войнам;

- 2030 г. - Растет напряженность между Китаем и Японией из-за энергоресурсов России.

Америка:

- 2014 г. – Возникает поток беженцев на юго-восток США и в Мексику с островов Карибского моря;

- 2015 г. - Миграция европейцев в Соединенные Штаты (в основном богатых);

- 2016 г. - Конфликт с европейскими странами по поводу прав на ведение рыбного промысла;

- 2018 г. - Защита Северной Америки по периметру, создание интегрированной системы безопасности совместно с Канадой и Мексикой:

- 2020 г. - Министерство обороны начинает ведать вопросами охраны границ и сдерживания потока беженцев из стран Карибского бассейна и Европы;

- 2020 г. - Растут цены на нефть, в то время как безопасности поставок угрожают конфликты в зонах Персидского залива и Каспия;

- 2025 г. - В связи с внутренней борьбой в Саудовской Аравии военно-морские силы Китая и США стягиваются в Персидский залив - для прямой конфронтации.

Разумеется, представленный авторами доклада график может рассматриваться лишь как один из гипотетических негативных сценариев будущего. Вместе с тем, необходимо отметить следующее.

По словам ученых, Земля уже пережила нечто подобное 8200 лет назад. Человечеству известно, в частности, совсем недавно происшедшее по историческим меркам явление - Малое оледенение. Оно продолжалось примерно с 1300 по 1850 год. Из-за ухудшившихся погодных условий европейцам пришлось покинуть Гренландию, увяла цивилизация викингов. Лишь с 1315г. по 1319 год голод выкосил десятки тысяч людей, подчеркивается в докладе. А ведь тогда человечество было куда малочисленнее.

В свете вышесказанного напрашивается естественный вопрос: в какой степени фундирован приведенный выше футурологический прогноз. Не является ли он одной из многочисленных «страшилок», которыми переполнена в настоящее время не только «желтая пресса», но и вполне респектабельные СМИ?

В этой связи необходимо отметить следующее. Как отмечается рядом исследователей, лавинообразный рост геофизических катаклизмов и аномальных погодных явлений в последнее время не имеет аналогов в обозримом прошлом. Число землетрясений и климатических аномалий за последние 15 лет равно числу землетрясений и аномалий за все предыдущие годы наблюдений, а это как минимум 150 лет. Не только 2011г., но и 2010 год были отмечены небывалым количеством разрушительных стихийных бедствий в самых разных уголках земного шара — начиная с масштабного январского землетрясения на Гаити, в результате которого погибло около 300 тыс. человек, и заканчивая непрекращающимися (сентябрьскими 2011г.) проливными дождями в Германии, в результате которых в Саксонии 28 сентября была объявлена чрезвычайная ситуации в связи с угрозой затопления.

Причем годовая динамика роста землетрясений дает основание полагать, что в ближайшие годы число сейсмических катастроф может возрасти в разы, возможно, в десятки раз.

Помимо изменения динамики океанских течений важным глобальным фактором, который может определять геофизическую обстановку является начавшаяся (по мнению значительного числа геофизиков) смена магнитных полюсов планеты, которая по научным прогнозам произойдет в обозримом будущем. А последствия будут сказываться по меньшей мере до 2015-2020 гг.. «Переполюсовка» проявляется в заметном снижении напряженности магнитного поля

Земли, что на определенное время способно привести к усилению воздействия на поверхность планеты космического излучения, и может вызывать землетрясения и сильные изменения климата.

Третьим фактором (порождающим «переполюсовку») по мнению многих экспертов является начавшаяся перестройка циркуляции вещества в ядре Земли. При этом происходит резкий рост потоков тепла из центра Земли к ее поверхности, дополнительные изменения климата и резкий скачек числа и интенсивности землетрясений.

Четвертый глобальный фактор - рост активности Солнца, которого еще не знала наука. Этот фактор в свою очередь также приводит к росту сейсмической активности и изменениям климата.

Все факторы, складываясь кумулятивно, могут породить лавинообразный рост глобальных геофизических и климатических изменений на планете. Яркими проявлениями этих изменений были погодные аномалии лета 2010г.

Что касается фактора солнечной активности, то исследователями отмечалось, что практически все серьезные геофизические катаклизмы и климатические аномалии 2010 г. коррелированны (т.е. статистически взаимосвязаны) с изменениями активности Солнца.

Современная наука затрудняется сказать, что же происходит с нашим светилом. Все теории активности Солнца потерпели фиаско в последнее время. На 2008 год пришелся наиболее глубокий спад активности Солнца, за которым должна была последовать активизация светила в рамках гипотезы 11-летнего цикла, которая не давала сбоев на протяжении почти двух с половиной веков. Начала максимума активности ждали еще в мае 2009 г., однако период затишья аномально затянулся. Вспышки на видимой части солнечного диска практически отсутствовали в течение большей части дней как 2008-го года, так и 2009-го года. К лету же 2010-го года Солнце активизировалось настолько, что вспышки и магнитные бури стали регулярными и все более мощными, а пятна, которых не было вовсе на протяжении предыдущих лет, появляются постоянно и в большом количестве.

По мнению ряда исследователей солнечная активность была одной из основных причин аномально жаркого лета 2010г. на российской территории. К концу июня над европейской частью России сформировалась область повышенного давления, которая должна была просуществовать 2-3, от силы 4 недели. Но как раз в это время необычно активизировалось Солнце: вспышки и магнитные бури следовали одна за другой, а пятен появлялось одновременно несколько. При повышении солнечной активности барические образования, циклоны и антициклоны делаются более устойчивыми и существуют намного дольше обычного. Там, где было жарко, становится еще жарче, а там, где лили дожди, будет еще дождливее. Поэтому жара стала характеризоваться не привычными в жаркое лето +30…32 градусами, а в конечном итоге перевалила за 40 и держалась рекордное для наших широт время.

Усиление солнечной активности вызывает не только геофизические катаклизмы и погодные аномалии на Земле. Процессы, происходящие на Солнце, оказывают воздействие на все живое на планете, в том числе влияют на психику и поведение людей.

Основатель «солнечной науки» гелиобилогии А.Л. Чижевский всю свою жизнь посвятил исследованию влияния активности Солнца на биологические и социальные процессы, происходящие на Земле. Он считал, что периодичность войн и революций, взлеты и падения в экономике, крушения империй и культурные подъемы, пики эпидемий и катастроф - все эти процессы зависят от солнечной активности. Причем подкреплял свои выводы огромным массивом исторических данных /85…87/.

Чижевский на основе строго научного исследования доказал, что активность Солнца, в частности, интенсивность «пятноообразования», оказывает очень существенное влияние на поведение человека, вызывая резкие перепады настроения, неожиданные приступы агрессин или глубокую апатию и пассивность в ситуациях, требующих срочных действий.

Распространение перечисленных поведенческих признаков на большие группы людей носит название «психических эпидемий», или «волн деменций» /18…21/. Как отмечал А.А.Денисов обобщенной характеристикой «волны деменций» является массовая потеря способности к адекватному реагированию, при которой сохраняются либо только избыточно пассивные реакции, либо избыточно агрессивные. Чем сильнее «эпидемия», тем большее число людей ею охватывается и в более выраженных формах проявляются описанные поведенческие признаки. Что создает крайне опасные, никем не контролируемые социальные эффекты.

В свете вышесказанного в определенной мере может найти свое объяснение (в геофизической области) «революционная волна», прокатившаяся по Ближнему Востоку и странам Магриба в 2011 – 2012гг.

Удастся ли человечеству уберечься от вероятных невзгод красочно описанных в докладе МО США "Сводка погоды: 2012-2020гг."? По мнению авторов доклада, достаточно успешно климатической катастрофе могут противостоять США и Австралия, которые "окружат себя крепостью, поскольку у них есть ресурсы и запасы, позволяющие достигнуть самообеспечения". России, по их мнению, защититься будет труднее. Авторы рисуют следующий футурологический прогноз: "Представьте себе страны Восточной Европы, которым все труднее прокормить население из-за падающего поступления продовольствия, воды и энергии. …….. Они смотрят на Россию, чье население уже сокращается, и желают получить доступ к ее зерну, минералам и энергоресурсам. Или вообразите Японию, страдающую от затопления прибрежных городов и загрязнения запасов пресной воды. В качестве источника энергии она вполне может рассматривать нефтегазовые ресурсы российского острова Сахалин". В этой связи, с учетом произошедшей в Японии в марте 2011 г геофизической катастрофы рассмотренная выше гипотеза о возможном ядерном статусе Японии приобретает новые основания.

В качестве **пятого** дестабилизирующего фактора мировой политики препятствующего сокращениям ядерного арсенала России и объективно стимулирующего процессы

«горизонтального» распространения можно указать на переход к постиндустриализму и формирование нового баланса сил в военно-политической области /20/.

Осознание выхода из-под контроля Запада ряда социально-политических и экономических процессов в настоящее время (на Западе) оформилось в «Концепцию Восстания Азии», которая все чаще используется в политическом дискурсе как заменяющая концепцию «столкновения цивилизаций». Ее суть, озвучиваемая рядом аналитиков, кратко состоит в следующем.

В соответствии с данной концепцией Европейская цивилизация с момента своего возникновения развивалась в определенной мере как «единая квазиимперия» («ядро» Мир-системы). Внутри нее происходили мощные конфликты и войны, в разные периоды глобальный центр власти и капитала располагался в разных странах. Но со времен Римской империи и по сегодняшний день «Европейская империя» почти всегда имела единый (тайный или явный) источник власти. Последние чуть менее 100 лет, прошедшие с момента создания ФРС США, центром власти и капитала в «Европейской империи» являются США.

Развитие Европейской империи последние 400-500 лет сопровождалось непрерывной и все более хищнической экспансией в другие регионы мира. Так были созданы США, покорена Латинская Америка, порабощена Индия, в опиумных войнах разрушена великая китайская империя, чудовищному разорению подверглась Африка.

По мнению сторонников указанной концепции, распад СССР привел к тому, что «Восстание» народов Азии, начавшееся после Второй мировой войны, перешло в новую стадию. Оно может получить в качестве своего «глобального лидера» – Китай. Уже намечается ряд «состоявшихся региональных лидеров»- Иран, Турция, а также претендующих на лидерство стран (Пакистан, Египет,).

Как утверждают сторонники концепции «Восстания Азии», оно фактически стало локомотивом международного движения под лозунгом «Освобождения народов всего мира от удушающей хватки Европейской империи». Его целью является повсеместное изгнание европейцев - не только в Азии, но везде! - в свои исконные земли, в места первичного расселения, где они жили, по крайней мере, до 15-го века /20/.

Необходимо отметить, что концепция «Восстания Азии» против ядра Мир-системы не нова. Но стратегическое поражение, которое потерпела Европейская империя в Азии к началу 2009 г., заставило Запад обратить на эту концепцию самое пристальное внимание и принять ее в качестве теоретической базы реальной политики. В настоящее время политический истеблешмент Западного мира, несмотря на наличие определенных противоречий между властными элитами объединен в позиции, что Запад должен бороться с «восставшей Азией».

Сейчас Запад стоит перед альтернативой выбора рациональных поведенческих стратегий в складывающейся военно-политической ситуации.

С одной стороны принятие «Концепции» как основы реальной политики противостояния «Восстанию Азии» может потребовать перестройки всей Европейской империи на военные

рельсы. Нужно перераспределить власть от гражданского чиновничества, сосредоточив ее в руках **наднациональных военно-политических организаций** (не национальных!), поскольку необходимо предельное напряжение сил всех народов, составляющих «Европейскую империю», нужно изменить облик НАТО, сделав из оборонительного военного союза «дальнодействующий» инструмент для реализации мер противостояния «восстанию».

Напряжение сил для военного и политического противостояния успешному «Восстанию Азии» (во главе с Китаем) требует сконцентрировать имеющие ресурсы для войны. Это может привести к заметному сокращению потребления, разрушая средний класс - основу социальной стабильности стран «Европейской империи» и лишая социальных привилегий сторонников либерализма и национальные госбюрократии /16..20/.

С другой стороны, очевидно, что однозначно идти на указанные меры Западный мир сейчас не готов. По крайней мере в основных властных консорциях Запада нет (и не может быть) консенсуса по данному вопросу.

Поэтому в настоящее время наряду с подготовкой к возможному военному противостоянию с «полупериферией» и «периферией» Мир-системы в военно-технической (создание системы «быстрого глобального удара») и институциональной (принятие новой стратегической концепции НАТО, вовлечение России в НАТО в качестве «младшего партнера») сферах реализуется так хорошо себя зарекомендовавшая ранее стратегия **«непрямых действий»** на основе использования технологий **«управления хаосом».**

В рамках реализации стратегии непрямых действий Запад стремиться использовать исламистские движения против тех стран Арабского мира, которые хотели бы вести «свою игру» в экономике и политике.

Это мы наблюдали и сейчас наблюдаем в Египте, Ливии, Сирии и др. странах Азии и Магриба.

В связи с противостоянием «Центра» и «периферии» Мир-системы возникает вопрос: вчера - Ирак, сегодня – Тунис, Египет, Ливия и Сирия, а кто будет «демократизирован» завтра?

Первый кандидат достаточно очевиден - это Иран, который «виноват» по двум главным причинам: у него огромные запасы энергоносителей и он стремится к региональному лидерству. Что касается второго кандидата, то есть все основания полагать, что (помимо Сирии) им может стать исламизирующаяся Турция, проводящая антиизраильский курс, которая буквально на глазах превращается в региональную сверхдержаву. Видимо не зря США отказывается от размещения компонентов «евроПРО» в Турции, несмотря на то, что с географической точки зрения это самое выгодное размещение (наверно, «зная», что там скоро будет «жарко»).

Почему после Сирии именно Турция (несмотря на членство в НАТО) может стать очередным объектом применения технологий управления хаосом?

Можно указать на следующие возможные причины такой политики США.

Во-первых, мировой финансовый кризис и недальновидная военная политика администрации Дж. Буша-мл. привели американское государство на грань банкротства. Это заставило поставить в повестку дня вопрос об оптимизации затрат и модернизации военно-политической системы управления на Ближнем и Среднем Востоке. Например, дополнив Израиль независимым Курдистаном.

Курды уже давно стремятся к созданию собственного независимого государства, они очень активны, однако идею их независимости категорически не принимают их соседи: Турция, Иран, арабские страны. Все это является надежной гарантией того, что провозглашенный независимый Курдистан окажется в агрессивном окружении и будет загнан в ситуацию, когда он не сможет примириться с соседями, дополнив тем самым Израиль. При этом в Курдистане находятся богатые нефтяные поля, нефтедобыча на которых уже сейчас обеспечивает самофинансирование военной активности курдов.

Принимая во внимание, что США выводят свои войска из Ирака и сократили сроки вывода войск из Афганистана, а также учитывая другие признаки, можно предположить, что американцы концентрируют свои силы и средства, проводят упреждающую перегруппировку объектов военного управления в преддверии геофизических, климатических и социальных потрясений.

В этой связи становится понятным, почему США и другие страны совместными усилиями срочно создают новую конфигурацию безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. Конфликт Израиля с арабами это - религиозная война, которая длится уже три поколения (60 лет). Из нее нет выхода кроме полного военного разгрома одной из сторон.

В этих условиях центр тяжести в создании новой конфигурации безопасности на Ближнем и Среднем Востоке переносится на срочное формирование новых и/или использование уже существующих конфликтов **ВНУТРИ** исламского мира.

Таким образом, достигается «разминирование» религиозной войны между иудаизмом и исламом и создается механизм сохранения и/или быстрого восстановления европейского и американского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке .

В свете вышесказанного становятся понятны происходящие изменения в НАТО.

После принятия новой стратегии НАТО изменятся в сторону **глобализации** своей деятельности и при этом **существенно расширяет трактовку** базовой статьи №5 Североатлантического договора, определяющей условия применения альянсом военной силы.

Условия, требуемые для выполнения основного обязательства НАТО, изложенного в статье 5 Североатлантического договора, согласно положениям «Стратегии» принимают «новую форму». Введение понятия **«новые угрозы»** позволяет весьма расширенно трактовать, «что же является нападением в рамках статьи 5» (Часть вторая. Глава 1. «Условия безопасности»). Как следует из упомянутых выше рекомендаций, в качестве «casus belli» могут рассматриваться следующие условия (Часть вторая. Глава 1):

1. «…совершаемые с целью нанесения урона обществу **кибернападения**…». Теперь уже не надо напрягать силы на организацию сложных и опасных провокаций типа операции «Танненберг» (Гляйвиц) и «Тонкинского инцидента». За хакерской атакой (реальной или фиктивной) с территории какой-либо страны может последовать «ассиметричная» военная реакция.

2. «…противозаконное нарушение функционирования критически важных путей снабжения…». Теперь в странах, по территории которых проходит газопровод Набукко, можно будет легко найти соответствующий предлог для вмешательства. Действия России в Арктике по обеспечению национального контроля над Севморпутем также могут «попасть под 5-ю статью».

3. «…провокационные заявления, задуманные как средство политического шантажа», представленные в некой «…гибридной разновидности, сочетающей неуловимость террористической группы с мощью ассоциированной с государством-нацией…»(!?). Иначе говоря, «весь Ближний и Средний Восток (и особенно Иран) уже априорно «виновны» и подлежат «умиротворению» в рамках 5-й статьи.

4. Игнорирование государством неких «глобальных норм», иначе говоря, «плохое поведение». Т.е., например, Иран может сколько угодно доказывать отсутствие у него ядерных планов и даже «закрыть» ядерную энергетику и прекратить обогащение, он все равно **останется объектом применения пятой статьи.** Сирийское руководство, подавляя вооруженный мятеж на своей территории, также становится объектом приложения системы «эффективной обороны» НАТО.

Совершенно ясно, почему НАТО так единодушно «набросилось» на Ирак. Ирак как глобальный источник энергоресурсов был обречен из-за своих геополитических амбиций.

5. «…вызовы, которые не затрагивают напрямую ее безопасность, но… **важны для граждан** стран НАТО…»(!) В этой связи уместен вопрос: значит ли теперь, что если Россия решит, например, пересмотреть грабительские условия нефтегазовых концессий на Сахалине или потребовать строгого выполнения экологических условий, то там появится флот НАТО?

В контексте изменений в стратегии НАТО возникает вопрос - с чем это связано? Являются ли они результатом циклических изменений в мировой политике, переходом от интравертности к экстравертности, или за всем этим стоят более глубокие фундаментальные основания. На этот вопрос выше уже частично был дан ответ, связывающий изменения с ожидаемыми геополитическими процессами. Его можно расширить с позиции Мир-системного анализа на основе математического моделирования глобальных процессов, т.е. не на уровне гуманитарного дискурса, который, как правило, приводит к бесконечной дискуссии между сторонниками и противниками партнерства с НАТО, а на уровне строгости, приближающейся к логико-дедуктивному.

Использование динамических методов моделирования макроэкономических процессов показывает, что в условиях рыночной конкуренции экономическое равновесие, существование которого является краеугольным камнем классической экономической теории, имеет неустойчивый характер, чреватый кризисными явлениями /32..39/. Для стабилизации равновесия необходимо:

либо перейти к регулированию экономики, отказавшись от рыночных принципов (как это делали в СССР и других социалистических странах) или существенно ограничив рыночную стихию (как это делают во всех странах во время экономических кризисов);

либо (если нет желания ограничивать рыночную конкуренцию) обеспечить приток **дополнительных ресурсов** в экономическую систему, который позволяет выжить неудачникам в конкурентной борьбе и делает возможным сглаживание социальных противоречий. В этом случае возникает «игра с положительной суммой»: это уже не равновесие, идет постоянный экономический рост. И этот рост ни в коем случае не должен остановиться, иначе рыночная система дестабилизируется.

Таким образом, как показывает моделирование /32..39/, экономическая система в условиях рыночной конкуренции может стабильно существовать только при постоянном вливании дополнительных ресурсов извне. То есть **для стабильного существования такой системы необходимо наличие периферии, из которой можно черпать дешевые ресурсы**.

В этих условиях **НАТО является инструментом поддержания устойчивости системы «центр-периферия»**, в которой только и может существовать Западный мир. В этом и состоят новые функции альянса. Фактически современное НАТО после принятия новой стратегической концепции есть объединение государств Западного мира, составляющих центр Мир-системы для силового обеспечения эксплуатации периферии. Это наглядно проявилось в марте 2011г в Ливии.

Принятие новой стратегической концепции НАТО вкупе с использованием концепции подавления «восстания Азии» как инструмента реальной политики Запада являются сильными дестабилизирующими факторами **стимулирующими стремление** государств периферии и полупериферии Мир-системы **к обладанию ядерным оружием, как единственным средством сдерживания.**

2.3 Зачем Америке нужна «большая война»?

Один из авторов концепции «циклов лидерства» американский политолог Дж. Модельский утверждает, что война «оправдывает и узаконивает международную систему статусов, на вершине которой находятся великие державы; в свою очередь, статусная система рассматривает войну как средство своего самосохранения» [88]. В рамках этого подхода глобальные процессы, которые происходят в системе современного мира, с неизбежностью ведут к существенным трансформациям его статусной структуры, которая представляет собой три базовых элемента: *центр*, *полупериферию* и *периферию*. Эти

изменения представляется возможным рассматривать как потенциальный источник крупномасштабных военных конфликтов.

Системный кризис, соединив в себе разбалансированность пиратствующей финансовой системы при исчерпании модели экономического роста на основе кредитного стимулирования потребления, подвел страны Запада во главе с США к черте стратегического ресурсного голода, увеличив тем самым риск военного разрешения конкурентных противоречий. Положение усугубляется и духовным кризисом современного Запада, который в свое время, поддавшись торгашескому азарту, променял Библию на кодекс прав и свобод человека, истощив в итоге до последнего предела и свой духовный ресурс.

В последнее время активно обсуждается тезис о том, сегодняшний мир находится накануне масштабных геополитических и технологических сдвигов. Мир переживает фазу «великих потрясений» в мировом эволюционном цикле, который начался в 1980-х годах и предположительно закончится к середине XXI века [66].

Как было отмечено выше (в п.2.2) Мир-систему ожидает нарастание экономической, политической и социальной нестабильности, которая, по мнению экспертов [32..37, 39..44, 47..49, 60..67], приведет ко второй волне глобального экономического кризиса. Этот этап кризиса может стать историческим рубежом в развитии мирового политического устройства. При этом ожидается дестабилизация мировой финансово-экономической и политической системы, которая породит небывалый рост социальной, а также внутри- и внешнеполитической напряженности в большинстве стран мира.

Вторая волна кризиса, поставит основных игроков G20 перед необходимостью найти альтернативы слабеющему доллару, оптимизировать механизмы регулирования финансовых рынков, сбалансировать условия международной торговли, искать способы стабилизации цен на продовольствие.

Политические и финансово-экономические кризисы 2013 – 2014 гг. могут стать прелюдией к драматическим событиям предполагаемой третьей, завершающей части (2014 – 2018 гг.) «великих потрясений». Эти события могут определяться неконтролируемым и непредсказуемым распадом нынешних геополитических и социальных структур. Таким образом, в период с 2012 по 2018 гг. мир может стать свидетелем важнейших геополитических трансформаций.

Согласно оценкам экспертов РАН итогом нынешнего финансово-экономического кризиса неизбежно станет кардинальное изменение расстановки сил на политической карте мира /32..37, 39..44, 47..49, 60..67/. Завершается единоличное военно-политическое господство США в мире, а также их мировое экономическое лидерство, продолжавшееся целое столетие. США не выдержали испытания монополярностью, истощив себя непрерывными войнами на Ближнем и Среднем Востоке в последнее десятилетие. У США сегодня недостаточно ресурсов, чтобы оставаться мировым лидером. «Роль США как

сверхдержавы заканчивается» заявляет Федеральный министр финансов Германии П. Штайнброк [89].

Реальная многополярность предполагает более сбалансированное международное распределения богатств, а также трансформацию международных институтов – ООН, МВФ, ВБ и других. Особенно устарели глобальные институты управления мировой экономикой – МВФ, ВБ и др.. В них сегодня главенствуют интересы США и Западной Европы и слабо представлены интересы стран с быстро развивающимися экономиками. Недавно, даже сам МВФ на своей очередной годичной сессии 2011 г. признал, что «Вашингтонский консенсус» окончательно рухнул и призвал создать такую глобальную экономику, в которой станет меньше рисков и неопределенности, финансовый сектор будет регулироваться государством, а доходы и блага будут распределяться по справедливости [89].

В последнее десятилетие активно обсуждаемой темой в экспертном сообществе является предположение о том, что центр мирового экономического развития переместится с Запада, где он находился с начала промышленной революции, на Восток – в Азию. Указывается, что совокупная доля Восточной Азии и Южной Америки в мировом ВВП достигнет уже к 2020 году порядка 60%, из которых 45% будут приходиться на одну только Азию [36].

Следуя такой логике, политологи выстраивают гипотезу о том, что экономический рост неизбежно приведет к усилению самостоятельности и политического веса Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом делается вывод о том, что именно таким образом, может быть положен конец отжившей свой век геополитической структуре с центром на Западе. В рассматриваемом случае Китай и Индия как две великие державы с самым многочисленным населением в мире определят основные направления и темпы будущего мирового экономического развития. Утверждается бесспорность тезиса о том, что главная битва за мировое лидерство развернется между США и Китаем, которая и определит социально-экономическую модель постиндустриального мира, а также доминирующий тип политической системы XXI века.

Политологи, которые придерживаются подобного подхода, могут сколько угодно программировать общественное мнение и гипнотизировать себя рассуждениями о скорой утрате политического лидерства Западом. Но, говоря словами американского классика, «слухи об этом сильно преувеличены». При всех известных противоречиях правящих элит «золотого миллиарда», при всех проблемах нынешнего экономического кризиса и возможных будущих мировых потрясений, Запад консолидирован и преисполнен мессианской решимости осуществлять свою экспансионистскую доминантную политику в планетарном масштабе на основе своих идейно-догматических оснований при «руководящей и направляющей роли» англо-американского протестантизма. Именно англо-американский тип мировоззрения и мышления, в основе которого лежат незыблемые догматы протестантизма, способен добиваться невиданных практических результатов в

политике и экономике в сравнении с *подражательным* типом мышления в языческих цивилизациях Китая, Индии и проч. [90, 91].

В свое время ещё М. Вебер, изучив буддизм, индуизм, конфуцианство, пришел к выводу, что ни одна из этих религий не обеспечила и не могла обеспечить основ капитализма западного типа с его уникальными возможностями осуществлять все виды экспансии [92].

Казалось бы, Китай, Индия, Индокитай, весь полуторамиллиардный исламский мир, а также и экваториальная Африка, составляющие абсолютное большинство человечества должны представлять собой главенствующую основу мирового сообщества и задавать ему направление развития. Однако в этом аспекте о них даже не может идти речи, несмотря на очевидные успехи того же *языческого* и потому *бессубъектного* Китая, лидерские и гегемонистские амбиции и потенции которого, по нашему мнению, преувеличены.

Реальными господами современного глобального мира выступают ментально структурированные и весьма малочисленные *субъектные* политические образования, опирающиеся на основы протестантского ментально-догматического мышления. Они способны в отличие от всех остальных осуществлять *проектные* функции в геополитике, проводя при этом антихристианскую политику как в постхристианском мире, как и за его пределами /91/.

США в качестве государства существуют немногим более двух столетий и составляют весьма небольшую часть в населении планеты. Но как реальное ментальное образование они опираются на свои унифицированные истины *a priori*, которые они догматически предписывают всем иным государствам мира.

Вместе с тем, Китай, который существует четыре тысячи лет и по количеству населения многократно превосходит Соединенные Штаты в силу своего *языческого* и потому недогматического и *бессубъектного* менталитета, ни на какую общезначимую истину *a priori* для предъявления ее всему миру не претендует и претендовать не может. Как следствие, вместо «строительства коммунизма» он ускоренными темпами под руководством КПК, строит буржуазное общество потребления по заёмному образцу, но с китайской спецификой, принимая извне, *копируя* экономические, правовые, этические и ментальные нормы и стандарты.

Индия и всё дальневосточное язычество также представляет собой хотя и густонаселенные, но ментально *инертные* образования. Это позволило им сохраниться, несмотря на разрушение других языческих культур ментальной экспансией евроатлантического протестантизма. В результате этой экспансии и на Дальнем Востоке, и в Индии установка *языческой* ментальности на *подражание* природным и космическим процессам заменяется установкой на *подражание* стандартам западной цивилизации, прежде всего в ее англо-американском варианте /91/.

В процессе глобализации происходит дальнейшее нарастание кардинального расслоения человечества еще по одному принципу. Лидирующие *субъекты* передовых научно-технических, опытно-конструкторских, технологических разработок, ноу-хау и пр. неизменно воспроизводятся в США, в Западной Европе и в России, выражая *технократическую* экспансию европейского, *субъектного*, т.е. *креативного* типа менталитета [92]. При этом, что вполне закономерно, основные производственные мощности и обслуживающее технику население сосредоточено в *бессубъектных*, т.е. *адаптивного* типа политических образованиях, относящихся главным образом к тем менталитетам, где утвердилась и получила развитие многотысячелетняя языческая традиция *заимствования* и *подражания*. Прежде всего, это Дальний Восток, выполняющий *объектную* роль в АТР и в глобальном «разделении труда» в целом [93].

В 60–70-е годы и позже мир поражался рывку тихоокеанского региона во главе с Японией. Но тихоокеанская эпопея, если не брать во внимание одни только технико-экономические показатели, на самом деле весьма банальна. Речь идёт всё о том же эпигонстве, заимствовании, языческом *заимствовании* и *подражании* евроатлантической модели, которая насаждалась не только во время, но и после американской военной оккупации Японии в 1945 г. [94].

Тем не менее, все успехи, очевидные и несомненные достижения современного Китая в ментальном плане построены на основе традиции *заимствования* и *подражания* стандартам и достижениям *субъектных* и *креативных* цивилизаций в лице США, Европы и России. А теперь уже и Японии.

В связи с этим мы вправе поставить простой, но фундаментальный вопрос – как может *подражательно-адаптивная* китайская цивилизация, повторяющая «зады» первопроходцев современной цивилизации, претендовать на роль лидера в стремительно глобализирующемся мире, где первенство давно захвачено, утверждено и поделено *креативными* цивилизациями?

Как в *качественном* и *креативном* плане может претендовать на мировое лидерство страна, где вся наука, техника, современное промышленное производство, освоение космоса, организация армии и флота, даже военная форма выполнены по западным, а в недалеком прошлом по советским образцам?

Для китайцев наивысшей ценностью был и остается сам Китай, а не лидерство, и, тем более, не мировое господство. Идея тотального доминирования и расширяющейся экспансии – отличительная черта англо-саксонского мира, руководимого духом морских разбойников и торговцев, как метко заметил О. Шпенглер. Вместе с тем Пекин в локальном плане отчетливо претендует на главную роль в пределах Евразии и едва ли откажется от своих претензий. Этим целям служит реализуемая Китаем концепция «мягкой силы» проводимая через культурное влияние, совместные проекты и финансовое участие [95].

В отличие от Китая операторы власти однополярного мира и элита «золотого миллиарда» агрессивно, последовательно и тотально утверждают свои ценности и стандарты в процессе глобализации в качестве общеобязательных требований ко всему миру как неотъемлемые условия своего лидерства. Действуют они, говоря словами А.С. Панарина, в духе мессианской самоуверенности, догматически-репрессивными, тоталитарными методами [96]. Они не останавливаются перед угрозой применения военной силы и собственно её применением. Достаточно вспомнить о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., о трёх миллионах вьетнамцев, погибших в результате американской агрессии в 60-е – 70-е годы XX в. Не будем также забывать о многочисленных государственных переворотах, организованных спецслужбами США, наконец, о бомбардировках Югославии с последующим её расчленением, разрушении Ирака, Афганистана, Ливии, о скрываемой, но реальной агрессии против Сирии.

Для того чтобы понимать и прогнозировать происходящие в мире глобальные процессы необходимо помнить догмат, лежащий в основе национальной стратегии Соединенных Штатов – догмат неприемлемости для Америки потери мирового лидерства. Как показывает анализ американских декларативных документов, главенство в мировой геополитической иерархии рассматривается американским правящим режимом и политической элитой как необходимое условие процветания и развития страны в XXI веке.

Результаты математического моделирования геополитической динамики, которое проводили аналитики Академии военных наук совместно с РАН, позволяют сделать вывод о том, что победная война, причем, обязательно «конвенциональная» является практически единственным инструментом США для нейтрализации риска утраты геополитического лидерства [28, 34…36].

При этом мы должны понимать, что лидерство как таковое имеет для слабеющего мирового гегемона по-американски чисто прагматический характер. В первую очередь оно необходимо для обеспечения потребительских интересов «золотого миллиарда», то есть оно прямо или косвенно направлено против остального человечества. Глобальное лидерство – это своеобразный и довольно надёжный сертификат на право безраздельного владения, распоряжения и пользования всеми ресурсами планеты.

Способ поддержания доминирования посредством инициирования крупномасштабного вооруженного столкновения давно известен в политической теории и практике. На основе этого можно постулировать следующую закономерность: кардинальное изменение геополитической конфигурации мира, в том числе и обусловливающее возможность смены лидера, реализуется только при соответствующих радикальных изменениях геополитических качеств ведущих стран мира. Крупномасштабная война как раз и приводит, как показывает история, к таким изменениям. Существует, конечно, и «холодный» способ нейтрализации геополитических противников – по типу того, что произошло с Советским Союзом. Отработка и «доводка» такой технологии продолжается и сейчас в рамках так

называемой «арабской весны». Но он не может пока рассматриваться как универсальный поскольку, например, пока неприменим к Китаю, Ирану и др.

Интересно отметить**,** что США уже как минимум трижды пользовались военным способом кардинального геополитического возвышения. Как показывает анализ политической конфигурации мира после двух мировых войн, США всегда получали в итоге существенную геополитическую выгоду, повышая свой статус, изменяя в свою пользу «геополитическую дистанцию» между мировым лидером или другими претендентами /28/.

Так, в результате Первой мировой войны Соединенные Штаты почти на треть сократили геополитическое отставание от тогдашнего лидера – Британской империи [28, 91]. Более того, интересно отметить своего рода парадокс, выявленный количественно, и вполне согласующийся с выводами историков – США оказались *единственным* государством, которые в итоге увеличили свой **геополитический статус** по сравнению с его довоенным уровнем[28].

Вторая мировая война «помогла» США на фоне ослабленной Европы и разорённого Советского Союза стать мировым лидером, а последующий распад СССР, справедливо названный геополитической катастрофой XX века, избавил, правда, лишь на некоторое время, от опасного идеологического и геополитического противника.

Тем не менее, это дало Соединенным Штатам лишь короткую передышку, поскольку почти мгновенно, по историческим меркам, появился новый претендент, новый геополитический соперник – Китай. При этом Китай, по нашему мнению опасен не столько как претендент на лидерство, сколько как претендент на сверхнормативное с точки зрения США, потребление мировых ресурсов, что объективно создает проблемы для «золотого миллиарда». Возможность нейтрализации этих проблем при стремительно развивающейся КНР, обеспечивает, как уже отмечалось, только война. При этом суть американского подхода заключается в том, что атаке подвергается не сам претендент, а другое государство, выбор которого определяется «ценой вопроса» /97/.

Таким образом, если в свое время с помощью Югославии, Ирака и Афганистана американцы пытались решить более мелкие экономические и «субгеополитические» проблемы, то при данной, «большой ставке» нужен будет уже соответствующий «большой партнер». По мнению военных аналитиков, именно Иран совместно с неарабскими шиитскими силами, типа «Хезбалла» в Ливане, и Сирией более всего подходит на роль такого «невольного партнера» по новому переделу ресурсов, который, естественно, реализуется за их счет [97].

Процесс передела уже запущен. В настоящее время в результате спровоцированной и управляемой Америкой «арабской весны» сформированы условия для того, чтобы объединить государства исламского мира в новый «арабский халифат», заменив их лидеров на новых американских ставленников. Кроме сохранения контроля над мировой нефтегазовой сокровищницей, вооруженный Западом и опирающийся на исламский

фундаментализм союз единоверных мусульманских государств призван защитить американскую экономику и в целом энергетические интересы США на Востоке и в Африке. Возникает вопрос – «от кого»? По мнению экспертов в первую очередь от неуклонно растущей экономической и военной мощи Китая /91/.

В свете вышесказанного следующим логичным шагом США является ликвидация последнего препятствия на пути к реализации планов по сохранению американского доминирования. Этими препятствиями и являются Сирия и Иран. «Мирный» способ свержения руководства Исламской Республики Иран, как известно, потерпел неудачу. Поэтому, как отмечают военные аналитики, в отношении него будет применен тот же сценарий, что и в Ираке и Афганистане, несмотря на то, что сегодня США без людских и материальных потерь даже не могут вывести оттуда войска.

Ожидается, что кроме экономического важным результатом предполагаемой победы Америки в «большой войне» станет реализация проекта «Новый Большой Ближний Восток». Этот проект должен нанести весьма серьезный ущерб не только Китаю, но и России. Планы по «переформатированию» Ближнего Востока уже озвучены в Америке в связи с опубликованием так называемой «карты Петерса» в журнале «Armed Forces Journal» /97/.

Как следует из опубликованных материалов, Россия и Китай «изгоняются» из Средиземноморья и среднего Востока, Россия отсекается от Южного Кавказа и Центральной Азии, а Китай лишается последнего стратегического поставщика энергоносителей.

«Новый Большой Ближний Восток» исключает для России мирные перспективы, возможность хоть какого либо относительно «спокойного» развития, поскольку нестабильный и находящийся под внешним управлением США Южный Кавказ станет зоной постоянной напряженности и «детонатором» для «взрыва» Северного Кавказа. А поскольку при этом главную дестабилизирующую роль будет играть исламский фундаментализм, то в «зону поражения» попадут и другие субъекты Российской федерации.

Америка уже не в состоянии экономическими и политическими методами поддерживать режим «Вашингтонского консенсуса». В этой связи совершенно определенно высказалась «Жэньминь жибао»: «США превратились в "паразита", который живет за счет экономик чужих стран. Опираясь на доллар в качестве международной валюты, Соединенные Штаты выпускают огромное количество купюр, экспортируют доллары в обмен на товары. Эта уродливая финансовая система обеспечивает американцам роскошную жизнь. Доллар грабит весь мир и сейчас происходит его крах». Здесь необходимо отметить, что 17 ноября 2011 года премьер-министр Российской Федерации в ходе визита в Китай выразил практически солидарную позицию.

Сегодня Китай активно «работает» над вытеснением доллара и доля доллара в валютных резервах КНР неуклонно снижается. В апреле 2011 года ЦБ КНР информировал о полном отказе от доллара в международных взаиморасчетах. Понятно, что такой удар по американской системе экономического доминирования не может остаться без ответа.

Неустанно в направлении вытеснения доллара «работает» и Иран. В июле 2011 года заработала иранская Международная нефтяная биржа. На ней расчет по сделкам осуществляется только в евро и эмиратских дирхамах. Одновременно ведутся переговоры с Китаем об организации поставок китайских товаров в обмен на иранскую нефть. Тем самым появляется возможность обойти санкции в отношении Ирана. Президент Ирана заявил о планах достичь рубежа двусторонней торговли Ирана с Китаем $100 млрд. В этих условиях усилия США по организации международной изоляции Ирана теряют всякий смысл.

Эти неприемлемые для США тенденции, по всей видимости, имеют необратимый характер и способны вызвать резкую реакцию вплоть до организации «силового» противодействия возникающим вызовам и угрозам. По мнению экспертов, умышленный подрыв стабильности в странах Ближнего Востока и Магриба – результат активных действий США, которые могут рассчитывать на то, что уничтоженная инфраструктура стран региона потребует колоссальных долларовых вливаний. Восстановление разгромленной после «большой войны» экономики Ирана и Сирии также будет способствовать экономическому оживлению США.

Таким образом, становится ясно, что реализуемая Америкой стратегия удержания мирового лидерства в меняющемся мире уже начинает переходить в реальную политику «с позиции силы», где выход из кризиса долговой экономики «бумажного доллара» видится, в том числе и в «обнулении» долговых учетных записей «пузыря» пустого богатства. Для этого и становится необходимой «большая война», по итогам которой победитель, как и в свое время в Бреттон-Вудсе, рассчитывает диктовать свои условия остальному миру. Воля к ведению войны для Америки при перспективном рассмотрении является волей управлять после войны.

В этой связи необходимо отметить следующее.

Немецкий писатель Томас Манн незадолго до начала второй мировой войны прозорливо заметил, что война – «всего лишь бегство от проблем мирного времени». В тон ему высказался и французский прозаик Ромен Роллан: «К войне как к крайнему средству прибегают лишь государства-банкроты. Война — последний козырь проигравшегося и отчаявшегося игрока, отвратительная спекуляция мошенников и аферистов...».

Президенту США Д. Эйзенхауэру принадлежит высказывание, которое по сей день характеризует суть американской политики: «Мы добьёмся мира, даже если для этого нам придётся воевать». Естественно, он имел при этом в виду мир, устраивающий Америку. Вместе с тем, нельзя не понимать, что эта риторика предназначена только для одного – для оправдания возможности ведения войн в современном мире.

Войны «за мир во всем мире», которые развязывают США, являются показателем неспособности американской политической системы разрешить букет острейших проблем, связанных с надвигающимся крахом доллара как мировой резервной валюты и крушением американской финансовой пирамиды.

О том, что США открыто взяли курс на силовой передел мира и демонтаж всей системы международного права, включая также отмену права вето СБ ООН, официально объявила предпоследний директор отдела стратегического планирования Госдепартамента США А.М.Слейтер-Берг 9 июня 2012 г [98]. По ее данным, кроме того, что будет нанесен сокрушительный удар по экономикам Европы и России, план США предусматривает последовательное осуществление следующих военно-политических акций:

- Физическая ликвидация президента Б.Асада с последующей организацией в Сирии резни христиан, аллавитов, друзов, представителей других конфессий и малых национальных групп.
- Упреждающий удар по Хезболле в Ливане с организацией провокации против Ирана и запуском процесса физического уничтожения христиан и коптов.
- Подготовка и проведение военной операции «Большая гроза» против Ирана.

В дополнение к этому ястребы из Вашингтона, являющиеся евангелическими сионистами[1], активно выступают на американском телевидении якобы с библейскими пророчествами и призывают США поддержать «Царя Севера» (Израиль) в грядущем Армагеддоне против «Царя Юга» (Иран). Они считают, что победоносная война против Ирана и Сирии даст Западу возможность навязать «божественно санкционированный» Новый Мировой Порядок с учетом интересов империи НАТО-ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития)[99].

Очевидно, что речь, прежде всего, идет о развязывании «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке, начало которой готовилось событиями т.н. «арабской весны».

Несмотря на то, что некоторые авторитетные эксперты считают необоснованными выводы о причастности США или их союзников по НАТО к подготовке и организации «арабской весны» [100], они все же признают стремление этих субъектов оседлать «революционную волну» с тем, чтобы убрать те режимы, которые мешают осуществлению их политики на Ближнем Востоке. При этом упорно замалчивается одна особенность, а именно, светский характер государственной власти в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии – странах, жертвах «арабской весны».

Более того, исходя из позиции западных сторонников, так называемых демократических преобразований в арабских странах, то по шкале «авторитаризм-демократия» все четыре страны находились на промежуточном уровне между откровенно абсолютистскими нефтяными монархиями (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Оман) и либеральными режимами (Иордания, Марокко). Исходя из логики либеральных политиков Европы и Америки, «арабская весна», представляющая своего рода

---

[1]Евангелический сионизм – это разновидность нееврейского сионизма, которая реализуется в деятельности многочисленных евангелических сект, почитающих иудейского Мошиаха – Мессию. Именно поэтому евангелические сектанты являются приверженцами еврейского государства Израиля, который по их представлениям создает условия для долгожданного явления Мошиаха.

«четвертую волну демократизации», должна была быть направлена, в первую очередь, против монархических фундаменталистских режимов. Однако этого не произошло. Более того, после подавления саудовскими войсками волнений в Бахрейне, ситуация стала складываться прямо противоположно представлениям об «арабской весне» как о волне демократизации[101].

Начавшись не только как естественный, но спровоцированный протест образованной городской молодежи против засидевшихся у власти автократов, «арабская весна» сопровождалась девизом «Надоело! Не верим! Не боимся!». Никакой идеологии, никаких классовых, националистических или религиозных лозунгов. «Свобода народу! Мы все едины!». Но, как и всегда, революцию начинают одни, продолжают другие, а завершают третьи. Арабская интеллигенция была инициатором, но движущей силой стали широкие массы, которым нужны не свобода и тем более не фантомная демократия, а элементарная справедливость, уважение их достоинства и хлеб. Именно это и стали обещать новые лидеры – исламисты, за которыми народ и пошел.

В целом, внимательное рассмотрение ситуации в странах «арабской весны» позволяет сформулировать своего рода универсальную модель переворота. Революция, начинающаяся под либерально-демократическими лозунгами свержения авторитарного режима и использующая для своей победы передовые информационные технологии и возможности, после формальной победы начинает давать сбои. Как только авторитарный режим убран со сцены, на его месте возникает политический вакуум. На политическую ситуацию начинают оказывать влияние настроения наиболее консервативной части населения, которая в силу верности традиции отказывается воспринять предлагаемые либеральные ценности. Страна в зависимости от характера ее социальной структуры либо погружается в хаос межплеменных конфликтов, как Ливия, либо, как Египет, склоняется к установлению фундаменталистского режима, отказываясь от светского характера государства[102].

Только лишь в Сирии этот процесс натолкнулся на препятствия, которые обусловлены составом и структурой ее населения. Так по данным ООН, в 2011 г. в Сирии проживали 20,8 млн. человек. Арабы составляют 90 % населения страны, крупнейшим национальным меньшинством являются курды –около 9 %. Население Сирии разнородно и в конфессиональном плане – примерно 16 % населения страны составляют различные направления шиитского ислама, 10 % – христиане. Остальное население – мусульмане-сунниты[103].Именно эта поликонфессиональность в значительной мере способствует тому, что политический режим в Сирии еще держится [102].Так, в попытке избежать жестокой расправы со стороны мятежных суннитских группировок, которая неизбежно последует за сменной сирийской политической элиты, шиитское и христианское население пытается консолидировать свои усилия в борьбе против надвигающейся угрозы. При этом курдское меньшинство, претендуя на автономию, не поддерживает ни тех, ни других, создавая тем самым дополнительные трудности для быстрой победы сторонников «арабской весны» /91/.

Серьезную опасность для правительства Б.Асада представляет прямая и косвенная вовлеченность в конфликт тех, кто поддерживает оппозицию – «Группу друзей Сирии»: США, Евросоюз, Турция, Саудовская Аравия, Катар и др.[104]. Не менее серьезной проблемой является активность в Сирии, особенно в г. Хомсе, террористических групп Аль-Каиды[102]. Столь откровенная и беспринципная поддержка оппозиционеров была подвергнута резкой критике со стороны России и Китая, увидевших в ней нарушение международных норм уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Несмотря на то, что сирийская чаша весов сейчас пока колеблется, далеко не преувеличением являются сказанные в июне 2012 г. министром иностранных дел России С. Лавровым слова: «от того, по какому пути пойдет сирийское урегулирование, зависит расстановка сил в мире и то, каким будет мир дальше»[104]. При этом высказывание министра требует уточнения. Так, по нашему мнению сценарий урегулирования ближне- и средневосточной проблемы не только повлияет на последующую расстановку сил в мире, но и сам во многом определяется сложившейся к настоящему времени расстановкой сил, и прежде всего, непосредственно в регионе Ближнего и Среднего Востока. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема ***субъектности*** в политических отношениях, которую применительно к обсуждаемому вопросу можно выразить словами А.С. Панарина о том, что «одни народы и государства выбирают свое будущее, с другими – будущее случается».

Реальными субъектами в постмодернистской международной системе политических отношений являются те государства или геополитические образования, которые способны определять направленность и характер как локальных, так и глобальных процессов, формировать сценарии поведения других государств, при необходимости направлять и даже подавлять их волю. Очевидно, что этим требованиям в настоящее время отвечают только США, которые пока ещё имеют высший статус *политико-прагматической* субъектности /91/.

При рассмотрении политической субъектности США представляется необходимым учитывать и то обстоятельство, что американская нация в свое время, поддавшись торгашескому искушению, променяла Библию на кодекс прав и свобод человека. Тем самым отказалась от *онтологической* субъектности как ориентации на высшие смыслы бытия, которые определялись христианством первых веков. Именно поэтому агрессивный характер взаимодействия США с мировым сообществом в XXI веке будет обостряться, будет также усиливаться и антихристианская суть политики США в постхристианском мире [105]. Только *онтологическая субъектность* ведущих держав мира может являться фундаментальным фактором стабильности и мирного развития мирового сообщества.

В настоящее время для сохранения и упрочения своего геополитического доминирования в мире США реализуется как минимум три ближнее - и средневостоных

стратегии с использованием «исламского фактора». Все они способны привести к необходимой для США «Большой войне», и в очередной раз показывают предпочтение Америки воевать чужими руками, с предоставлением ими «почетного» «права» начать «Большую войну» в своих интересах кому-нибудь другому /91/.

Так в марте 2011 г. в Ливии они вынудили это сделать европейских партнеров по НАТО во главе с Францией. В нынешней ситуации с Сирией такая возможность в первую очередь предписывается Катару, Турции и Саудовской Аравии. Для проведения военной операции против Ирана кроме указанных государств, скорее всего, будут привлечены Израиль, страны блока НАТО, а также на определенной стадии Азербайджан, Грузия, Пакистан, государства Средней Азии. При этом во всех случаях администрация США, во главе с лауреатом Нобелевской премии мира Б. Обамой будут продолжать руководствоваться принципом М.Т.Цицерона: «Войну надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира».

Вместе с тем, несмотря на желание воевать чужими руками, совсем «умыть руки» у США (и НАТО) вряд ли получится (да и они по всей видимости и не собираются это делать), и поэтому им «придется» подключиться к военным действиям, мотивируя свою миссию **«принуждением воюющих сторон к миру».**

Анализ возможного развития событий (по информации публикуемой в СМИ) позволяет сделать вывод, что для США вкупе с НАТО и Израилем при решении их проблем наиболее выгодным считается вариант проведения американскими вооружёнными силами самостоятельной воздушной ударной операции по разрушению атомной, военной и административной структуры Исламской Республики Иран, а при известных условиях они могут начать с Сирии. США могут приступить к боевым действиям, если будет достигнута договорённость, что в возможных наземных боевых операциях будут участвовать в основном вооружённые силы Турции и Израиля (против Сирии и «Хезбаллы» в Ливане).

Именно обезоруживающий удар США по Ирану может стать тем факелом, который разожжёт огонь Большой войны на Среднем Востоке. Что из этого может выйти, сегодня не знает никто. Ибо по меткому выражению Макиавелли «войну начинаешь часто по своей воле, но когда и чем она кончится, зависит уже не от тебя».

Набросятся ли на ослабленный Иран его «соседи-враги» или наоборот, поддержат и объединятся в общей борьбе против «иноверцев», сказать сложно. Как утверждал красноармеец тов. Сухов: «восток дело тонкое».

Базовой «исламской» стратегией, реализацией которой, по-видимому, станет война с Ираном, является разжигание шиитско-суннитского противостояния в регионе. Тем самым Америка и ее суннитские сателлиты постараются расправиться с крупнейшим шиитским государством – Ираном. Это предположение обусловлено следующими фактами /91/:

- Ось Сирия– ливанская Хизбалла – Иран угрожает стратегическому союзнику США – Израилю.

- Укрепление позиций Ирана как мощного шиитского государства республиканской формы правления, также как и наличие в целом успешных светских режимов в отдельных арабских республиках, угрожают феодальным монархиям суннитских стран Персидского залива, начиная с Саудовской Аравии с ее «пуританско - ваххабитским» брендом исламского фундаментализма;
- После разрушения светского и антимонархического режима партии Баас С.Хусейна и вместе с ним Ирака, США, опираясь на Эмираты, Израиль и Турцию, сделали все для того, чтобы управлять «арабской весной»;
- Турция как член НАТО и ОЭСР, видит себя в качестве суннитского республиканского конкурента Ирана – опираясь на свою новую «умеренно» исламистскую власть и свое оттоманское прошлое в качестве правителя арабов в течение почти 700 лет;
- Сирия имеет свой светский режим Баас, который оказался под жестким давлением «арабской весны» и ее союзников, продолжающих безжалостно давить на нее с целью «смены режима»;
- США делают все возможное, чтобы сохранить статус-кво в Йемене и в Бахрейне– штаб-квартире 5-го флота США в Персидском заливе, где суннитская королевская семья господствует над шиитским большинством;
- Суннитский нефтяной эмират Катар продолжает подрывную пропагандистскую войну через Аль-Джазиру против Сирии, хотя ключевые журналисты уходят оттуда, обвиняя эту сеть в изготовлении ложных видео сообщений. Катар также пользуется возможностями военной базы США на атолле Диего-Гарсия в Индийском океане, где дислоцирован штаб Центрального командования США (CENTCOM)[99].

Рассматривая проблему с военной точки зрения нельзя не отметить, что никто уже не может питать иллюзий по поводу того, что классическая армия «образца второй мировой войны», к коим относятся армии Ирана и Сирии, сможет успешно противостоять современным войскам НАТО.

Но означает ли это, что современная западная «армия быстрого реагирования» в принципе непобедима, что не существует ассиметричной стратегии, позволяющей нанести американцам поражение и заставить их заключить мир на условиях, приемлемых для жертвы агрессии?

Мы полагаем, что это не совсем так, если, конечно, обороняющаяся сторона сможет организовать ответные действия, в режиме ориентированном на подавление «циклов Бойда» (OODA) [13, 18,19] Каким же может быть эффективный ответ Ирана и Сирии на внешнюю агрессию?

В принципе поиск «побеждающих поведенческих стратегий» Иран может проводить в рамках трех базовых стратегических парадигм:

1. Классической стратегии «нормального боя» /113..115/, которая, скорее всего, в рассматриваемой ситуации является априорно проигрышной для Ирана и Сирии ввиду их несопоставимости с военной мощью США, усиленной потенциалом НАТО и Израиля.

2. Стратегии «упорядоченного риска» связанной с построением и анализом «древовидных» (вариантных) структур ответных действий (построение «стратегического дерева») [112…115] ориентированных на подавление «циклов Бойда» с оценкой эффективности вариантов и «отсечением» неэффективных «ветвей».

При этом подходе «нормальный бой» теряет свой «фиксированный» (детерминированный) результат; вместо этого мы получаем статистическое распределение возможных вариантов, определяющееся произведением вероятности данного боя на модификатор, описывающий вероятность данного исхода /113..115/. Лишь в рамках «стратегии упорядоченного риска», для «слабой стороны» военного конфликта можно реализовать стремление «убежать от определенности», полноценно реализовать «фактор ассабийи» и поискать свои шансы на «краю вероятностного распределения» исходов боя [113..115]. В этом плане можно полагать, что «*вероятностная война» поддерживает состояние неопределенности* [113…115].

3. Стратегии «эмерджентного риска» [97], обуславливающей «казус неожиданного исхода», в числе прочих нацеленного на реализацию условий «обратных» тем, что сформулированы в известной «аксиоме Б. Лиддел Гарта»[9]. А именно, в процессе оборонительных действий надо сделать так, чтобы для Америки (и, в частности, для субъектов стратегического действия из «партии войны») послевоенный «победный» мир был худшим, чем довоенный.[9, 97]

При этом стратегия «нормального боя» связана с использованием, как правило «конвенциональных» сил и средств и способов их применения. Стратегия «упорядоченного риска» предполагает наряду с «конвенциональными» использовать и «неконвенциональные» силы и средства[115]. Стратегия же «эмерджентного риска» почти целиком строится на «неконвенциональной» войне [9, 113…115,].

В соответствии с опубликованной информацией, со ссылками на кувейтские источники, Иран и Сирия подготовили план совместной борьбы против иностранного вторжения. В числе первых из возможных объектов воздействия называется Турция. Эскалация регионального конфликта к настоящему времени привела к тому, что Иран в отношении Турции уже вышел за рамки утечек информации в СМИ и официально озвучивает свои возможные ответные действия в случае прямой агрессии в Сирии. В частности, командующий воздушно-космическими силами Ирана открыто заявил о нанесении ракетных ударов по американским объектам в Турции в ответ на агрессию против Сирии и Ирана. Как было объявлено, в случае возможной атаки на Иран, иранские силы в первую очередь нацелятся на элементы системы ПРО НАТО в Турции.

Как было опубликовано в издании ElSiyasah, план обороны Ирана предусматривает следующие «шесть фронтов» действий:

1. Нападение на Турцию со стороны Ирана, Сирии и Ирака, и активизация боевых действия курдов в восточной части Турции.

2. Нападение на Суэцкий канал со стороны сил ХАМАСа и Ирана. Подключение к боевым действиям «джихадистов» Йемена и Сомали.

3. Атака Ираном западных судов в Персидском заливе, в том числе и нефтяных танкеров. Нападения на американские базы со стороны Ливанской "Хезбаллы» и проиранских группировок в Бахрейне, Катаре и ОАЭ.

4. Разворачивание крупномасштабной кампании против сил НАТО в Афганистане с помощью иранских разведслужб, включающей снабжение различных групп боевиков оружием и деньгами.

5. В восточном Средиземноморье «Хезбалла» возьмет под свой контроль все ливанские государственные учреждения, а также нападет на цели, принадлежащие странам НАТО.

6. В секторе Газы ХАМАС будет обстреливать Израиль, а после израильского ответного удара против него начнет действовать сирийская армия.

Кроме этого в случае, если западные страны применят против Ирана санкции, Тегеран готов перекрыть стратегически важный Ормузский пролив, соединяющий Персидский залив с Индийским океаном, через который, осуществляется до 40% мировых поставок нефти /97/.

Не надо быть военным аналитиком, чтобы увидеть несопоставимость военной мощи США и их союзников и Ирана. В результате реализации упомянутого выше плана и подобных проектов в рамках ведения лишь «конвенциональной» войны Иран (вкупе с Сирией) войну, скорее всего, проиграет. Поэтому для Ирана единственной «побеждающей стратегией» может быть отказ от конвенциональных способов ведения войны в пользу неконвенциональных, т.е. связанных с ведением диверсионно-террористической деятельности на территории противника. «Раз кто-то в мире хочет сделать небезопасным наш регион, то мы сделаем небезопасным весь мир», – заявил член иранского парламентского комитета по национальной обороне П. Сарвари.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что в «большой войне» победит не тот, кто красиво маневрирует войсками, а тот, кто продемонстрирует свою готовность воевать и наносить ущерб противнику до конца.

Здесь представляется возможным обратить внимание на один немаловажный политико-психологический аспект. Политики и военные секулярных Западных демократий, которые изнежены комфортом и «правами человека», видимо, не до конца отдают себе отчет в том, что в Иране сложилась уникальная тысячелетняя *традиция мученичества*, определяющая менталитет одной из самых древних наций на земле. В шиитском исламе мученик-шахид – это, прежде всего воин, который «на пути Господнем» идет сражаться против превосходящей его во много раз вражеской силы. По преданию самый почитаемый

шиитский мученик – имам Хусейн, вышел против четырехтысячного войска халифа Язида I с отрядом всего лишь в 70 человек, демонстрируя не только беспредельное мужество, но и крайнюю степень самоотверженности /91/.

Не приходится сомневаться в том, что традиция мученичества в той или иной степени будет активирована в случае возможной войны против Ирана. Тем самым Запад получит дополнительную, «ассиметричную» угрозу со стороны тысяч и, возможно, десятков тысяч иранских воинов-мучеников – мужчин и женщин, которые в борьбе с «неверными» будут готовы жертвовать своими жизнями. Каков будет характер, стратегия, тактика и масштаб такой борьбы – это уже другой вопрос, но здесь важно понимать главное – Иран располагает значительным количеством пассионарных людей, готовых за веру и за свою страну идти до конца.

Однако «неконвенциональная» война Ирана с США и его союзниками, может, как это ни парадоксально звучит, начаться без участия самого Ирана, хотя и от его имени.

Так, известный эксперт по Ближнему Востоку А.Сальбучи, рассуждая о «политическом и экономическом тупике», в котором оказались США высказывает опасения и подозрения о том, что существует реальная опасность совершения «теракта-фальшивки». По его мнению «закулисные террористы» учинят оглушительно-ослепительный теракт с применением ОМП и множеством жертв. Причем, подставные «злодеи-исполнители» будут оперативно выявлены и окажутся, скорее всего, «мусульманскими фанатиками» иранского происхождения, которые или погибнут при исполнении теракта, или, что менее вероятно, будут живы, разговорчивы и охотно дадут нужные признательные показания [116].

Данный прогноз не является невероятным. Оправдается он или нет, не так уж и важно. Важно то, что для «Большой войны» нужен большой повод. Можно предположить, что американцам достаточно было бы организовать крупный военный «удар-фальшивку» в районе Персидского залива. Для этого, кстати, туда недавно подтянули и достойную цель: старый, (1960 г.) принятия на вооружение) авианосец «Энтерпрайз». Его повреждение или, тем более, гибель от удара, например, неведомой«иранской» подлодки, были бы небольшой потерей для флота США, но достаточным поводом для начала «ответных ударов» по Ирану. Но это была бы фальшивка традиционного, грубого типа, с политическим эффектом не глобального, а регионального характера.

Учитывая изложенное можно оценить масштаб и «красоту» игры, которую принято называть игрой с нулевой суммой, т.к. она сулит выигрыш лишь одному субъекту. Остальные участники при этом являются заложниками тщательно продуманного сценария, где им отведена роль «солдатов удачи», участь которых во многом предопределена жестокой логикой дикого капитализма, социального дарвинизма и «звериным оскалом американского империализма» /91/.

В этой связи необходимо реалистично оценить роль и место, которые навязывает России в грядущей «Большой войне» политико-прагматический супер-субъект в лице США,

а также выявить возможность восстановления онтологической субъектности России, а через это – возможность самим определять свою судьбу и будущее.

2.4 «Большая война» - глобальный вызов России

Нет сомнений в том, что американцы длительное время обстоятельно и прагматично готовят пространство «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке. В связи с этим можно с большой долей уверенности полагать, что «Большая война» грядет. Важнейшим вопросом остается степень вовлеченности и форма участия в ней России. Само же участие не вызывает сомнений и уже становится очевидным, что нас «ведут» к «Большой войне» последовательно и целеустремлённо. Именно поэтому сегодня все решения руководства страны в политической, экономической, социальной и военно-технической сферах необходимо рассматривать «сквозь концептуальную лупу», которая может обеспечить опережающее распознавание реалий грядущей «Большой войны» и возможность проектирования достойного места России в послевоенном мироустройстве.

В экспертно-аналитическом сообществе активно обсуждается совокупность «вложенных» целей, которые по замыслу «Планировщика» «Большой войны» могут быть реализованы только в результате ее развязывания.

Первая группа включает ряд довольно очевидных, «лежащих на поверхности» целей:

- отвлечь внимание населения Запада от негативных процессов глобального кризиса, переключить его на сконструированный политтехнологами образ «глобального» врага;
- списать по максимуму огромные государственные долги;
- избежать «скатывания» США в 1932г., оживить экономику, создать условия для развития «с чистого листа»;
- сохранить финансовую систему, опирающуюся на «Вашингтонский консенсус» и продлить существование ФРС как мирового эмитента после 2012г.;
- обеспечить для Америки доминирующее положение в Мир-системе.

Во вторую группу входит «табуированная» и в связи с этим публично не обсуждаемая цель – обеспечение стратегической перспективы для Израиля. Еврейское государство в нынешнем виде может устойчиво существовать только в условиях перманентной конфронтации с исламским миром. Оно имеет «победоносное» преимущество в военно-технической сфере, отличается высоким уровнем корпоративной субъектности и, как следствие, более высоким качеством «человеческого материала» [118]. Израиль пока в состоянии разгромить практически любую арабскую коалицию. Монопольное обладание ядерным оружием в регионе дает ему определенную гарантию от случайностей войны и выступает эффективным средством сдерживания от крупномасштабного применения военной силы со стороны возможной коалиции государств региона.

Сегодня Израиль как никогда заинтересован в развязывании «Большой войны» с тем, чтобы:

- подтвердить и надолго закрепить в результате победоносной войны свой максимально высокий статус, как в региональном, так и в глобальном политическом контексте;
- исключить, вызванное мировым экономическим кризисом снижение или полное прекращение финансовой поддержки со стороны Запада и, в первую очередь, США, на которые приходится 22% внешней торговли Израиля и еще $3,71 млрд. прямой безвозмездной финансовой помощи;
- денуклеизировать Иран и тем самым сохранить монополию на обладание ядерным оружием в регионе.

Третьей по вложенности и наиболее скрываемой целью является запуск механизмов «реинкарнации» колониальной системы в формате XXI века /126/.

В этой связи целесообразно вспомнить о том, что западный мир интенсивно развивался в рамках колониальной системы на протяжении более пяти веков. И только во второй половине XX века после окончания мировой войны в результате формирования мощного центра силы в лице СССР были созданы условия, которые обеспечили ее распад. Таким образом, современное постколониальное состояние Мир-системы длится немногим более полувека. Логика развития западной экономики предопределяет конец этому периоду материального процветания. Как было показано выше Запад в условиях рыночного хозяйства может стабильно существовать только при постоянном получении дополнительных ресурсов извне. Таким образом, для преуспевания такой системы необходимо наличие управляемой, политически *бессубъектной* колониальной периферии, из которой можно черпать дешевые ресурсы.

События последнего времени, начиная с разгрома Югославии, захвата Ирака и Афганистана, принятия новой стратегической концепции НАТО, заканчивая агрессией против Ливии и расширения процесса «Арабской весны», со всей очевидностью показывают, что периферии Мир-системы предстоит новая колонизация. Это уже ставится геополитической неизбежностью, поскольку в мире нет стратегических субъектов, способных этому воспрепятствовать.

В процессе «новой колонизации» должна произойти перекодификация международного права при окончательном отказе от принципов Ялтинско-Потсдамской системы политического мироустройства /126/. Мир ждет слом основоположений ООН, ликвидация или существенное снижение роли института постоянных членов СБ ООН, коррекция принципа суверенного равенства государств, который в условиях новой колониальной Мир-системы будет противоречить ее базовым принципам. В рамках перекодификации произойдёт принудительное приспособление международного права к потребительским интересам Запада /126/. В обозримом будущем можно ожидать, что «законная» оккупация или колонизация в пределах «признанных» зон влияния будут занимать место декларируемых принципов самоопределения и «невмешательства» во внутренние дела других стран. В международную практику усилиями Запада вновь будет

введена система международно-государственного устройства, при которой реальный суверенитет будет сохраняться лишь за государствами составляющими «Ядро» Мир-системы. «Государствам» же периферии будет позволено иметь суверенитет лишь в объеме, не препятствующем деятельности транснациональных корпораций на определённых условиях /126/.

В соответствии с идеями З. Бжезинского, в основе нового Мира должны лежать «Большой Запад» – США и Евросоюз, и «Большой Восток» –Япония, Индия, Турция, Саудовская Аравия. В грядущем колониальном мире России как субъекту мировой политики места не предусмотрено. При этом от нас уже давно требуют – мол «делиться надо». Складывается впечатление, что откровенно захватнические идеи М.Олбрайт и Д.Чейни находят отклик у российских либералов типа известного академика, публично обсуждающего возможность «совместного» управления с «мировыми державами» ресурсами Сибири.

Этот сценарий сейчас не кажется фантастическим, если учесть тот факт, что Российская Империя, правопреемницей которой является Российская Федерация, в 1884 г. подписала международную конвенцию, содержащую «принцип эффективной оккупации». Из него следует, что если какая-либо страна не способна «эффективно» управлять своими ресурсами, то в отношении нее может быть введено внешнее управление. В конце XIX в. этот принцип легитимировал колониальную систему, но вXXI-м он может стать действующей нормой международного права и будет формальным основанием «правомерности»лишения России её суверенных прав на управление собственными территориями и ресурсами.

За последние два десятилетия значительно расширен, модернизирован и апробирован в многочисленных военных акциях реальный инструмент новой колонизации – блок НАТО. Тех же, кто посчитает данное утверждение алармистским и антизападным мы отсылаем к новой стратегической концепции НАТО, принятой в 2010г. в Лиссабоне. Как уже отмечалось выше, если просто внимательно прочитать ее без «перезагрузочных фильтров осознания», то можно увидеть, что в современных условиях НАТО является геополитическим инструментом обеспечения функционирования системы «центр – колониальная периферия», в которой только и может благополучно существовать Западный мир. В этом и состоят военно-политические и полицейские функции альянса. Фактически НАТО есть совокупная военно-политическая мощь государств Западного мира, составляющих центр Мир-системы, предназначенная для новых «крестовых походов», которые, как известно, в первую очередь были экономическими предприятиями. Поэтому военная система НАТО в соответствии с планами своих хозяев будет регулярно направляться в различные регионы мира – для обеспечения бесперебойной поставки сырья, энергоносителей и решения карательных задач.

Вместе с тем, одной из немногих позитивных тенденций в современной периферии Мир-системы является поиск возможностей «объединение слабых вокруг сильного против сильных». И здесь для Запада принципиально важно не допустить бесконтрольного усиления какой-либо крупной сырьевой державы, обладающей геополитическим статусом. Так, Запад совершенно «не замечает» такие ядерные государства как постоянно дестабилизирующий обстановку на Ближнем Востоке Израиль и непредсказуемый Пакистан, который не может или не хочет осуществлять контроль за деятельностью на своей территории военно-террористической организации Талибан. Но нефтегазовый Иран – член ДНЯО с его амбициями на региональное лидерство является для Запада первоочередным объектом принудительной «демократизации». В этой связи так называемая «ядерная программа» Ирана для США и их союзников всего лишь «casus belli». Даже если Иран полностью откажется от ядерных технологий, это не остановит Запад от планов развязывания «Большой войны».

При этом утверждение о том, что для Запада существует большая опасность обретения «восставшей Азией» в лице Ирана своего лидера является явным преувеличением. Сама по себе политеистическая Азия, как в ментальном, так и в политико-экономическом и культурно-идеологическом плане совершенно *бессубъектна* [118] и как следствие в принципе неспособна к консолидации.

Очевидно, что сегодняшний шиитский Иран не обладает привлекательным цивилизационным Проектом, который мог бы создать условия для консолидации хотя бы геополитически близких стран даже в рамках исламского мира. Вместе с тем растет понимание того, что Иран, как объект Западных интересов, выступает своеобразным «предпольем» России, удар по которому нанесет существенный урон ее внешне- и внутринациональным интересам.

В этой связи уместно вспомнить известное заявление З. Бжезинского, о том, что в XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России. Очевидно, что одной из целей «Большой войны» является блокирование усилий России по созданию Евразийского союза – потенциально мощного мирового «игрока» и в перспективе стратегического субъекта геополитики, который мог бы сформулировать альтернативный Проект не только собственного, но и глобального развития.

Говоря об альтернативных Проектах или Сценариях глобального развития, необходимо помнить о том, что в их основе лежит тот или иной духовный императив. Имея тенденцию к экспансии, тот или иной сценарий глобализации затрагивает ментально-догматический фундамент, ценности и традиции носителей иного цивилизационного кода. Это в свою очередь может порождать религиозные и этнические конфликты, которые приводят к изменению политического ландшафта западного и восточного миров. Возникающая в результате таких процессов культурная обособленность неизбежно вызывает политико-

психологические и национально-культурные противоречия, глубинными причинами которых являются религиозно-догматические различия[118].

Так, в докладе Национального совета США 2008 г. по разведке «Глобальные тенденции – 2025: изменяющийся мир» говорится о том, что XXI в. станет эпохой религиозных войн и возрастания в политике роли религиозного фундаментализма[119].

Сегодня наиболее актуализированными Сценариями глобального мироустройства, которые имеют в своей основе кардинально противоположные духовно-догматические установки, являются всего два Проекта. Во-первых, это глобализм, как вестернизация, и, во-вторых – исламский фундаментализм. Оба Проекта не только используются в ходе масштабных акций по развязыванию «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке, но и в одинаковой степени серьезно угрожают безопасности Российского государства и общества.

Так, глобализм предполагает вступление мира в качественно новую эпоху, связанную с постиндустриальным обществом и постмодерном. Матрицей этой модели является политическая структура США, их федерализм и либеральная демократия, духовные основы которой базируются на специфической форме протестантизма – *унитаризме*, который близок по своему догматическому содержанию к иудаизму.

По мнению европейских исследователей А.Негри и М.Хардта американский «революционный проект» означает постепенную утрату этнической, социальной, культурной, расовой, религиозной идентичности и требует еще более ускоренного превращения «народов» и «наций» в количественное космополитическое большинство. Но даже если отвлечься от такой «революционной» позиции, сама американская глобальная стратегия, называемая авторами «Империей», основана на том, что не признает никакого политического суверенитета ни за какой коллективной сущностью – будь то этнос, класс, народ или нация [122].

Суть исламизма, как специфического сценария глобализации можно понять, обратившись к исламскому взгляду на мир. Еще первые исламские юристы делили мир на «*дар уль ислам*» (местонахождение ислама), «*дар уль харб*» (местонахождение войны) и «*дар уль курф* (сульх)» (местонахождение мирного сосуществования, мир неверия) [123].

В пределах *dar-al-Islam* возобладали дружба и сотрудничество на основе исламских принципов. *Dar-al-harb* включает арену прямых военных конфликтов, а также тех, кто враждебно относится к исламу. Странами *dar-al-sulh* являются те немусульманские страны, которые достигают большой автономии и мира за счет больших выплат и налогов в мусульманскую казну. Исламский проект, отвергая существующий миропорядок, возникающий в результате западной колонизации, отрицает секулярное национальное государство и ориентирует на возврат к идее халифата – «исламского идеального государства».

В рамках концепции исламского миропорядка, которая была опубликована в Декларации международного семинара 3-6 августа 1983 г. в Лондоне, подчеркивается, что одной из политических целей уммы является объединение всех исламских движений в единое глобальное движение «с тем, чтобы создать исламское государство» [123]. Современный автор аль-Афгани разработал принципы панисламизма: «во-первых, отказ от привнесенных концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него; во-вторых, подтверждение основного принципа панисламизма – ислам верен для любого места и времени» [123].

Для представителей современного исламизма характерно фундаменталистское видение мира как полностью погибшего и не предназначенного к спасению. Исламисты считают, что человечество живет под властью Даджаля–Антихриста. Все, что может сделать авангард «избранных», – вести партизанскую войну и наносить точечные удары по миру джахилийи. Конечно, исламистский идеал остается прежним: создание всемирной уммы, но процесс борьбы для исламистов новой волны становится важнее результата. «У этих радикалов очень слабая программа, сводящаяся к введению шариата и игнорирующая важные социальные и экономические требования старых движений», – пишет о «новых исламистах» О. Руа [123].

Идейной основой нового исламизма в его радикальном варианте является фундаментализм, который в политическом исламе сегодня представлен многочисленными международными террористическими организациями. Для России проблема исламизма особенно остро проявляется в южных территориях страны и в первую очередь на Северном Кавказе и Поволжье, где ислам традиционно оказывает воздействие на общественно-политическую жизнь.

Хотя неоваххабизм Северного Кавказа – явление новое, догматические установки радикального ислама были заложены еще в ходе Кавказской войны (1817 – 1864 гг.). Суть их проявляется в традиции применения *такфира*– обвинения в неверии и ведении непримиримого джихада за создание политически независимого исламского государства. Все это и сегодня практикуются в неизменном виде экстремистскими группировками. Однако в отличие от этнополитической динамики XIX века, сегодняшнее нарастающее противостояние некоторой части российских мусульман проходит на фоне опасного военно-политического и идеологического возбуждения ислама на Ближнем и Среднем Востоке в контексте активного вмешательства извне.

С одной стороны, наличие внешнего фактора объясняется включением Северного Кавказа в глобальный исламский идеологический проект, исполнителями которого являются многочисленные террористические организации. Этот проект представляет собой один из вариантов ответа на вызов западных секулярных политических, экономических, моральных и иных представлений. По сути, это утверждение альтернативного мирового мегапроекта, к реализации которого активно пытаются подключить российских мусульман. Поэтому

политический ислам – это, прежде всего, антизападный и антилиберальный вариант реформизма.

При этом современную Россию последователи политического ислама рассматривают наравне с США, Англией, Францией и др., как «*даль уль харб*» т.е. как мир курфа или мир неверия, с которым необходимо вести беспощадную борьбу за свое освобождение. Попадание под власть не мусульман толкуется как историческое наказание за отклонение от прямого исламского пути [124].

С другой стороны, наличие внешнего фактора объясняется экспансионистскими претензиями ряда политических субъектов Запада. С точки зрения геополитики Кавказ представляет собой крайне важный стратегический узел, так как является связующим звеном между Европой и Центральной Азией, обеспечивая выход к системе трёх морей. Тот, кто обладает влиянием в этом регионе, в той или иной мере контролирует значительную часть нашей планеты. Поэтому в мире всегда находились и до сих пор имеются силы, заинтересованные в упрочении здесь своих позиций. Так, ещё более полутора столетия назад ряд европейских политиков считали, что Кавказ является для России «ахиллесовой пятой». Утверждалось, что именно туда следует наносить прицельный удар, чтобы свалить «русского медведя». Сегодня Северный Кавказ вновь стал важнейшим перекрёстком мировой истории, на котором осуществляется целый ряд мегапроектов по конструированию «больших пространств» на Кавказе. Среди них особо выделяются три, представляющие наибольшую угрозу геополитическим интересам России в регионе. Это – американский глобализм, турецкий Великий Туран и арабо-исламский проект Саудовской Аравии.

Существенный аспект этих американо-тюркско-исламских угроз для России кроется, во-первых, в стремлении вытеснить Россию из Закавказья. Во-вторых, создать в Северо-Кавказском регионе антироссийское конфедеративное образование «от моря до моря». В-третьих, использовать его как фактор отторжения Кавказа и Причерноморья и кардинального изменения этно-конфессионального баланса в регионе [125]. Для достижения поставленных целей главной мишенью становится полиэтничное и полирелигиозное сообщество Северного Кавказа. В качестве главного инструмента используется многократно испытанный в ходе «Арабской весны» «исламский фактор», реализуемый в форме агрессивной исламистской террористически-подрывной деятельности.

Несмотря на видимую самостоятельность исламского Проекта глобализации, он является всего лишь одной из линий реализации стратегий, вписанных в контекст Сценария глобализации по-американски. Несмотря на это, каждый из Проектов, и глобализм и исламизм, требует от России субъектно-рефлексивного и как следствие, избирательного ответа.

Вся история взаимодействия с Западом и прежде всего с США показывает, что реально строить с ними взаимоотношения, основываясь на таком понятии, как «партнеры» – преступная недальновидность. Как говаривал К. Дойл устами Ш. Холмса, поскольку Вы,

Ватсон, будете иметь дело не с преступным миром, а с Британскими политиками, то не верьте ни одному их слову.

История «Больших войн» учит, что максимальное преимущество в грядущей «Большой войне» может получить та сторона, которая вступит в нее на завершающей стадии. С высокой вероятностью она же и будет в числе победителей. В свете сказанного нельзя не согласиться с мнением Б. Борисова о том, что создание геополитической конфигурации по типу Евразийского союза, позволит оттянуть непосредственное вступление России в войну /126/. Это возможно обеспечить за счёт кратного роста коалиционного могущества и создания буферных пограничных зон, т.к. боевые действия в них по опыту прошлых войн, могут и не перекидываться на территорию метрополии, и это является ключевой внешнеполитической задачей[126].

Непосредственно в предвоенный (угрожаемый) период любые изменения сферы влияния держав будут рассматриваться как непосредственная и прямая угроза остальным игрокам и могут заканчиваться опасным военно-политическим противостоянием или военным конфликтом. По существу, для России выбор заключается только в том, формировать ли русский военно-политический блок сейчас, имея относительную большую свободу манёвра, или позже, уже в цейтноте, под действием обстоятельств непреодолимой силы, или прямо в военных условиях, под бомбами «не считаясь с жертвами». Но возможности для такого относительно благоприятного, в духе последней грузинской компании переформатирования нашего пограничья уменьшаются с каждым днём.

Оценивая недопустимость для России в преддверии «Большой войны» сокращений в сфере тактического ядерного оружия (ТЯО) необходимо отметить следующее. Для такой «слабой» стороны международного конфликта как Россия ТЯО является реальным инструментом его деэскалации на военной стадии. Сокращения в сфере ТЯО могут привести Россию к «военно-политическому цугцвангу», когда в ответ на военное давление «сильной» стороны конфликта мы становимся перед выбором: либо принятие навязываемых условий, вследствие очевидной слабости сил общего назначения, либо угроза мировой ядерной катастрофы вследствие применения СЯС.

В складывающихся для России условиях целесообразно не снижение, а усиление потенциала стратегического и регионального сдерживания. Не демобилизация, проводимая российской стороной «под флагом» реформирования Вооруженных сил, а мобилизация сил, составляющих оборонный потенциал страны, может обеспечить не вовлечение России в будущую «Большую войну».

В контексте проблемы обеспечения стратегического и регионального сдерживания важно помнить высказывание Н. Макиавелли «…то оружие священно, на которое единственная надежда». Для России в ее современном состоянии и в обозримом будущем такой «единственной надеждой» является ядерное оружие. Из-за существенного дисбаланса

с потенциальными противниками в силах общего назначения часть функций обычного оружия придется переложить именно на ядерное оружие.

Сегодня, в силу деградации российского потенциала обычных вооружений, их «автономная» эффективность сдерживания существенно снизилась. Гораздо менее, но все же снизилась и эффективность группировки российского ядерного оружия. В итоге «область риска несдерживания» сегодня значительно расширилась. Образовался «провал эффективности» в сфере ведения региональных войн. И, что самое тревожное – при современных тенденциях развития военных потенциалов ведущих стран мира эта область риска будет лишь увеличиваться.

Именно поэтому для устранения нынешнего дисбаланса обычных вооружений у России фактически остается один реальный шаг – сдвинуть «ядерный порог», распространить стратегию «ядерного сдерживания» на более ранние этапы военной фазы конфликта и, таким образом, уменьшить область риска /217/.

Таким образом, «ядерное сдерживание» осталось единственной действенной стратегией, способной практически «в одиночку» реально обеспечивать одну из главных защитных функций нашего государства. Эта своего рода «конкурентоспособность» ядерного оружия сегодня признана всеми нашими политическими оппонентами. При этом унизительные, на первый взгляд, ярлыки типа «одномерной державы» и «Верхней Вольты с ракетами» лишь подчеркивают такое признание.

Однако особая роль стратегии «ядерного сдерживания» требует и особой, заботы о ее состоянии и перспективах, и в частности – объективной оценки влияния на ее эффективность различных факторов и процессов, протекающих в мире. В первую очередь это относится к процессам «прямого влияния», т.е. к тому, что явно и непосредственно затрагивает главные элементы, определяющие механизм и структуру ядерного сдерживания.

Кроме выполнения своей главной государственно-охранительной функции российское ядерное оружие выполняет и «международную», а именно – является инструментом сохранения глобальной стабильности, гарантирует бесперспективность попыток военного изменения существующих тенденций мировой геополитической динамики.

В связи с этим Россия обязана сохранить свой ядерный потенциал, причем на уровне, который будет гарантированно, при любых условиях ядерного конфликта с Америкой, обеспечивать ей «неприемлемый ущерб» и как следствие потерю геополитического лидерства. Необходимо сохранить любой ценой наш постепенно слабеющий, но еще пока «геополитически эффективный» ядерный кулак. По крайне мере, до тех пор, пока у нас не появится соответствующий альтернативный, неядерный инструмент, гарантирующий бесперспективность для США нового военного передела мира за счет России.

Для того чтобы в условиях надвигающейся «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке «наблюдать за пожаром с противоположенного берега» нам надо помнить уроки истории и иметь соответствующий военный потенциал, включая все виды современного и

перспективного вооружения. Если же говорить языком китайских стратагем, нам важно не дать Западу «пожертвовать сливой» – Россией, втянув ее в «Большую войну», для того, чтобы спасти «персиковое дерево» – Запад /137/.

Очевидно, что стратегия «ядерного сдерживания» и ядерное оружие как ее основа, еще долго будет оставаться единственным многофункциональным инструментом, обеспечивающим не только военную безопасность нашей страны и ее геополитический статус. Ядерный потенциал России также должен обеспечить стабильность естественной геополитической конфигурации мира, изменение которой в результате развязывания «Большой Войны» на Ближнем и Среднем Востоке может привести к катастрофическим последствиям. Сохранение и упрочение ядерного потенциала страны, способно не только отсрочить начало горячей фазы «Большой Войны», но и сделать ее результат невыгодным для так называемых «друзей Сирии» уже сегодня готовых стать такими же «друзьями» России.

2.5 «Умная оборона НАТО» - новые опасности и угрозы для России. От стратегии Клаузевица к Сунь-Цзы

В последнее время в НАТО много говорится об «Умной обороне». Так сейчас называют начавшуюся крупномасштабную военную реформу альянса, ход и направленность которой задается США. На майском 2012 г. саммите НАТО в Чикаго конструкт «умная оборона» официально введен в профессиональный лексикон.

Как утверждал (в беседе с испанским послом во Франции Искьердо) Шарль Морис де Талейран «слова нужны, чтобы скрывать мысли». На протяжении уже трехсот лет данный принцип неуклонно используется в политической практике. В этом мы еще раз можем убедиться во время ознакомления со всевозможными информационными и аналитическими материалами по рассматриваемому вопросу, как зарубежными, так и российскими /127…134/. Они, как правило, представляют собой «особый вид художественной литературы» с той лишь разницей, что западные аналитики в своих «сочинениях на заданную тему» реализуют стратагему «увода на ложный объект» («Пусть сливовое дерево засыхает вместо персикового» - 11-я стратагема по Харро фон Зенгеру) /137/, а представители так называемого российского экспертного сообщества в этом им усердно «помогают». После прочтения российских аналитических материалов по рассматриваемой теме вроде «Не очень умная оборона» (журнал «Россия в глобальной политике» 17 мая 2012г.) /135/ голова может стать «чистой как после рыбалки».

Хотя есть и исключения. В информационную среду прорываются отдельные материалы, позволяющие усомниться в адекватности внушаемого нам видения «картины явления» (по рассматриваемому аспекту), комментирующие, например, создание киберцентра НАТО в Таллине. Но эти материалы «теряются» в потоке комментариев на тему планируемой НАТО «оптимизации военных расходов» и им подобным.

Вместе с тем (даже беглый) профессиональный анализ происходящего дает возможность усмотреть помимо указанной «оптимизации», как минимум, три уровня целей Планировщика проводимых изменений определяющих конфигуратор предметной области «умная оборона».

1й уровень отражает начало фазы перехода к очередной микрореволюции» в военном деле, которую можно образно определить в форме конструкта **«От стратегии Клаузевица к Сунь-Цзы»**

2й уровень есть отражение политических процессов, которые можно идентифицировать, как начало создания «новой Антанты».

3й уровень заключается в организационном и военно - технологическом обеспечении новой стратегической концепции НАТО.

Рассмотрение данных уровней через «концептуальную лупу» позволяет высказать следующие суждения.

Суть реализации 1-го целевого уровня состоит в развитии военной организации Запада (т.е в усложнении всей совокупности ее атрибутов) в том числе за счет перехода к новым технологиям управления международным конфликтом с задействованием «силового фактора». Провал НАТО в Ираке и Афганистане, когда дело доходит до того, что сухопутные войска «победителей» вынуждены находиться в укрепрайонах и платить за то, чтобы их «не трогали» вызвал необходимость пересмотра основных положений военной политики Запада.

В основу изменений положена новая «побеждающая стратегия» войны рассматриваемой как один из способов разрешения международного конфликта. Необходимость и направленность данных изменений связана с разрешением следующей проблемной ситуации.

Достаточно длительное время в основе западных представлений о военной стратегии лежали идеи Карла фон Клаузевица. Основной целью войны по Клаузевицу было вовлечь армию противника в «решающее сражение» и затем выиграть его. Современный ответ на то как это сделать давался Д.Бойдом на основе обобщения опыта германского «блицкрига» и действий израильской армии на ранних этапах ее существования, предложившим известную цепочку «наблюдение – ориентация – решение – действие» (цикл OODA). Цикл Бойда позволил захватить один из главных стратегических ресурсов – время.

Западные Вооруженные силы, организующие свои действия по «циклу OODA» да еще со всякими «наворотами» вроде использования технологий рефлексивного управления противником продемонстрировали внешнюю эффективность на начальных этапах вооруженной фазы межгосударственного конфликта против заведомо более слабой стороны.

Вместе с тем становится все более очевидной ограниченность указанной «побеждающей стратегии». Данный факт уже давно отмечался в циклах публикаций в журнале «Информационные войны», издаваемом Академией Военных наук совместно с

РАН /17…24/. В подтверждение высказанного положения приведем в качестве цитаты выдержку из одной из (цикла) статей посвященных технологиям подавления «циклов Бойда» /19..21/.

«Армия, использующая теорию Бойда, неизбежно вынуждена вести очень короткую войну с немедленным уходом с захваченной территории и прекращением после этого всяких военных операций там, где воевала. Что равносильно поражению, так как согласно любой военной доктрине уход с оккупированной территории есть поражение в войне. При этом проводить локальные операции карательного или экспедиционного характера невозможно, так как армия неизбежно сталкивается с быстрым нарастанием неопределенности последствий своих действий, что ведет к подавлению циклов Бойда и поражению в войне. Вести долговременные операции так же невозможно из-за тех же самых ограничений.

Таким образом, противнику нужно лишь подождать некоторое время, осторожно провоцируя партизанскую войну и вынуждая армию проводить ответные контрпартизанские действия. А далее армия, побеждая практически в каждом отдельном боестолкновении, просто «захлебнется» в своих тактических успехах, сопровождаемых нарастающей неопределенности. Иными словами эта армия с каждым разом будет ставить и успешно выполнять все более ошибочные задачи с точки зрения стратегии победы. (Именно такой стратегии придерживаются исламские фундаменталисты в Ираке.)» /19/.

Переход от (модифицированной Д.Бойдом) стратегии Клаузевица к стратегии «Сунь-Цзы» видится западными военными руководителями в качестве выхода из сложившегося концептуального тупика. Сунь Бинь также как и Клаузевиц стремился достичь победы в войне, но предпочтительно спровоцировав коллапс (дезорганизацию) армии противника еще до начала решающего сражения: « одержать сто побед в ста сражениях – это не вершина превосходства. Подчинить армию врага, не сражаясь – вот подлинная вершина превосходства». По Сунь-Цзы война из чисто материально-вещественной сферы «перетекает» в информационную /137, 138/.

При этом от «цикла OODA» и технологий рефлексивного управления на Западе не отказываются. Он реализуется в рамках трех базовых концепций:

1. Концепции единого геоцентрического ТВД, сформулированной в 2009г Командующим космическими войсками США генералом Робертом Келером, предложившим также подход к обеспечению доминирования на нём – принцип Space Situational Awareness, SSA.

2.Концепции «быстрого глобального удара» /218…221/.

3.Концепции адаптированного планирования боевого применения СНС /223/.

В целом же процесс управления межгосударственным конфликтным противоборством организуется на основе сквозных функциональных технологий, позволяющих реализовать в системе управления указанным противоборством все виды (механизмы) выработки управленческих решений.

Как было указано выше, в рамках организации многоуровневого процесса управления межгосударственным конфликтом «цикл OODA» реализуется на «тактическом» уровне управления, в то время как на стратегическом уровне ведется подрывная деятельность (по «Сунь-Цзы») с задействованием технологий «управляемого хаоса», «информационных войн 2го поколения» (по терминологии корпорации РЭНД) и т.наз. «организационного оружия».

В свете вышесказанного приобретает особый смысл наметившаяся тенденция ставить во главе Пентагона профессиональных разведчиков и не просто разведчиков, а специалистов по тайным операциям.

Предпоследний министр обороны (до конца 2011 г.) Роберт Гейтс начал свою работу в госорганах США в 60-х годах прошлого века, когда его как специалиста-советолога пригласили на работу в ЦРУ. В сентябре 1989 г. Гейтс создал «сверхсекретную группу» из 5и человек для «планирования на случай чрезвычайных происшествий в России». Помимо Гейтса, в группу входила также Кондолиза Райс, занимавшая позже пост госсекретаря США при президенте Дж. Буше-мл. По свидетельству самого Гейтса, **группа разрабатывала рекомендации, что делать с Россией после того, как рухнет Советский Союз, в то же время работая над организацией контролируемого разрушения СССР.**

Иначе говоря, предпоследний глава Пентагона был одним из главных разработчиков плана по разделению России. Интересно отметить, что Б.Обама после прихода к власти оставил Гейтса (несомненно, человека Дж. Буша) на ключевом посту министра обороны! И только в конце 2011 его сменил Леон Паннета – **бывший директор ЦРУ**! Как можно видеть, «умная оборона» фундируется «специально обученными» кадрами.

Сама по себе стратегия «умной обороны» не нова. Еще в 1943 г. в Лондоне известный ученый–физик О.У. Ричардсон, «вдохновленный» немецкими бомбардировками, выдвинул и научно обосновал парадигму «новой войны» - целесообразности **упреждающего разрушения военно–промышленного потенциала государства - потенциального противника**, с тем, чтобы избежать прямого военного столкновения /136/. Что и было сделано применительно к СССР, а сейчас активно и успешно применяется по отношении России.

Но еще до Ричардсона «новую оборону» на практике реализовала нацистская Германия, которая успешно использовала теорию «блицкрига» совместно с упреждающими действиями в информационно – психологической сфере**.** В этой связи любопытно отметить следующий исторический эпизод. Когда в 1938 г. на одном из совещаний А. Гитлеру льстиво заметили: «вы положили Чехословакию в карман как скомканный платок», тот ответил, указывая на Вильгельма Канариса: «А скомкал его он» /223/.

Таким образом напрашивается вывод, что в настоящее время на Западе происходит своеобразная «реинкарнация» успешно апробированных на практике военно–стратегических концепций нацистской Германии с поправкой на современное развитие военно–технологической базы. В рассматриваемом случае авиационно–танковый «блицкриг»

заменяется на «быстрый глобальный удар» на едином геоцентрическом ТВД организованный по «циклу OODA» и «усиленный» к тому же использованием технологий рефлексивного управления противником. Одновременно «запускаются» стратегии из «Сунь-Цзы» и «36 Стратагем» /137, 138/. Еще до перехода к военной фазе конфликта, государства – потенциальные противники «доводятся до кондиции» с использованием различных технологий «внешнего» управления (информационного управления, институционального управления, организационного управления и др.) в том числе и «технологий управляемого хаоса», о которых много говорится, но, как представляется, мало кто в России (из тех кому положено) вдумчиво читал Стивена Манна для реализации на практике ответных мер.

Все происходящие изменения можно объяснить только одним. Запад готовит «побеждающую стратегию» для планирования и ведения будущей «большой войны».

Что касается вышеуказанных **целей 2-го уровня,** то их реализация усматривается в намечающемся формировании внутри блока НАТО локального кластера – своеобразной «новой Антанты». Цель очевидна – недопущение создания 4-го Рейха на базе возрождающейся Германии быстро наращивающей свой геополитический потенциал и «идущей в отрыв» от Великобритании и Франции.

В этой связи посредством «умной обороны» решаются две центральные проблемы стратегического сдерживания Германии от ее превращения в супердержаву.

Во – первых, процессы военного строительства Германии берутся под «внешнее управление» в направлении контроля за ростом ее военного потенциала. В этой связи весьма характерной выглядит история с отставкой министра обороны ФРГ Карла-Теодора цу Гуттенберга, обвиненного в плагиате при написании докторской научной работы. Она разворачивалась строго по всем канонам проведения «активного мероприятия» по дискредитации высокопоставленного федерального чиновника.

12 апреля 2010 г. цу Гуттенберг объявил о начале подготовки к реформе Бундесвера, сделав очень характерные уточнения, не оставляющие сомнений в том, что он намерен внедрить новые технологии управления конфликтами в немецкую армию. Успех цу Гуттенберга в реформе Бундесвера грозил превратить армию ФРГ в высокоэффективный механизм глобального действия.

Однако подобная перспектива категорически не устраивала США, а также влиятельные силы в Великобритании и Франции.

Как только стало известно, что реформа подготовлена весьма квалифицированно и на самом деле нацелена на внедрение указанных выше технологий, была начата и успешно проведена активная часть операции по уничтожению карьеры цу Гуттенберга.

Во – вторых, на основе «умной обороны» представляется возможность реализовать «синергетический эффект» повышения военного потенциала Великобритании и Франции в условиях развивающейся новой волны экономического кризиса.

2 ноября 2010г в Лондоне состоялся англо-французский саммит, который, по выражению газеты Daily Telegraph, соответствовал духу Antente Cordiale - договора «сердечного согласия» 1904 года, более известного как Антанта. На саммите Франция и Великобритания договорились о беспрецедентном двухстороннем сотрудничестве в военной сфере.

Центральным пунктом договора о военном сотрудничестве стало создание объединенного экспедиционного корпуса. Предполагается тесное сотрудничество в области военных исследований, особенно выделяются такие сферы, как подводный флот и связь, в том числе спутниковая. Планируется организация совместных разработок в области беспилотных летательных аппаратов, высокоточного оружия и других систем вооружения.

Отдельное соглашение касается ядерного потенциала двух держав. Оно предусматривает, что английские ученые будут работать в лабораториях Франции и участвовать в совместных испытаниях безопасности и надежности ядерных боеголовок обеих стран на территории французского центра ядерных исследований «Вальдук», где к 2014 г. будет построен специальный комплекс. Разработка перспективных технологий в области ядерного оружия будет проходить в британском исследовательском центре в Олдермастоне.

Несомненно, договоренности между Великобританией и Францией позволят обеим странам несколько сократить военные расходы, а обороноспособность каждой при этом не только не пострадает, но даже вырастет.

Реализация вышеуказанного **3-го уровня целей** непосредственно связана с провалом США (НАТО) в Афганистане и Ираке и с успехом «Арабской весны». Как было показано выше (в п 2.2) принятие новой стратегической концепции НАТО означает что в современных условиях НАТО является инструментом поддержания устойчивости системы «центр-колониальная периферия». В этом и состоят «новые функции альянса». Поэтому военная сила НАТО будет постоянно «проецироваться» на различные регионы – поставщики сырья и энергоносителей. И делаться это будет на основе перехода от прямолинейной военной агрессии к задействованию технологий «умной обороны».

«Помни войну!» — начертано на памятнике Степану Осиповичу Макарову, украшающему центральную площадь Кронштадта, некогда главной морской крепости Российской державы. Этот лозунг он повесил в своем кабинете, засыпал руководство докладными о необходимости срочно укреплять Порт-Артур и готовить тихоокеанский флот к войне. От него просто отмахивались. И только начавшаяся русско-японская война подтвердила полную правоту адмирала. Но было уже поздно. Нам надо помнить уроки истории, которая строго наказывает за их игнорирование, а не озабочиваться какую «оценку» поставит стране западное рейтинговое агентство.

В этой связи необходимо отметить, что в современных условиях сокращения в сфере СЯС и ТЯО – это обеспечение условий для «большой войны» и втягивания в нее Россию на невыгодных для нас условиях.

2.6 Нужен ли России «новый Брест»?

Сегодня нет смысла доказывать, что Россия уже не в состоянии следовать в военно-политической области тем курсом, которым следовали до начала горбачёвских реформ. Это была **«стратегия сильного»**, когда на американский (Западный) военный, технологический и стратегический вызов давался адекватный по масштабу и эффективности ответ.

Поэтому достаточно ясно, что, по крайней мере, в течение ближайших 10 - 15 лет для обеспечения безопасности России во взаимоотношениях с Западом придется следовать **«стратегии слабого»**.

Какой же может быть эта стратегия?

В принципе, все возможные поведенческие стратегии «слабого» актора международных конфликтных отношений могут быть сведены в два базовых кластера:

1. «Умиротворение сильного» (демобилизационная стратегия).

2. Стратегическое сдерживание (мобилизационная стратегия).

В исторической ретроспективе в качестве характерных стратегий первого типа можно упомянуть **«Брестский мир»** (стратегия Л.Д.Троцкого – «ни мира, ни войны**, а армию распустить»)**, «Мюнхенский сговор» и др.

Выше уже приводился исторический прецедент, связанный с одним из первых (из известных) фактов практической реализации стратегии второго типа (стратегического сдерживания) за счет демонстративного усиления военного потенциала государства. В XVII веке Арман Жан дю Плесси (герцог Ришелье) провел **первую в Европе широкую мобилизацию военных сил в мирное время** (в то время войны в Европе велись в основном «силами постоянной готовности»). Это позволило ему избежать вовлечения Франции в тридцатилетнюю войну (в невыгодных для нее условиях) до 1635 г.

Что касается «эффективности» применения стратегии «умиротворения», то здесь необходимо отметить следующее.

Реализация поведенческих стратегий из первого кластера, очевидно, приводит в начале как минимум к полной потере субъектности государства.

Что касается возможных эмерджентных эффектов от ее регулярного задействования, то на основе математического моделирования с использованием «теории борьбы условных информаций» Д.С.Чернавского проводимого учеными Академии военных наук совместно с РАН (в рамках проекта РАН «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики») делается вывод о том, что следствием является распад страны и лимитрофизация ее отдельных частей /43/.

При этом утилитарная польза от такого стратегического поведения для «социальных организмов» (в отличие от биологических) совсем неочевидна. В исторической ретроспективе можно указать на большое число примеров наступления «быстрых» катастрофических результатов использования стратегии «умиротворения» (взять хотя бы тот же «Мюнхенский сговор). Таким образом, в условиях, когда базовая поведенческая

стратегия Западного мира в деле обеспечения безопасности состоит в том, что «гарантия мира – закопать топор войны вместе с врагом» эффективность стратегии «умиротворения» даже в краткосрочном плане весьма сомнительна.

Надо сказать, что «умиротворение» и изначально-то не намного дешевле сдерживания, а разжигая аппетит умиротворяемого, мы рискуем на круг заплатить и дороже. Как говорил по сходному поводу У. Черчилль: «если страна, выбирая между войной и позором, выбирает позор, она получает и войну, и позор».

Следует кратко остановиться на содержании второго кластера возможных поведенческих стратегий (стратегическое сдерживание).

Надо отметить, что усилиями многих полупрофессиональных «ВИП-аналитиков» из так наз. «экспертного сообщества» (ИСКАН, ИМЭМО и др.) он радикально деформирован и сведен к некому слабоидентифицируемому конструкту «ядерное сдерживание». Указанный конструкт, в свою очередь, с использованием технологий «ложного доказательства» ими же подвергается непрофессиональной, но «убедительной» для довольно значительного числа непосвященных критике.

Вместе с тем, «стратегическое сдерживание» является одним из способов управления международными конфликтными отношениями на «латентной», «демонстрационной» и военной фазах международного конфликта, специфической формой рефлексивной политики в области обеспечения безопасности страны. Что касается ядерного фактора сдерживания, то ЯО является одним из подклассов из гиперкласса «оружие», входящим в состав экстремальных средств направленного действия на участников межгосударственных конфликтов (более подробно см. в п.8.2).

Достаточно ясно, что стратегическое сдерживание, являющееся частной функцией «оборонного комплекса» государства, не может следовать единственно представлениям о «неприемлемом ущербе», «ответном ударе» и другим подобным, возникшим в период гонки вооружений, хотя эти базовые представления обязательно должны учитываться при его формировании.

Основная идея, лежащая в основе современного подхода к стратегическому сдерживанию, состоит в переходе от анализа фактического наличного (явная или скрытая враждебность, очевидные угрозы и намерения, располагаемые силы и средства) **к анализу возможного**. В существующих условиях это может быть обеспечено переходом к быстродействующим и широкомасштабным механизмам контроля ситуации, выработки и реализации решений. Стратегическое сдерживание как идея прошлого столетия становится одной из важнейших функций такого механизма.

Стратегическое сдерживание в современных условиях быстрой милитаризации мира и временном отсутствии крупных войн, накоплении напряжения и неустойчивости в мире становится **более важным средством**, чем в период гонки вооружений, когда оно впервые было предложено. Оно должно рассматриваться не только как средство **деэскалации**

конфликтов различной интенсивности**,** но и как средство, дающее время и оперативный простор для подъема сознания субъектов.

Поэтому стратегическое сдерживание, прежде всего, должно быть адекватным состоянию субъектного мира и тенденциям его развития.

Сегодня Россия ставится перед выбором одной из двух вышеупомянутых (принципиально различных) поведенческих стратегий. И здесь нельзя не обратить внимание на два знаковых внутриполитических события последнего времени.

1. Встреча 24 февраля 2012г. в г. Сарове В.В.Путина с экспертами по глобальным угрозам национальной безопасности, укреплению обороноспособности и повышению боеготовности Вооружённых сил Российской Федерации.

2. Выступление российской стороны на научно-практической конференции Российского совета по международным делам "Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность**".**

И если выступление нашего национального лидера дает основание полагать, что в военно-политической области в основу российской поведенческой стратегии может быть положена ясная (и надежная) концепция стратегического сдерживания, то по поводу мыслей и идей озвученных на научно-практической конференции возникает ряд принципиальных вопросов.

Если их пропустить через «концептуальный фильтр», то напрашивается ряд оценочных суждений «алармистского свойства».

Во-первых, что часть российской правящей элиты очень стремится стать в ряды строителей некого «евроатлантического сообщества безопасности». Но из этого вытекает следующее:

1. У российского «двухглавого орла» отсекается голова «смотрящая на Восток» и оставляется только «западно - ориентированная» голова.

2. Существенно **повышаются угрозы и риски** связанные с вовлечением России в локальные и региональные военные конфликты, включая надвигающуюся «большую войну».

В случае если Россию и примут в «новое евроатлантическое сообщество безопасности» ей, очевидно, придется стать не только тыловой базой для обеспечения военных операций НАТО по всему миру (рискуя навлечь на себя «ассиметричную реакцию» подвергшейся военному вмешательству» стороны конфликта), но и поставщиком «боевых холопов» для «боярского» (читай НАТОвского) войска. В этой связи необходимо отметить, что «крестовые походы на Восток» проводятся Западом с какой то невротической регулярностью. Мы и сейчас живем в период очередного такого похода.

Во-вторых, что активно стремясь к «прочному партнерству» с Западом, российская сторона, почему то не поднимает принципиальнейший вопрос «а по каким правилам дружить будем?!». Создается впечатление, что для нас, оказывается, может быть достаточно

наличие лишь некого записанного обязательства о ненаправленности ЕвроПРО против России. А в ответ мы можем быть готовы к дальнейшим сокращениям в сфере СЯС, началу переговоров по такой чувствительной для безопасности России проблеме, как сокращения в сфере ТЯО и др. Вместе с тем в новейшей истории можно указать на массу примеров того чего могут стоять такие соглашения. Известно, что Вашингтонские соглашения не помешали Японии атаковать Перл–Харбор. Не стоит забывать и того, что Н.Чемберлен, вернувшись в Лондон из Мюнхена, предъявил публике на аэродроме подписанное соглашение со словами: «Я привёз вам мир». Уже в следующем году стало ясно, что политика умиротворения не принесла мира: началась Вторая мировая война.

В связи с вышесказанным напрашивается вопрос, а не готовится ли для России «новый Брест»? Что не удивительно, ведь одним из главных советников и политстратегов Б. Обамы является Д. Аксельрод, правнук Л.Троцкого.

В третьих, почти 25 лет, начиная с горбачевской «перестройки» и вплоть до провала «перезагрузки» Россия безуспешно пыталась «слиться» с Западным миром.

Мы отдали ради этой «идеи-фикс» все:

- Советский Союз.
- Варшавский договор.
- Своих союзников, включая «двух главных союзников России - ее армию и флот».
- Провели «демонетизацию» экономики. Отказались от самостоятельности финансовой системы государства и вошли в «Вашингтонский консенсус» на правах полуколониальной страны. Тем самым мы фактически согласились на данную особую форму «репарационных платежей» проигравшей стороны.
- Создали условия для перекачки финансового и «человеческого» капитала за рубеж и др.

Но взамен мы получили расширение НАТО на Восток, ПРО, разворачиваемую вблизи наших границ, финансовую и моральную поддержку действующих на территории России сепаратистов и террористов, действия направленные на отказ от Ялтинско-Потсдамской политической системы, подмену норм международного права на «право сильного», «раскручивающийся маховик» крупномасштабных близлежащих военных конфликтов и др.

Теперь вопрос может быть поставлен и о сдаче «двух последних союзников России» - ее СЯС и ТЯО.

В свете вышесказанного напрашивается вывод о том, что уже давно назрела необходимость перехода во внешней политике России от «политической камасутры», к «политическому айкидо».

Оптимальной поведенческой стратегией России в ближней и среднесрочной перспективе представляется политика **активного нейтралитета** (опирающаяся на механизм стратегического сдерживания), фундированная в том числе и **силовым фактором**.

Не вступление в некое «евроатлантическое сообщество безопасности», а мобилизация сил, составляющих оборонный и экономический потенциал страны, может обеспечить невовлечение России в будущую «большую войну».

В складывающихся условиях для России целесообразно не снижение, а усиление потенциала стратегического и регионального сдерживания. Не демобилизация проводившаяся российской стороной «под флагом» реформирования Вооруженных сил, а **мобилизация сил, составляющих оборонный потенциал страны может обеспечить невовлечение России в будущую «большую войну».** В противном случае России опять, как и в XIII веке, суждено стать «демпфером-поглотителем», в котором рассеется энергия натиска «восставшей Азии» на Европу.

Выше уже отмечалось, что из-за существенного дисбаланса с потенциальными противниками в силах общего назначения часть функций обычного оружия целесообразно переложить именно на ядерные силы. Данному утверждению можно дать полукачественно-графическую интерпретацию, полученную на основе экспертной модели оценки эффективности отечественной системы стратегического сдерживания /217/.

Для этого рассмотрим, на качественном уровне, динамику эффективности отечественной системы сдерживания в последние два десятилетия.

На рис.2.2…..2.5 (представленных ниже в конце параграфа) показаны экспертная градация спектра военной фазы конфликта, а также «автономные» и «комплексная» эффективности сдерживания ядерных и обычных вооружений двадцатилетней давности (1990 год) /217/. Здесь и далее оценки приводятся применительно к конфликту с США.

Как видно, в этот период эффективность обычного оружия на всех этапах военной фазы конфликта была практически максимальной. Исключение составлял лишь этап крупномасштабной ядерной войны, которую обычные вооружения не могли сдерживать, «по определению». Но этот «пробел» заполнял ядерный (главным образом, стратегический) компонент советских ВС, который, в свою очередь, имел низкую эффективность на остальных, более низких ранних конфликта. Необходимо отметить, что эффективность указанных компонентов имеет разную природу. Так, низкая эффективность обычного оружия объясняется объективными, «естественными» ограничениями их «боевых свойств» при крупномасштабном ядерном конфликте. В то время как малая эффективность ядерного оружия в начальной конфликтной области носит исключительно субъективный характер, вызванный лишь политико-психологическими аспектами и традициями существования «ядерного порога» именно в области высших ступеней военной фазы конфликта.

Таким образом, итоговая (комплексная) эффективность советских ВС полностью «накрывала» область сдерживания (представляющую, как видно, прямоугольник единичной площади) (рис.2.6). При этом в области крупномасштабной войны мы имели «ядерную подстраховку», своего рода двойное перекрытие этого фрагмента области сдерживания.

Сегодня, в силу известной деградации потенциала обычных вооружений, их «автономная» эффективность сдерживания существенно снизилась (рис.2.6). Гораздо менее, но все же снизилась эффективность и ядерного оружия (рис.2.7). В итоге «область риска несдерживания» сегодня значительно расширилась (рис.2.8). Образовался «провал эффективности» в области региональной войны. И, что самое тревожное – при современных тенденциях развития военных потенциалов ведущих стран мира эта область риска будет лишь увеличиваться.

В современных условиях у России фактически остается один реальный шаг (как альтернатива устранения дисбаланса обычных вооружений) – сдвинуть «ядерный порог» (рис.2.9), распространить стратегию «ядерного сдерживания» (деэскалации) на более ранние этапы военной фазы конфликта и, таким образом, уменьшить область риска.

Однако осуществить этот шаг будет нелегко, даже декларативно, не говоря уже о его «практической» реализации. И здесь существует целый комплекс взаимосвязанных препятствий различного характера.

Во-первых, это так называемый «цивилизационно-политический» аспект, обусловленный собственно необходимостью соблюдать некую общепринятую сегодня конвенцию ведения военных конфликтов низкой интенсивности, негласный принцип которой – адекватность ответных действий и минимизация сопутствующих потерь. А поскольку Россия уже позиционировала себя как прогрессивный демократический элемент современного мира, нарушение этого принципа чревато моральной и политической консолидацией мирового сообщества против нее. Как пример – обвинения в «непропорциональном» применении военной силы против Грузии в августе 2008 года. Соответственно, итоговые политические и иные результаты даже в случае победоносного завершения такого конфликта в определенных случаях могут быть отрицательными в результате формирования негативного информационного (идеологического и политического) «фона» вокруг нашей страны.

Важными также являются и другие вопросы, например, такие, как сопутствующий ущерб от применении ядерного оружия на своей территории или территории союзников; возможность «ядерного» ответа со стороны противника и дальнейшей эскалации конфликта; необходимость радикального пересмотра собственно вопросов стратегии применения ядерных сил на различных, нетрадиционных этапах конфликта. Кроме того встает проблема научного обоснования принципиально нового облика и механизма функционирования отечественной системы сдерживания.

Достаточно ясно, что снижение «ядерного порога» в сфере ЯО обязательно должно быть фундировано **адекватной** военно–технологической базой минимизирующей сопутствующий ущерб от его применения. Указанная проблема может быть решена как на основе использования свойств некоторых «традиционных» ЯБП, например» высокоточных заглубляемых ЯБП малой мощности (по аналогии тем, что размещались в 80х годах на

ракетах «Першинг-2» /147/), либо ЯБП сверхмалой мощности (по американской терминологии- «Мини и микро ньюки») /142, 146/, либо по пути создания и принятия на вооружение ЯО «3-го и 4-го поколений» /139…147/.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее. Даже США, которые обладают «победоносным превосходством» в силах общего назначения (по «мультидержавному стандарту»), озабочены приданием ЯО свойств понижающих «ядерный порог» /139,140/. Начало активизации указанных усилий связанно с действиями администрации Дж. Буша.

Как отмечается в /139, 140/. «В представленном Конгрессу в январе 2002 года "Обзоре ядерной политики" (Nuclear Posture Review; далее для краткости "Ядерный обзор") отражено стремление администрации нивелировать различие между применением ЯО малой мощности и оружия обычного назначения при проведении боевых операций на ТВД. В разделе "Поражение прочных глубоко заглубленных целей" высказано требование о необходимости принятия на вооружение ударостойкой проникающей в грунт на большую глубину ядерной боеголовки малой мощности (до 5 кт). При этом подразумевается, что при использовании такой боеголовки не произойдет выброса радиоактивного заражения на поверхность, а прочные командные бункеры, в том числе и хранилища ОМУ, находящиеся на глубине до 300 м, будут уничтожены. Для реализации этого требования была принята программа разработки "ударостойкого ядерного земного проникателя", определив в качестве носителя "ядерного проникателя" стратегический бомбардировщик В-2А.

По решению Конгресса в 2000 году в структуре Министерства энергетики было создано ведомство, названное "Администрация национальной ядерной безопасности" (Nation Nuclear Security Administration - NNSA, далее в русской транскрипции ННСА), которая, в тесном взаимодействии с Пентагоном и по его заданиям, осуществляет руководство всеми военными ядерными программами, В ее ведении находятся и все три национальные ядерные оружейные лаборатории - Лос-Аламосская, Ливерморская и Сандийская.

Следует обратить внимание на такой факт. Поначалу в ННСА имелся Консультативный комитет независимых ученых и экспертов в области ЯО. Однако он был распущен перед проведением секретного совещания якобы по ЯО малой мощности - "мини-ньюкам" - разрушителям бункеров на базе Стратегического командования Оффут (штат Небраска) в августе 2003 года. Тем самым ННСА де-факто потеряла свой полунезависимый статус и стала строго засекреченной руководящей структурой ядерного оборонного комплекса США. Нужно также отметить, что на указанное секретное совещание не были допущены даже представители Конгресса.

Между тем, по мнению ряда специалистов, работы по программе РНЕП вовсе не заслуживают столь высокого уровня секретности. Как отмечал физик-ядерщик Сидней Дрелл из Ливерморской национальной лаборатории: "Это вопрос не испытания или развития

новых образцов оружия, а принятия решения о возможности скомпоновать конструкцию таким образом, чтобы она могла глубоко проникнуть без разрушения самой себя преждевременным взрывом".

Таким образом, "под сурдинку" мини-ньюков может проводиться разработка принципиально нового поколения ядерного оружия. Программа РНЕП также позволила администрации США оказать давление на Конгресс и добиться **отмены в мае 2004 года поправки Спратта-Фурсе (принята в 1994 году), запрещавшей финансирование исследований и разработок по ЯО мощностью до 5 кт.**

Об акценте на снижение порога использования ядерного оружия, прежде всего на ТВД, свидетельствуют и разрабатываемые концептуальные документы по условиям применения ЯО в возможных боевых операциях Объединенных вооруженных сил США» /139, 140/.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что военно-политическому руководству нашей страны также может оказаться целесообразным преодолеть исторически беспрецедентный, в последние полвека, морально-психологический барьер, определяющий устоявшиеся «сверхконсервативные» представления о применении ядерного оружия в условиях, не угрожающих существованию страны как социально-политического комплекса.

Тем не менее, существует опасность, что при современных тенденциях и динамике развития военных потенциалов ведущих стран мира, другого реального пути у руководства России может и не быть.

Таким образом, «ядерное сдерживание» (стратегическое и региональное) осталась единственной действующей стратегией, в значительной мере способной практически «в одиночку» реально обеспечивать одну из главных (защитных) функций нашего государства. Эта своего рода «конкурентноспособность» ядерного оружия сегодня общепризнанна нашими политическими оппонентами. А известные и обидные, на первый взгляд, ярлыки типа «одномерной державы» и «Верхней Вольты с ракетами» лишь подчеркивают такое признание.

Совершенно очевидно, что особая роль стратегии «ядерного сдерживания» требует и особой, сверхпристальной заботы о ее состоянии и перспективах, и в частности - объективной оценки влияния на ее эффективность различных факторов и процессов, протекающих в мире. В первую очередь это относится к процессам «прямого влияния», т.е. к тем, что явно и непосредственно затрагивают главные элементы, определяющие механизм и структуру «ядерного сдерживания».

Кроме выполнения своей главной национальной (государственной) функции российское ядерное оружие выполняет и «международную», а именно - является инструментом сохранения глобальной геополитической стабильности, гарантирует бесперспективность попыток военного изменения существующих тенденций мировой геополитической динамики.

Эта роль ясно видна, если спрогнозировать ситуацию, когда Россия (и весь «ядерный мир») полностью откажется от ядерного оружия, т.е. реализуется тенденция всеобщего ядерного сокращения (согласно призывам движения «глобальный ноль»). Как изменится в этом случае военно-стратегический климат?

В случае «денуклеаризации» России принципиально новым негативным атрибутом, способным кардинально подорвать стратегическую стабильность, станет появление у США **возможности** в результате войны с Россией сохранить однозначно теряемое геополитическое лидерство. Разумеется, мы не утверждаем, что Америка немедленно воспользуется этим шансом, развяжет крупномасштабную войну против России. Но здесь важен сам факт появления (впервые за последние несколько десятилетий!) подобного «окна возможностей», что уже само по себе недопустимо, учитывая «цену вопроса». Реальный (практический) эффект от этого таков, что однозначно будет еще более связана, ограничена внешнеполитическая свобода, самостоятельность нашей страны на международной арене. Со всеми вытекающими последствиями.

По нашему мнению, именно «денуклеаризованная» Россия более всего подходит на отмеченную выше роль «невольного партнера» по новому переделу мира, который, естественно, реализуется за ее счет.

Следовательно, чтобы априори исключить такой сценарий, Россия должна сохранить свой ядерный потенциал, причем на уровне, который будет гарантированно, при любых условиях ядерного конфликта с Америкой, обеспечивать потерю американского геополитического лидерства. Необходимо сохранить любой ценой наш постепенно слабеющий, но еще пока «геополитически эффективный» ядерный кулак. Обязательно сохранить. По крайне мере, до тех пор, пока у нас не появится соответствующий альтернативный, неядерный инструмент, гарантирующий бесперспективность, для США, нового «военного» передела мира за счет России.

Таким образом, стратегия «ядерного сдерживания» (и ядерное оружие как ее основа) еще долго будет оставаться единственным многофункциональным инструментом, обеспечивающим не только военную безопасность нашей страны и ее высокий геополитический статус, но стабильность естественной геополитической конфигурации мира.

Рис.2.2 – Область сдерживания и градация военной фазы конфликта:
1- граница военной фазы; 2- область приграничного и вооруженного конфликта
3- область локальной войны; 4 – область региональной войны;
5- область обычной крупномасштабной войны; 6- область ограниченной ядерной войны;
7- область неограниченной ядерной войны.

Рис.2.3–«Автономная» эффективность сдерживания обычных вооружений (1990 г)

Рис.2.4 – «Автономная» эффективность сдерживания ядерных вооружений (1990 г)

Рис.2.5 – «Комплексная» эффективность сдерживания советских ВС (1990 год)

Рис.2.6–«Автономная» эффективность сдерживания обычных вооружений (2012 г)

Рис.2.7 –«Автономная» эффективность сдерживания ядерных вооружений (2012 г)

Рис.2.8 - Комплексная эффективность сдерживания ВС РФ(2012 и 2020 год)

Рис.2.9 – Путь повышения «комплексной» эффективность сдерживания

3 НОВЫЙ ДСНВ И ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

3.1 Проблема ЕвроПРО – возможно ли решение?

23 ноября 2011г Президент России сделал специальное заявление о возможных российских мерах в ответ на развертывание США системы ПРО в Европе.

В нем озвучен комплекс мер позволяющих (по мнению российской стороны) снизить дестабилизирующий эффект от ЕвроПРО. Российская сторона также напомнила американской стороне о праве России выйти из нового Договора о СНВ.

Необходимо отметить, что уже почти три года проблема ЕвроПРО выдвигается в качестве одного из центральных проблемных вопросов взаимодействия с нашими «Европартнерами». В попытках его решения российская сторона активно стремиться выйти из состояния «политического цугцванга» в который мы попали по следующим обстоятельствам:

- Согласившись на «мягкую» необязывающую редакцию нового Договора о СНВ (в части ограничений на ПРО).
- Ратифицировав новый ДСНВ, после того, как Сенат США 22 декабря 2010г принял «Резолюцию о совете и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ». И это несмотря на то, что в ней фактически дезавуировались те немногие «стабилизирующие» позиции ДСНВ, которые в нем сохранились после «отхода» российской стороны (в процессе работы над текстом соглашения) от первоначальной позиции, озвученной руководством в апреле 2009г.
- «Дав себя уговорить» на участие в ноябрьском (2010г) саммите НАТО с «мягкой» («консессуальной») позицией по ПРО (т.наз предложения по «секторальной ПРО»).
- «Не заметив» (проигнорировав) глобальные изменения происходящие в НАТО институционированные принятием новой стратегической концепции НАТО на ноябрьском (2010г) саммите и создающие новые вызовы и угрозы России.

Как следует из вышесказанного истоки сформировавшегося к настоящему времени военно-политического тупика, вызванного действиями США (поддержанными НАТО) связанного с развертыванием многоэшелонной ПРО территории страны лежат в новом ДСНВ ратифицированном российской стороной, не среагировавшей адекватно на «Резолюцию о совете и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ»».

До принятия «Резолюции о совете и согласии Сената …» новый ДСНВ в целом представлял собой договор в общем то довольно сомнительной полезности для обеспечения военной безопасности России на средне и долгосрочную перспективу. Его было бы целесообразно рассматривать как всего лишь некий символ «перезагрузки» и своеобразный «отчет» России и США перед очередной обзорной конференцией ООН по выполнению Договора о нераспространении ЯО (ДНЯО).

Мы все хорошо помним, что Российская сторона при проведении переговоров пыталась (на первых порах) жестко обусловить разоруженческое соглашение в сфере СЯС ограничениями в ПРО и стратегических неядерных системах. Но эта абсолютно правильная и очевидная позиция к моменту подписания ДСНВ была «размыта» до уровня **декларативных юридически необязывающих** формулировок в сфере стратегических оборонительных систем (ПРО). В сфере стратегических неядерных вооружений нам также не удалось даже просто притормозить стремительно разворачивающуюся в США гонку стратегических неядерных наступательных вооружений в технологической и количественной сферах. Максимум чего мы добились, так это в создании самоиллюзии, что, ограничив число носителей (МБР и БРПЛ), мы частично можем решить эту проблему.

Принятая «Резолюция о совете и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ» лишила нас последних призрачных надежд связанных с возможностью для России заключения сбалансированных разоруженческих соглашений с Америкой. США победили в «холодной войне» и им очень хочется пережить эту победу на практике. Поэтому они готовы вести переговоры только о сокращениях ядерного потенциала России.

Анализ «Резолюции о совете и согласии Сената на ратификацию нового договора о СНВ» показывает, что любые «ограничивающие» инициативы российской стороны в области ПРО «упираются» в установки конгресса – **юридически обязательные для американского правительства.** Полагать обратное – это либо заблуждение, либо отсутствие квалификации у российских «экспертов», рекрутированных в военную политику, либо что-то другое.

Даже самый элементарный анализ текста резолюции Сената показывает что в ней, дезавуируются даже юридически необязывающие положения Преамбулы ДСНВ по ПРО.

В этой связи необходимо отметить, что проблематика ПРО нашла свое отражение во всех трех разделах «Резолюции о совете и согласии…»:

- раздел **«а»** – «условия»,
- раздел **«в»** – «понимания»,
- раздел **«с»** – «заявления».

«Красной нитью» через все указанные разделы проходит мысль: «**Никаких ограничений в сфере ПРО, Америка будет создавать многоэшелонную ПРО территории страны, Америка будет разворачивать ПРО в Европе** (раздел «**а**»: п.п 12.А.ii, 14; раздел **«в»**: п. 1.А; раздел «**с**»: п.п 2.С, 2.Д, 2.Е)». Более того, ПРО должна находиться **вне любых будущих переговоров в сфере сокращений ЯО** (раздел «**а**», п. 12.А.ii).

Для России же в резолюции Сената **определено** (п.14 «Условия»), что никакой уровень развития ПРО США не является для нее мотивом выхода из ДСНВ!!!

В соответствии с п.2.Е (раздел «Заявления») всякое сотрудничество США с Россией в сфере ПРО может быть направленным только на **усиление** потенциала ПРО США. Так что

от **«ограничивающих» идей типа создания так называемой «секторальной ПРО» Российской стороне можно навсегда отказаться.**

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо также отметить следующее. Неуклонное стремление США к обладанию многоэшелонной ПРО поддерживаемое НАТО имеет свое объяснение в рамках идущих в Мир-системе глобальных процессов, подробно проанализированных выше и которые существенно изменяют саму суть НАТО.

Ранее было показано, что в современных условиях **НАТО является инструментом поддержания устойчивости системы «центр-периферия»**, в которой только и может существовать Западный мир. Однако выполнять свои функции альянсу придется в изменяющихся условиях формирования нового баланса сил в военной области. В складывающихся условиях для США (НАТО) широкомасштабная ПРО с мобильным компонентом является одним из важных инструментов направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов (как настоящих, так и будущих).

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. По вопросу ПРО американская администрация следует прямым установкам **Сената** (имеющим статус закона) и все попытки (тем или иным образом) изменить ее позицию в данном вопросе бесполезны.

2. В настоящее время одна из главных угроз безопасности России связана с триумфом «перезагрузочного» оптимизма над здравым смыслом, при котором в «большой игре» на международной арене для России, как правило, возникает следующая ситуация: когда мы думаем, что у нас есть козыри на руках, то оказывается, что мы играем в шахматы. Сегодня у российской стороны имеется только одна рациональная поведенческая стратегия – разработка и внедрение комплекса адекватных (а не пропагандистских) мер по парированию дестабилизирующих военно – технологических факторов. В этой связи надо отметить, что ЕвроПРО – лишь единственный (и не самый значимый) фактор угрозы. При внимательном (и непредвзятом) изучении нового ДСНВ вкупе с фундаментальным и информационно-техническим анализом перспектив и тенденций совершенствования (у наших геополитических соперников) средств вооруженной борьбы, можно указать на целый ряд и других дестабилизирующих военно-технологических факторов требующих реагирования на их появление. Подробно об указанных военных технологиях, которые в ближней и среднесрочной перспективе войдут составной частью в американский контрсиловой потенциал будет сказано ниже (в 10м разделе).

3.2 Какой же Договор ратифицировала Госдума?

Российский МИД вкупе с комитетом Госдумы по международным делам «потерпел внешнеполитическую победу». 25 января 2011г Госдума (вслед за Сенатом США) ратифицировала новый Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Как и полагается при всякой объявленной победе, народ должен пребывать в

уверенности в том, что российский потенциал кризисного реагирования достаточен для обеспечения стратегического сдерживания.

Разумеется, очень хочется верить, что через 10…15 лет страну можно будет защитить не только от компьютерных вирусов. Но вместе с тем известно, что чем глубже прячешь голову в песок, тем беззащитней твоя «первая чакра». Поэтому, «хотя мы ленивы и нелюбопытны» (А.С.Пушкин), но целесообразно провести хотя бы самое простое дискриптивное исследование и прояснить, на что же мы согласились, ратифицировав ДСНВ после принятия ратификационной резолюции Сената?

В данной связи интересно отметить, что различные «допущенные авгуры» из так называемого «экспертного сообщества» не очень активно себя проявляют в рассматриваемом вопросе (может быть за исключением дискуссии на страницах журнала «Россия в глобальной политике» в 2010г). Это вызывает определенную настороженность и обуславливает необходимость внимательного рассмотрения ратификационных условий, поскольку наше (как правило, либеральное) «экспертное сообщество» имеет свои интересы, которые сразу могут явно не просматриваться, а потом вполне понятным образом порождают «экспертную ренту» у своих западных партнеров.

Изучение указанных ратификационных условий позволяет сделать вывод, что после принятия Сенатом США на своем закрытом заседании 22 декабря 2010г «Резолюции о совете и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ» в оценку значимости Договора для России необходимо внести серьезные коррективы.

Что же нового для России внесла указанная резолюция в условия обеспечения возможности стратегического сдерживания и кризисной стабильности?

Сенат США в одностороннем порядке «подкорректировал» для американской стороны ряд важных положений Договора.

Во-первых, как было показано выше (в п.3.1) дезавуируются даже юридически необязывающие положения Преамбулы ДСНВ по ПРО.

Во-вторых, в «Резолюции…» последовательно проведена мысль: «**Никаких ограничений (естественно, для США) в сфере стратегических наступательных неядерных вооружений».** И это положение фундируется даже возможностью **выхода за предельные уровни**, определенные ДСНВ по МБР и БРПЛ, при их оснащении неядерными боезарядами (см. «Резолюцию о совете и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ», раздел «Условия», п.6.С)! Более того, определено, что все будущие (перспективные) системы вооружений стратегической дальности в неядерном оснащении «не будут…попадать под действие нового ДСНВ» (см. «Резолюцию о совете и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ», раздел «Понимания», п.3.А). Так что мы, вероятно, зря надеялись на ограничивающую роль «предельных уровней» по носителям.

В качестве «вводной» для российских «агентов перемен» (в смысле Д. Ильчмана и Г.Бенквенисты) в резолюции Сената дана установка о необходимости скорейшего

совместного ухода от прежних стратегических отношений, основанных на гарантированном взаимном сдерживании (см. «Резолюцию о совете и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ», раздел «Заявления», п.2.В). Это положение уж очень напоминает тот «интеллектуальный мэйнстрим», который пытались сформировать ИСКАН и ИМЭМО с 2004г., начиная с доклада ИСКАН «Снижение ядерных рисков…», задающий движение от парадигмы «стратегического сдерживания» к «умиротворению».

Анализируя резолюцию Сената, необходимо отметить, что в ней имеются и «хорошие новости» для той части «экспертного сообщества», которое целью и смыслом своей деятельности полагает «профессиональную любовь» к Западу:

1. Пункт 12.С.ii (раздел «Условия») подразумевает предоставление американского или другого международного содействия РФ в проведении «точного подсчета»(!?) и «обеспечения безопасности тактического ЯО». Понятно, почему с середины 2010г наблюдается «оживление» в данной сфере в среде «независимых» и «полунезависимых» экспертов.

2. Пунктом С.4 (раздел «**с**») определено, что с целью «способствовать выполнению ДСНВ» будет продолжаться так называемая «Программа снижения угрозы на основе сотрудничества», вокруг которой длительное время «кормилось» немало «агентов перемен».

Кроме вышеупомянутого необходимо отметить еще один существенный факт попытки одностороннего «подправления» резолюцией Сената условий действия ДСНВ, который замалчивался при ратификации Договора Госдумой. Это введение нового (влияющего на военную безопасность России) **скрытого параметра** ДСНВ. В соответствии с поправкой Сене Лемье 4/S.AMDT.4908 прием (в США) на хранение ратификационных документов должен быть проведен после согласия Российской стороны на переговоры по вопросу о так называемой «ликвидации дисбаланса» тактического ядерного оружия (читай согласия на переговоры по сокращению Российского ТЯО).

Разумеется для российской стороны данная поправка в общем ничтожна, но, начиная с 2011г. американская сторона резко усилила активность в вопросе сокращений в сфере ТЯО, которую она в прежние годы как то не очень проявляла. В этой связи возникает опасение: сумеем ли мы «провести работу над ошибками» и адекватно среагировать на массированную информационную «атаку», не сможет ли американская сторона вновь достигнуть дипломатического успеха в ущерб безопасности России?

Из сказанного выше можно сделать общий вывод, что после ратификации Россия получила не столько международный Договор, сколько институционированное обязательство по снижению своего ядерного потенциала.

Оценивая позицию Госдумы, в спешном порядке ратифицировавшей ДСНВ и при этом, как представляется, адекватно не среагировав на «подводные камни» содержащиеся в Резолюции Сената, приходит на ум ставшее афоризмом высказывание Антуана Буле де ла Мерта: «Это хуже чем преступление, это большая ошибка».

На это оценочное суждение обычно следует стандартное выражение, что Россия находится в состоянии цугцванга. Мы мол не можем поддерживать наши СЯС даже на уровне Договора о СНП и, поэтому, любые условия для нас приемлемы, лишь бы Америка хоть съиммитировала какие-либо ограничения. Необходимо отметить, что данное положение уже давно (и небезуспешно) внедряется в когнитивную и аффективную компоненту сознания не только населения страны, но и основных базовых элементов системы принятия военно-политических решений.

Указанное положение отражает давлеющую роль **«философии нищенства»**, успешно внедренную в сознание лиц, готовящих и принимающих решения, и неуклонно проводящуюся в жизнь постоянно действующим либеральным блоком правительства.

Согласно этой философии для России консервируется положение «полупериферии» Мир-системы, ее вооруженные силы не предназначаются для управления межгосударственными конфликтами, а рассматриваются лишь как один из атрибутов государства. Следовательно их потребности не берутся в расчет, а качестве императивного фактора обеспечения национальной обороны принимаются так называемые «возможности» экономики, детерминируемые принятой либеральной монетаристской моделью и целым рядом ограничений, например, отказом от суверенных прав быть «хозяином денег» в своей стране и соблюдением принципов «Вашингтонского консенсуса».

Фальшивость тезиса о принципиально ограниченных возможностях поддержания потенциала СЯС становится совершенно ясной даже «обычному человеку», как только мы вспомним, что весь ядерный оружейный комплекс и три из четырех основных ракетных центров СССР вместе с кооперацией «достались» России. Во времена Д.Ф.Устинова (25 лет назад) один лишь Воткинский машиностроительный завод смог выпустить в год столько «изделий», что сохранение сейчас такой производительности вполне было бы достаточно для поддержания нормального численного состава группировки РВСН по носителям. И если, как это часто утверждается, мы в настоящее время не в состоянии поддержать численный состав группировки даже на уровне СНВ-2 или СНП, напрашивается закономерный вопрос: ПОЧЕМУ?

Нам скажут, что у нас на это «нет денег». Тогда, например, зачем мы на **собственные деньги** (а это по данным прессы 15…20 млрд. долл.) и на весьма сомнительных экономических условиях стремимся строить в будущей исламистской Турции атомную электростанцию?

Надо сказать, что хотя полноценный анализ тезиса об «отсутствии денег» на экономическое развитие и нужды обороны существенно выходит за рамки обсуждаемой темы, но, учитывая необходимость хотя бы задуматься о причинах наших трудностей, зададимся несколькими «наивными вопросами»:

- во-первых, почему же мы сами отказались от того, чтобы быть хозяевами собственных денег и присоединились к «Вашингтонскому консенсусу», согласившись на роль полуколониальной страны;
- во-вторых, почему наше министерство финансов все время озабочено (как они изящно выражаются) «стерилизацией избыточной денежной массы», будто деньги - это «бродячая собака», а не инструмент экономики, и вкладывает «избыточные деньги» за границей;
- в- третьих, если деньги – это, как говорится, «кровь экономики», то почему у нас она «обескровлена»: «агрегат M_2» в России составляет, по разным данным, 40…45% от ВВП, а у развитых стран он превышает 85…90% от ВВП (у США – 150%, у Китая свыше 150 % от ВВП)?

Можно и дальше долго продолжать список таких «наивных вопросов», но вряд ли можно получить на них правдивый ответ. В целом складывается впечатление, что у нас сегодня деньги играют роль не инструмента развития экономики, а составного элемента **механизма внешнего управления Россией.** И это еще раз подтверждает неоднократно высказываемое в научных кругах мнение, что сегодня главная проблема в России – бессубъектность. Комплексное изучение проблемы поддержания ядерного потенциала дает основания сделать вывод, что его ускоренное сокращение не есть следствие каких то принципиальных экономических и технических трудностей, а результат политического выбора правящей элиты страны, относительно истинных причин и цели которого нам остается только строить различные гипотезы.

Для осознания значимости для безопасности России значительных сокращений в сфере ЯО целесообразно помнить высказывание премьер-министра Великобритании лорда Пальмерстона: **«Мир кажется таким несправедливым, когда с Россией никто не воюет»** /201/. Ратифицировав ДСНВ, мы сделали очередной шаг к этому «более справедливому миру», поскольку (согласно ответу З.Бжезинского на предложения М.Горбачева по созданию «безъядерного мира») «это делает его (мир) более удобным для ведения «обычной войны».

3.3 Что скрывает новый Договор о СНВ ?

Еще не успели «высохнуть чернила» на подписанных в апреле 2010г. экземплярах Договора о СНВ, как стало известно, что США провели успешные испытания военного беспилотного космического аппарата многоразового использования Х-31 /148, 149/. Значимость данного испытания в контексте не так давно заключенного разоруженческого соглашения становится ясной, как только мы осознаем тот очевидный факт, что фактически речь может идти об испытаниях будущей космической платформы-носителя высокоточных средств доставки неядерного (а впрочем, и ядерного) боевого оснащения (CAV) /153, 154,158, 162… 167/.

Как следует из «открытых» информационных источников /151…167/, аппарат CAV предполагается снаряжать несколькими кассетными боеприпасами BLU-108, каждый из которых содержит четыре самоприцеливающихся боевых элемента «Скит». Уничтожение стационарных высокозащищенных (заглубленных) целей будет обеспечиваться применением проникающей боевой части.

Необходимо отметить, что CAV по своей сути представляет собой управляемую «аэробаллистическую капсулу», которая может применяться с космических платформ, обеспечивая в последнем случае **минимальное подлетное время к объектам СЯС России (!).** Таким образом речь идет о существенно дестабилизирующей системе вооружения.

Результаты проведенного анализа дают основания интерпретировать действия США в рамках программы CAV (и дублирующей ее программы НАСА HGV) как возможную подготовку базы для «обхода» количественных ограничений ДСНВ на число носителей. При этом развертывание группировки CAV может быть осуществлено «под прикрытием» развертывания HGV на носителях, заявленных как носители КА, например ракеты «Пегас», «Минотавр-2», «Минотавр-3».

Таким образом, в очередной раз было актуализовано неоднократно выдвигаемое авторами положение о том что предпринимаемые США сегодня и на перспективу меры по ограничению СЯС – всего лишь политическое отражение реального процесса обновления «технологически устаревших» видов оружия. Предлагаемые меры по разоружению и контролю над вооружениями имеют своей конечной целью не столько ограничение масштабов военно-технического соперничества, сколько переводят его в иные измерения военно-технологического пространства.

При этом американским военным не приходится беспокоиться в отношении того, не переусердствуют ли их политики в разоружении.

Для этого американской администрацией еще в начале 1990-х годов в качестве одного из основных принципов стратегии национальной безопасности была принята так называемая концепция «воссоздания», предусматривающая сохранение инфраструктуры стратегических наступательных сил (СНС) и оборонной индустриальной базы, обеспечение лидерства США в жизненно важных технологиях и накопление стратегических материалов.

Анализируя последствия сокращения ядерной компоненты стратегических наступательных сил США, важно отметить, что США в значительной мере технически готовы к быстрому снижению своего ядерного потенциала. Несмотря на прогнозируемое (временное) сокращение «геополитической дистанции» с Китаем. Америка имеет возможность сравнительно быстро восстановить свой «геополитический статус» и сделать «рывок» в военном потенциале за счет реализации результатов новой «микрореволюции» в военном деле, позволяющей существенно усилить неядерную компоненту стратегических наступательных и оборонительных сил, а также осуществить качественный

(беспрецедентный) скачок в повышении потенциала сил общего назначения. Здесь Россия (да и Китай) отстает от США, скорее всего «навсегда».

Таким образом, рассматривая вопрос влияния ядерного разоружения на стратегическую стабильность, необходимо отметить следующее. Концепция силового устрашения глубоко укоренилась в системе политико-культурных ценностей Запада. Поэтому вновь встает вопрос о пользе нового Договора о СНВ для России, правильности выбранных ориентиров, то есть о целесообразности существенного сокращения ядерного оружия, представляющего собой достаточно эффективное средство сдерживания и деэскалации военных конфликтов.

Система «принципов достаточного основания», положенных в основу определения параметров данного разоруженческого соглашения должна обязательно содержаться в преамбуле к Договору. Вместе с тем в процессе изучения представленных в ней концептуальных положений напрашивается оценочное суждение, что большую (если не основную) угрозу для российской системы стратегического сдерживания составляет опасность того, что современные российско-американские отношения опять, как и в 1990-х годах, будут представлять собой триумф «оптимизма» над разумом. Как известно из курса виктимологии (криминальной психологии), это положение составляет один из базовых архетипов мышления жертв мошенничества.

При этом во взаимоотношениях с Российской стороной в сфере сокращений СЯС американский лидер представляется этаким «политиком на доверии».

В свете вышесказанного необходимо пояснить ряд принципиальных моментов, связанных с новым разоруженческим соглашением, которые, по мнению авторов, скрыты не только от Российской общественности, но и от «лиц принимающих решения» в военно-политической сфере.

Первая «тайна» нового ДСНВ состоит в том, что глубокие сокращения в сфере СЯС являются **дестабилизирующим фактором** системы стратегической стабильности.

Только специалистам известно, что одним из **«парадоксов ядерного сдерживания»,** тщательно скрываемым не только от общества, но и от руководства страны, является тот факт, что объективно существует **«ядерный порог стабильности»**. Он характеризуется тем, что понижение уровня ядерного потенциала ниже указанного порога **снижает кризисную стабильность.** Впервые публично об этом было заявлено группой известных ученых РАН (А.И. Агеев, В.С. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий) в работе «Проектирование будущего, кризис и идеи С.П. Курдюмова».

Приведем цитату из данной статьи, обосновывающую высказанное положение.

«В самом деле, паритет стратегических вооружений, обеспечивший полвека мира, основан на возможности каждой из сторон нанести другой сдерживающий ущерб на любой стадии конфликта. Это уберегает каждую из сторон от соблазна такой конфликт начать.

Однако предположим, что в процессе сокращения вооружений, пусть даже симметричных, взаимных и контролируемых, достигнут некоторый **критический порог**. При этом каждая из сторон может нанести неприемлемый ущерб в первом ударе. Но не может сделать это, нанося ответный удар. И тогда появляется соблазн нанести удар первыми…

В самом деле, возникает **рефлексивная игра:** «Я знаю, что противник знает, что я не смогу ответить, если он нападет первым. Поэтому он сочтет, естественно, что я сам, желая защитить свою страну, готовлюсь к первому удару. Значит, рационально рассуждая, он сам должен стремиться к такому удару или готовить «туза в рукаве» - неядерные средства противоборства, которые способны обеспечить решения тех же стратегических задач и т.д.»

Несложная математическая модель Ланчестера, которую обычно излагают в курсах математического моделирования, дает критический порог примерно в 1600 боеголовок» (конец цитаты).

Таким образом, в новом Договоре о СНВ мы уже фактически достигли такого порога. И здесь возникает проблема **устойчивости** Российского потенциала сдерживания относительно дестабилизирующих факторов, которая совершенно неясно как учитывалась при заключении данного соглашения. По крайней мере Российская сторона в конце - концов отошла от позиции, высказываемой нашим руководством в апреле 2009 г.

В указанном контексте устойчивости **вторая «тайна»** договора состоит в том, что вопреки заявлению, содержащемуся в преамбуле, предлагаемые в нем «меры по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений и другие обязательства…» **не укрепляют** «предсказуемость и стабильность».

Поясним выдвинутое положение.

Специалисты выделяют в стратегической стабильности два понятия – **кризисная стабильность и стабильность гонки вооружений.** В первом случае подразумевается, что ситуация является стабильной, когда даже в кризисной ситуации у каждой из противостоящих сторон отсутствуют серьезные стимулы для нанесения первого ядерного удара. Во втором случае стабильность оценивается по наличию стимулов для резкого наращивания своего стратегического потенциала, причем не только за счет повышения потенциала СЯС, но и за счет усиления неядерной компоненты стратегических наступательных и оборонительных сил, а также потенциала сил общего назначения (СОН).

Механизм действия кризисной стабильности заключается в следующем. В случае, если стратегические силы какой-либо из противостоящих сторон обладают достаточно высоким контрценностным (контрсиловым) потенциалом, но при этом уязвимы для превентивного удара противника и, более того, «привлекательны» для нанесения по ним первого удара, стратегическая (кризисная) стабильность считается нарушенной.

Из сказанного выше вытекает, что на условия сохранения стратегической стабильности сильное влияние способны оказать «внешние» дестабилизирующие факторы, к которым в

первую очередь относятся ПРО территории страны, крупномасштабные боевые действия с применением «обычных вооружений», в результате которых может быть причинен ущерб боевым и информационным управляющим средствам СЯС, технологические прорывы, позволяющие резко повысить контрсиловой потенциал одной из сторон, образование коалиций ядерных государств при использовании ими единого оперативного планирования и т.п.

Оценивая реальность угрозы нанесения по СЯС России упреждающего «контрсилового» удара (оспариваемой т.наз. «либеральным экспертным сообществом») необходимо отметить следующее:

- Применение основного компонента СНС – ПЛАРБ США имеют возможность осуществить из ближних к территории России районов мирового океана. При нахождении ПЛАРБ типа «Огайо» с БРПЛ « Трайдент-2» в Норвежском и восточной части «Средиземного моря обеспечивается возможность нанесения ракетно-ядерного удара на всю глубину территории России. Использование БРПЛ по настильным траекториям позволяет нанести удары на расстояние 2000…2500 км с подлетным временем, равным 9…14 мин !
- По планам боевой подготовки в США ежегодно проводятся пуски БРПЛ по резко отличающимся траекториям с изменением высоты в апогее и времени полета до цели, в т.ч. **по настильным траекториям.** Кроме того, наблюдаются также регулярные пуски по настильным траекториям всех типов МБР со снижением высоты в апогее до 1000км и углом входа в плотные слои атмосферы до 22 градусов. При этом подлетное время на дальность около 8000 км достигает 25…26 мин., что примерно на 10 мин. меньше, чем при пусках ракет по оптимальной траектории.

Здесь так и хочется высказаться следующим образом: «Настильные траектории – это траектории упреждающего контрсилового удара, господа либералы!»

В свете рассматриваемой проблемы оценки реальности (а не гипотетичности) проблемы «первого удара» нельзя обойти вниманием повышенную активность американской стороны в организации боевой подготовки к нанесению контрсиловых ударов. В качестве иллюстрации к сказанному ниже приведена соответствующая информация из «открытых» источников /168, 169/.

В публикации под названием «В рамках масштабных учений под кодовым названием Operation Chimichanga Пентагон «показал миру новую войну» отмечается следующее /168/:

«4 апреля (2011г) Пентагон провел масштабные учения, сочетавшие компьютерное моделирование и участие реальных самолетов из Форт-Юкон (Аляска). В учении под кодовым названием Operation Chimichanga впервые была проверена новая концепция сверхдальних ударов с применением истребителей пятого поколения F-22 и сверхзвуковых бомбардировщиков B-1B.

Сценарий Chimichanga напоминает операцию 1986 года «Каньон Эльдорадо», когда группировка из около 150 американских самолетов совершила сверхдальний перелет и

нанесла удар по военным объектам и резиденции Каддафи. Сегодня появилась более совершенная военная техника, включая «стелс-самолеты», мощное высокоточное оружие, и опыт этой операции переработан и усовершенствован в Chimichanga. Можно сказать, что подобные удары станут основным способом «наказания» и уничтожения инфраструктуры небольших стран, а также совершенно новым методом достижения военного превосходства в войне с большими государствами, имеющими мощную армию и протяженную территорию (Россия!).

Задачей учения Chimichanga было нанесение неожиданного ошеломляющего удара с целью уничтожения или существенного ослабления ПВО противника, разрушения важнейших объектов инфраструктуры, **пусковых установок стратегических**/оперативно-тактических ракет, кораблей на стоянках и т.д. По замыслу американских военных, удар будет настолько мощным и неожиданным, что противник просто не успеет оказать существенное сопротивление. Нечто подобное пережили сами американцы во время атаки базы ВМС в Перл-Харбор.

Добиться внезапности планируется с помощью малозаметных истребителей F-22. Сам удар будет осуществляться с удаленных от цели аэродромов. Например, от Форт-Юкона до Москвы по прямой лететь около 6400 км. На первый взгляд, это очень далеко, однако учения с перелетами в 3500-4000 км для летчиков-истребителей - обычное дело, а для межконтинентального бомбардировщика B-1B - тем более. В ливийской войне 2011 года B-1B взлетали с авиабазы в Южной Дакоте и наносили удары по территории Ливии, пролетая расстояние около 9000 км. Стелс-бомбардировщики B-2 проделывали тот же «трюк». В операции Chimichanga B-2 не участвовали, но если придется иметь дело с ядерной державой, такой как Россия или Китай, эти бомбардировщики обязательно будут применяться, прежде всего, **для уничтожения мобильных и шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет»** (конец цитаты).

Характерным примером активного проведения боевой подготовки СНС США к крупномасштабной ядерной войне являются проходившие в первой декаде ноября 2005г на Аляске самые крупные учения вооруженных сил США с отработкой ядерной войны с Россией. В публикации /169/ отмечается следующее:

«По замыслу американских военачальников, Россия терпит поражение и просит мира. **Залогом успехов США объявляются: использование гибких форм планирования ядерной войны, техническое превосходство, высокоэффективная противоракетная оборона, умелое применение сил и средств радиоэлектронной борьбы, а также совершенно новые и никому не известные формы и методы ведения боевых действий.**

В целом маневры носили комбинированный характер и включали два вида учений «Положительный ответ» и «Глобальный шторм».

1. Командно-штабные учения «Положительный ответ» (Positive response) КНШ начал проводить с 1999 года. Они призваны дать оценку возможностям Пентагона по решению

задач мобилизации и развертывания ВС страны, ведения разведки и боевых действий в условиях уничтожения основных элементов системы оперативного управления.

2. Учения «Глобальный шторм» проводятся Объединенным командованием стратегических сил (ОКСС) США. Все данные по ним носят сугубо закрытый характер. Неудивительно, что первое упоминание о «Глобальном шторме» появилось только в августе 2005 года. В ходе этих учений подразделения Стратегических ядерных сил США отрабатывают формы и методы управления применением всех видов стратегического ядерного оружия…» (конец цитаты).

В качестве дестабилизирующих факторов могут проявляться также «скрытые параметры» Договора, к наиболее существенным из которых относятся «возвратный потенциал», ряд нефундированных требований Протокола и приложений и др.

Для того, чтобы оценить значимость указанного дестабилизирующего фактора ниже приведены результаты оценки величины «возвратного» потенциала СНС США.

По принятой в США классификации ядерного арсенала (ЯА) /170/ он подразделяется на 4 компоненты, сведенные в 2 основные группы (см.рис.3.1):

- активный ядерный арсенал;
- неактивный ядерный арсенал.

Поскольку подписанный договор по СНВ количественно ограничивает только оперативно развернутые силы (см.рис.3.1) и никак не затрагивает других компонент ЯА, возникает задача оценки возможности наращивания состава СНС США.

Наращивание ядерного потенциала СНС США может быть достигнуто: в силах МБР – увеличением количества ядерных боезарядов на МБР «Минитмэн-3S» до штатной комплектации; в силах ПЛАРБ – увеличением числа ядерных боезарядов на БРПЛ «Трайдент-2» до 8…14 ед.; в стратегической авиации – обратным переводом в ядерный статус бомбардировщиков – В-1В и увеличением количества ядерных боезарядов на авиационных носителях до штатной комплектации;. Все это позволит только за счет накопленных запасов ядерных боеприпасов и штатного количества носителей (без проведения мобилизационного развертывания промышленности) увеличить количество ядерных боезарядов на боеготовых носителях СНС в 1,5 … 1,9 раза в течении 3…6 месяцев. Возможны также и другие пути наращивания ядерного арсенала, связанные с возможным временем «воссоздания» группировки СНС США.

Дополнительные возможности по развёртыванию ядерных боезарядов (ЯБЗ) имеются у США также и за счёт возврата в боевой состав носителей, то есть перевода неразвёрнутых в категорию «оперативно-развёрнутые» (далее по тексту – развёрнутые), при установке на них ЯБЗ «возвратного потенциала». Назовём эту категорию носителей условно «возвратным потенциалом» носителей.

Рис. 3.1 Классификация ядерного арсенала США

Корректные количественные оценки так называемого **«возвратного потенциала»** СНС США проведены ИСС Росатома в /170/.

При оценке состава СНВ США /170/ учитывались сроки нахождения (с реализацией программ модернизации и продления сроков службы) носителей и ЯБЗ на вооружении. Оценочные данные по прогнозируемому составу стратегических носителей и ЯБЗ, полученные на основе результатов анализа материалов /173…178/, представлены в табл. 3.1-3.3 в соответствии с данными /170/.

Более детальные оценки состава развёрнутых СНВ США в условиях нового Договора о СНВ, в том числе с учётом «возвратного потенциала» приведены в табл. 3.4 /170/.

Варианты наращивания СНВ в условиях нового Договора о СНВ определялись в соответствии с /170/ следующим образом.

Наращивание количества ЯБЗ на МБР возможно путём увеличения количества блоков Mk12A с 1 до 3 ед., а Mk21 с 1 до 2 ед. на ракете. Это даёт возможность увеличить число ЯБЗ на 400 развёрнутых МБР почти в 2,4 раза – с 400 до 950 ед. Развёртывание с постановкой в ШПУ 20 дополнительных МБР позволяет увеличить количество ЯБЗ ещё на 60 ед.

Таблица 3.1 – Прогнозируемый состав американских стратегических носителей ЯО и ЯБЗ

Тип носителя ЯО, *ЯБЗ*	**Годы**									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Межконтинентальные баллистические ракеты										
Минитмен-III	450 развёрнутых						400 развёрнутых+20 неразвёрн.*			
	Нахождение в боевом составе – до 2025-2030 гг.									
Подводные лодки атомные с баллистическими ракетами (ПЛАРБ)										
Огайо	12 развёрнутых+2 неразвёрнутые						12 развёрнутых+2 неразвёрнутые			
	Ожидаемые сроки службы – до 2027 -2040 гг., в зависимости от года постройки									
Баллистические ракеты подводных лодок										
Трайдент-D5	288 развёрнутых (на 12 ПЛАРБ) +48 для двух неразвёрнутых ПЛАРБ						240** развёрнутых (на 12 ПЛАРБ) +40** для двух неразвёрн. ПЛАРБ			
	Нахождение в боевом составе – до 2035-2040 гг.									
Тяжёлые бомбардировщики										
B-2A	16 развёрнутых + 4 неразвёрнутых									
	Нахождение в боевом составе (без продления лётного ресурса) – до 2037-2040 гг.									
B-52H	44 развёрнутых + 32 неразвёрнутых									
	Нахождение в боевом составе (с продлением лётного ресурса) – до 2037-2040 гг.									
Крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности										
AGM-86B*	~ 480 (из 1715 выпущенных ~ 1200 ед. были переделаны под обычное оснащение)									
	Нахождение в боевом составе – до 2030-2035 гг.									
AGM-129A**	все (~ 460 ед.) переведены в резерв, из них ~ 120 ед. могут быть развёрнуты с ЯБЧ									
	Ожидаемый срок нахождения в резерве – до 2030-2035 гг.									

* – планируется к 2018 г. 30 шахтных пусковых установок (ШПУ) привести в состояние, исключающее возможность размещения и пуска МБР, иметь 420 ШПУ, из них 400 с МБР, а – 20 без МБР, но с возможностью их установки;

** – планируется к 2018 г. на каждой из 14 ПЛАРБ иметь по 20 пусковых установок (ПУ) вместо 24, по 4 ПУ будут приведены в состояние, исключающее возможность размещения и пуска БРПЛ.

Таблица 3.2 – Прогнозируемый на период до 2021 г. качественный состав «активного арсенала» американских стратегических ЯБЗ

Тип ЯБЗ	**Год поступления на вооружение**	**Тип носителя**	**Тротиловый эквивалент,** кт
Боевые блоки для МБР			
Mk12A	1980	МБР Минитмен-III	335
Mk21	1986	МБР Минитмен-III	475
Боевые блоки для БРПЛ			
Mk4	1979	БРПЛ Трайдент-D5	100
Mk4A*	2008	БРПЛ Трайдент-D5	100
Mk5	1990	БРПЛ Трайдент-D5	475
Ядерные боевые части для КРВБ			
W80-3	2006	КРВБ AGM-86B, AGM-129A	5 / 150**
Ядерные авиабомбы для тяжёлых бомбардировщиков			
B83-1	1995	ТБ B-2A, B-52H	от неск. ед. до 1200**
B61-7	1986	ТБ B-2A, B-52H	0,3 / 1,5 / 70 / 340**
B61-11	1997	ТБ B-2A, B-52H	0,3 / 1,5 / 70 / 340**

* – модернизированный вариант Mk4, к 2017 г. планируется модернизировать все Mk4 активного арсенала до уровня Mk4A;

** – ЯБЗ с переключаемой мощностью ЯЗ.

Таблица 3.3 – Прогнозируемые варианты состава «активного арсенала» американских стратегических ЯБЗ

Тип ЯБЗ	Год, до которого планируется нахождение в «активном арсенале»	Количество ЯБЗ «активного арсенала», ед							
		По Договору СНП				*По новому Договору о СНВ*			
		Всего	Опер. -разв.	Опер. хран.	Может быть развёрнуто[1] / в т.ч. возвратного потенциала	Всего	Опер. -разв.	Опер. хран.	Может быть развёрнуто[1] / в т.ч. возвратного потенциала
Mk12A	2025	~750	250	~500	750 / 500	~550	150	~400	510 / 360
Mk21	2030	~500	250	~250	500 / 250	~500	250	~ 250	500 / 250
Mk4, 4A	2033	~2000	768	~1232	1920 / 1152	~1500	706	~ 794	1472 / 766
Mk5	2040	~400	384	~16	384 / -	~400	384	~ 16	384 / -
W80-3	2040	~600	420	~180	600[2]/ 180	~600	44/ 200[3]	~ 400	600[2] / 400
B83-1	2040	~200	128	~472	320 / 192	~200	16/ 100[3]	~ 250	320 / 220
B61-7	2040	~350				~100			
B61-11	2040	~50				~50			
ИТОГО		**~4850**	**2200**	**~2650**	**4474 / 2274**	**~3900**	**1550/1790[3]**	**~2110**	**3786 / 1996**

[1] – при развёртывании всех носителей, включая резервные;
[2] – при оснащении всех КРВБ большой дальности AGM-86B (420 развёрнутых и 60 резервных), а также ~ 120 резервных КРВБ AGM-129A;
[3] – числитель – по правилам засчёта, знаменатель – планируемое без нарушения нового ДСНВ [169].

Таблица 3.4 – Прогнозируемый состав развёрнутых СНВ США в условиях ДСНВ и с учётом «возвратного потенциала»

Тип носителя	**Количество,** ед.**:** **Согласно ДСНВ / С учетом «возвратного потенциала» ЯБЗ / С учётом «возвратного потенциала» ЯБЗ и носителей**		
	Носителей	**ЯБЗ**	
		На носителе (тип ЯБЗ)	**Всего**
Межконтинентальные баллистические ракеты			
Минитмен -III	150 / 150 / 170	1 / 3 / 3 (Mk12A)	150 / 450 / 510
	250 / 250 / 250	1 / 2 / 2 (Mk21)	250 / 500 / 500
Всего	**400 / 400 / 420**		**400 / 950 / 1010**
Баллистические ракеты подводных лодок			
Трайдент-D5	144 / 144 / 184	4 - 5 / 8 / 8 (Mk4A)	706 / 1152 / 1472
	96 / 96 / 96	4 / 4 / 4 (Mk5)	384 / 384 / 384
Всего	**240 / 240 / 280** **ПЛАРБ: 12/12/14**		**1090 / 1536 / 1856**
Тяжёлые бомбардировщики			
B-2A с ЯАБ	16 / 16 / 20	1*(6-7**) / 16 / 16 (B61-11,12; B83-1)	16* (100**) / 256 / 320
B-52H с КРВБ	44 / 44 / 76	:1*(4-5**)/12-14/6-10 ракет на ТБ; на ракете 1 (W80-3)	44* (200**) / 600 / 600
Всего	**60 / 60/ 96**		**60* (300**) / 856 / 920**
ИТОГО	**700 / 700 / 796**		**1550* (1790**) / 3342 / 3786**

* – по правилам засчёта;
** – планируется.

Увеличение количества блоков Mk4A с 4-5 до 8 ед. на каждой БРПЛ позволяет повысить количество боезарядов на морских носителях с 706 до 1152 ед., а ввод в боевой состав двух лодок из ремонта – до 1472 ед. В целом, использование «возвратного

потенциала» ЯБЗ обеспечивает США рост количества ЯБЗ на БРПЛ почти в 1,5 раза – с 1090 до 1536 ед., а за счёт «возвратного потенциала» ЯБЗ и вода в строй всех носителей – до 1856 единиц.

Использование в авиационном компоненте «возвратного потенциала» ЯБЗ и резервных КРВБ позволяет увеличить соответствующее количество ЯБЗ более чем в 14 раз по сравнению с правилами засчёта – с 60 до 856 ед. Возврат в боевой состав неразвёрнутых ТБ даёт возможность нарастить количество развёрнутых ЯБЗ до 920 ед.

В целом, использование «возвратного потенциала» ЯБЗ позволяет США в условиях ДСНВ увеличить общее количество боезарядов более чем в 2 раза (с 1550 до 3342 ед.), а за счёт развёртывания всех носителей – еще на 10 % (до 3786 единиц) /170/.

Таким образом, в условиях нового ДСНВ наибольшие возможности по наращиванию количества боезарядов на развёрнутых носителях обеспечиваются за счёт «возвратного потенциала» ЯБЗ – рост более чем в 2 раза по сравнению с договорными ограничениями. Использование «возвратного потенциала» носителей дает существенно меньший эффект – прирост около 10 %.

Приведенные выше возможности наращивания ядерного потенциала являются следствием проводимой США государственной политики в области поддержания и развития ядерных вооружений. Официально основы такой политики были изложены в политическом директивном документе «Обзор ядерной политики и стратегия развития ядерных сил США» 2001 года (Nuclear Posture Review 2001). В нём декларируется, что США оставляют за собой право прекратить сокращение ядерных сил и обеспечить их наращивание для возможного ответа на непредвиденные угрозы, в связи с чем необходимо сохранять резерв ядерных боезарядов, предназначенный для подобного реагирования. Это положение подтверждено и в Обзоре 2010 года (Nuclear Posture Review 2010) /173/.

Необходимо отметить, что приведенные выше оценки касались только той составляющей возвратного потенциала, которая сосредоточена в оперативном резерве. ЯБП, числящиеся в составе ответных сил, находятся на войсковом хранении и могут рассматриваться как «**быстровосстанавливаемая» компонента** «возвратного потенциала».

Что касается неактивного ядерного арсенала, то тут необходимо отметить следующее.

ЯБП, находящиеся в составе резервных сил, хранятся на объектах Министерства энергетики в полностью боеготовном состоянии и могут в полном объеме быть размещены на носителях в течение прогнозируемого времени развития кризисных ситуаций и подготовки к началу ведения боевых действий (**резервная компонента** «возвратного потенциала»).

Сложнее дело обстоит с той частью ядерного арсенала, которая находится на объектах Министерства энергетики в состоянии демонтажа (**восстанавливаемая компонента** «возвратного потенциала»). В указанном состоянии находятся на промежуточном хранении ЯБП в собранном виде, ожидающие разборку и их разобранные компоненты и материалы.

Теоретически, указанные боезаряды могут быть опять собраны в боеготовое состояние при условии воспроизводства к моменту сборки в нужном количестве функциональных элементов, подверженных старению (резины, системы тритиевого наполнения и др.).

В этом плане необходимо указать на тот факт, что в США создана система воспроизводства и модернизации узлов ядерных боезарядов без использования натурных испытаний /173….180/. Возможности по обратной сборке ядерных боезарядов в настоящее время могут быть определены пропускной способностью завода «Пантекс».

Ввиду невозможности оценить располагаемый временной интервал для воссоздания боеготового ЯБП из «восстанавливаемой компоненты» возвратного потенциала имеется объективная гностическая неопределенность в оценке компоненты возвратного потенциала, которая может формироваться за счет обратной сборки.

Поэтому, если основываться на концепции расчета на «наиболее неблагоприятные условия», то вполне обоснованно в возвратный потенциал можно засчитать полностью все ЯБП, неактивного ядерного арсенала.

Реалистическая же оценка дает ожидаемый уровень в размере 170…180 ЯБП восстанавливаемой компоненты, возвращаемых в боеготовое состояние в процессе подготовки к нанесению массированного ядерного удара, экспертно оцениваемого продолжительностью 6 месяцев.

При оценке параметров возвратного «противосилового» потенциала СНС США, развернутого в составе БРПЛ необходимо также отметить следующее.

В качестве штатного боевого оснащения БРПЛ «Трайдент-2» предусмотрена боеголовка Мк5 с ядерным зарядным устройством W88 мощностью около 0,5 Мт. Однако, в связи с закрытием в 1989г. двух ведущих предприятий МО США по производству ядерных боезарядов, в настоящее время только 48 БРПЛ «Трайдент-2» оснащены разделяющимися головными частями с боеголовками Мк5, а на остальных 192 ракетах установлены РГЧ с боеголовками Мк4 БРПЛ «Трайдент-1». Вместе с тем,. в начале 1997г. министерство энергетики США приняло решение о создании производства плутониевых узлов для ЯЗУ W88 на базе существующего комплекса по проведению исследовательских и опытных работ с плутонием Лос-Аламосской лаборатории, реконструкция которого начата в 1997г. Этими планами намечено достичь выпуска до 50 плутониевых узлов в год при работе в одну смену и до 80 плутониевых в год при многосменном режиме работы./173…180/. Экспертные оценки показывают, что для поддержания в боеготовом состоянии имеющихся ЯЗУ W88 требуется выпуск не более 20 инициаторов в год. Таким образом, налицо создание избыточных производственных мощностей (в 2.5 … 4 раза). Указанная избыточность может быть объяснена только в рамках гипотезы об обеспечении возможности воспроизводства W88. В соответствии с этим можно полагать, что к 2020г. все развернутые БРПЛ «Трайдент-2» технически могут быть оснащены боеголовками Мк5 с ЯЗУ W88.

Подъитоживая вышесказанное, необходимо отметить следующее.

Поскольку в Договоре Российскую сторону «убедили» согласиться с американской концепцией «оперативно развернутых зарядов» и с абсурдным «правилом засчета», когда за каждым развернутым тяжелым бомбардировщиком (которые заявлены как непереоборудованные) засчитывается только один ядерный боезаряд, **дисбаланс в возвратном потенциале в пользу США составляет свыше 2000 ЯБП.** При таком дисбалансе на «демонстрационной фазе» возможного конфликта у США появляется возможность в кратчайшие сроки нарастить группировку СЯС до уровня, когда ее контрсиловой потенциал вкупе с потенциалом ПРО обеспечат возможности для нанесения успешного первого удара. В свете сказанного хотелось бы задать вопрос (риторический), так как же согласуются принятые условия Договора с кризисной стабильностью и со стабильностью гонки вооружений?!

Возвращаясь к дестабилизирующим факторам, необходимо отметить следующее.

Помимо системы «стратегической» и так называемой «нестратегической» ПРО в качестве основных дестабилизирующих факторов, представляющих собой угрозы системе стратегической стабильности на предполагаемый период действия нового ДСНВ, можно указать следующие:

- Базовые военные технологии создания высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых высокоточных ударных средств большой дальности в «обычном оснащении» /148…167/;
- Ударные беспилотные летательные аппараты (БЛА) различного типа, включая **платформы для противоракет** /181, 183, 186/.

Оценивая влияние дестабилизирующих факторов, важно понимать, что не только тяжелобомбардировочная и стратегическая авиация, но и **«тактическая»** авиационная компонента ВС США модернизируется под обеспечение возможности поражения **«критичных по времени целей»** и, таким образом, приобретает способность к нанесению эффективного, в том числе «экологически приемлемого», **контрсилового удара** по СЯС России.

Более подробно анализ дестабилизирующих факторов, не учитываемых при заключении нового ДСНВ проведен ниже в 10-м разделе настоящей работы.

Третьей «тайной» нового Договора является то, что его заключение не может повлиять на нераспространение ядерного оружия. Борьба с «горизонтальным распространением» является попыткой борьбы со следствием, а не с причиной. Выход из «ядерного тупика» на пути создания все более совершенных механизмов контроля невозможен. Человечество должно измениться само, и в первую очередь это относится к ведущим странам мира.

Война - проблема не техническая, и она поэтому не может быть решена техническими средствами, как-то: сокращением вооружений, ограничением или даже уничтожением определенных их видов, запрещением применять какие-то средства. Сама история дает

подтверждение выдвинутому положению. Как уже отмечалось выше «Вашингтонские морские соглашения», будучи образцовым разоруженческим Договором, не помешали Японии в 1941 г атаковать Америку.

В четвертых, анализ «Резолюции о совете и согласии Сената на ратификацию нового договора о СНВ» показывает, что никакими оговорками российской стороны нельзя скомпенсировать дестабилизирующие установки конгресса – **юридически обязательные для американского правительства.** Полагать обратное – это либо иллюзия, либо отсутствие квалификации у российских «эффективных менеджеров», рекрутированных в военную политику, либо что-то другое.

Особо хочется отметить, что МИД России умалчивает тот существенный факт, что по требованию конгресса США («поправка Сена Лемье 4/S.AMDT.4908) прием на хранение ратификационных документов (а именно с этого момента Договор вступает в силу!) должен быть проведен **после** согласия Российской стороны на переговоры по вопросу ограничений в тактическом ядерном оружии (читай сокращений российского ТЯО), где, по мнению американцев, имеется значительный дисбаланс в пользу России. Что это значит для нашей страны – можно легко понять, просто посмотрев на политическую карту мира!

Только российское ТЯО позволяет (хоть и не в полной мере) скомпенсировать на западе подавляющее превосходство в военном потенциале сил общего назначения НАТО над РФ, на востоке обеспечить региональное сдерживание, а в случае развязывания крупномасштабной войны осуществить решительное ядерное поражение группировок войск и критически важных объектов военной инфраструктуры, провести (при необходимости) «блокирование» целых оперативных направлений.

В указанном сценарии применения ТЯО стратегические ядерные силы играют в первую очередь сдерживающую роль (гаранта) от перерастания боевых действий в неконтролируемый глобальный ядерный конфликт.

Без ТЯО (или при существенном его сокращении) у России при возникновении крупномасштабного военного конфликта на Западном или Восточном ТВД останутся только две альтернативные поведенческие стратегии: либо капитулировать, либо «сжечь» весь мир в глобальной ядерной войне.

Поскольку достаточно ясно, что последнее в рамках рефлексивной оценки возможной реакции России противостоящим актором конфликта представляется в достаточной степени маловероятным, то у наших «контрпартнеров» на Западе либо на Востоке в условиях конфликтных взаимодействий даже на их «латентной» и «демонстрационной» стадии (являющихся «нормой» международной жизни) возникает эффективный инструмент рефлективного управления Россией. В этих условиях нам в экономической, политической и территориальной сферах могут быть выдвинуты «предложения, от которых будет невозможно отказаться». Кроме того, на поздней «демонстрационной» и «горячей» доядерной фазах военного конфликта отсутствие (или существенное снижение)

возможности управления конфликтом «по лестнице эскалации» (при сокращении потенциала ТЯО) окажет серьезное дестабилизирующее воздействие на так называемую «кризисную стабильность».

Таким образом, данная поправка конгресса США может дать эмерджентный результат, и сокращения российского ТЯО способно привести в конце концов к дестабилизации в военно-политической сфере.

Для России в ее нынешнем положении и на обозримую перспективу альтернативы ядерному оружию нет. Отказавшись от ЯО или существенно сокращая потенциал СЯС и ТЯО, мы рискуем из «полупериферии» мир-системы никогда не попасть в ее «центр» и даже можем быть отброшены на ее периферию, превратившись из субъекта в объект мировой политики.

В заключении хотелось бы остановиться еще на одной проблеме, опосредованно связанной с рассматриваемой.

Ядерное оружие, с которым в настоящее время активно «борются», есть «экстремальный» вид вооружений 4-го технологического уклада. В наступающем шестом технологическом укладе вызовы и угрозы становятся масштабнее и приобретают новые формы.

В области разработок нанотехнологий и биотехнологий возрастают потенциальные возможности создания не только развитыми странами, но и малыми группами исследователей невиданного по силе оружия и передачи его в руки асоциальных элементов, способных уничтожить или поработить человечество. Реагирование на этот вызов не может быть эффективным только за счет создания механизмов контроля, куда нас усиленно ведут «денуклеизаторы». Человечество должно измениться и само, найти адекватные формы организации жизнедеятельности. И пока этого не произойдет, будут существовать в том числе и угрозы, связанные с наличием «ядерного фактора», которые невозможно парировать никакими Договорами, Саммитами и др.

3.4 Что делать?

В рамках настоящей работы (по понятным причинам) невозможно озвучить всю возможную совокупность эффективных мер (в военно-технической и политической сфере) связанных с парированием угроз военной безопасности России. Вместе с тем некоторые предложения концептуального характера могут стать предметом для обсуждения.

Как уже было отмечено выше, сегодня Россия не в состоянии следовать в военно-стратегической области тем курсом, которым следовали до начала горбачёвских реформ. Это была **«стратегия сильного»**, когда на американский военный, технологический и стратегический вызов давался адекватный по масштабу и эффективности ответ.

Поэтому должно быть понятно, что по крайней мере в течение ближайших 15 - 20 лет для обеспечения безопасности России во взаимоотношениях с Западом придется следовать **«стратегии слабого»**.

Какой может быть эта стратегия?

Подобно тому, как в мировой художественной литературе фольклористы выделяют 19 базовых сюжетов, можно выделить набор базовых вариантов действий во взаимоотношениях «слабого» с «сильным». Интересно отметить тот факт, что большинство из них было известно еще в древнем Китае под названием **«стратагем»** /35/. В качестве **предмета для обсуждения** можно указать на несколько стратегий, которым, как нам представляется, разумно следовать, реализуя «стратегию слабого» при сдерживании возможных противников в условиях глубоких сокращений ядерного потенциала государства.

Во-первых, это стратегия «достаточной враждебности». Каждое государство имеет внутренних и внешних врагов. Если меры, направленные на парирование угроз, создаваемых врагами, своевременны и адекватны опасности, а имеющихся ресурсов достаточно, государство может успешно противостоять своим врагам. Но есть одна проблема, которая не может быть решена только разумностью и компетентностью руководителей. Она заключается в том, что президент не всемогущ, он может лишь направить и усилить имеющиеся в обществе тенденции, но если их в обществе нет, то он бессилен.

Тенденция, которая используется для усиления мер по обеспечению стратегического сдерживания вероятных противников, может существовать только тогда, когда общество осознает существующую и надвигающуюся опасность. Причем общество должно осознать эту опасность своевременно, поскольку многие процессы обеспечения безопасности требуют значительного времени. Другими словами, обеспечить защиту страны невозможно в отсутствие **оборонного сознания**.

Оборонное сознание само по себе не приходит, его невозможно сформировать в обществе без **«образа врага»** и четкого, откровенного формулирования внешних угроз.

Вводимый в настоящее время в общественное сознание образ врага в виде «международного терроризма» представляются с этой точки зрения непродуктивными. Что касается «терроризма», то он представляет собой всего лишь одну из технологий вооруженной борьбы слабого «актора» конфликта против «сильного», фактически задействуемую известными политическими силами на территории России при скрытой и даже нескрываемой поддержке ряда зарубежных стран, в том числе и западных. Понятно, что технология сама по себе не может выступать в образе врага.

Вместе с тем у России есть **реальные геополитические соперники**, которые уже нанесли невосполнимый ущерб ее экономическим и военным интересам и активно способствующие террористической деятельности на ее территории.

Для того, чтобы в новых исторических условиях сформировалось оборонное сознание, важно не поддерживать на государственном уровне кампаний, направленных на сокрытие истинного положения дел и перспектив России, по «либеральной» дезорганизации общественного сознания. Напротив, надо поддерживать те общественные инициативы, научные проекты, различные организации, связанные с выявлением, объективным исследованием, ранжированием и анализом угроз.

В качестве другой стратегии действий, дополняющей описанную выше, необходимо указать на стратегию «отложенной угрозы». Ее суть сводится к тому, чтобы дезориентировать противника, затруднить для него оценку угроз, опасностей, рисков, ущербов с которыми могут быть связаны его возможные силовые действия.

В современной России царит определенная неразбериха в определении направлений ее военно-технической политики. До сих пор нет общепризнанного понимания ни образа будущих войн, ни ответов на реальные угрозы, затрагивающие государственные интересы России. В этой ситуации сама указанная неопределенность может быть использована как инструмент рефлексивного управления – затруднить вероятным противникам проведение военно-технического планирования, выиграть необходимое для восстановления страны время.

В основу указанных мер рефлексивного управления могут быть положены следующие неопределенности.

Во-первых, это **«неопределенность будущих изменений»**. Ее смысл состоит в следующем.

И в обществе, и в армии растет понимание ошибочности «курса реформ», проводившихся в стране в целом и в армии в частности в последние 20 лет. Возникает понимание необходимости перемен, направленных на возрождение страны, укрепление ее вооруженных сил. Ситуация во многом напоминает ту, которая имела место в 19 веке после поражения России в Крымской войне. Тогда великий русский дипломат и государственный деятель А. М. Горчаков сформулировал основу стратегии страны на несколько десятилетий: «Россия сосредотачивается». По мнению многих военных историков его дальновидная политика позволила оттянуть Первую мировую войну более чем на 30 лет, дав возможность России провести военную реформу.

Было бы целесообразно сейчас вернуться к этой стратегии. Серьезность намерений должен подтверждать государственный публичный анализ того, как, каким образом, для чего и кем была разоружена Россия, как создавался кризис в ее вооруженных силах.

В частности, должны быть проанализированы рекомендации экспертов, которые привели к неверной оценке угроз и ошибочным решениям, действия лиц, принимавших эти решения. Естественно гласно проанализировать на государственном уровне причины и ход развала армии и публично выявить основных причастных к этому лиц. Это на длительный срок создаст у возможного противника представление о неизбежности будущих перемен.

Другой неопределенностью может быть **«нестабильность в организационных структурах,** которые будут задействованы в ходе вооруженных конфликтов».

Ее смысл состоит в следующем.

Многовековой опыт войн, недавний опыт прошлой войны показывает высокую эффективность уничтожения руководящего центра. В отсутствие такового боеспособные части теряют управление, возникает хаос, соединения, как правило, легко уничтожаются. Но если мы не можем играть по правилам, по которым играют равные противники, то очевидно, **следует показать что в случае серьёзных угроз мы готовы играть по другим правилам**.

Поэтому представляется разумным предусмотреть создание структур, способных эффективно вести боевые действия в отсутствие централизованного управления или предательства ряда военных руководителей, как это было в последней иракской войне.

Иными словами, может оказаться целесообразным создание в России сети жизнеспособных боевых единиц которые в течение длительного времени могут быть способны решать боевые задачи и наносить урон противнику, сравнимый с тем, который они наносили бы при наличие централизованного руководства.

Для сокращаемых СЯС России в этом направлении представляется актуальной реализация стратегии заключающаяся в создании сети автономных высокоживучих боевых единиц («ядерный спецназ»), с приданием им возможностей самостоятельного принятия решения на нанесение ответного ядерного удара в условиях уничтожения высших звеньев боевого управления в результате эффективно проведенного противником «обезглавливающего удара». При этом обязательно должен предусматриваться не просто контрценностный тип указанного ответного удара данными средствами, а **удар по «болевым точкам»** – хранилищам отработанного ядерного топлива, ядерным электростанциям, плотинам и т.д. Если указанные боевые единицы будут объективно живучи, то можно полагать, что у противника сильно снизятся стимулы к планированию нанесения первого (в том числе и неядерного) удара по верхним звеньям управления ВС России.

Если традиционная структура вооруженных сил иерархична и уничтожение любого уровня, а тем более верхнего, фатально, то существует ряд других структур, гораздо более эффективных в позиции слабого.

Это, прежде всего, сетевые структуры, которые активно используют спецслужбы и террористические организации. Эти структуры, не имея жёсткого руководства, могут действовать, имея общие представления о «своих» и точные о «чужих», о своем образе действий, использовать тактику роения (swarming), изматывая сильного противника, нанося ему неожиданные удары в наиболее уязвимых местах.

Естественно, чем больше уровень дезинтеграции систем, тем по более жестким правилам должны иметь возможность действовать подсистемы и отдельные элементы российских ядерных сил. В идеале противник должен осознать, что уничтожение центров

управления СЯС России в ходе конфликта, в том числе и в неядерный его период, будет представлять для него большую опасность, чем их сохранение.

В условиях глубоких сокращений ядерного потенциала можно пойти и дальше по этому пути – предоставить военной подсистеме большую автономность в выборе методов и средств решения задач на различных уровнях противостояния. При этом, как показывает история, во многих случаях системе в целом гораздо удобнее и эффективнее иметь политически активную и достаточно самостоятельную военную структуру «ястребов», которая уравновешивается более умеренным политическим руководством «голубями». Неопределенность в принимаемых решениях, связанная с тем, чья позиция возьмет верх, может также оказаться важным сдерживающим фактором.

Следующая неопределенность может быть сформулирована как **«неопределенность в выборе возможных средств»**.

Террористический акт 11 сентября 2001 года, катастрофа «Колумбии», отключение от электроснабжения более 3 миллионов американцев и многие др. значительно усилили ощущение уязвимости своей страны у большинства американского населения. Поэтому взаимосвязь возможных военных конфликтов с «рисками нового поколения», которые плохо прогнозируются и от которых нельзя создать надежную защиту, следует всячески подчеркивать и усиливать.

Целесообразно отрабатывать и доводить до сведения общественности стран вероятных противников возможные сценарии боевых действий, увязывающие воедино создание катастрофических нестабильностей в техногенной, экономической, информационной, социальной сферах с недальновидными неосторожными действиями их собственного руководства.

Значительные усилия нужно было бы сейчас вложить (они не требуют существенных экономических затрат) в ликвидацию «синдрома безнаказанности», который формируется в общественном сознании США, как результат действий по развертыванию ПРО. Целесообразно обосновать и широко распространить информацию о невозможности надежной защиты территории страны в современных условиях.

Груды созданного у противника самого современного и экзотического оружия могут оказаться бесполезными. Этот факт может быть доведен и до лиц, принимающих решения, и до населения стран, которые будут противостоять России в будущих конфликтах.

Это может быть сделано силами ученых, политиков, популяризаторов науки, трезвомыслящей интеллигенции. Получившие в свое время резонанс (кстати достаточно спорные с научной точки зрения) исследования, связанные с так называемой «ядерной зимой» – климатическими последствиями широкомасштабного обмена ядерными ударами – показывает, что это достаточно легко можно сделать.

На первом этапе важно было бы показать наличие серьезных возможностей нанесения катастрофического ущерба даже от ограниченного применения ядерного оружия.

Естественно это отчасти уменьшило бы в сознании руководства и в массовом сознании превосходство сильного противника.

Сама возможность вывода конфликта на уровень наиболее жесткого варианта войны на уничтожение значительной части населения для сверхдержавы, декларирующей ответственность за поддержание порядка и стабильности, уже может стать в определенной мере сдерживающим фактором.

Следующей стратегией «слабой стороны» может быть стратагема, определяемая в древнем Китае, как «Выманить тигра на равнину» /35/.

Ее смысл состоит в следующем.

Особенность войн нового поколения (Югославия, Афганистан, Ирак) заключается в том, чтобы дискредитировать руководство страны-противника внутри и вовне, снизить волю к сопротивлению, нанести ряд ударов с воздуха, в условиях полного господства подкупить или запугать власть или оппозицию и далее установить марионеточный режим.

Первый этап каждой из этих войн состоял в информационном управлении конфликтом - анализе и резкой критике «с позиций справедливости», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» режима и действий противника.

Поэтому для обеспечения внешней безопасности необходимо выбить этот козырь из рук наших «контрпартнёров». Один из главных способов – уменьшение у противостоящей стороны так называемого индекса оптимизма, ожидания благоприятного исхода, успеха «маленькой победоносной войны».

Естественно, ряд шагов в этом направлении можно предпринять загодя. Один из первых - переход с чужого языка, метафор, образов, символов на свой и трактовки уже прошедших событий в рамках своей системы аксиом.

Другой - анализ и доведение до массового сознания неприемлемости действий и моральной неправоты противника. Например, единственные в мировой истории события, не имеющие морального оправдания, - ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, варварская бомбардировка Дрездена, создавшая огненный шторм, ложь относительно оружия массового уничтожения у Ирака с целью установить в конечном счёте контроль над ближневосточной нефтью и т.д.

Третий - поднятие индекса оптимизма у своего населения и армии и воспитание патриотизма, формирование собственной идеологии в той жизненно важной части, которая касается сознания и защиты государственных интересов.

Каждый из этих шагов не требует значительных материальных средств, однако требует времени и систематических усилий политического и военного руководства, в частности, совершенствования системы информационного противоборства.

«Стратагемное поведение» эффективно также при организации переговорной деятельности в области ограничений в сфере ЯО.

В этой связи в качестве одного из базовых методических принципов переговорной деятельности авторы выдвигают положение о том, что переговорный процесс по заключению любых ограничений в сфере ЯО, а также достигнутые договоренности должны рассматриваться в качестве одного из механизмов, реализующих управление стратегическим сдерживанием. Оно должно проводиться в рамках четырех базовых типов управлений:

а) **управления «гудвилом» страны**;

б) **институционального управления**, заключающегося в том, что целенаправленно ограничивается множество возможных действий и результатов деятельности контрпартнера по переговорам в военно–технической области. Такое ограничение может осуществляться посредством формирования международно–правовых норм (ДСНВ, всевозможных сопутствующих соглашений, совместных заявлений, конвенций, созданием соответствующей моральной атмосферы и др.), «каналирующих» процессы в военно–технической сфере в нужное для России русло и, в том числе, включая ликвидацию «скрытых» (дестабилизирующих) параметров предыдущих соглашений;

в) **мотивационного управления**, заключающегося в целенаправленном изменении предпочтений (функции полезности) контрпартнера по переговорам, с использованием механизма **стратегической дезинформации;**

г) **информационного управления**, путем:

- целенаправленного влияния на информационную среду переговорного процесса;
- целенаправленного влияния на представления контрпартнера по переговорам о субъективных параметрах, которыми руководствуется Российская сторона (передаются «основания» для принятия решений американской стороной);
- «активного» прогноза, заключающегося в целенаправленном сообщении информации о будущем, связанным с действиями субъектов переговорного процесса.

В этой связи возникает много вопросов по поводу проводившихся российско-американских переговоров по подготовке и заключению нового ДСНВ.

Даже на самый поверхностный взгляд бросаются в глаза ряд **аномалий**, свойственных именно этим переговорам.

Во-первых, они шли под глубокой завесой конфиденциальности, исключительно слабо комментировались прессой, да и то в самом общем виде.

Во-вторых, планом переговоров были заданы исключительно (нереально) короткие сроки для выработки договоренностей.

В-третьих, для проведения информационно - аналитического обеспечения переговорного процесса слабо задействовались эксперты из НИУ Минобороны РФ, организаций оборонного комплекса, Росатома, РАН (оборонного профиля).

В-четвертых, главная переговорщица с американской стороны в недавнем прошлом руководила Российским отделением фонда Карнеги, что дает основание предполагать о

наличии у нее глубоких связей с российскими «агентами перемен», в том числе представляющими так называемое «экспертное сообщество» либеральной направленности.

Необходимо отметить, что никогда, ни один из заключенных ранее договоров (из серии ОСВ, СНВ, СНП) не разрабатывался и не принимался в таком темпе. Куда и зачем мы так спешили?

Говоря о времени, которым российская сторона располагала для организации переговорного процесса, необходимо отметить тот факт, что она на переговорах была «зажата» сроками саммита «большой восьмерки» («G-8») по проблеме ядерной безопасности, намеченным на апрель 2010 г. Без ущерба для «goodwill» страны (см. ниже) Россия просто не могла «выйти» на саммит «G-8», не подписав ДСНВ. Это дало большие преимущества американской стороне на переговорах и существенно ограничивало российскую сторону в возможностях исключения «скрытых» дестабилизирующих параметров в новом соглашении.

Для России в ее нынешнем положении было бы крайне полезным, чтобы ответственные руководители (и основные базовые элементы системы принятия решений) МИДа хотя бы в общем ознакомились с моделью OODA Дж. Бойда /13, 18, 19/, и теорией управляемой конфронтации В.Лефевра /187…196/, которые (наряду с рефлексивным управлением) являются наиболее часто используемыми американской стороной технологиями ведения переговорной деятельности. В противном случае при ведении дальнейших переговоров «Смоленская площадь» рискует направить сокращаемые («отступающие») Российские СЯС и ЯОК по «старой смоленской дороге».

В целом, при анализе организации и хода переговоров по новому ДСНВ складывается впечатление **об управляемом сжатии «внутреннего времени переговорной системы»**. В этом случае американская сторона, выступившая инициатором новых договоренностей, получила возможность «загнать» своими предложениями оппонирующую сторону (контрпартнера) в состояние цейтнота, не давая ему, времени для проведения анализа и принятия решения.

В этом случае контрпартнер (Россия) становилась перед выбором:

а) либо срыв переговоров (по его «вине»);

б) либо он вынужден проявить большую «уступчивость», что фактически и произошло. Налицо явный отход от условий подписания нового ДСНВ сформированных Российским руководством в апреле 2009 г. (кстати довольно «нежестких» в смысле учета всех дестабилизирующих и «скрытых» факторов ДСНВ).

Учитывая вышесказанное, возникает правомерный вопрос по обеспечению требуемого качества информационно-аналитического сопровождения переговорного процесса: мог ли в то время «оптимизированный» Генштаб и НИУ МО, после глубоких реорганизаций, адекватно реагировать на предложения американской стороны и быть той «концептуальной лупой», через которую надо было бы их внимательно рассмотреть?

Указанная проблема осложнялась еще и тем, что еще задолго до начала переговоров (так и непосредственно в процессе их проведения) активизировалась деятельность так называемого «экспертного сообщества», которое в России, как правило, представлено лицами либеральных воззрений. Оно являет собой совокупность «элементарных диполей», которые «разворачиваются» вдоль «силовых линий информационного поля», формируемого Западной стороной.

Одним из центральных объектов информационного воздействия данного «экспертного сообщества» является «ядерный фактор», в качестве которого условно понимается многообразная реакция государств (общества) в политической военной и других сферах на возможности угрозы и последствия практического применения ядерной энергии в военных и невоенных целях.

Указанные «эксперты» давно и достаточно упорно проводят «молекулярную агрессию» (по А. Грамши), направленную против российского ядерного оружия, внедряя ментальные модели и формируя системы отношений, соответствующим образом изменяющие видение «картины мира» у российского общества и лиц, принимающих решения (ЛПР), что не может не сказаться на позиции российской стороны.

В связи с деятельностью «экспертного сообщества» психологически себя прикомандировавшего к Западной цивилизации обращает на себя внимание организованная с конца 2009 г. «атака мыслящей паутины» направленная на «денуклеизацию» России. Она осуществляется в рамках когнитивного управления поведением целевых аудиторий проводимого международной группой «Global Zero» («G-Z»), объединяющей представителей политического и военного руководства более чем 200 государств мира.

Используемые группой «G-Z» механизмы управления поведением Российских целевых аудиторий восприятия, включающих в себя в том числе базовые элементы системы принятия решений в военно-политической области, нацелены на изменение («переформирование») ряда адаптивных архитипов, определяющих психику и поведение людей, каналирующее «ядерный фактор» в выгодное для геополитических соперников России русло. В процессе производимого «G-Z» управления происходит корректировка следующих адаптивных архитипов:

а) архитипов предпочтения (базовые мотивы, эмоции и отношения),

б) архитипов профессиональных знаний и навыков (ментальное моделирование),

в) цивилизационных архитипов (базовые мотивы, в первую очередь «интерес», когнитивная составляющая отношений).

Интересно отметить, что первое заседание группы «G-Z» происходило в Москве 26…27 октября 2009 г. Оно очевидным образом было приурочено к первоначально объявленному сроку окончания переговорного процесса по заключению нового ДСНВ. Его итогом стал призыв к руководству России после окончания текущего раунда переговоров по

вопросу ДСНВ приступить к новому этапу переговорного процесса **о дальнейшем сокращении ядерных арсеналов.**

Комиссией «G-Z» был разработан и одобрен на московском заседании поэтапный «План действий», направленный на постепенное гарантированное **уничтожение ядерного оружия.** Данный План был доведен до руководства МИДа и других базовых элементов Российской системы принятия военно-политических решений. При этом наблюдается очевидная положительная реакция на него не только со стороны политического истеблишмента России, но, даже со стороны отдельных представителей руководства «Росатома» обнародовавших в прессе «план проведения денуклеаризации России». Видимо не зря З.Бжезинский в одном из своих выступлений утверждал: «Если Российскую элиту попросят отказаться от ЯО, то она на это пойдет». Однако, такой шаг (принятие плана «G-Z») влечет за собой существенные негативные последствия для России, которые будут обсуждены ниже. Важно отметить тот факт, что в деятельности группы «G-Z» явно прослеживается организация процесса информационного воздействия в соответствии с циклом Бойда (OODA). Уже в марте 2010 г. непосредственно перед саммитом G-8 по проблеме ядерной безопасности вышла скорректированная версия «Плана Global-Zero», которая принята на парижском саммите «G-Z» и используется как инструмент влияния на «ядерный фактор».

В свете вышесказанного возникает проблема подавления (управляемой геополитическими соперниками России) атаки «мыслящей паутины» проводимой по «циклу Бойда».

Оценивая возможность управляемого влияния американской стороны на ход переговоров, нельзя не отметить, что трудами выдающегося советско-американского ученого В. Лефевра создана так называемая теория «управляемой конфронтации» /187…196/. Как следует из научных источников, она успешно использовалась американской стороной в переговорном процессе с СССР по сокращениям и ограничениям вооружений, а ее автор удостоился за это благодарственного письма Президента США /190/.

В России также имеются соответствующие теоретические разработки, не уступающие, а во многом и превосходящие Лефевровские. Однако они, как у нас это водится, не востребованы.

В описанных выше условиях у американской стороны появляются большие возможности для осуществления **рефлексивного управления и квалифицированной дезинформации** Российского контрпартнера по переговорам.

В свете вышесказанного целесообразно обратить внимание на то, что уже в апреле 2010г, спустя 4 месяца после первоначально объявленного момента заключения нового ДСНВ было намечено проведение в Вашингтоне саммита «G8» по проблематике **ядерной безопасности**. Таким образом, Российская сторона, не успев «прийти в себя» после переговоров по ДСНВ, «втягивалась» в новые обсуждения вопросов (и, соответственно,

принятие соответствующих решений), затрагивающих в том числе ее ядерный оружейный комплекс (ЯОК) (например, по запрещению производства делящихся материалов). Такое «сжатие» времени переговорного процесса позволяет сделать вывод, что Россию пытаются «затянуть» в систему договоров, соглашений и т.д., каналирующих развитие ее СЯС и ЯОК в нужное для США русло, т.е. осуществить внешнее «институциональное управление» российским оборонно-промышленным комплексом.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

На Западе для организации деятельности и принятия решений в военной сфере, политике (а также бизнесе и социологии) используется **модель OODA** (Observe – наблюдай, Orient – ориентируйся, Decide – решай, Act – действуй) Дж. Бойда /13, 18,19/. В настоящее время в США «петля OODA» превратилась в стандарт описания цикла принятия решений в военно-политической сфере /13, 18,19/.

Отличительная черта цикла OODA от других циклических моделей состоит в том, что в любой ситуации всегда предполагается наличие противника или соперника, с которыми ведется вооруженная борьба, соперничество или конкуренция. Противник, соперник или конкурент также действует и принимает решения в рамках своей аналогичной «петли».

При этом существуют два основных способа достижения конкурентных преимуществ при осуществлении различных видов военно-политической деятельности. Первый путь – сделать в количественном измерении свои циклы действий более быстрыми, что и происходило в рамках организации со стороны США договорного процесса по заключению ДСНВ (включая деятельность группы «G-Z» и определение сроков саммита «G-8»). Это позволяет активному актору переговорного процесса действовать «первым номером» и вынуждает контрпартнера реагировать на его действия. Второй путь – улучшить качество принимаемых решений, то есть принимать решения, в большей степени соответствующие складывающейся ситуации, чем решения контрпартнера по переговорам. Более качественные решения могут привести к более предпочтительным результатам, нежели быстрые, но неадекватные или плохо просчитанные действия. С учетом указанных соображений на каждом шаге процесса необходимо стремиться к постепенному получению качественных и количественных улучшений.

Рассматривая проблему внешнего рефлексивного управления Российской стороной на переговорах по ДСНВ и при организации процесса денуклеаризации России, важно отметить тот факт, что в соответствии с теорией Бойда необходимо **«регулировать изнутри»** (!) процесс деятельности противника /13, 18, 19/ или побеждать за счет **более быстрой собственной петли действий**, чем у оппонента.

В свою очередь, ускорение процесса принятия решений может привести к двум видам эффектов.

Согласно теории Дж. Бойда ускорение действий США и, соответственно, наше отставание в скорости действий ведет к накоплению «времени отставания» и, как результат,

может привести к системному кризису российской переговорной системы, что, по нашему мнению, и произошло в рамках процесса по подготовке Договора о СНВ.

Вторая составляющая эффекта от ускорения собственного цикла действий OODA носит «оборонительный» характер. Организация с преимуществом в скорости цикла действий способна в ряде случаев избежать вредоносного воздействия со стороны своего контрпартнера. Другими словами, вы можете стать «не сотрудничающей целью» («a non-cooperative target») путем создания несоответствия ожиданиям контрпартнера по переговорам.

Что касается качественного улучшения цикла OODA то в данном случае это означает, что качество принимаемых вами решений будет лучше, чем у вашего противника. Учитывая, что плохие решения вообще недопустимы, зададимся вопросом – за счет чего эти решения можно улучшить?

Оценка уровня качества принимаемых решений является величиной не абсолютной, а относительной, поэтому добиться конкурентного преимущества в данном компоненте можно двумя способами: совершенствовать свои решения и добиваться ухудшения решений, принимаемых стороной противника (что мы могли наблюдать применительно к Российской стороне). Повышение качества собственных решений может быть достигнуто различными способами, к числу которых относятся: применение современных формальных математических методов, совершенствование информационно-аналитического и разведывательного обеспечения, применение систем поддержки решений, экспертных и советующих систем, обучение и тренинг.

С учетом сказанного выше, рассматривая организацию и сроки ведения переговорного процесса, нельзя не заметить, что в действиях американской стороны отчетливо прослеживалось использование указанной модели OODA. В этой связи необходимо отметить следующее. На современной (латентной) фазе постоянного межгосударственного конфликта связанной с принуждениями России к глубоким сокращениям в сфере ЯО с нами «воюют» (в «моральной» и «ментальной» сферах) «по науке», согласно теоретическим построениям Дж. Бойда и В.Лефевра. Если мы будем и дальше продолжать бессубъектную («страусиную») политику в вопросе ограничений в сфере ЯО, то Российская сторона рискует быть «повергнута в моральный и интеллектуальный коллапс» (так описывал командующий корпуса морской пехоты США Ч. Крулак результат применения американцами теории Дж. Бойда) и «сдать» свои позиции на возможных будущих переговорах по дальнейшим сокращениям СЯС и ТЯО.

В условиях организации переговорного процесса у российской стороны есть четыре основных способа избежать «политического поражения» в столь чувствительной для страны сфере, как обеспечение стратегического сдерживания.

Во-первых, ускорить собственный цикл действий НОРД (OODA) за счет задействования для информационно-аналитического обеспечения переговорного процесса

квалифицированного экспертного сообщества нелиберального толка, либо существенно продлить его время, выйти за жесткие временные рамки, заставить контрпартнера «увязнуть» в нашей «медлительности», откладывать решения, уточнять позицию, использовать стратагемные подходы [13, 17…24, 137] и т.д.

Во-вторых, провести качественное улучшение своего цикла НОРД (OODA) и, в частности, за счет обеспечения **объективизации принимаемых решений** на основе адекватного **количественного анализа** всех аспектов проблемы сокращений в сфере СЯС.

В-третьих, запустить упоминавшиеся выше механизмы институционального управления переговорным процессом.

В-четвертых, вносить «помехи» в элементы ОО цикла Дж. Бойда с использованием **технологий информационных войн**, включая классические /9, 15, 137, 202…208/, неклассические /187…190, 192…200,/ и постнеклассические /17…24, 191, 209, 210/ технологии управления конфликтом (переговорным процессом). Здесь, однако, необходимо отметить, что обсуждение технологий информационных войн выходит за рамки настоящей работы.

Что касается реализуемости указанных выше 4-х способов взаимодействия с контрпартнером по переговорам, то здесь сложившаяся ситуация не способствует организации эффективного переговорного процесса в сфере СЯС.

В России в настоящее время не существует единого органа, который был бы способен не только самостоятельно реализовывать сформулированную выше «побеждающую» поведенческую стратегию (ввиду ее сложности, междисциплинарности и развала системы военно-научного воспроизводства), но и **управлять** указанной деятельностью. В России нет органа, который бы отвечал за стратегическое сдерживание в целом как межотраслевую проблему. Отдельные частные аспекты стратегического сдерживания «размазаны» по различным ведомствам и не сведены в единую систему. Проблема организационного строительства в сфере стратегического сдерживания не только назрела, но, и как показывают результаты деятельности Российской стороны на переговорах по ДСНВ, «перезрела».

Но, вместе с тем, хотелось бы обратить внимание, что инкорпорируясь в мировое экономическое и политическое сообщество и ведя межгосударственные переговоры, надо отчетливо понимать, с чем нам предстоит столкнуться. Ясно, что вступая в так называемый «цивилизованный мир», прийдется жить по его правилам. А правила эти – жестокие. В этой связи нельзя не видеть, что сегодня основными мировыми «игроками» все в большей степени используется «информационное оружие» как средство направленного действия на конкурирующих «акторов» международных конфликтных взаимодействий. Причем это характерно не только для «военной» или «демонстрационной» фазы конфликтов, но и для «латентной», на которой ведется переговорный процесс.

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что использование «информационного оружия» относится к так называемым «невоенным» способам управления конфликтами – это особое оружие. Оно способно разделить всех субъектов международных отношений на 2 кластера:

1. «Сильные».
2. Которые скоро будут уничтожены.

Но ждать будущего (очередных «разоруженческих инициатив»)– это самая худшая из поведенческих стратегий. Будущее надо проектировать. И проектировать активно. Мы должны учиться и готовиться защищать «свой склад» (40% мировых ресурсов) «невоенными» методами. Поэтому при проведении переговорного процесса в сфере ЯО от Минобороны и МИДа уместно ожидать выработки новой системы действий, то есть новой переговорной политики основывающейся на использовании теории, методологии и технологий ведения «информационных войн 3го поколения» (так называемых «интеллектуальных информационных войн») /17..24, 191, 208, 204…207/.

Подготовлены ли мы к новому переговорному процессу в сфере СЯС? Ответ большинства экспертов – однозначно нет.

Информационные технологии управления до последнего времени используемые в России в основном представлены сетевыми технологиями сбора, хранения данных и управления сложными процессами. При этом теория и методология управления конкурентным столкновением, используемая в российской практике имеет явный постсоветский синдром /212, 213/.

Вместе с тем еще в середине 90-х годов произошла смена парадигмы управления процессами в экономико – социальной сфере. В этот период были воплощены новые технологии управления конкурентным противоборством (см. например, Т. Коупленд, Т. Коллер, Д. Муррин. «Стоимость компаний: оценка и управление» /214/). Эти технологии являются уже третьей волной (!) информационных технологий, известной как «управление знаниями». Если мы гордимся, что находимся на гребне своей собственной волны, то надо набраться смелости сказать – что это волна не третья и даже не вторая.

Возникновение на Западе новых технологий управления конкуренцией уже в середине 90-х годов привело к формированию и широкому распространению новой модели конкуренции - так называемой «конкурентной войны» как особой технологии управления конфликтным противоборством.

Конкурентная война представляет собой крайнюю («горячую») форму конфликта «акторами» которого выступают частные компании, при котором «выживание» противника не рассматривается в качестве ограничивающего условия.

В отличие от конкурентной борьбы в конкурентной войне не ставится задача «обычного» захвата рынков сбыта продукции, добросовестного или недобросовестного принуждения к слиянию или захвату монопольного положения на рынке. Это пока еще

методы «конвенциональной» конкурентной борьбы. В конкурентной же войне перед компанией стоит самая радикальная цель, а именно, полное функциональное «поражение» компании-конкурента в ее способности к целенаправленной деятельности.

Базовая методическая парадигма конкурентной войны, как это традиционно принято в западной цивилизации, переносится и на внешнеполитическую сферу. Это означает, что США не считает для себя целесообразным придерживаться принципа равенства и одинаковой безопасности (на чем всегда «стояла» советская дипломатия). Для США Россия – «ядерный конкурент» и, следовательно, цель американских внешнеполитических усилий состоит в его ликвидации.

Уважаемые работники МИДа и Минобороны, для вас «завтра» после соответствующих инициатив США наступит «мобилизационный период». Как идет ваша подготовка к переговорному процессу (конкурентной войне)? Вы собираетесь «узнать» своего противника только после того, как «его сапог будет топтать российские СЯС»? А шансы такие при устаревших технологиях международного конкурентного противоборства довольно высоки.

Произошедшая смена алгоритмов управления конкурентным столкновением определяет возникновение совершенно новых целей, сил и средств управления (конкурентным) конфликтом /212…..214/.

В условиях появления «новых разоруженческих инициатив» это создает крайне опасные вызовы и угрозы развитию российской системы стратегического сдерживания. До настоящего времени данный факт просто игнорировался. Гром уже грянул, а многие, по видимому, даже «не перекрестились».

Итак, в чем суть новых технологий, с чем они к нам идут.

Инструментарий информационного (конфликтного) противоборства в настоящее время обогащен технологиями управления жизненным циклом человеческой организации**.** Или, иначе говоря, управления поведением отдельных людей, социальных групп или целых этносов. Например, если еще сравнительно недавно считалось, что для того, чтобы вызвать революцию, нужно обладать существенным контролем над СМИ, захватить основные элементы обеспечения жизнедеятельности столицы - мегаполиса и иметь значимые финансовые ресурсы (ресурсы действия), то сегодня это представление нуждается в корректировке. Как показывает описание событий из сборника «арабские весны» достаточным может быть не размеры финансовых сумм, а наличие группы профессионалов в проведении информационно-психологических операций с использованием новых технологий, отработанных еще в середине 90-х годов в «конкурентных войнах».

Арсенал современной конкурентной войны включает в себя в том числе и элементы так называемых «психополитических диверсий» (далее - ППД) /213/.

В результате применения ППД у лиц принимающих решения (далее - ЛПР) может развиться временная «деменция», выражающаяся в существенной потере самокритичности

мышления, примитивизации высших психических реакций и – как следствие – приводящая к временной утрате способности реальной оценке ситуации, выработке и реализации адекватных управленческих решений /213/.

По мнению ряда экспертов, другой важной особенностью современного конкурентного противостояния, с которой нам придется столкнуться, является скрытое управление поведением /204..207/.

На рубеже тысячелетий наметился серьезный управленческий кризис, как противоречие между необходимостью быстрого принятия решений и пределом психофизиологических возможностей человека на реагирование масштабных проблем. Дальнейшее повышение скоростей реагирования превращает ЛПР в наблюдателя за сверхдинамическими процессами. Действительно садится в вагон скоростного поезда на ходу либо невозможно, либо крайне опасно.

В реальной практике руководитель обычно не имеет времени детально анализировать и проникать в сущность информационных «вбросов», как в сложный механизм реализации тщательно скрываемых замыслов «акторов» информационной войны, организующих переговорный процесс. Для того, чтобы принимать решения он использует предельно упрощенные, как правило, поверхностные типовые модели реагирования, взятые извне. Такие специально сконструированные модели «легких» управленческих решений в сфере планирования развитием (сокращением) СЯС, целенаправленно тиражируемые СМИ, множеством российских «агентов перемен» (в смысле Д. Ильчмана и Г. Бенквенисте) выступающих под флагом глубоких сокращений в сфере ЯО, активистами «G-Z» и др. называются архетипами. Внедрение архетипа в сознание российских ЛПР – это по сути программирование их психики /204..207/.

Таким образом, в современном «цивилизованном» мире серьезная битва ведется в сфере сознания. Сегодня зачастую уже нет необходимости в формировании потоков ложной информации, явного или скрытного принуждения и так далее. Именно это обстоятельство ведет к резкому возрастанию роли так называемых «скрытых субъектов» управления, то есть групп людей, открыто реализующих свои скрытые цели через технологии управления поведением /213/.

В целом, оценивая сложившуюся для российской стороны ситуацию в сфере конкурентного противоборства задаешься риторическим вопросом «Как школьнику (российским «переговорщикам») драться с отборной шпаной (нашими контрпартнерами по переговорам)? (В. Высоцкий, «Профессионалы»).

Пора бы осознать, что наши контрпартнеры («акторы» переговорного процесса) в своих действиях руководствуется известным «принципом Аль Капоне»: «с помощью доброго слова и кольта (технологий управления конкурентным столкновением) можно добиться больше, чем с помощью одного только доброго слова). Мы же живем пока по известной формуле (архетипу) - «ни мира не войны, а армию распустить».

На примере организации взаимодействия с американской стороной при подготовке ДСНВ можно сделать вывод, что вновь, как и в 1917 году, актуально звучит тезис П.Струве о «годности человеческого материала», утверждавшего, что это главная проблема России в сфере обеспечения безопасности и управляемости государства, главная причина, которая привела к поражению России в Русско-Японской войне и развалу государства в 1917г.

Одним из возможных структурно-функциональных путей решения проблемы может быть создания «интеллектуального спецназа», способного в кратчайшие сроки оценить потенциал реального конкурентного противника и предложить оптимальные варианты управленческих решений.

Указанный «интеллектуальный спецназ», должен на «латентной» и «демонстрационной» стадиях межгосударственных конфликтов осуществлять информационно – аналитическое обеспечение организации противоборства в военно-политической сфере и разрабатывать технологии управления межгосударственным конфликтным взаимодействием в том числе стратегическим сдерживанием, как сложной междисциплинарной проблемой. Он может быть организован в форме сетевой структуры, объединяющей как отдельных аналитиков, так и Российские «фабрики мысли» нелиберальной направленности, которые сейчас реально существуют в России, но почти не востребованы. Указанная сеть должна управляться единым государственным органом, ответственным за реализацию механизма стратегического сдерживания.

Элементы необходимых информационно-аналитических технологий у нас есть, их просто необходимо «заточить» под специфику предполагаемого конкурента. Есть у нас и «бойцы» для ведения интеллектуальных информационных войн. Им также необходимо дать технику для предстоящей борьбы. Технику гарантирующую победу в условиях «численно превосходящего противника».

В свете вышесказанного большое общегосударственное значение приобретает деятельность формирующейся в настоящее время «Ассоциации аналитические технологии», выступающей в роли современного «интеллектуального Шаолиня», по созданию и внедрению в практику деятельности как российских гос. структур так и бизнеса современных технологий управления конфликтным (конкурентным) противоборством не только не уступающим, но и превосходящим по эффективности зарубежные /220/.

Вместе с тем необходимо отметить, что доступ к указанным технологиям основан на доступе к сверхвысококвалифицированным кадрам аналитиков. По существу, освоение новых технологий есть ни что иное, как несколько своеобразная образовательная программа.

Но сегодня таких кадров слишком мало. В России их буквально считанные десятки, а нужны тысячи, «нужны еще вчера». Причем этих специалистов невозможно готовить в рамках существующих университетских программ или традиционных программ последипломной переподготовки. Процесс их обучения очень сложен и специфичен. Этот факт, по нашему мнению, также должен находиться в сфере внимания «Ассоциации….».

В целом можно полагать, что в результате будущей деятельности «Ассоциации аналитические технологии» появляется возможность дать адекватный ответ на приведенный выше (риторический) вопрос из «Профессионалов»: «Но вот недавно их козырь главный уже не козырь, а так, - пустяк, **и их оружьем теперь не хуже их бьют, к тому же - на скоростях»** (подавляя «циклы Бойда» - авт).

«Давайте вычислим, господа!»

Г.Лейбниц

4 ЧЕМ СПОРИТЬ, ДАВАЙТЕ ПОДСЧИТАЕМ

Центральным вопросом, который необходимо решить при обоснования позиции российской стороны на возможных будущих переговорах по дальнейшим сокращениям ЯО является определение предельно-допустимой для России глубины сокращений СЯС.

По указанному вопросу либеральным «экспертным сообществом» запущен эффективный механизм управления поведением целевых аудиторий – «формирование системы отношений». Производится направленное влияние на построение ментального состояния основных базовых элементов российской системы принятия военно-политических решений, нацеленное на поддержку инициатив по глубоким сокращениям в сфере СЯС.

Мы не имеем возможности в ограниченных рамках данного труда прокомментировать с позиции «теории обмана» систему аргументов указанного «экспертного сообщества», выступающего в целом с поддержкой американских предложений. Это может стать предметом отдельных обсуждений.

Вместе с тем мы предлагаем в духе основателя «Римского клуба» Аурелио Печчеи: «чем спорить, давайте подсчитаем».

Приводя настоящую цитату, мы хотим еще раз указать на то, что ученым Российской Академии наук прямо выдвигается положение о наличии **критического порога** сокращений СЯС, как некоторого **фундаментального параметра стратегической стабильности**, который поддается (подлежит) вычислению.

В этой связи, возникает закономерный вопрос: «Что считать и как считать?». В настоящее время при определении параметров Договоров о сокращениях (ограничениях) в сфере СЯС количественному анализу подвергается лишь чисто «военная составляющая» проблемы, связанная с оценками достаточности характеристик группировок сокращенных СЯС для нанесения «сдерживающего ущерба». Другие аспекты сокращения СЯС, обусловленные влиянием данного процесса на развитие Мир-системы, возникновение в данном контексте альтернатив для мира России, открывающиеся (закрывающиеся!) возможности и прогнозы наиболее вероятных угроз для нашей страны проводятся **на гуманитарном уровне строгости**. Они фактически представляют собой результаты дескриптивного анализа, которые в значительной (если не в определяющей) мере обусловлены видением «картины мира» у конкретного базового элемента системы принятия решений в сфере сокращения СЯС.

Необходимо отметить при этом, что оценки достаточности параметров СЯС напрямую зависят от выбранных при проведении количественного анализа характеристик «сдерживающего ущерба». Данный конструкт является **«сложным в научном отношении».**

На его идентификацию влияет, в том числе, ряд «гностических» неопределенностей). Их определение представляет собой **междисциплинарную научную проблему,** а результаты оценок величины сдерживающего ущерба имеют к тому же постоянную тенденцию к изменению и уточнению.

4.1 Немного о проблеме «сдерживающего ущерба»

Как известно, неприемлемый (сдерживающий) ущерб применительно к такому объекту поражения как государство имеет далеко неоднозначный, многоаспектный характер, определяемый как многогранностью сфер функционирования государства и системы межгосударственных отношений (СМО) в целом, так и спецификой (уникальностью) конкретного государства – объекта сдерживания (ГОС), и самого конфликта. Действительно, диапазон ущерба государству весьма широк: например, от простого морального осуждения до физического или политического уничтожения данного государства. Это, в свою очередь, определяет неоднозначность, многопараметричность (многофакторность) критериев сдерживающего ущерба (КСУ), которые при этом зависят от:

- поставленных целей конфликта (для каждой цели – своя «цена» и, как следствие, свои критерии);
- текущего этапа конфликта (для каждого этапа – свои критерии);
- характеристики конкретного ГОС (для каждой страны – свои критерии).

Кроме того, динамичная трансформация характеристик ГОС и СМО предопределяет еще одно свойство КСУ – их нестационарность, даже в рамках одного конкретного этапа конфликта и/или ГОС.

Следовательно, разработка КСУ предполагает определение (установление) уровней ущерба для конкретного ГОС в условиях конкретного этапа конфликта и текущего момента времени. Как видно, в общем случае речь идет о системе нестационарных критериев, адекватной всему возможному спектру межгосударственного конфликта. При этом разработка конкретного КСУ для некоторого этапа конфликта означает определение структуры критерия, включающей триаду:

а) систему критериальных показателей ущерба;

б) нормативные количественные и/или качественные значения данных показателей;

в) механизм функционирования критерия (правило взаимодействия показателей).

Таким образом, при проведении оценок достаточности потенциалов СЯС одним из центральных является традиционный вопрос структурной и количественной идентификации «сдерживающего ущерба», поскольку стало очевидно, что, несмотря на всю дискуссионность и неконвенциональность любой конкретизации этого понятия, альтернативы ей (конкретизации) сегодня нет. Точнее, альтернативой является, в конечном итоге, **фаталистический принцип «сколько есть, то и достаточно»,** который, как к

сожалению приходится констатировать, может реально использоваться при обосновании серьезных, далеко идущих решений в сфере СЯС.

4.2 Элементы общей (простейшей, «статической») теории сдерживания.

Впервые стратегия сдерживания стала предметом теоретических и прикладных исследований в начале 50-х годов усилиями зарубежных (главным образом, американских) специалистов – политиков, военных, ученых: Дж. Кеннана, Б. Броди, Г. Моргентау, Т. Шеллинга, Г. Киссинджера, Г. Кана, С. Поссони, Р. Осгуда и др. Большинство из этих исследований было инициировано необходимостью поисков рационального политического применения ЯО в рамках разработки новой стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов. Проведенные работы, имевшие, как правило, прикладной характер, тем не менее заложили теоретические первоосновы и определили понятийно-терминологический аппарат в области стратегического сдерживания, а также разработали общие принципы формирования соответствующей государственной политики.

К настоящему времени теория сдерживания, как и любая научная теория, представляет собой не только систему некоторых принципов (выработанных главным образом эмпирически), но и определенных категорий, т.е. наиболее общих понятий, которые являются ее фундаментом, основой.

Одним из основных, центральных вопросов теории сдерживания, вокруг и на базе которого, в конечном итоге, строятся все соответствующие теоретические и прикладные исследования, является вопрос о том, что заставляет потенциального агрессора удерживаться от вооруженного нападения, даже, несмотря на ощутимое, порой, превосходство в силе и средствах политического (в том числе и вооруженного) противоборства. Понимание этого вопроса связано с анализом и выявлением ключевых детерминант принципа сдерживания.

Как известно, «классическое» (т.е. силовое) сдерживание подразумевает обеспечение эффекта «устрашения» потенциального противника, с тем, чтобы предотвратить те или иные его действия, в том числе – вооруженное нападение. Таким образом цель сдерживания заключается в том, чтобы помешать противнику предпринять определенные действия, внушив ему страх перед последствиями, к которым такие действия могут привести. Следовательно, первым ключевым детерминантом сдерживания является категория **«устрашение»,** которая предполагает формирование у военно-политического руководства государства (ВПР) – потенциального агрессора – опасения (страха) перед последствиями возможной агрессии. В связи с этим термин «сдерживание» некоторыми исследователями трактуется еще как «разубеждение при помощи страха» /1..11/.

Известный американский публицист профессор Бернард Броди, исследовавший в 50-х годах категорию «устрашения» в рамках работ по «новой» стратегии сдерживания, касаясь основных свойств этого понятия, делает следующие выводы /12/:

- устрашение само по себе не зависит от превосходства в силах: оно «было и остается относительным, а не абсолютным»;
- эффективность устрашения «следует измерять не только количеством сдерживающих им сил, но и в зависимости от побудительных мотивов к агрессии, которые стоят за этими силами и оказывают на них давление»;
- на степень устрашения большое значение оказывает элемент неопределенности, связанный с масштабами возможного ответного удара;
- «максимально возможное устрашение», которое связывается со способностью нанесения противнику, не только огромных потерь, но и полного поражения, в некоторых случаях может давать почти такой же эффект, как и угроза значительно меньших разрушений, чем предусматривает «максимально возможное устрашение».

В целом же, анализируя проблему «устрашения», Б. Броди делает заключение, что «задача создания высокой степени устрашения противника заслуживает приоритета по сравнению с задачей обеспечения способности выиграть войну» /12/.

Продолжая логический анализ феномена «устрашения» и ставя при этом вопрос, посредством чего оно обеспечивается (другими словами, что именно формирует опасение, страх у потенциального противника за возможную агрессию), исследователи приходят к выводу о том, что таковым средством является «угроза возмездия» (наказания) – явная или подразумевающаяся.

В теории сдерживания проблема реальности угрозы занимает одно из ведущих мест. При этом признается лишь, что нереальность угрозы сводится к минимуму, когда речь идет о непосредственном стратегическом (ядерном) нападении на государство: лишь в этом случае проблема реальности угрозы не существует, так как противник имеет мало оснований сомневаться в реальности ответного удара. Однако, во всех остальных случаях, отличных от указанного, например, при нападении на союзное государство, проблема возмездия становится очевидной. Как отмечал в связи с этим проф. Броди (в рамках критики доктрины «массированного возмездия» – основы стратегии национальной безопасности США в 50-е годы), «во многих случаях противнику трудно будет поверить в реальность наших намерений» /12/.

Реализация угрозы возмездия (то есть «гарантированное» осуществление наказания в каких-либо масштабах) предполагает формирование фактора определенных «последствий» – ближайших и/или перспективных – для государства-агрессора. В широком смысле последствия, как свидетельствуют многочисленные примеры вооруженных столкновений, в том числе и обе мировые войны, могут носить различный характер и масштаб – от морально-политического осуждения и экономических санкций мирового сообщества до крупных территориальных, экономических и демографических потерь, вплоть до полного распада государства или существенного ограничения его суверенитета.

В простейшей (статической) теории сдерживания последствия для агрессора ассоциируются, как правило, с понятием **«ущерб»,** под которым понимают, главным образом, прямые физические потери промышленного (экономического), демографического и военного (военно-экономического) потенциала, которые понесет агрессор в результате ответных действий.

Категория «ущерб» с самого момента становления стратегии сдерживания признавалась (явно или неявно) всеми исследователями в качестве основы сдерживания. Еще в самых первых работах Б. Броди утверждал, что поскольку целью стратегии является заставить противника подумать в обстановке большой неопределенности о том, что цена нападения будет очень велика по сравнению с ожидаемыми выгодами, то «эту цену надо измерять с точки зрения понесенного противником ущерба» /12/. При этом важное значение придавалось сравнению степени вероятного ущерба каждой из сторон: при определенных условиях даже огромные потери сдерживающей стороны, если, конечно, они не привели к капитуляции или уничтожению ее вооруженных сил, могут не дать противнику никакого выигрыша.

Анализируя категорию ущерба и рассматривая его при этом, как основу сдерживания, исследователи, разумеется, практически сразу же осознали тот очевидный факт, что не всякий ущерб сам по себе способен удержать потенциального противника от каких-либо враждебных действий (главным образом от прямой военной агрессии), а лишь тот, который обусловливает потери, несопоставимые, по мнению военно-политического руководства противника, с выгодами предстоящей агрессии. Именно такого масштаба (уровня) ущерб, который обеспечивает потери противника за гранью установленной им же самим «приемлемости», выражаемой, как правило, количественно, в теории сдерживания носит название «неприемлемого ущерба».

Практически с момента становления теории сдерживания «неприемлемый ущерб» стал рассматриваться в качестве ее основополагающей, главной категории вследствие ее очевидной исключительной важности. С этого времени (примерно с начала 60-х гг.) одним из базовых принципов строительства национальных сил сдерживания (главным образом стратегических ядерных сил) стал принцип гарантированного обеспечения требуемого уровня неприемлемого ущерба для потенциальных объектов сдерживания. Это, в свою очередь, породило своего рода «проблему неприемлемости», т.е. проблему корректного научного обоснования уровня неприемлемого ущерба, которая остается открытой и поныне. Более подробно эволюция и проблема критериев неприемлемости ущерба будет рассмотрена в следующем параграфе.

Количественно-качественная градация видов ущерба (точнее – неприемлемого ущерба) была положена в основу измерения степени сдерживания, которое было проведено другим не менее видным представителем американской военно-политической мысли Германом Каном, автором известной теории эскалации ядерного конфликта. Для классификации

степени сдерживания Г. Кан предложил шестизначную таблицу, значениями которой были /11/: минимальное, умеренное, «адекватное», «надежное», близкое к абсолютному и абсолютное сдерживание (табл. 4.1).

Таблица 4.1 Степени сдерживания «таблицы Кана»

№	Степень сдерживания	Ущерб (потери)
1.	Минимальное	«Неудобства» противнику
2.	Умеренное	Несколько миллионов жителей и значительные материальные разрушения
3.	«Адекватное»	5-10 % населения
4.	«Надежное»	Более 1/3 населения и разрушение городов
5.	Близкое к абсолютному	50–200 % населения. Как следствие – прекращение исторического развития государств.
6.	Абсолютное	Десятикратное (1000 %) поражение

Источник: Г. Кан. Об эскалации. – М., Воениздат, 1966.

Минимальное сдерживание характеризуется угрозой незначительного сдерживания, которое зависит от степени надежности механизмов, необходимости не переходить определенные пределы, от ядерных запретов или даже от «неудобств», которые, возможно, должны были бы причиняться противнику /11/.

Умеренное сдерживание предполагает положение, позволяющее какой-либо стране нанести по противнику умеренный удар, результатом которого могло бы явиться уничтожение нескольких миллионов жителей или значительные материальные разрушения. Предполагается, что любая страна, даже самая крупная, вряд ли легко согласится подвергнуть угрозе жизнь миллионов граждан: потребовались бы очень серьезные основания для того, чтобы решиться на подобный риск /11/.

«Адекватное» сдерживание. Угроза любого сдерживания, которое достаточно надежно обеспечивает уничтожение 5–10% населения противостоящей стороны. Это примерно соответствовало бы потерям, понесенным главными воюющими сторонами в первой и во второй мировых войнах. Такая угроза должна предотвратить агрессию в случае возникновения любого традиционного кризиса. Однако она не обеспечивала бы достаточно надежного сдерживания, которое могло бы потребоваться для урегулирования сильного или необычного кризиса /11/.

Под **«надежным» сдерживанием** подразумевается любое сдерживание, осуществление которого могло бы (с высокой степенью вероятности) привести к уничтожению более трети населения противостоящей стороны или к разрушению городов противника (даже если они эвакуированы). При этом почти невозможно представить себе реальную обстановку, в которой другая сторона примирилась бы с возможностью таких потерь, какова бы ни была провокация, — исключая всеобщий конфликт /11/.

Близкое к абсолютному сдерживание. Способность уничтожить от половины до «200

процентов» населения противостоящей стороны. При этом полагается, что не существует различия между способностью уничтожить 50% потенциала противника и способностью уничтожить его «дважды». Фактически, руководители страны будут рассматривать такую возможность как конец исторического развития и, по-видимому, будут считать, что ни одна рациональная цель не могла бы служить оправданием такого рода ущерба.

Абсолютное сдерживание. Обеспечение «десятикратной» или большей поражающей способности. Считается, что обладание такими возможностями в области сдерживания в большинстве случаев могло бы сдержать даже наиболее «одержимого лидера» /11/.

В прикладном аспекте – в рамках исследования гипотетического ядерного противостояния Соединенных Штатов (как главного объекта сдерживания) и России, интересна также классификация, проведенная Г. Каном по типам сдерживания (типом I, типом II и типом III), в зависимости от видов военно-стратегической ситуации /11/.

Согласно Г. Кану, обстановка, в которой осуществляется сдерживание, разделена на шесть категорий. В этой классификации внимание концентрируется на двух главных аспектах. Различие между типом I и типом II Г. Кан рассматривает как различие между сдерживанием нападения, направленного на США или их главные силы, и сдерживанием крайне провокационных действий, как, например, ядерное или даже обычное нападение на Европу. Различие между типом II и типом III – это различие между уместностью и неуместностью угрозы прибегнуть к массированному нападению, с целью сдержать относительно небольшие или умеренные провокации. При этом Г.Кан проводит различие между «**активным»** сдерживанием, связанным с угрозой, которая, для ее реализации на практике, требует волевого решения, и «**пассивным»,** особенность которого состоит в том, что в случае провокации угроза реализуется более или менее автоматически. Таким образом сдерживание первого типа Г.Кан считает пассивным, так как удар непосредственно по США автоматически обусловливает решение на ответный удар, в то время как нападение на союзников – сдерживание типа II – потребует трудного решения на применение ответных ядерных «мероприятий».

Подводя по этому поводу итоги, Г. Кан, как и ранее профессор Б. Броди, приходит к выводу, что «имеется много возможных случаев, когда даже минимальное сдерживание могло бы дать положительные результаты и что возможны обстоятельства, когда абсолютное сдерживание могло бы оказаться неэффективным» /11/. При этом Кан делает важное заключение, что сдерживание носит психологический характер, хотя возможно, что его осуществление будет связано с использованием физических или материальных факторов.

Таким образом, как показывает проведенный краткий анализ, в основе идеи «классического» сдерживания лежит иерархическая цепочка **«устрашение – угроза возмездия – последствия (неприемлемый ущерб)»,** опирающаяся, главным образом, на силовой фактор – национальные и/или коалиционные вооруженные силы. При этом

ключевым «идеологическим» детерминантом сдерживания является категория «неприемлемый ущерб», анализу которой посвящен следующий параграф настоящего раздела.

4.3 Генезис и эволюция концепции неприемлемого ущерба как основы (простейшей, «статической») стратегии сдерживания.

Достаточно очевидно, что в основе оценки «эффективности» любых внешнеполитических действий превентивного характера (а, тем более, – военных действий), планируемых государством, лежит сопоставление и комплексный учет (военно-политическим руководством этого государства) максимально возможного числа положительных и отрицательных последствий таких действий. При этом «положительность» последствий подразумевает выгоду политического, экономического, военно-стратегического и иного характера, извлекаемую из постконфликтной (послевоенной) ситуации государством-агрессором вследствие его успеха в силовом (возможно, вооруженном) противоборстве с объектом агрессии.

Типология же отрицательных (негативных) последствий для агрессора, которые в теории сдерживания принято называть ущербом, включает в себя, как показывает анализ, следующие основные факторы, которые могут реализоваться совокупно или по отдельности:

- физические потери, которые, как правило, связывают с прямыми потерями военного, экономического и демографического потенциала государства, понесенными в результате вооруженного противоборства;
- климатические и экологические последствия, обуславливающие негативное состояние окружающей среды, в том числе – природно-ресурсного потенциала государства;
- собственно политические последствия, связанные, например, с возможностью вмешательства других государств в вооруженный конфликт и последствия такого вмешательства (вторичные последствия), с потерей геополитического статуса государства, с его внешнеполитической изоляцией (дискриминацией), экономическими санкциями мирового сообщества; обострением внутриполитической обстановки (вплоть до угрозы смены правительства или даже режима правления) и т.д.;
- последствия экономического характера, к которым можно отнести, в частности, снижение общего уровня производства; потерю или ограничение внешнеторгового и финансового пространства, недополучение экономической прибыли и др.;
- социальны*е* последствия, например, снижение уровня жизни населения и уровня его занятости, миграционные процессы негативного характера и т.д.;
- военно-стратегические последствия, в том числе – снижение военного потенциала государства, потеря союзников по военно-политическим блокам и т.д.;

и другие.

По времени проявления (реализации) указанные последствия можно классифицировать следующим образом:

- прямые (непосредственные) последствия, реализующиеся, как правило, непосредственно в течение военной стадии конфликта;
- ближайшие (в течение примерно 1 года после конфликта);
- отдаленные (более 1 года).

В качестве исторической иллюстрации предложенной классификации можно привести исторический пример агрессии Ирака против Кувейта в августе 1990 г., «плата» за которую охватывала широкий спектр негативных (для Ирака) последствий (ущерба), различных по характеру, масштабу и времени реализации, в том числе: собственно военное поражение (в 1991 и 2001гг.), физические потери, международная политическая дискриминация и экономическая изоляция, нанесшие огромный урон национальной экономике, резкое снижение военного потенциала в том числе свертывание (после первой войны) производства оружия массового поражения (ОМП) и средств его доставки, изменение регионального статуса государства, постоянная угроза жизненно важным интересам страны и существовавшему режиму правления и т.д. /13, 14/.

Таким образом можно утверждать, что в основе принятия решения «рационально мыслящего» (разумного) ВПР государства-агрессора на реализацию агрессивных (военных) действий лежит оценка степени соответствия целей и выгод («приобретений») тем негативным последствиям (ущербу), которые могут реализоваться, совокупно или по отдельности. Следовательно, можно полагать, что в рассматриваемом случае агрессия (политическая или военная) не может состояться, если «плата» за нее, по мнению ВПР государства-агрессора, превышает ожидаемые «выгоды».

Как видно, критерий оценки «эффективности» планируемых военно-политических акций предполагает наличие некоторого предельного уровня (порога) ущерба, достижение которого «обесценивает» и делает нерациональными предстоящие силовые мероприятия. Такого уровня ущерб государству-агрессору, который находится за гранью некоторой «приемлемости», устанавливаемой ВПР этого государства, носит название «неприемлемого ущерба» (НУ).

В общем случае уровень неприемлемых потерь должен находиться в зависимости от конкретной цели, которую ставит перед собой агрессор, а также – от конкретной военно-политической и военно-стратегической ситуации, в рамках которых предполагается реализация данной цели. Другими словами, очевидно, что один и тот же уровень ущерба может быть приемлем в одной ситуации и совершенно неприемлем в другой. Это позволяет утверждать о существовании некоторой условной шкалы «неприемлемости» (своего рода «прейскуранта агрессии»), согласно которой каждой внешнеполитической цели соответствует «цена», в виде соответствующего ущерба. При этом, очевидно, что

существует некоторый уровень «неприемлемости» (условно называемый «абсолютным»), достижение которого не оправдывает ни одну рациональную внешне- или внутриполитическую цель государства-агрессора, если, конечно, речь не идет о прямой угрозе его жизненно важным национальным интересам – суверенитету, территориальной целостности и т.д.

В «классической» трактовке понятие НУ часто связывают именно с «абсолютным» уровнем, а для остальных, «доабсолютных», значений неприемлемости применяют другие понятия, например, «недопустимый ущерб» и т.п. Приведенное выше общее (качественное) определение НУ наполнялось конкретным содержанием в зависимости от конкретных критериев и показателей, характеризующих императив «неприемлемости», анализ которых проведен ниже.

Историческая и этимологическая эволюция императива «неприемлемости», а также характеризующих его критериев и соответствующих им показателей связана с развитием методологии прогнозирования состояния государства после вооруженного (главным образом – крупномасштабного ядерного) противоборства. При этом, как показывает анализ, основными направлениями развития аппарата обоснования критериев «неприемлемости» ущерба являлись /1, 5, 6, 8. 10/:

- расширение собственно номенклатуры учитываемых негативных последствий;
- попытки учета эффекта комплексного действия – «суперпозиции» – последствий;
- учет времени проявления (динамики реализации) последствий.

Таким образом, в основе идеи обоснования «неприемлемости» лежали подходы к оценке кумулятивного эффекта возможных последствий, в том числе – их динамики для выбранного «горизонта планирования».

Историческим фоном развития концепции «неприемлемости» являлось военно-политическое противостояние Соединенных Штатов и СССР после второй мировой войны, что надолго определило в качестве постоянных атрибутов в задачах оценки характеристик «неприемлемости» следующие факторы: объекты исследования (США и СССР), средства (ядерное оружие) и силы (в основном – стратегические ядерные силы) воздействия, а также способы их применения (как правило – массированный ядерный удар).

В эволюции концепции НУ, которая развивалась вначале усилиями главным образом американских специалистов (в рамках сугубо прикладных проблем развития ядерной стратегии США) можно выделить, на наш взгляд, несколько основных этапов, характеризующие качественный переход в идеологии «неприемлемости».

Первый этап (конец 40-х – конец 50-х гг. прошлого века), который условно назовем «доклассическим», охватывает период становления политики ядерного сдерживания как основы стратегии национальной безопасности («большой стратегии») США. В этот период характеристики неприемлемости ущерба (хотя этот термин тогда еще отсутствовал, как таковой, в американском стратегическом лексиконе) выражались неявно (опосредовано)

через количество ядерных_боеприпасов (ЯБП), необходимых для сдерживания СССР от каких-либо неприемлемых для США и их союзников действий.

Вероятно, самым первым, по нашему мнению, критерием «неприемлемости» можно считать «**критерий Трумэна»**, названный так нами (условно) по имени американского президента, заявившего в то время, что для сдерживания СССР Соединенным Штатам достаточно нанести удар 400 атомными бомбами /15,16/. Подразумевалось, что ущерб, причиненный этим количеством ЯБП адекватен (с точки зрения американского ВПР) степени риска, на который не решился бы пойти Советский Союз для достижения своих политических целей. Таким образом, речь фактически шла, согласно постулатам теории сдерживания, именно об обеспечении ущерба, названного впоследствии неприемлемым.

Несколько позже (в 1953 г.) специально созданный Комитет стратегической оценки считал, что для выполнения планов сдерживания необходимо довести до целей на территории СССР 100 атомных бомб (из примерно 400 планируемых) /17/. При этом была определена и качественная характеристика состояния пораженного (этим количеством ЯБП) государства – «убийство нации» /17/.

В середине 50-х годов появились первые («полуявные») количественные показатели сдерживания (читай – НУ). В тот период, по оценкам американских специалистов, для реализации целей сдерживания необходимо было иметь 50 ЯБП большой мощности гарантированно доводимых до территории СССР /15/. Их применение по советским городам привело бы к потере 40% населения и около 60% производственных мощностей (при условии, что на каждый объект выделялось по одному ЯБП и соответствующие потери в процессе доставки отсутствовали) /15/.

В конце 50-х годов появились американские оценки, в соответствии с которыми для сдерживания СССР путем угрозы его уничтожения как крупного индустриального государства достаточно было иметь 100 ЯБП, нацеленных на города /15/ (без учета возможных потерь ЯБП от организованного противодействия и надежности доставки).

Таким образом, первые, «доклассические», критерии НУ, выражаемые неявно в количестве ЯБП, необходимых, по мнению американских специалистов и ВПР, для сдерживания СССР, были весьма расплывчатыми и не давали четкого ориентира о нормативе поражения государства или о требуемом его постъядерном состоянии: поскольку очевидно, что одно и то же количество ЯБП в зависимости от разного числа факторов военно-стратегического, тактического и технического характера может обеспечить различный ущерб. Именно поэтому, по мере военно-технического совершенствования ЯБП, средств их доставки, а также способов вероятного применения менялись (в течение рассматриваемого периода) оценки требуемого числа доведенных до целей на территории СССР ядерных боезарядов – от 400 до 50.

Второй этап (60–70-е гг.). Впервые термин «неприемлемый ущерб» (*англ.*– unacceptable damage) (в его «классическом» понимании) появился в американском

стратегическом лексиконе в середине 60-х годов, в период разработки и официального декларирования военно-стратегической концепции «гарантированного уничтожения» /18/, ставшей отправной в американской военной стратегии, которая фактически остается в силе вот уже несколько десятилетий. По определению Роберта Макнамары – министра обороны США в 1961-1968 гг. и крупного теоретика стратегии сдерживания, – возглавлявшего разработку этой концепции, сущность ее состоит в «поддержании высокой и надежной способности нанести неприемлемый для любого агрессора или коалиции агрессоров ущерб на любом этапе взаимного обмена стратегическими ядерными ударами, даже после нанесения по нам внезапного ядерного удара» /19/.

При этом Макнамара определил НУ «агрессора» как такие потери, при которых «его общество по критериям XX столетия просто не было бы больше жизнеспособным», а «гарантированное уничтожение» – как «саму сущность стратегии сдерживания» /19/. Опираясь на разработки А. Уолстеттера и других системных аналитиков из Пентагона, Р. Макнамара заявил, что для нанесения НУ **любой индустриально развитой стране XX века** надо иметь возможность уничтожить от $^1/_5$ до $^1/_4$ ее населения и половину ее промышленного потенциала /18, 20..22/. Применительно к СССР для осуществления подобной задачи, по подсчетам американских специалистов, достаточно было обеспечить гарантированную доставку 400 ЯБП в одномегатонном эквиваленте /21/. В частности, для самих Соединенных Штатов неприемлемыми признавались (например, в период Карибского кризиса 1962 г.) потери в 50 млн. человек – в то время около 27% населения.

В конце 60-х годов приведенные количественные значения критерия неприемлемости, который в стратегическом лексиконе ретроспективно получил название **«критерий Макнамары»,** постоянно уточнялись. Так, по расчетам специалистов по системному анализу министерства обороны (МО) США, работавших под руководством Макнамары, неприемлемые потери СССР определялись как 20-30% населения и 50-67% промышленности /21,23/. Сам Макнамара называл и другие цифры: $^1/_4$–$^1/_3$ населения и $^2/_3$ промышленности /18/.

Таким образом, первый, введенный явным образом в научный оборот, критерий НУ, ретроспективно признанный «классическим», – критерий Макнамары, – состоял из двух критериальных показателей – «демографического» и «экономического», характеризовавших, соответственно, прямой ущерб населению и экономике в виде погибших людей и полностью выведенных из строя производственных мощностей. Косвенный ущерб и отдаленные последствия не принимались во внимание. При этом нормативные значения этих показателей («цифры Макнамары»), которые не были четко определенны, колеблются как показывает анализ отечественных и американских источников /15, 18…23/, в диапазоне, от 20 до 30% для населения и 50-70% для промышленности.

На рубеже 70-х годов понятие НУ усложнялось, что было обусловлено широкими исследованиями (главным образом в США), в которых предпринимались попытки учесть не

только прямой, но и косвенный ущерб в виде ближайших и отдаленных последствий различного характера и масштаба. При этом основным объектом исследований являлась экономика государства, а основными направлениями – исследование ее устойчивости в условиях ядерного воздействия и оценка сроков восстановления в постъядерный период, в том числе – с учетом кооперационных производственных связей отраслей промышленного и сельскохозяйственного производства.

Проведенные в течение 60-70-х годов исследования расширили диапазон количественных значений показателей «критерия Макнамары» до значений: 20-40% численности населения и 40-70% производственных мощностей /24/. При этом количественные показатели НУ были дополнены качественными характеристиками состояния государства как социально-политической общности в послевоенный период в виде «четырех уровней выживания государства» (табл.4.3) /24..25/.

Третий этап (80-е годы) характеризуется попыткам зарубежных и отечественных специалистов, при определении уровня НУ для США в ядерной войне и «пределов выживаемости», учитывать все отрицательные последствия ядерных ударов (ЯУ) для экономики и общества. Расширение номенклатуры учитываемых последствий, в том числе - политических, социальных, психологических привело к расширению и углублению критериев и самого понятия НУ.

Анализируя прогнозируемое состояние американской экономики при различных вариантах обмена ЯУ, в США пытались определить количественно-качественные параметры максимально допустимого ущерба населению, экономике и социально-политической структуре государства, при котором страна сохраняет свое лидирующее положение в капиталистическом мире, военно-стратегические позиции и способна восполнить понесенные потери. Было признано, что несоблюдение любого из этих условий делает исход войны для США неприемлемым. С учетом этого, НУ определялся теперь как уровень поражения населения, экономики и административно-политической системы государства, ставящий под сомнение возможность его выживания и восстановления как политической и социально-экономической общности после обмена ЯУ /24/. При этом, как показал анализ, структура критерия НУ и его качественно-количественные характеристики в середине – конце 80-х годов включали следующие значения /24/:

- потери населения («демографический» показатель) – более 10-20% от его общей численности;
- потери производственных мощностей промышленности («экономический показатель) – более 35-45% от довоенного уровня;
- сроки восстановления экономики – более 3-5 лет;
- «серьезное» нарушение функционирования органов государственного управления страной, ставящее под угрозу целостность социально-политической структуры общества.

Таблица 4.3 Количественно-качественные параметры концепции «четырех уровней выживания государства»

№ п/п	**Уровень выживания**	**Состояние государства после ЯУ**	**Количественно-качественные характеристики ЯУ и их результата (ущерба)** [1)]
1	Биологическое выживание	Полное уничтожение страны с политической, экономической и социальной точек зрения. Возможно выживание разрозненных групп людей	Массированное применение ЯО с неконтролируемым использованием ЯБП
2	Региональное выживание	Сохранение отдельных, разрозненных элементов политической и социально-экономической структуры государства при отсутствии единого централизованного руководства	Применение ЯБП совокупной мощностью 250 Мт по 150 военным и 250 гражданским объектам вызовет ущерб: потери населения – 55%; потери экономики: пищевая промышленность 70-75%, химическая и машиностроительная 50-60%, электроэнергетика 20-30%, нефтеперерабатывающая 30-35%
3	Государственное выживание	Сохраняются жизнеспособные органы центральной власти, однако их возможности по осуществлению руководства не обеспечивают необходимую независимость на международной арене	Ограниченное применение ЯО по военным объектам или по наиболее важным предприятиям ключевых отраслей экономики
4	Социально-политическое выживание	Ослабленное государство, но сохраняющая свою жизнеспособность, возможность контролировать обстановку и независимость на международной арене.	Относительно ограниченный ущерб, сопоставимый по масштабам с ущербом воевавших во второй мировой войне стран, позволяющий восстановить свои довоенные позиции за 3-5 лет.

Примечание: [1)] по оценкам американских специалистов 60-70-х годов.

Таким образом, в течение этого периода классический «критерий Макнамары» был расширен за счет включения новых показателей, характеризующих сроки восстановления экономики и (качественно) состояние государственно-политической системы. При этом определилась устойчивая тенденция к снижению уровней неприемлемости, обусловленная повышением точности прогнозов состояния экономики после ЯУ, более полным учетом косвенных и долгосрочных последствий, а также возможностью использования противником различных вариантов выбора объектов поражения экономики, направленных на затруднение ее восстановления в послевоенный период.

Как видно, указанная тенденция отразилась в уменьшении нормативных значений классических показателей («цифр Макнамары») и сужении собственно диапазона этих значений.

Неприемлемый ущерб, в различных его аспектах, стал предметом широких исследований отечественных специалистов, вероятно, в 70-е – начале 80-х годов в рамках

прикладных работ по оценке главного идеологического, политического и военного противника – Соединенных Штатов – как объекта ядерного поражения.

Количественно-качественные характеристики НУ для государств – объектов сдерживания обосновывались по результатам НИР научно-исследовательских организаций (НИО) МО и министерств оборонных отраслей промышленности, в ходе которых проводились комплексные проработки вопросов взаимосвязи войны и экономики; детальный анализ критических состояний экономики государства, при которых она не способна выпускать военную продукцию и обеспечить минимальный уровень потребления, а также не может быть восстановлена в течение длительного времени; оценка уязвимости отраслей промышленности и выявления «узких» мест в экономике, затрудняющих ее восстановление и в наибольшей степени влияющих на функционирование хозяйственного механизма в целом .

Основываясь на результатах этих работ, а также синтезируя опыт зарубежных (главным образом американских) исследований, в 1987 г. авторитетная экспертная комиссия (во главе с акад. Е. Велиховым) провела нормативную оценку минимального уровня НУ для государств – объектов сдерживания структурированную по ряду характерных показателей.

Подразумевалось, что в случае их реализации период нарушения функционирования государства – объекта сдерживания как организованной политической и социально-экономической системы может составить не менее некоторого характерного уровня.

В целом можно утверждать, что к началу 90-х годов в рамках исследования различных аспектов «неприемлемости» ущерба (как правило, применительно к США) сложились определенные научные направления в НИО МО, оборонной промышленности и Академии наук, генерирующие и реализующие оригинальные и обладающие большей убедительностью, чем зарубежные методические подходы к решению «проблемы неприемлемости», т.е. корректного научного обоснования критериев и показателей НУ.

Полученные в результате этих исследований оригинальные разработки критериев НУ, в отличие от зарубежных, хотя, и не имеют «всемирной известности», но они сыграли далеко не последнюю роль в развитии советских СЯС.

В качестве примера одного из немногих опубликованных можно указать на критерий «сдерживающего» ущерба (так называемый «критерий Прудникова») /8/, который так же, как и «критерий Макнамары» (и его модификации), оперирует с противоценностным ущербом, но не с его абсолютными уровнями, а с соотношением ущербов, которые могут быть нанесены сторонами друг другу. Основная идея этого подхода заключается в том, что, решая контрсиловую задачу (при нанесении обезоруживающего удара), противник вынужден жертвовать в определенной мере собственным потенциалом противоценностного сдерживания.

Среди других опубликованных разработок можно выделить концепцию «минимально необходимого ущерба экономике» (М.Я.Корнилов,1991) в рамках которой автор исследует

методологию определения критериальных уровней поражения экономики государства на основе анализа прямого вооруженного и невооруженного воздействия на экономику государств во время мировых войн.

Нельзя не отметить интересную работу многолетнего секретаря ВПК СССР Осадчего К. Г (опубликована в форме рукописи), который на основе анализа «открытых» данных пришел к выводам, что так называемое «политическое уничтожение» государства наступает при осуществлении следующего количества подрывов ЯБП (по мощности эквивалентных сброшенной на Хиросиму атомной бомбе): США – 720, Франция – 40, Япония – 35.

В развитие идеи учета восстановительных процессов, как альтернативы концепции «гарантированного уничтожения», отечественными специалистами в свое время был предложен общий методический подход к определению уровня НУ через время восстановления экономического потенциала государства. Под временем восстановления понималось время, необходимое для восстановления основных показателей экономики государства, пострадавшей в результате ЯУ, до заданного (обычно довоенного) уровня.

Тенденция к снижению уровней НУ стала четко просматриваться в отечественных исследованиях в начале-середине 80-х годов (а в исследованиях зарубежных специалистов – еще раньше, в 70-х гг.). Однако в условиях антагонизма идеологий существенных изменений не произошло, и только в начале 90-х годов, в период окончательной «легитимизации» теории сдерживания, стали возможным и были предприняты реальные попытки пересмотра принятого уровня НУ в направлении его коренного снижения.

Основными предпосылками для этого, как показывает анализ, явились следующие факторы военно-политического, военно-технического, социально-экономического, культурно-исторического и собственно научно-методического характера, в совокупности обусловившие качественно-количественную трансформацию НУ.

Научно-методические факторы. Совершенствование методологии исследований, накопленный опыт учета совокупного эффекта последствий (при расширении их номенклатуры и «горизонта планирования» их динамики) и оптимизация воздействия позволили достигать (в вычислительных экспериментах) уровни НУ для США при более низких значениях классических показателей для населения и экономики.

На первое место одно время выдвинулись климатические и экологические последствия, которые как показали расчеты отечественных и зарубежных специалистов /24, 26…31/, практически всегда будут иметь место при любых вариантах применения ЯО. В этой связи весьма важное значение имел, в качестве «натурного», печальный опыт аварии на Чернобыльской атомной электростанции (АЭС) и ее последствия.

Культурно-исторические («цивилизационные») факторы. Политические и социально-экономические перемены, произошедшие в мире в последнее двадцатилетие, привели к резкому усилению, а во многих случаях и к доминированию так называемого

цивилизационного фактора во взглядах развитых демократических стран на цели, условия, формы и последствия применения военной силы.

Здесь под «цивилизационным фактором» понимается сложившееся в каждом конкретном сообществе людей отношение к ценности человеческой жизни, которое обуславливается, с одной стороны, историческими, культурными, религиозными традициями, уровнем жизни населения, формой политического устройства каждого государства и господствующей в нем идеологией, а с другой – уровнем развития демократии и демократических институтов /32/.

Приобретая сегодня все большее значение в условиях становления гражданского общества, что является одной из основных тенденций развития современной западной цивилизации, цивилизационный фактор предопределяет уровень допустимых потерь в живой силе (а, тем более, в гражданском секторе) при решении внешнеполитических проблем военным путем. Таким образом, использовать военную силу в ситуациях, не угрожающих существованию государства, по мере становления гражданского общества оказывается все сложнее. Анализ опыта военных конфликтов (ВК) различного масштаба в последнее десятилетие позволяет предполагать /32/, что допустимый уровень людских потерь становится одним из важнейших факторов сдерживания от применения военной силы.

Технологический фактор. Усложнение и увеличение уязвимости промышленной, информационной, социальной и военной инфраструктур в условиях развития процессов глобализации, политической и экономической интеграции делает, по оценкам специалистов, современные развитые государства еще более уязвимыми. Вследствие этого, даже достаточно ограниченный (по классическим меркам) ущерб одной только информационной инфраструктуре (не говоря уже непосредственно об АЭС, химических предприятиях, высоконапорных плотинах и других «критических» объектах) способен, с высокой вероятностью, привести к техногенным и экономическим катастрофам национального и регионального масштаба.

Как показывает анализ, указанные факторы и особенности современного политического, социально-экономического и технологического развития в совокупности инициировали широкое применение и доминирование психологического аспекта (при обосновании НУ), который длительное время реально не учитывался.

Теоретически психологический характер сдерживания признан давно, еще в «классических» работах ведущих зарубежных специалистов (например, у американцев Б. Броди /12/, Г. Кана /11/, К. Кнорра /33/, французского теоретика П. Галлуа /34/), которые утверждали, что объектом сдерживания фактически является высшее руководство государства - потенциального агрессора, как орган принимающий решение.

Вследствие этого, существует «психологический барьер», препятствующий принятию решений кардинального характера, даже когда прогнозируемые потери будут значительно ниже «утвержденного» уровня.

В качестве примера к вышесказанному часто отмечается тот факт, что во время Карибского кризиса американский президент Кеннеди продекларировал в качестве неприемлемого ущерб от удара по городам США даже единичных ЯБП /37/, в то время как по расчетам специалистов из корпорации РЭНД приемлемыми считались демографические потери в 15-20 млн. человек (около 11% населения США того времени) /36/. Критерий, сформулированный в таком виде американским президентом сегодня представляется как **«критерий Кеннеди»** /37, 38/. Вместе с тем, необходимо отметить, что указанный «критерий» носит чисто **ситуационный характер.** Как следует из воспоминаний советского посла в США Добрынина /39/ он декларировался Президентом США для обоснования перед собственными «ястребами» (партией войны) **уже принятого** в результате секретных переговоров с участием Р.Кеннеди) решения о деэскалации конфликта. Тем более, что США одержали внешнеполитическую победу, поскольку СССР согласился на все условия США в обмен на снятие блокады с Кубы. Ракеты «Атлас» были выведены из Турции позднее и вне формальной связи с разрешением «Карибского кризиса».

Известно также и заявление в 80-х годах другого американского президента Р. Рейгана о неприемлемости удара по территории США даже одной ядерной ракетой /40/. Данное положение также имело **ситуационный характер**. Оно фундировало программу СОИ, и было необходимо для обоснования огромных финансовых расходов на глобальную ПРО.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что попытки использовать «Критерии» Кеннеди и Рейгана политически ангажированными «аналитиками» либерального толка для обоснования возможности глубоких сокращений СЯС либо непрофессионализм, либо наивность, либо что - то другое.

В условиях противостояния двух систем, когда речь шла (особенно в 50-60-е годы) о выживании государства в качестве социально-политической системы (как минимум), психологический аспект при обосновании НУ не принимался во внимание: считалось, что в тех условиях (и «ставках») психологическими факторами агрессор может пренебречь.

Таким образом, практически во всех многочисленных отечественных исследованиях последнего десятилетия (из которых можно выделить, например, /1, 5. 9. 15, 32, 40..46/), посвященных различным аспектам НУ, была признана необходимость уменьшения принятых классических уровней поражения. При этом модифицировалась и сама структура критерия неприемлемости.

Так, в работе /43/ на основании вывода о доминировании (после исчезновения идеологической конфронтации) экономических интересов в отношениях государств в качестве критерия НУ (названного авторами «требуемым») принят «минимально необходимый ущерб экономическому потенциалу» (ЭП) государства. Величина этого

ущерба должна быть, на взгляд авторов, соизмерима или несколько превышать те возможные экономические выгоды, которые страна-агрессор получит при реализации военной агрессии.

В работе /15/ количественные параметры неприемлемости ущерба для государств, сопоставимых с США масштабов, предложено измерять на основе адекватности доставке до гражданских объектов 200 эквивалентных мегатонн.

Среди исследований, в которых обосновывались конкретные количественные параметры НУ, можно отметить ряд работ проф. В.Н. Цыгичко /2, 32, 47/, который, на основе анализа современных тенденций развития ведущих стран Запада, обосновывает для них критериальные «недопустимого ущерба».

В своих моделях В.Н. Цыгичко использует следующие показатели потерь: около 10% численности группировки ВС и ущерб инфраструктуре страны на уровне 5% от валового внутреннего продукта (ВВП) /2/, что, по мнению автора, «по меркам Запада заведомо неприемлемо».

В работе /44/, в которой обосновываются исходные данные, обеспечивающие оценку эффективности ядерного сдерживания индивидуально для каждого из потенциальных противников, в качестве критерия сдерживающего ущерба принято: для США и европейских стран НАТО – поражение 15-20% ВЭП; для Китая – поражение 5-6 свободных экономических зон с бурно развивающейся промышленностью. Для Японии, вследствие особых сейсмо-геологических условий, достаточно, по мнению автора, «нанесение ядерного удара из двух блоков средней мощности» /44/.

Таким образом, как показывает анализ отечественных работ, в качестве общего критерия неприемлемости сегодня предлагается принимать, как альтернативу гарантированному уничтожению, ухудшение (политического, социально-экономического и иного характера) условий функционирования государства и общества. При этом модифицированные классические «цифры Макнамары», которые, несмотря на накопленный опыт и развитие методической базы исследований, по-прежнему обосновывались полуэкспертным путем, находятся в диапазоне 10% для населения государства и 5-20% – для его экономики.

Необходимо, отметить, что указанные выше тенденции снижения количественно-качественных характеристик НУ рассматриваются большинством авторов только для одной группы государств, а именно – для индустриально развитых «стран Запада»: США, Западной Европы, Японии. Для государств – «центров силы» и региональных лидеров (Китая, Пакистана и др.) с другой «цивилизационной парадигмой», в которых, по мнению политологов /32, 47, 48/, «цивилизационный фактор» не играет доминирующей роли, уровни поражения еще остаются предметом дискуссий отечественных и зарубежных специалистов.

В целом вопросы научного обоснования уровней НУ для обеих групп стран, несмотря на накопленный опыт (в том числе и опыт моделирования) и современные информационно-технические возможности, остаются во многом проблемными.

Определение значения НУ на протяжении последних десятилетий сопровождалось многочисленными дискуссиями среди военных теоретиков, которые продолжаются и до сих пор. Корректность и, своего рода, «адекватность» обоснованных или принятых нормативных уровней неприемлемости, были, как правило, предметом сомнений отечественных и зарубежных специалистов.

Основаниями для подобного рода сомнений являлась сложность проблемы, которая была осознана и признана исследователями практически сразу же в процессе прикладных разработок. Как показывает анализ /18, 22, 25, 28, 44, 47/, основными причинами, обусловливающими «проблемность» этой области исследований являются следующие.

Во-первых, – это многочисленность, разнородность и динамичность факторов функционирования (государства и системы межгосударственных отношений вообще), которые необходимо учитывать (и, что немаловажно, в совокупности) при обосновании НУ. При этом многие важные аспекты функционирования государственного механизма (например, социальные и психологические) плохоформализуемы и, соответственно, не поддаются в полной мере строгому количественному анализу и оценке. Таким образом, те вопросы функционирования государства, как сложной самоорганизующейся системы, в которых решающее значение имеет человеческий фактор, представляются пока трудноразрешимыми, несмотря на бурное развитие сегодня методологии исследований и моделирования гуманитарных систем.

Во-вторых, (как следствие предыдущего) – индивидуальность для каждой конкретной страны уровней НУ. Еще в 60-70-е годы многими американскими специалистами была признана условность количественных характеристик неприемлемости, так как одни и те же показатели ущерба выраженные в процентах от общей численности населения страны в зависимости от уровня урбанизации и ряда других факторов, для одного государства будут соответствовать уровню НУ, а для другого – нет. В одних условиях военно-стратегической обстановки (ВСО) та или иная воюющая сторона может справиться с последствиями нанесения удара, сохранив при этом способность проводить независимый политический курс, а в других (при том же уровне ущерба) – нет и так далее.

Таким образом, как признают специалисты /22/, величина НУ не является универсальной и строго фиксированной: она определяется противостоящими сторонами в условиях конкретной геостратегической ситуации и зависит от целей, которые ставят перед собой в случае ВК и той ценой, которую они готовы заплатить за победу.

Несмотря на указанные и общепризнанные трудности (которые позволяют утверждать некоторым специалистам о принципиальной неразрешимости «проблемы неприемлемости»), современные исследователи и эксперты не оставляют попыток научного

обоснования уровней поражения для потенциальных противников. Это обусловлено исключительной необходимостью иметь сегодня количественные ориентиры при решении многих важных задач, например, при определении количественного состава и структуры группировки отечественных СЯС в условиях их радикальных сокращений, требований рациональности и соответствия принципу «достаточности»

Таким образом с учетом вышесказанного можно сделать следующий общий вывод.

Проведенные в этой связи (в последние полтора десятилетия) исследования, хотя и позволили получить некоторые результаты теоретического и прикладного характера, все же оставили открытыми многие практически важнейшие вопросы, включая идентификацию самого понятия «ущерб», а также и неприемлемые (сдерживающие) уровни поражения для большинства ГОС.

Причины такого положения, как показывает анализ, обусловлены не только относительно узкой практической направленностью, «фрагментарностью» этих исследований, но и, главным образом, недостаточно развитой теоретической базой и, как следствие, – отсутствием общей методики исследований. Это не позволяло адекватно учитывать как трансформацию номенклатуры ГОС, так и упомянутый выше факт, что само по себе понятие «ущерб» ГОС является **сложной в научном отношении характеристикой** и не сводится, как это обычно принято, лишь к уровню снижения ВВП и потерям населения. Кроме того, не учитываются динамические характеристики ГОС, связанные с изменением их военно-стратегических характеристик, вызванным процессами сверхинтеграции (в военной, политической и экономических сферах), эрозией режима ядерного нераспространения и контроля над вооружениями, совершенствованием стратегических оборонительных систем и др.

В связи с вышесказанным, можно констатировать, что корректное обоснование понятия «ущерб» ГОС и соответствующих критериев поражения на уровне строгости приближающемся к логико – дедуктивному в условиях их многовариантности, многопараметричности и нестационарности (даже в рамках одного и того же объекта сдерживания) при отсутствии единой методической платформы **сегодня не представляется возможным**.

В настоящее время в Российском (и мировом) научном сообществе не существует единого общепринятого мнения по характеристикам сдерживающего ущерба.

Таким образом, **традиционные количественные оценки достаточности** параметров СЯС для обеспечения стратегической стабильности **неустойчивы** относительно принимаемых в расчетах характеристик сдерживающего ущерба. В этой связи уместно заметить, что общепринятым способом разрешения указанного типа проблем является введение соответствующих «**запасов» на количественные характеристики СЯС**. Кроме того, необходимо отметить, что традиционные оценки достаточности некомплексны,

поскольку в них ЯО рассматривается только как чисто военный фактор (деэскалации и возмездия).

Помимо вышесказанного, необходимо указать на еще один существенный для обсуждаемой проблемы момент.

К сожалению, классический подход к определению достаточности потенциала сдерживания, основанный на оценках эффективности боевого применения СЯС в различных военно-политических ситуациях, по понятным причинам не может быть объектом широкого обсуждения. Этим фактом зачастую пользуется либеральное «экспертное сообщество». Оно имеет возможность широко излагать свои взгляды, сформулированные на «гуманитарном уровне строгости», активно используя при этом основной средневековой способ доказательства – «ссылку на авторитеты», в качестве которых выступают несколько «специально подобранных авгуров».

При этом военные эксперты с другим видением «картины мира» находятся в условиях невозможности открытого оппонирования «либеральному блоку» на уровне строгости, принятом в военно-стратегических исследованиях.

В результате три взаимосвязанных компонента ментального состояния ЛПР (когнитивный, аффективный и поведенческий) формируются в информационной среде, определяемой системой отношений, задаваемых либеральным (прозападным) сообществом.

4.4 Новые подходы к оценке сдерживающего ущерба

Указанные выше трудности для случая, когда в качестве ГОС рассматриваются США, могут быть преодолены путем перехода на более высокие иерархические уровни рассмотрения межгосударственных конфликтных отношений.

В этом случае от анализа взаимодействия СЯС конфликтующих сторон мы переходим к оценке ролевых функций стран в мировом сообществе через **определение параметров их совокупной мощи – «геополитических статусов»**.

Выбирая методологию анализа и оценки последствий разоруженческих соглашений в сфере СЯС, необходимо исходить из того, что ядерное оружие (ЯО) – это не только чисто военный фактор. Обладая огромной разрушительной силой и глобальной досягаемостью, ЯО является также весомым **геополитическим фактором.**

Вследствие этого далеко идущие разоруженческие инициативы в сфере СЯС должны оцениваться **не только с чисто «военных» позиций, но и исходя из их влияния на статусное положение страны в мировом сообществе**

В качестве **«концептуальной лупы»**, через которую целесообразно рассматривать американские разоруженческие инициативы, мы предлагаем использовать **геополитическую динамику**. Только опирающуюся не ту геополитику, которая превратилась в «особый вид художественной литературы», а математическую геополитику –

новую отрасль знаний, связанную с математическим моделированием геополитических процессов [49…52].

Общий метод количественного исследования рассматриваемой задачи основан на иерархической системе концепций, базовая из которых связана с новой трактовкой и формализацией понятия «неприемлемость результатов вооруженного противоборства». В данном случае постулируется (основываясь на анализе американских декларативных документов и высказываний военно-политического руководства), что **неприемлемым для США будет потеря ими лидирующего положения в мире**. Как показывает политический и экономический анализ, более высокое место страны в мировой иерархии – это не просто вопрос престижа, а более высокие возможности по обеспечению национальных интересов, вплоть до возможности жить за счет остального мира, как это делает Америка. Если во время Бреттон-Вудских соглашений доллар был обеспечен золотым запасом США, то сегодня только и исключительно **мощью** государства.

Очевидно, что, вступая в вооруженное противоборство (в данном случае ядерный конфликт с Россией), пусть даже в итоге и победоносное, США могут потерять (конечно, при определенном уровне физического ущерба их населению, военному и экономическому потенциалам) свое лидерство в современном мире. При этом на первое место в мировой «табели о рангах» может выдвинуться некоторая «третья сторона» (государство), причем, возможно даже и не участвующая в непосредственно военном конфликте. Соответственно, для гарантированного обеспечения потери американского лидерства субъект сдерживания (в данном случае Россия) должен обладать соответствующими количественными и качественными параметрами своих СЯС как инструмента реализации «физического ущерба». Как видно, в такой трактовке «физический ущерб» выступает теперь в качестве «начальных» данных для оценки итогового «ущерба» США [51, 52, 53].

Указанный подход к анализу решений принимаемых в сфере СЯС через оценку их влияния на геополитические статусы представляется правомерным и целесообразным по следующим причинам:

- Он принят мировым научным сообществом и опирается на реальный научный фундамент – **«теорию полезности»**, на основе которой можно использовать определенные виды «сверток», показателей, определяющих «вклад» различных параметров в итоговый критерий.
- Результаты анализа могут быть озвучены без оглашения закрытой информации.
- Он позволяет проводить анализ результатов принимаемых в военно-технической сфере решений не только применительно к экстремальным ситуациям военно-политического конфликта, но и к текущим ситуациям «мирного времени».

Геополитический статус страны (ГС), используемый в качестве показателя совокупной мощи, представляет собой обобщенную характеристику («свертку») двух групп

параметров, характеризующих страну как субъект системы межгосударственных отношений [51, 52, 53]:

а) собственно геополитических атрибутов государства (территориальных, демографических, экономических, военных), именуемых «геополитическим потенциалом»;

б) внешних и внутренних факторов, таких как качество государственного управления, степень независимости (политической, военной, экономической) страны, участие в военно-политических коалициях.

Используемый в настоящей работе метод определения ГС апробирован в рамках в рамках исследований по подпрограмме «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» программы Президиума РАН «экономика и социология знаний») /53…55/. Более подробно с методом определения ГС можно ознакомиться, например, в следующих опубликованных работах [51, 52, 53].

Непосредственно в расчетах и итоговых оценках удобнее, однако, использовать показатель, представляющий разность ГС двух стран в текущий момент времени, называемый «геополитической дистанцией» (ГД). Данный показатель, таким образом, характеризует некоторое «расстояние», различие в положении стран на международной арене.

В качестве иллюстрации, на рис.4.1 представлены результаты оценок динамики текущего изменения ГС ряда «великих держав» в условиях «мирного времени» /51, 52/.

Как следует из представленных результатов, первая тройка мировых лидеров распределяется следующим образом: США, Китай, Россия. При этом необходимо отметить, что рассчитанное третье место в мировой иерархии Россия имеет в значительной мере благодаря наличию у нее мощного ядерного потенциала и эффективных средств доставки. Не зря на Западе Россию называют «одномерная держава». Поэтому **к сокращениям СЯС более чувствительна Россия, чем США.** В результате снижения потенциала СЯС даже в условиях «мирного времени» могут возникнуть ситуации, когда США еще способны остаться лидирующей державой, Россия же может сильно «провалиться» в «общемировом рейтинге».

Анализ результатов оценок ГС ведущих стран мира показывает, что Россия в статусном отношении существенно приблизилась к «второразрядным» мировым державам (см. рисунок 4.1). Ей, так же как в свое время Франции и Англии, грозит втянуться в своеобразный ярко выраженный (см. рисунок 4.1) **«геополитический коридор»** («аттрактор»?), покинуть который, как показывают результаты моделирования, можно только в результате дестабилизирующих событий международного масштаба. При этом, необходимо отметить, что России, начиная с 1999 г., все же удалось **стабилизировать** динамику своего геополитического статуса (см. рисунок 4.2), и она пока занимает **устойчивое третье место** /51, 52/.

Рисунок 4.1 - Значения ГС ведущих стран мира в 1950-2005 годах /51, 52/.

Таким образом, упомянутый выше критический порог сокращений СЯС должен определяться **двумя типами условий**, вытекающих :

а) **во-первых**, из «традиционных» (чисто военных) задач СЯС, как средства сдерживания (обеспечение требуемой величины «сдерживающего ущерба», обеспечение «кризисной стабильности», сдерживание от развертывания технологической гонки вооружений и др.);

б) **во-вторых**, исходя из **новых**, ранее не рассматривавшихся (на уровне строгости естественных наук) **геополитических задач**, связанных с военным обеспечением международного противоборства за сохранение (или изменение) **ролевых функций страны** в мире.

В рассматриваемом случае первое условие (а) состоит в поддержании таких параметров СЯС России, при которых США будут не способны после крупномасштабного ядерного конфликта восстановить за обозримый промежуток времени свое лидирующее положение в мире.

Второе условие (б) состоит **в обеспечении сохранения** (и повышения) ГС России (например, нахождение в «1й тройке (двойке?) мировых лидеров»), а также **«непопадания» ее в упомянутый выше «геополитический коридор» - «аттрактор»** (см. рисунок 4.1)

Рисунок 4.2 – Статус России в период 1990-2008 гг.

4.5 Результаты математического моделирования изменения совокупной мощи государства в зависимости от сокращений в сфере СЯС

В последнее время в прессе все чаще появляется информация о «новых разоруженческих инициативах» США в сфере СЯС. Как отмечается в прессе: «Россия может, по инициативе Вашингтона, еще на треть сократить стратегические ядерные вооружения – до 1000-1100 развернутых боезарядов. В ближайшее время американская сторона предложит Кремлю начать переговоры на эту тему по двум дипломатическим каналам……Об этом стало известно из письма председателя подкомитета по стратегическим силам конгресса США **Майка Роджерса**, в котором он потребовал у Байдена проинформировать конгресс о содержании американских предложений Кремлю. Письмо Роджерса опубликовано в блоге американского журнала Foreign Policy.

Цифра 1000-1100 развернутых боезарядов – предположительная. Как ориентир, ее американская сторона заявила в Nuclear Posture Plan-2012 – обзоре политики США в сфере ядерных вооружений» /56/.

Если рассмотреть влияние указанной «разоруженческой инициативы» на динамику изменения ГС (совокупной мощи) России то можно сделать следующий вывод. Как показывают результаты моделирования в случае, если Россия пойдет на предлагаемые глубокие сокращения СЯС, **ее ГС сравнительно резко снижается и начинает «дрейфовать» в указанный выше «геополитический коридор-аттрактор»** (представленный на рис. 4.1), в котором сегодня, как в «безвылазной» колее находятся так

называемые «региональные центры силы». То есть реализуется та ситуация, которую удалось избежать 10…15 лет назад. Расчетная динамика изменения геополитического статуса России в зависимости от реализации новых «разоруженческих инициатив» о сокращении СЯС представлена на рис. 4.3

Что касается вопроса обеспечения стратегической стабильности, то очевидно, что ядерный конфликт между любыми парами указанных выше лидеров изменит не только соответствующие «геополитические дистанции» (ГД), но и всю мировую геополитическую конфигурацию. Для оценок изменения ГД в расчетах имитировался гипотетический ядерный конфликт между США и Россией (в форме обмена массированными ядерными ударами), а **неприемлемость его последствий (для США) оценивалась по величине ГД между Соединенными Штатами и Китаем** – общепризнанным претендентом на мировое лидерство в среднесрочной перспективе. Важно отметить, что рассматривалась чисто **«дуэльная ситуация» без учета вклада других стран НАТО** в контрсиловой потенциал атакующей стороны, а также соответствующего «оттягивания ими на себя» части (оставшегося после контрсилового удара) российского потенциала ответных действий. Легко видеть, что указанный учет приводит **к еще большему дисбалансу в сторону США.**

Рисунок 4.3 – Динамика геополитического статуса России в зависимости от реализации нового договора о сокращении СЯС

Кроме того расчеты проводились без учета возможных «скрытых параметров» предполагаемого нового (будущего) Договора. В частности, применительно к такой системе

договорных ограничений, когда у США и России отсутствуют значительные «возвратные потенциалы» СЯС.

Указанные выше допущения позволяют трактовать полученные результаты как «оценки снизу».

Принимается, что Китай в конфликте «не участвовал». При этом исследовались те уровни «поражения» США (снижения их геополитических статусов) и, как итог – параметры СЯС России и американской ПРО, при которых Соединенные Штаты не восстанавливают сравнительно длительное время (свыше 25…30 лет) образовавшийся геополитический отрыв (дистанцию) с Китаем. При проведении оценок в качестве характерного времени восстановления (25…30 лет) была выбрана половина большого кондратьевского цикла - его «восходящий» участок.

Расчетные варианты задачи определяются комбинациями следующих групп параметров.

1. Тремя вариантами количественного состава СЯС обеих сторон, соответствующих различным гипотетическим договорным обязательствам (2200 ББ, 1500 и 1000 ББ).

2. Двумя гипотетическими вариантами эффективности ПРО США, соответствующим прогнозируемым в «открытых» источниках возможностям 2015 и 2020 гг. [57].

3. Двумя (озвучиваемыми в «открытых» источниках) гипотетическими вариантами ответных действий отечественных СЯС в форме ответно-встречного (ОВУ) и ответного (ОУ) ударов /58….64/.

4. Двумя маркированными временами гипотетического начала неограниченного ядерного конфликта между Россией и США – 2015 и 2020 гг.

Указанные комбинации гипотетических параметров ядерного конфликта определяют соответствующее снижение ГС его участников (РФ и США), что, в свою очередь, обусловливает, в итоге, главный выходной параметр – геополитическую дистанцию между США и (не получившим «ущерб») Китаем на рассматриваемом временном интервале прогнозирования (25-30 лет).

Необходимо отметить, что временные маркеры 2015 и 2020 гг. выбраны не случайно. Дело в том, что 2015…2017 гг. – это:

во-первых, **период окончания большого кондратьевского цикла**;

во-вторых, период окончания цикла Жугляра;

в-третьих, **прогнозируемое начало падения объемов добычи энергоносителей** по совокупности кривых Хабберта для стран-производителей (см. рисунок 4.4) [65].

Рисунок 4.4 Прогноз добычи нефти и газа по совокупности кривых Хабберта для стран-производителей

Таким образом, на указанный период может приходиться пик уже начавшегося кризиса, время резкого усиления международной нестабильности. В этой связи, исключительно важно знать, с чем придет к нему Россия, какова будет мировая геополитическая конфигурация, и какие государства в конечном счете будут формировать новые **«правила игры»** в мире. Именно в контексте этих вопросов, в контексте анализа геополитического сценария развития будущего необходимо рассматривать внешне эффектный «новый разоруженческий план Б. Обамы» /56/.

Надо знать, не получится ли так, что, приняв его, Россия сама откажется от «входного билета» в клуб стран, принимающих решения по устройству нового мирового экономического (да и не только) порядка.

Для определения критического порога сокращений СЯС России были проведены оценки изменения ГД между США и Китаем для упомянутых выше групп условий 1…4 гипотетического военного (ядерного) конфликта Россия-США.

Результаты расчета ГД при наличии ПРО территории США для всех вариантов комбинаций параметров представлены на рисунках 4.5 и 4.6.

а) ОВУ б) ОУ

Рисунок 4.5 – Динамика ГД при наличии ПРО для различных вариантов ответного удара
а) ОВУ; б) ОУ (время удара – 2015 год)

а) ОВУ б) ОУ

Рисунок 4.6 – Динамика ГД при наличии ПРО для различных вариантов ответного удара:
а) ОВУ б) ОУ (время удара – 2020 год)

Как видно, из всех вариантов критерий неприемлемости будет обеспечиваться только в трех случаях: при уровне 1500…2200 ББ в ОВУ и при гипотетическом начале конфликта не позже 2015-2016 гг. (рисунок 4.5а), а также при уровне 2200 ББ в ОВУ и при гипотетическом начале конфликта 2020 г.

Результаты расчета ГД при отсутствии ПРО территории США для всех вариантов комбинаций параметров представлены на рисунках 4.7 и 4.8.

Из всех вариантов критерий неприемлемости выполняется только для **трех случаев**: Первые два реализуются в 2015 г. только для ОВУ при уровнях СЯС, а 2200 и 1500 ББ. При начале конфликта в районе 2020 года существует только один (третий) вариант – 2200 ББ, применяющихся в ОВУ (рисунок 4.8а).

Все рассмотренные выше варианты расчетов сведены в таблицу 4.4.

а) ОВУ б) ОУ

Рисунок 4.7 – Динамика ГД без ПРО для различных вариантов ответного удара: а) ОВУ б) ОУ (время удара – 2015 год)

а) ОВУ б) ОУ

Рисунок 4.8 – Динамика ГД без ПРО для различных вариантов ответного удара: а) ОВУ б) ОУ (время удара – 2020 год)

Таблица 4.4 – Реализация критерия неприемлемости для США при рассмотренных вариантах параметров СЯС и системы ПРО США.

Количество ББ			2200	1500	1000
2015 год	ПРО	ОВУ	+	+	—
		ОУ	—	—	—
	Без ПРО	ОВУ	+	+	—
		ОУ	—	—	—
2020 год	ПРО	ОВУ	+	—	—
		ОУ	—	—	—
	Без ПРО	ОВУ	+	—	—
		ОУ	—	—	—

Примечание: Знак «+» означает, что сформулированный выше критерий неприемлемости выполняется (ГД не восстанавливается); знак «-» – критерий не выполняется.

Анализ табличных данных, проведенных по группам (категориям) параметров, показывает следующее.

По уровням. Уровень «1000» не обеспечивает выполнение критерия ни при каких условиях; уровень «1500» - только в двух случаях: (2015 год, ОВУ); уровень «2200» обеспечивает выполнение критерия: в 2015 году и в 2020 году – только при ОВУ.

По наличию ПРО. При наличии ПРО критерий выполняется только в ОВУ (1500…2200 ББ, 2015 год и 2200 ББ, 2020 год).

По вариантам «ответа». Критерий не выполняется в ОУ для всех уровней, вне зависимости от ПРО. Для ОВУ выполняется в шести случаях, исключая уровень «1000».

Необходимо отметить, что указанный результат получен в **«дуэльной» ситуации** «Россия – США». При рассмотрении ядерного конфликта «Россия – НАТО» он очевидно должен быть скорректирован в сторону **увеличения количественного состава СЯС России,** необходимого для обеспечения условий выполнения критерия сдерживания.

Основываясь на полученных результатах, в том числе на оценках изменения «геополитической конфигурации мирного времени», вызванного снижением ГС России в результате сокращения СЯС, можно сделать следующие основные выводы.

1. При уровне «1000 ББ»:

- Происходит существенное, практически «одномоментное» снижение ГС России «мирного времени». Россия опускается с 3-го на 6..7-е место в мировой «табели о рангах».
- США могут себе «позволить» развязать с Россией массированный обмен ядерными ударами, имея при этом возможность восстановления своего глобального лидерства за обозримый промежуток времени на восходящем участке большого кондратьевского цикла.
- Поскольку при этом потенциал 1-го ядерного удара для России сохраняется на высоком уровне, данный количественный вариант в кризисных ситуациях приводит к **рефлексивному «подталкиванию»** обеих сторон к нанесению первым ядерного удара о котором предупреждал акад. С.П.Курдюмов (см. выше в п. 3), то есть данный уровень сокращений является **абсолютно дестабилизирующим**.

Таким образом, **уровень «1000 ББ» неприемлем для России ни при каких условиях**.

2. При уровне «1500 ББ»:

а) Также происходит снижение ГС России «мирного времени». Россия опускается на 4..5-е место в ряду основных держав.

б) Уровень «1500» обеспечивает выполнение критерия неприемлемости в ограниченном «диапазоне» возможностей: до 2020 года только для ОВУ и после 2020г только при «нулевой» эффективности (или полном отсутствии) ПРО.

Для обеспечения стратегической стабильности в этом случае требуется:

- Отказ США от развертывания крупномасштабной ПРО территории страны (возвращение в режим Договора о ПРО 1972 г.);

- Надежное обеспечение возможности проведения ОВУ. Способность российских СЯС к ОВУ является важным стабилизирующим фактором.

3. Разрешенный в свое время договором о СНП уровень (2200 ББ) обеспечивает выполнения критерия сдерживания даже при наличии ПРО, но только в ОВУ.

Проведенные исследования позволили установить, что для **гарантированного** (то есть, при всех видах ответных действий и наличии полностью развернутой ПРО территории США) выполнения принятого критерия сдерживания СЯС России должны были бы иметь следующие количественные параметры: около 3700 ББ в 2015 году и примерно 5100 ББ в 2020 году. Если же ориентироваться только на ОВУ (при наличии ПРО территории США) то данные значения уменьшаются и составят примерно 1800 и 2600 ББ, соответственно.

Приводя указанные результаты оценок «гарантированных» значений параметров СЯС авторы прекрасно понимали, что они тут же станут объектом яростной критики «прогрессивно мыслящих аналитиков» и будут обвинены в т.наз. «пещерном мышлении» и призыве к новой гонке ядерных вооружений. В свое «оправдание» мы можем отметить следующее:

- Во первых, вывод о необходимости повышения потенциала СЯС (для обеспечения «гарантированного» сдерживания) самым непосредственным образом связан с (дестабилизирующими) «усилиями» США и в том числе в области ПРО. Гонка вооружений уже началась. И начали ее именно США, «раскручивая» технологическую гонку вооружений в сфере стратегических неядерных наступательных и оборонительных систем, а также, обеспечивая «контрсиловые возможности» своих СОН и, тем самым, дестабилизируя стратегическую стабильность. Если кто то не замечает сей элементарный факт – то это может означать либо попадание в состояние временной «психологической деменции» (см. выше в п.3) после успешно проводимой контрпартнером «психополитической диверсии», либо что то другое.

- Во вторых, даже в «Западном» научном сообществе уже начинает формироваться мнение об опасности для обеспечения мировой стабильности «обвального» сокращения военного потенциала одного из основных «акторов» международных отношений – России. Например, в работе известного экономиста из Нью-Йоркского Университета Вильяма Баумола (Villiam J. Baumol) «Игры красной королевы» /66/ выдвинуто и обосновано положение о том, что для поддержания стратегической стабильности необходимо обеспечить согласованный рост усилий в военной сфере у основных центров силы.

С учетом изложенного выше нельзя не согласиться с мнением академика И.П. Шмелева, изложенного в статье «Россия – Запад: требуется концепция ограниченного возмездия. Взгляд экономистов» (журнал «Экономические стратегии», №8, 2008г.):

«Анализируя действия США, нельзя не прийти к следующему выводу. Своей **стратегической целью** Соединенные Штаты определили **ликвидацию России как адекватного военного конкурента, как равносильного игрока**, способного нанести

смертельный ответный удар. Обезопасить себя на все случаи жизни путем навязывания России военной недееспособности – таков консенсус американской политической элиты, независимо от партийной принадлежности и имени президента».

Соглашаясь на «план Б. Обамы» и существенно снижая (до 1000…1100 ББ) потенциал ее СЯС, Россия следует резко негативному **сценарию развития будущего**. В соответствии с ним на пике кризиса (2015…2017 гг.) у России «нет демократии» (как это утверждают на Западе), разрушается экономика (например, за 1-й год «кризиса» 2008г процент снижения ВВП России был в 2…2,5 раза выше, чем у западных стран), деградируют Вооруженные Силы и СЯС, она «скатывается» с 3го на 6..7-е место в мировой «табели о рангах» и, как следствие, исключается из числа государств, принимающих глобальные решения.

Теория борьбы условных информаций [67…69] определяет в качестве одной из классических геополитических ситуаций **«объединение «сильных» против «слабого» (против слабой России).** Такая ситуация может сложиться на пике кризиса, если Россия пойдет на существенное снижение потенциала СЯС.

На рисунке 4.8 представлены результаты компьютерного моделирования данной ситуации [69]. В соответствии с ними в ослабленной России следует ожидать усиления политической нестабильности и «парада суверенитетов» с последующим попаданием отделившихся от России государственных образований в зависимость от более сильных геополитических игроков (синим цветом обозначена зона влияния США, желтым – Китая, красным – Японии; зеленым цветом обозначены новопровозглашенные исламские государства).

Рисунок 4.8 – Изменение границ России в случае ее геополитического ослабления [69].

Однако возможны и **другие сценарии** развития событий. На рисунке 4.9 представлены результаты компьютерного моделирования ситуации, в которой Россия сохраняет свою субъектность, военный потенциал, укрепляет экономическую мощь. Это усиливает интеграционные процессы на постсоветском пространстве вокруг России [69].

Видно, что в этом случае происходит восстановление зоны геополитического доминирования России фактически до границ бывшего СССР.

Рисунок 4.9 – Границы геополитического союза во главе с Россией в случае ее военно-экономического усиления[69].

Таким образом, если Россия хочет сохранить за собой право голоса при формировании будущего мироустройства, то ей в ее нынешнем положении нужно «держаться» за СЯС. В противном случае до нее доведут решения, от которых будет трудно отказаться.

Важным фактором необходимости сохранения на высоком уровне ядерного потенциала, как фактора совокупной мощи государства, является также и то, что «Евразийский союз» (к которому так стремится Россия) может сформироваться только вокруг сильного ядерного государства!

Соглашаясь на существенные сокращая своих СЯС:

- Россия консервирует на длительную перспективу в качестве своей ролевой функции в мире положение топливно-сырьевого придатка развитых стран.
- План В.В. Путина по превращению России в «**великую** энергетическую **державу**» вряд ли может быть реализован за исторически обозримый промежуток времени.
- Существенно сокращаются возможности создания на «постсоветском пространстве» стратегических союзов вокруг нового «имперского центра» и «полюса силы» - России. Следовательно, планы создания «Евразийского союза» (в своем изначальном смысле, как дееспособного геополитического и глобального экономического объединения) не могут быть реализованы.

5 «ПО КАРМАНУ» ЛИ РОССИИ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ?

Вместе с тем, в качестве ведущего ограничивающего фактора, не дающего, по мнению значительного количества экспертов, возможности достигнуть условий гарантированного обеспечения потенциала стратегического ядерного сдерживания, выступает **экономический фактор**.

С конца 80-х годов прошлого века в сознание общества, причем даже его интеллектуальной части, успешно внедрялся архетип «вредности военных расходов для экономики страны». Тот же цитируемый выше академик И.П. Шмелев (директор института Европы РАН) пишет: «С экономической точки зрения военно-промышленный комплекс представляет собой тяжелое иго для общества и государства… Военные расходы, по выражению одного классика политэкономии позапрошлого века, суть прямой вычет из национального богатства – это все равно что бросать в воду каждый N-й мешок зерна».

Таким образом «отбиваются» все призывы к адекватной оценке военно-политической ситуации в мире, требующей как минимум остановки деградации Вооруженных Сил России (в том числе и СЯС) и принятию мер по началу их восстановления.

Вместе с тем приведенное выше мнение является, по меньшей мере, некорректным [1,2].

Если ссылаться не на «экономистов позапрошлого века», а на более современные исследования, то в 1973 году Э. Бенуа обнаружил **положительную зависимость** между расходами на оборону и экономическим ростом для 44 слаборазвитых стран в период 1950-1965 гг./3/. Это исследование положило начало большому циклу работ различных авторов, изучавших на основе эконометрического анализа связь динамики макроэкономических показателей и военных расходов в десятках стран мира как с высоким, так и с низким уровнем экономического развития.

Рассматривая историю 20 века с точки зрения зависимости военных расходов и экономического развития, для наиболее крупных государств можно выделить две тенденции: наличие активного экономического роста при высоких военных расходах, или не менее активного роста при низких расходах. В том числе и для одних и тех же стран. Известные всем примеры приведены в таблице 5.1.

Из приведенных примеров следует, что, анализируя взаимовлияние экономического роста и военных расходов необходимо учитывать конкретные условия. Например, Германия и Япония после 2-й Мировой войны развивались в «тепличных» условиях, когда их военную безопасность обеспечивали другие государства и их военные расходы были минимальны.

Но экономический рост в США в 90-х годов по своей сути отличается от роста в Германии и Японии. Его вообще нельзя назвать «мирным», т.к. в его основе лежало активное внедрение в гражданскую экономику технологий, прежде всего информационных,

разработанных ранее по заказу Министерства обороны США. Для этого в США была принята программа по передаче из военного сектора в гражданский имеющихся технологий, выделялись для реализации этой программы значительные финансовые средства.

Таблица 5.1. Примеры экономического роста как при высоких и так и низких военных расходах

Экономический рост при высоких военных расходах		Экономический рост при низких военных расходах	
Страна	Период	Страна	Период
США	1-я Мировая война 2-я Мировая война Период «Холодной войны» (1945-1970-е гг.) 2001…2008гг (до начала кризиса)	США	1990-е годы (после окончания «Холодной войны») до начала 21века
Германия	1930-е годы	Германия	После 2-й Мировой войны
Япония	1930-е годы	Япония	После 2-й Мировой войны
СССР	1930-е – 1945 гг. Период «Холодной войны» (1945-1970-е гг.)		

Возвращаясь к взглядам западных экономистов и политиков о влиянии военных расходов на экономический рост, нужно отметить, что отношение это далеко не однозначное. В качестве примера можно привести несколько цитат:

- Каспар Уайнбергер (министр обороны США, 1983 г.): «Военные расходы не наносят нашей экономике ущерба. Мы также должны признать, что сокращение военных расходов не ведет к сокращению дефицитов по принципу доллар за доллар, так как из-за этого теряется значительный объем поступлений и множество рабочих мест, что влечет за собой, в частности, увеличение выплат на страхование по безработице».
- Джон Кейнс (экономист, 1940-е гг.): «Если Соединенные Штаты всерьез примут на себя материальную и экономическую сторону обороны цивилизации и приучат себя к огромной бесполезной растрате ресурсов на производство оружия, они познают свою силу — и познают это так, как не смогут этого сделать никаким другим образом … Военные приготовления, вместо того, чтобы требовать жертв, станут таким стимулом для увеличения индивидуального потребления и повышения уровня жизни, которого не смогут дать ни победа, ни поражение «нового курса».

Краткое изложение аргументации о возможных неблагоприятных и благоприятных факторах воздействия военных расходов на экономический рост приведено ниже в таблицах 5.2 и 5.3 и комментариях к ним.

Таблица 5.2. Неблагоприятные факторы воздействия военных расходов на экономический рост

Фактор воздействия	Отрицательное воздействие	Краткий комментарий
Оборонные расходы в целом	Отвлечение ресурсов от инвестиций государства и частного сектора, которые могут быть более благоприятны росту экономики, чем расходы на оборону.	Не все гражданские расходы расходуются на общественные и частные инвестиции: значительная их часть расходуется на потребительские нужды, некоторые из которых расходуются за границей
Импорт вооружений	Отрицательное влияние воздействия расходов на импорт оружия, которые отвлекают средства от экспортного сектора	Отрицательный баланс воздействий платежей может являться результатом любого импорта гражданской продукции и товаров частного сектора и услуг; гражданские расходы на общественные нужды также могут иметь неблагоприятное воздействие на экспорт
НИОКР	Отвлечение ресурсов от частного сектора НИОКР, оказывающее воздействие, как на технологии, так и на побочные результаты.	При сокращении объема военных НИОКР происходит перепрофилирование научных организации
Человеческий и физический капитал	Отвлечение физического и человеческого капитала на разработку средств уничтожения, снижение объемов производства товаров народного потребления, …	Снижение объема рынка труда, рост безработицы, отвлечение квалифицированных кадров в другие сферы (торговля, финансы), эмиграция ученых и инженеров.

Дадим некоторые комментарии к табл 5.2.

Оборонные расходы в целом. Здесь имеется в виду финансовая часть военных расходов. Подразумевается, что если сократить военные расходы то якобы можно решить множество социальных, экологических и других проблем. Например, денежных средств, затрачиваемых в течение 4 дней на военные расходы, хватило бы для того, чтобы решить проблемы лесов Амазонки. На один стратегический бомбардировщик тратится столько же средств, сколько необходимо для решения проблемы голода в каком-нибудь не очень большом африканском государстве. И так далее, примеров можно привести множество. Но критики такого подхода отмечают, что еще ни разу в истории человечества сокращение военных расходов не приводило к тому, что люди начинали использовать «сокращенные» деньги на решение вышеперечисленных проблем. Деньги всегда тратились на другие цели.

Характерный тому пример - Россия. Она в 90е годы «обвально» сократила военные расходы, что, однако, не помогло предотвратить разрушение «гражданского сектора» экономики и резкого снижения уровня жизни основной массы населения !

Импорт вооружений к России (за несколькими немногими исключениями) не имеет отношения поскольку она, не смотря ни на что, все еще продолжает входить в четверку государств, которые имеют полный цикл производства вооружений. Но остальные

государства были вынуждены импортировать вооружения и военную технику, что отрицательно сказывалось на их бюджете.

В области НИОКР. Сторонники сокращения военных расходов утверждают, что военные НИОКР отвлекают большое количество специалистов на разработку средств уничтожения. Критики отвечают, что при сокращении военных НИОКР большая часть сокращаемых специалистов перепрофилируются и уходят работать в другие сферы, т.е. сокращение военных НИОКР не приводит к аналогичному росту гражданских НИОКР.

Человеческий и физический капитал. Данный фактор практически совпадает с тем, что говорилось про фактор НИОКР.

Рассмотрим благоприятные факторы воздействия военных расходов на экономический рост. По своей сути они практически такие же, как и неблагоприятные, но производится учет их положительного влияния.

Здесь особо необходимо обратить внимание на то, что, например, в **части развития технологий** многие из упомянутых в таблице 5.3 технологий не могли бы быть в принципе созданы в гражданской (частной) сфере ввиду требуемых больших финансовых вложений, длительных сроков реализации и высоких рисков получения отрицательного результата.

В части **развития инфраструктуры** можно привести пример создания и постановки на боевое дежурство в конце 80-х годов боевого железнодорожного ракетного комплекса. При проведении этих работ кроме создания собственно БЖРК была проведена модернизация железных дорог и сейчас трудно сказать, смогли бы функционировать эти железнодорожные пути по прошествии почти 15 лет разрухи в стране. А для России железнодорожный транспорт имеет крайне важное значение не только в экономическом аспекте, но и в политическом, являясь материальной основой единства государства.

Особое внимание необходимо обратить на такой фактор, как **«обеспечение безопасности»** государства как системы, т.е. обеспечение устойчивости системы. Устойчивая система становится более привлекательной с экономической точки зрения, ведь любой бизнес предпочитает работать там, где ситуация предсказуема, независимо от того какой в этой системе строй: демократический или тоталитарный. Бизнес любит работать там, где ситуация предсказуема и управляема.

Важным фактором, который необходимо учитывать при проведении анализа влияния военных расходов на экономический рост является «граница возможного производства» или «предельный уровень производства» /20/. Если экономика находится в области «предельного уровня производства» дополнительные военных расходы приводят к появлению эффекта «вытеснения», т.е. возможные альтернативы загрузки экономики становятся убыточными. Если же в системе есть незагруженные военные или гражданские производства (как, например, в России), то дополнительные расходы повышают общий объем производимой продукции, а возможные отрицательные эффекты от такой загрузки остаются незначительными.

Таблица 5.3. Благоприятные факторы воздействия военных расходов на экономический рост

Фактор	Благоприятное воздействие	Встречающиеся контраргументы
Безработица, низкий спрос	Снижение безработицы, увеличение совокупного спроса	Гражданские программы расходов на общественные нужды также могут стимулировать снижение высокого уровня безработицы (например, строительство дорог)
Развитие технологий	Оборонные расходы обеспечивают развитие технологий которые при их применении в гражданском секторе могут способствовать росту экономики (Интернет, информационные технологии, реактивный двигатель, лазер, и т.д.)	Частные исследования и разработки обеспечивают прямые технологические выгоды
Инфраструктура	Военные расходы могут способствовать развитию инфраструктуры (связь, коммуникации, т.д.)	Инфраструктура может быть создана за счет гражданских расходов на общественные нужды.
Человеческий капитал	Происходит развитие и поддержка человеческого капитала, особенно в слаборазвитых странах	Подготовка кадров возможна за счет гражданских программ
Обеспечение безопасности	Военные расходы могут способствовать обеспечению защиты интересов граждан, стабильность стимулируют экономическое развитие	Обеспечение безопасности возможно также с использованием внутренних и пограничных войск

Директор Центра оборонной экономики Университета Йорка профессор Keith Hartley в своей работе «Расходы на оборону и их воздействие на национальную экономику» сформулировал следующие выгоды от военных расходов /20/**:**

а) в периоды высокого уровня безработицы государства могли бы стимулировать экономику под влиянием расходов на оборону (т.е., расходы на оборону увеличивают совокупный спрос в экономике; но нужно учитывать, что и другие типы расходов (не военные) тоже могли бы стимулировать экономику);

б) оборонные расходы обеспечивают развитие технологий и побочные результаты военных исследований, используемых в гражданской промышленности, при их применении в гражданском секторе могут способствовать росту экономики;

в) расходы на оборону могли бы способствовать развитию экономики, если часть таких расходов используется, чтобы обеспечить социальную (общественную) инфраструктуру (например, развитие аэропортов, сетей коммуникаций (связи), дорог, мостов).

г) расходы на оборону могут обеспечить развитие и поддержку «человеческого капитала», особенно в развивающихся странах. Национальные вооруженные силы обеспечены питанием, образованием, обучением и дисциплиной, часть этих положительных качеств «перетекает» в гражданский сектор рабочей силы.

д) расходы на оборону обеспечивают защиту интересов граждан государства, когда внутренняя и внешняя безопасность способствует рыночному обмену.

В целом, как общий вывод из анализа сформулированных положительных и отрицательных факторов воздействия военных расходов на экономический рост профессор Keith Hartley утверждает, что для оценки вреда или пользы военных расходов необходимо проведение специальных исследований, учитывающих конкретные условия конкретной социально-экономической системы, и необходима разработка соответствующих математических моделей, с помощью которых можно было бы получить более-менее достоверные прогнозы /20/.

В свете рассматриваемой проблемы большой интерес представляют результаты Западных исследований по проблеме влияния военных расходов на экономику поскольку там они начались существенно раньше, чем в России.

По имеющейся у нас в настоящее время информации на Западе первые упоминания об исследованиях влияния военных расходов на развитие экономики с использованием математических моделей относятся к 1973 году. Именно тогда была опубликована упоминавшаяся выше работа E. Benoit /20/. Эта работа вызвала бурную реакцию, но, тем не менее, именно она стала тем «спусковым крючком», который запустил массовые исследования по этому вопросу с использованием математических методов /3….29/.

Начиная с 1973 г., на Западе было проведен ряд исследований, которые были посвящены влиянию военных расходов на развитие экономики в развитых странах, прежде всего США. Полученные результаты были прямо противоположны друг другу: одни говорили об отрицательном эффекте, другие – о положительном, третьи – об отсутствии какого бы то ни было влияния. При этом, как правило, если в исследованиях рассматривалась производственная сфера, то эффект был положительный, если сфера потребления – отрицательный.

С 1993 г по 2007 г. было создано не менее 26 математических моделей применительно к оценке влияния военных расходов на развитие экономики. Информация о результатах оценок указанного влияния на основе использования некоторых из них по данным уже упоминавшегося Директора Центра оборонной экономики Университета Йорка профессора Keith Hartley (см. «Расходы на оборону и их воздействие на национальную экономику») приведена в таблице 5.4 /20/.

Необходимо отметить, что, к сожалению, все указанные в таблице модели имели существенные недостатки, которые выражались в следующем:

1) в частичном не учете факторов влияния военных расходов на развитие экономики, изложенных выше;

2) отсутствие оценок точности, надежности и непротиворечивости данных, используемых в исследованиях;

3) выбирались произвольные длины временных рядов и при этом не учитывались существенные изменения, проходившие в исследуемых государствах.

Таблица 5.4. Обзор публикаций (по используемым моделям) 1994-2007 гг

№	Авторы	Модель	Страна	Результаты: влияние оборонных расходов на экономический рост
1.	Alexander 1995(6,1)	«Feder»	Организация экономического сотрудничества и развития 1966-88	Отрицательное, но незначительное
2.	Madden and Haslehurst 1995(6,2)	«Granger» - зависимость (факторный анализ)	Австралия	Отсутствие причинных связей
3.	Kollias 1997(8,2)	«Granger»	Турция 1954-93	Отсутствие причинных связей
4.	Murdoch, Pi and Sandler 1997(8,2)	«3-х секторная»	Азия и Латинская Америка	В Азии и Латинской Америке военные расходы способствуют экономическому росту.
5.	Gold 1997(8,3)	«Granger»	США 1949-88	Отсутствие признаков долгосрочного взаимного влияния военных расходов и инвестиций. Возможно кратковременное влияние в 1949-71гг. Наличие долгосрочных издержек между военными расходами и потреблением.
6.	Beenstock 1998(9,3)	Имитационное моделирование	Израиль 1950-94	До 1968 г. оборонные расходы способствовали экономическому росту. В 1969-75 гг. оборонные расходы препятствовали экономическому росту. В 1976-86 гг. оборонные расходы способствовали экономическому росту
7.	Kollias & Makrydakis 2000(11,2)	«Granger»	Греция 1955-93	Отсутствие причинно-следственной связи между военными расходами и экономическим ростом.
8.	Batchelor, Dunne & Saal 2000(11,6)	«Ram & Biswas-Ram»	Южная Африка 1989-96	В целом отсутствие существенного влияния.
9.	Dunne, Nikolaidou & Roux 2000(11,6)	«Keynesian simultaneous equation model»	Южная Африка 1989-96	Отрицательное воздействие, но коэффициенты влияния имеют низкое значение. Отсутствие признаков положительного воздействия
10.	Dunne, Nikolaidou & Vougas 2001 (12,1)	«Granger»	Греция и Турция 1960- 1996	Отсутствие признаков, причинной связи (связанных с Granger), Турция - отрицательное воздействие
11.	Sezgin 2001 (12,1)	Модель спроса-предложения типа «Deger»	Турция 1956-94	Положительное воздействие. Расходы на оборону не имеют никакого значительного воздействия на сбережения и торговый баланс.
12.	Lai 2001 (12,2)	Производственная функция	Великобритания	19 век - отсутствие воздействия на экономические показатели, 20 век – возникали ситуации взаимообратного влияния (компромиссов)
13.	Scott 2001 (12,4)	«OLS regressions»	Великобритания 1974-96	Вытеснение частного капитала

№	Авторы	Модель	Страна	Результаты: влияние оборонных расходов на экономический рост
14.	Atesoglu 2002(13,1)	Новая макро модель «Granger»	США 1947-2000	Положительное воздействие расходов на оборону.
15.	Athanassiou, Kollias & Zografakis 2002(13,2)	Имитационное моделирование с использованием модели общего равновесия	Греция	Снижение оборонных расходов приводит к увеличению ВВП и капиталовложений, но приводит к потерям в экспорте (в зависимости от структуры новых государственных расходов)
16.	Al-Yousif 2002(13,3)	«Granger»	Арабский Залив 1975-98	Отсутствует возможность обобщения для всех стран экономических связей между военными расходами и развитием
17.	Shai, Lai & Chang 2002(13,3)	Модель спроса-предложения	Южная Африка	Теория прогнозирует положительное воздействие
18.	Morales-Ramos 2002(13,5)	Модель спроса-предложения; «Granger»	Оборонные исследования и разработки в Великобритании, Франции, Германии, Японии, США	Отсутствие воздействия в Великобритании, Японии, США. Наличие положительного влияния во Франции и в части накоплений (сбережений, капиталовложений) – в Германии
19.	Murdoch & Sandler 2002(13,6)	Модель роста «Solow»	Африка; Азия; Латинская Америка в период гражданских войн	Гражданские войны имеют сильное отрицательное воздействие на рост душевых доходов населения
20.	Galvin 2003(14,1)	Модель спроса-предложения	64 развивающихся страны	Отрицательное воздействие на рост и норму сбережения; наиболее выражено в странах со средними доходами населения
21.	Cuaresma & Reitschuler 2004(15,1)	Нелинейная модель роста «Solow»	США 1929-99	Нелинейные оценочные отношения принимают положительный вид для средних уровней оборонных расходов, при высоких уровнях военных расходов позитивное влияние прекращается
22.	Klein 2004(15,3)	Модель спроса-предложения	Перу 1970-96	Отрицательное воздействие военных расходов на экономический рост
23.	Karagol & Palaz 2004(15,3)	«Granger»	Турция 1955-2000	Отрицательное воздействие
24.	Kollias, Naxakis & Zarangas 2004(15,3)	«Granger»	Кипр 1964-99	Наличие двухсторонней обратной связи между военными расходами и экономическим ростом (т.е. в обоих направления, от военных расходов к экономическому росту и обратно)
25.	Lai, Huang & Yang 2005(16,1)	«Granger»	Китай; Тайвань 1952-2000	Китай – рост военных расходов приводит к экономическому росту. Тайвань – наличие существенной обратной связи
26.	Yildirim, Sezgin & Ocal 2005(16,4)	«feder»	Турция и Ближний Восток 1989-1999	Оборонные расходы увеличивают экономический рост. Оборонный сектор обладает большей продуктивностью, чем гражданский

Примечание: Все ссылки даны на журнал «Defence and Peace Economics»: данные в скобках - номер выпуска и объем публикации.

4) в различных моделях по разному толкуются понятие «оборонные расходы» и то, какие статьи расходов включаются;

5) различная структура вооруженных сил и оборонных расходов;

6) одновременно рассматриваются призывная и добровольная системы комплектования вооруженных сил;

7) имеет место слабый учет различий производственных отношений в разных государствах;

8) по-разному учитывается вклад новых технологий в экономический рост;

9) слабо учитывается наличие или отсутствие в государстве оборонной промышленности, прежде всего, той части промышленности, в которой проводятся НИОКР.

10) слабо учитывается наличие временных лагов между расходами и их воздействием на экономику.

Из тех моделей, которые мы рассмотрели выше, в первую очередь необходимо обратить внимание на модели, в которых описываются влияние военных расходов на экономики высокоразвитых государств. Результаты моделирования показывают, что для высокоразвитых государств общая тенденция такова: либо отрицательное, но очень незначительное влияние, либо положительное влияние. Причем чем более адекватно в моделях учитывается инновационный фактор, тем более положительное влияние оказывают военные расходы на экономику /20, 29/.

Анализируя результаты приведенных выше оценок необходимо сделать одно общее замечание. Упомянутые модели (которые используются на Западе) в основном регрессионные. В их основе лежит регрессионный анализ временных рядов. Результаты оценок по ним очень сильно привязаны к конкретной ситуации. Это очень важно для нашего дельнейшего изложения. Поэтому в упомянутых выше исследованиях, в качестве общих выводов говорится, что нужно переходить от такого типа моделей к моделям, которые описывают механизмы, действующие в экономике. Т.е. это должны быть имитационные модели /20/.

В дополнение к сказанному необходимо отметить следующее. На Западе, и особенно в США, уделяется большое внимание оценке влияния НИОКР на развитие экономики. В том числе и военных НИОКР. Результаты, полученные с использованием практически всех моделей показывают, что НИОКР являются более эффективным средством, влияющим на экономическое развитие, чем «простое» вложение капитала. Результаты исследований показывают, что так называемый «социальный возврат» от НИОКР превышает «обычные» инвестиции от 15% до 200% /20/. Естественно, что военные НИОКР в некоторых случаях могут быть менее эффективны по сравнению с гражданскими за счет ограничений, связанных с секретностью разработок и ограничениями по передаче технологий в иные сферы. Однако, когда в 90-х годах прошлого века в США занялись программой передачи военных разработок в гражданскую сферу одним из условий новых военных НИОКР было

то, чтобы они полностью или частично могли быть использованы в гражданской сфере. И тому есть конкретные примеры. Так, в результате разработки одного из типов вертолетов оказалось, что с военной точки зрения он не вполне удовлетворяет потребности армии, но его гражданские модификации пользуются достаточно хорошим спросом.

Как общие выводы из обзора взглядов западных специалистов на влияние военных расходов на экономику государства можно сказать, что в зависимости от того кто моделирует и что моделируется могут быть получены прямо противоположные результаты.

При этом необходимо учитывать, в том числе и идеологическо - политический аспект. Например, 1987 году был опубликован доклад Министерства обороны Великобритании, в котором была поднята проблема эффекта «вытеснения» гражданского производства военными расходами. Это был период снижения международной напряженности, с одной стороны, и политики М.Тэтчер по массовой приватизации предприятий, с другой. Если же брать публикации на данную тему в США, то в большей их части приходят к выводу, что военные расходы имеют положительное влияние на развитие экономики. А в западной Европе выводы на эту тему более «нейтральны». Т.е. на результаты моделирования влияет либо заказ, либо личные предпочтения тех, кто занимается такими задачами /20/.

Оценка степени зависимости между экономическим ростом и военными расходами привлекла значительное внимание экономистов Европейского Союза и стала предметом продолжительной теоретической и практической деятельности

В 2004г группой ведущих экономистов из Экономических факультетов Фессалийского и Иоаннинского университетов был подготовлен отчет «Групповой фактический анализ зависимости экономического роста от военных расходов в Европейском Союзе.»

Приводим без комментариев выдержку из заключения упомянутого отчета:

«На основании этих результатов можно утверждать, что, в контексте политики общей европейской безопасности и обороны, увеличение европейскими государствами оборонных бюджетов, необходимых для поддержки и развития независимой обороны ЕС, **может также вызвать и рост самой европейской экономики**. Стимулирование совокупного спроса, технический прогресс, вызванный военными НИОКР, даже прибыль от экспорта вооружения могут рассматриваться как возможные каналы, через которые оборонные расходы могут способствовать экономическому развитию, хотя трудно точно оценить степень влияния на экономику.»

Подъитоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что результат исследований по влиянию военных расходов на экономику государства оказался неоднозначным. Получается, что взаимное влияние между экономическим развитием и военными расходами может быть **как положительным**, так и отрицательным, или такая связь в явном виде может отсутствовать. Выявлена **существенная роль конкретных экономических условий**, в которых находится рассматриваемая страна, при этом наибольший положительный экономический эффект от военных заказов возникает при увеличении финансирования

военных исследований и разработок (НИОКР). Поэтому вопрос о целесообразности увеличения или уменьшения военных расходов должен решаться применительно к конкретной ситуации.

Что касается ситуации российской экономики, то, оставаясь верными продекларированному выше принципу (**«чем спорить, лучше подсчитаем»**), мы основываемся на той позиции, что оценивать макроэкономические последствия увеличения военных расходов для страны можно только с помощью специализированной математической модели. Такая модель была создана учеными РАН совместно с Академией военных наук [1, 2]. Она прошла всестороннюю верификацию и апробирована в Минэкономразвития и Минобороны России. Результаты моделирования показывают следующее [1, 2]:

1. В условиях существования значительного оборонно-промышленного сектора в экономике страны (доля ОПК в промышленности России без учета топливно-энергетического комплекса и сырьевых отраслей составляет примерно 12%) наличие госзаказа оказывает **стабилизирующее влияние** на общее экономическое состояние государства.

2. Влияние объема госзаказа на состояние экономики носит нелинейный характер:

при низком объеме госзаказа он позволяет удерживать экономическую систему в устойчивом состоянии, выполняя роль стабилизатора;

при повышении размера госзаказа одновременно с реализацией мер стимулирования гражданских отраслей промышленности возможен переход экономики в **устойчивое высокопродуктивное состояние**. При этом улучшаются макроэкономические показатели и существенно повышается благосостояние всех слоев общества;

при дальнейшем увеличении размера госзаказа макроэкономические показатели начинают ухудшаться.

В качестве иллюстрации на рисунке 5.1 /2/ приведены результаты расчета влияния увеличения гособоронзаказа (ГОЗ) на выпуск продукции секторов отечественного производства, ориентированных на внутренний рынок (включая ОПК, но без топливно-энергетического комплекса и сырьевых отраслей) (ВВП*), и на выпуск гражданской продукции (ВВП"). При проведении расчетов в качестве базового принимался 2003 год. В ходе моделирования объем ГОЗ увеличивался от исходной величины 0,1 трлн.руб. (базовый сценарий, соответствующий величине ГОЗ ~ 0,1 трлн.руб./год в ценах 2003 г.) с шагом 0,05 и определялось изменение ВВП* и изменение объемов гражданской продукции ВВП" в постоянных ценах через один год. Тем самым определялась реакция экономики на данное воздействие. При этом считалось, что финансирование ГОЗ осуществляется без ущемления других статей государственного бюджета, например, за счет эмиссии дополнительной денежной массы Центральным банком, расходования средств стабилизационного фонда и т.п.

Видно, что до определенного уровня (в целом соответствующего полной загрузке имеющихся производственных мощностей ОПК) увеличение ГОЗ приводит к увеличению ВВП*, выпуск гражданской продукции ВВП" при этом не снижается («эффект вытеснения» отсутствует). Это свидетельствует о положительном влиянии ГОЗ на производство продукции отечественной обрабатывающей промышленности.

Дальнейшее увеличение ГОЗ требует больших вложений в наращивание основных фондов ОПК, возрастают производственные издержки, и начинается негативное влияние военных заказов на гражданскую экономику (возникает «эффект вытеснения»). С другой стороны, как уже отмечалось, имеется нижняя граница объемов гособоронзаказа, когда вследствие недофинансирования начинается дестабилизация функционирования ОПК, возникает реальная угроза оборонно-промышленной безопасности страны. Таким образом, существует **диапазон рационального финансирования ГОЗ**.

Рисунок 5.1 – Изменение ВВП* и ВВП" при увеличении ГОЗ за счет дополнительной эмиссии финансовых средств (по оси абсцисс отложена величина средств $Q_{ОПК}$, направляемых в оборонно-промышленный комплекс в рамках ГОЗ; 0,1 ед. соответствует величине ГОЗ в 2003 году ~0,1 трлн. руб.) /2/

В целом расчетные оценки показывают, что в современной ситуации **увеличение размеров ГОЗ до 2,5 раз** (по отношению к уровню 2007г) **не приведет в краткосрочном плане к ухудшению экономического развития России** [1, 2]. Более того, это увеличение оказывает благоприятное влияние на экономику, способствует нормализации экономической структуры общества, выравниванию доходов, увеличению спроса на отечественную продукцию.

В качестве иллюстрации на рисунке 5.2 в обобщенном виде отображен характер влияния размеров ГОЗ на ВВП (расчеты были проведены для докризисного 2007 года).

Еще более наглядный результат получается, если оценить влияние размеров финансирования ГОЗ не на ВВП, а на значение геополитического статуса России [2]. При использовании для определения значения ГС методики изложенной в работе Т. Саати [30]

зависимость представленная на рисунке 5.2 трансформируется в соответствии с рисунком 5.3.

Видно, что в этом случае оптимум становится еще более выраженным, он достигается при значениях ГОЗ более чем в два раза превышающих уровень 2007г.

Учитывая вышесказанное можно сделать вывод о том, что Россия «может себе позволить» тратить на обеспечение военной безопасности, по крайней мере, не менее, чем Франция или Великобритания (см. табл. 5.5).

Оппонируя уважаемому академику (И.П. Шмелеву), мы на основе результатов математического моделирования утверждаем, что Россия экономически не «надорвется» на высокотехнологической модернизации ее Вооруженных Сил и на поддержании потенциала сдерживания СЯС. При этом будет обеспечиваться переход ее экономики в высокопродуктивное состояние.

Кроме всего прочего, отчетливо актуально звучит сегодня широко известная сталинская цитата: «История России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость… За отсталость **военную**, за отсталость **промышленную**... Били потому, что это было **доходно и сходило безнаказанно**» /31/.

России пора менять свою ролевую функцию в мире. По крайней мере, к этому надо стремиться.

Рисунок 5.2 – Зависимость величины ВВП (в реальном выражении) от размеров финансирования ГОЗ (за единицу измерения по оси абсцисс принят объем финансирования ГОЗ в 2007 году)

Рисунок 5.3 – Зависимость величины ГС от размеров финансирования ГОЗ

Табл. 5.5 Военные бюджеты — Справочник SIPRI 2011

Ранг	Страна	Военный бюджет ($ млрд.)	Общемировая доля (%)
—	**Всего в мире**	**1 630**	**100%**
1	США	698	43%
2	Китай	119	7.3%
3	Великобритания	59.6 млрд. ф.ст.	3.8%
4	Франция	59.3	3.6%
5	Россия	58.7	3.5%
6	Япония	54.5	3.3%
7	Германия	45.2	2.8%

6 «КИТАЙСКИЙ ГАМБИТ» Б. ОБАМЫ?

Общий анализ результатов оценок, приведенных в 4м разделе показывает следующее.

На первый взгляд при проведении глубоких сокращений СЯС согласно новому разоруженческому «плану Б. Обамы» имеются две явно выигрывающие в геополитическом отношении стороны (Китай и Европа) и одна явно проигрывающая – Россия. Что касается самих США, то их польза (или вред) от реализации данного плана кажутся неочевидными.

Действительно, если судить по «постдоговорной» динамике геополитической дистанции между США и ближайшим геополитическим соперником (и первым претендентом на мировое лидерство) – Китаем (см. рисунок 6.1), то налицо более ранняя, чем без этих сокращений, потеря американского лидерства (2020 г. вместо 2025 г.).

Необходимо отметить, что по нашим «модельным» расчетам (и по оценкам политологов, в том числе и американских), Соединенные Штаты все равно могут уступить первое место Китаю в мировой «табели о рангах». Но, во-первых, это должно было произойти позже (чем при сокращенных уровнях СЯС), а, во-вторых, геополитический отрыв от Китая был бы существенно меньшим (примерно в 3 раза для 2035 года).

В связи с этим встает естественный вопрос, а зачем вообще нужны американцам подобные сокращения? В чем тогда их выигрыш? И если выгода все же существует, то в какой сфере она лежит и как скоро может реализоваться?

Рисунок 6.1 – Динамика геополитической дистанции между США и Китаем в зависимости от реализации нового договора о сокращении СНВ

В этом случае уместно предположить, что указанный план нацелен на обеспечение одного (или нескольких) из пяти возможных вариантов развития будущего:

1. **Первый** из них представляется достаточно очевидным – **последовательное и управляемое снижение геополитического статуса России.** Вступая в переговоры с США, российская сторона почему-то не учитывает один важный для понимания реальной международной политики геополитический фактор. В соответствии с ним, поддерживается ситуация, когда с геополитической точки зрения, страны с огромными энергетическими и сырьевыми ресурсами **не должны играть самостоятельные политические роли** /1/. Если это не будет реализовано, то вся конструкция, на которой держится современный, иерархическим образом выстроенный миропорядок, может быть опрокинута в разгар развития мирового экономического кризиса на рубеже 2015…2017 гг.

В этой связи Россия, которой после развала СССР в качестве основной ролевой функции в мире определена роль поставщика сырья и энергоносителей для развитых стран (по консолидированному мнению всех правящих на Западе консорций независимо от нюансов их политических ориентаций), «не имеет права» ни на высокий геополитический статус, ни на обладание СЯС, обеспечивающими сдерживающие возможности. И это не просто возможная гипотеза. Если непредвзято посмотреть на историю развития международных отношений, то легко видеть, что глобальный миропорядок искусственно выстроен именно таким образом, чтобы подтвердить ее истинность. До настоящего времени вся стабильность и благополучие индустриального и постиндустриального миров держалась и держится на военно-политической несостоятельности стран – поставщиков сырья и энергоносителей. Как отмечает М.А. Мунтян [1], на этот геополитический фактор мало обращают внимания при рассмотрении российско-американских отношений. Эксперты удивляются, почему США так неодинаково относятся к России и Китаю. Россию в США критикуют практически все. Гораздо менее демократичный и толерантный ко всему, чему только можно быть толерантным, Китай ругают лишь американские неоконсерваторы и политические клиенты тайваньского лобби. Почему вполне влиятельные эксперты сегодня ведут разговор о возможном союзе старых и новых индустриальных гигантов против сырьевой России, пусть с оговоркам, но признающей приоритет западных ценностей и не отказывающейся быть частью «Большой Европы»? Один из возможных ответов состоит именно в том, что западный мир не может быть снисходителен к амбициям «энергетических держав», особенно в том случае, если таковые обладают серьезным геополитическим потенциалом /1/.

В понятие геополитического потенциала уместно включить в данном случае гипотетическую способность России (на данный момент, именно сугубо потенциальную) к формированию новых энергетических альянсов – в постсоветском ареале или же за его пределами. Подобные альянсы могли бы стать серьезным фактором, меняющим баланс сил современного мира. По этой причине палата представителей Конгресса США приняла в мае 2007 г. направленный против России законопроект, объявляющий незаконным создание новых картелей типа ОПЕК.

Теория борьбы условных информаций [2…4] определяет в качестве одного из базовых состояний геополитическую ситуацию **«объединение слабых против сильного».** Применительно к рассматриваемому вопросу это объединение сырьевых стран вокруг России. Для развитых стран такое развитие событий – крах всего выстраиваемого ими миропорядка. **Недопущение данного состояния – это концептуальная основа всей международной политики западного мира**.

Поэтому после выигрыша в «холодной войне» и ликвидации СССР Запад не оставляет попыток «добить» Россию («поставить ее на место»), постоянно поддерживая «латентную» и «демонстрационную» фазы конфликта и задействуя механизмы «институционального» управления. В последнем случае **Россия «затягивается» в систему международных соглашений и Договоров** (содержащих зачастую «скрытые параметры»), **которые каналируют ее развитие в русло реализации негативных сценариев будущего**.

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что, когда Россия еще только согласилась на глубокие сокращения своих СЯС (подписав новый ДСНВ) ее начали «выдавливать» из «большой восьмерки». Глобальные экономические проблемы начали обсуждаться министрами финансов «большой семерки» без России.

2. Согласно **второму варианту** начинается подготовка к началу создания второго «глобального центра власти и капитала» (ГЦВК) в Китае (вопрос, который уже давно обсуждается в экспертном сообществе в связи с глобальным экономическим кризисом). В этой связи необходимо отметить, что З. Бжезинский в январе 2009 г., находясь в Китае, выступил с призывами о том, что США и Китай должны совместно «гармонизировать мир». Создается впечатление, что в преддверии пика развития глобального экономического кризиса изучается возможность **перехода от «большой восьмерки» к «большой двойке»**. Для реализации этого сценария Россию надо «отбросить вниз» в «геополитический коридор», покинуть который, без кардинальных мировых потрясений (типа «большой» войны), практически невозможно.

Таким образом, согласно данному сценарию происходит переход от однополярного мира с единственным ГЦВК (США) **к биполярному** (более устойчивому), как это было до распада СССР. Только место СССР в качестве второго ГЦВК занимает Китай. В данном случае Россия теряет статус самостоятельного внешнеполитического игрока и становится перед выбором: «лечь под Америку» (как Европа) или «под Китай».

Здесь уместно задаться вопросом, а как план Б. Обамы по переходу от «большой восьмерки» к «большой двойке» соответствует интересам других региональных центров силы (европейских стран)?!

3. **Третий сценарий** также связан с учетом «китайского фактора». В соответствии с ним начинается многошаговая комбинация «великой шахматной партии» (по З. Бжезинскому), в которой разыгрывается своеобразный **«китайский гамбит»**. Идя на снижение своего ГС («жертвуя» своим единоличным лидирующим положением в мире),

США приобретают выгодную геополитическую позицию, в которой Россия «откатывается» на 6-7-е место. При этом создаются условия для «каналирования» агрессии догоняющего (США) Китая в «северном направлении», сталкивания его с Россией и с ликвидацией в результате этого на обозримый промежуток времени двух главных геополитических соперников (Россию и Китай).

В этой связи необходимо отметить следующее.

Важнейшее влияние на динамику происходящих в Мир-системе глобальных процессов на ближнее и среднесрочную перспективу будут оказывать китайско-американские отношения.

Быстро сокращающий «геополитическую дистанцию» с Америкой Китай рассматривается там как серьезная потенциальная угроза.

Известный политик Джульетто Кьеза отмечал в своем интервью следующее: «если миллиард китайцев начнут есть мясо и пить молоко так, как это делаем мы – через десять лет нам всем не останется места на этой планете. А когда не будет места – что это будет означать? Ещё в 1998 году в США был опубликован документ – «Project for the new American century». В этом документе пророчески написали, что в 2017 году Китай станет самой большой угрозой для безопасности США**.** Все сбывается. Мы живем в 2011 году – ещё осталось 6 лет».

Даже самый поверхностный анализ внешнеполитической активности Америки позволяет прийти к выводу, что в последнее время Китай является сильной «головной болью» Вашингтона. В недавнем докладе МВФ говорится, что "эпоха Америки заканчивается" и в течение пяти лет китайская экономика обгонит американскую, вытеснив США на второе место. Отсюда наблюдается стремление США остановить рост китайской экономики путем блокирования доступа к энергетическим ресурсам.

Последние события в Африке в том числе и в Ливии показывают, что уже сейчас (несмотря на продекларированные намерения) США активно **выталкивают Китай из Африки.** Об этом, даже не стесняясь, открыто заявляют достаточно высокопоставленные американские чиновники, объясняя роль США в ливийских событиях.

Бывший заместитель министра финансов США Пол Крейг Робертс, комментируя позицию Вашингтона по Ливии, заявил, **что цель Америки – выдавить КНР из Средиземноморья**. По его словам, Китай осуществлял масштабные энергетические инвестиции на востоке Ливии, и сегодня, в результате военной операции в этой стране, китайские компании потеряли сотни миллионов долларов: "У них там 50 массивных инвестиционных проектов, и все уходит в унитаз, и в Пекине прекрасно понимают, что военное вмешательство – это игра против Китая". Одновременно Робертс признал, что "дело не только в нефти, но в политике китайского внедрения в Африку и в том, как выстраивает Китай поставки для своих энергетических нужд".

Дестабилизация Судана и его раздел разрушили долгосрочные планы Китая получать нефть из этой страны. Дестабилизация и военный переворот в Ливии «выдавили» Китай из нефтедобычи в Северной Африке.

Эти общие рассуждения можно легко проиллюстрировать следующими фактами. Как известно, активное присутствие Китая в Африке составляет уже более двадцати лет и за это время он стал одним из основных партнеров Ливии, Нигера, Анголы и ряда других стран. Укрепляя свои позиции на африканском континенте, Китай не только вкладывает огромные деньги в добычу необходимых ему стратегически важных ресурсов (нефти, урана и других), но и развивает местное производство, одновременно «экспортируя» на континент свою «модель мира». Невозможно не обратить внимание на то, что своеобразным «ассиметричным ответом» на эти шаги стали похищения китайских дипломатов, военные перевороты именно в тех африканских государствах, которые уж очень активно сотрудничают с Китаем, и некоторые иные действия направленные против китайских компаний.

В подтверждении вышесказанного можно привести следующее. Почти сразу же после того как Нигер стал продавать Китаю уран и заключил соглашение о разработке нефтяного месторождения на севере страны, там произошел государственный переворот (в феврале 2010 г.). Новая власть расторгла с Китаем часть контрактов. Как только Китай начал добывать нефть в Судане, то в стране сразу же обострились межплеменные проблемы, закончившиеся референдумом о ее разделе. После того как дочерняя (ангольская) нефтяная компания Китая внедрилась в добычу нефти на шельфе Кот-д'Ивуара в этой стране началась "цветная" революция «африканского образца» (в ноябре 2010 г). Возникший политический кризис вокруг подсчета голосов перерос в вооруженное противостояние. Оно завершилось вмешательством ООН и серией «миротворческих» ударов по резиденции бывшего президента Гбагбо, после чего к власти пришел ориентирующийся на Запад президент Уаттара.

Столкновение экономических интересов США и Китая в Африке является не случайным. Это связанно с тем, что по имеющимся прогнозам нефтяных аналитиков в скором времени доля американского импорта нефти из Африки может существенно увеличиться и достигнуть 25%. В этой связи Америка самым серьезным образом готовится отстаивать свои интересы на африканском континенте с помощью военной силы. С этой целью в 2008 г. было создано «Объединенное командование вооруженных сил США в зоне Африки» (Африком). Как отмечается, в задачу указанной организационной структуры кроме проведения «миротворческих операций» по поддержанию порядка и подавлению межплеменных вооруженных столкновений, дестабилизирующих обстановку в регионах, где работают американские компании, входит организация противодействия активной экономической экспансии Китая.

Что касается столкновения США с Китаем в Азии, то там действия Американской стороны направлены прежде всего на блокирование транспортных и энергетических путей. Это в первую очередь относится к нефтепроводу Иран–Пакистан–Индия–Китай, а также к транспортным магистралям, связывающим Китай с портами на берегу Индийского океана, через которые в страну идет нефть из Ближнего Востока. Как известно, по территории Пакистана проходит значительная часть этих магистралей. В этой связи такие проекты Китая, как строительство в пакистанском Гвадаре глубоководного порта, предназначенного для приема нефтяных танкеров большого водоизмещения и развертывания базы ВМС, вызывают нервозную реакцию США. Дело даже дошло до того, что американцы потребовали от китайской стороны объяснений (!) относительно планов ввода в боевой состав своих ВМФ авианесущего крейсера «Варяг».

Очень похожие события происходят также в Шри-Ланке, Бангладеш, Мьянме и других государствах региона, где реализуются китайские проекты. Как только (в 2010 г.) было развернуто строительство газопроводов и нефтепроводов между Китаем и портами Мьянмы, так сразу же «активировалась» неправительственная организация (со штаб-квартирой в Вашингтоне) Freedom House (сокращённо FH; — «дом свободы»), бюджет которой на 70-80 % финансируется правительством США посредством грантов. FH определил Мьянме одно из ведущих мест в «проскрипционных списках» злостных нарушителей прав человека (рядом с КНДР). После этого ряд мировых СМИ принялся активно распространять негативную информацию о преступной хунте, планирующей заиметь собственное ядерное оружие.

Важным направлением политики США по противодействию Китаю является всемерное способствование поддержанию индийско-китайского конфликта в демонстрационной фазе (приближающейся к «горячей» фазе) противостояния, подчинение своему влиянию южных соседей Китая и обеспечение полного контроля над Малаккским проливом, через который проходят основные водные пути танкерного снабжения Китая ближневосточной нефтью.

Между тем, необходимо отметить, что Китай до сих пор весьма сдержанно реагирует на действия США, ограничиваясь достаточно «вялой» игрой против доллара. Создается впечатление, что Китай все время пытается избежать прямой конфронтации, тогда как Америка использует любые средства для наращивания давления. Объяснить это можно, во-первых, стратагемным мышлением свойственным китайским элитам, а во-вторых, тем, что в политике Китая по отношению к США запущены механизмы самосдерживания, опирающиеся на влиятельную часть китайской управляющей элиты-«конфуцианцов», тесно связанных с международной корпоратократией. В этих условиях США, опираясь на свою нынешнюю военную и экономическую мощь и влияние в мировой политике, уверены, что могут позволить себе активную и рискованную антикитайскую политику.

Пока Китай «терпит» крайне недружественные действия США на международной арене даже в том случае, когда явно ущемляются его жизненно важные интересы, однако не

ясно как долго это будет продолжаться? «Стратегия тигра», которой, как представляется, придерживается Китай предполагает на первом этапе приближение к цели ползком (главное, чтобы его не было видно), а затем прыжок. Однако, трудно не замечать, что «ползущий тигр» (Китай) уже начинает слишком сильно «обдирать себе брюхо» о всевозможные препоны выдвигаемые со стороны Америки. Это в условиях быстроменяющейся военно-политической и экономической ситуации в мире, приближающейся к состоянию глобального кризиса, вполне может спровоцировать его на «прыжок».

В этой связи уместно задаться вопросом. А в каком направлении будет сделан указанный прыжок. Здесь прямо напрашивается вывод, что действия США по организации «Арабской весны» и «выталкиванию» Китая из Африки имеют своей конечной целью не только стремление США остановить рост китайской экономики путем блокирования доступа к энергетическим ресурсам, но и направлены на создание условий для каналирования устремлений Китая «в северном направлении».

В свете вышесказанного, необходимо отметить, что в Китае сформировались и укрепляются национально ориентированные силы, ставшие довольно влиятельным компонентом китайской элиты. Они ориентируются на необходимость более резких внешнеполитических действий, чем те, на которые готовы «конфуцианцы». Их манифестом стала книга «Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние неурядицы».

С точки зрения авторов книги, КПК и всему населению страны следует добиться единого понимания того, что собой представляют великие цели Китая.

Таких целей выдвигаются две.

Первая цель состоит в том, чтобы навести порядок в мире в целом.

Вторая цель состоит в том, чтобы обеспечить и гарантировать для Китая возможность распоряжаться по своему усмотрению гораздо большими и гораздо более разнообразными природными ресурсами, чем те, которыми Китай обладает в настоящее время; кроме того, «принести счастье» народу всего мира.

Это вселенский замах. Предусматривается наведение «китайского порядка» во всем мире. На этом пути природные ресурсы в ряде других государств мира должны перейти в распоряжение Китая. Методы достижения этой цели могут быть самые разные. Китай предлагает человечеству передать в его руки распоряжение природными ресурсами (очевидно, со временем, включая пресную воду и чистый воздух). При этом условии Китай будет решать, кому и сколько выделять из имеющихся в наличии на Земле ресурсов. Это все должны воспринимать как принесение Китаем счастья народу всего мира, то есть человечеству в целом.

С точки зрения авторов книги развитие ситуации в мире поставило перед Китаем в повестку дня вопрос о том, готова ли страна к войне. Они исходят из того, что Китаю требуется срочно перестроиться на подготовку – моральную и материальную – к

возможным экономическим и реальным войнам. Только в этом случае он выживет, а, следовательно, в будущем сможет и заняться решением экономических и социальных проблем.

Таким образом в Китае уже активно заявляют о себе силы, поднимающие вопрос об изменениях во внешней политике и о заблуждениях «конфуцианцев».

В области внешней политики предлагается отход от стратагемных принципов уклонения от прямого противоборства и указывается на необходимость «**быть сильными; крепко держа в руках меч**, заниматься экономикой и торговлей; …..изгонять из души сомнения и заблуждения, препятствующие действию».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Россия и Исламский мир, где сосредоточены основные запасы углеводородов, скоро могут стать театром активной борьбы за эти ресурсы.

Что касается России, которую США вкупе с многочисленными российскими «агентами перемен» настойчиво убеждают в наличии растущей "китайской угрозы", то ее рассматривают как важный инструмент антикитайской политики, готовя условия для того, чтобы направить «прыжок» обозленного «Китайского тигра» в «северном направлении». При этом достаточно очевидно, что глубокие сокращения в сфере СЯС и сокращения ТЯО России (вплоть до ее денуклеаризации) – важнейшее условие для такого «каналирования» устремлений Китая. Если мы пойдем на американские предложения, то, тем самым, создадим значительно более благоприятную ситуацию для организации нового «Великого северного похода НОАК». Здесь так и напрашивается вопрос: «А нам это нужно?».

В этой связи нельзя не отметить, что главным внешнеполитическим советником Б. Обамы является З. Бжезинский. Как известно, он человек, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к России, и который уже был в 1970-е годы разработчиком стратегии розыгрыша «китайской карты» против СССР.

С учетом сказанного выше, бросив даже беглый взгляд на географию конфликтов, не может не вызывать настороженность тот факт, что Россия находится в своеобразном «конфликтном полукольце». Это полукольцо скоро будет замкнуто в процессе начавшейся подготовки к дележу шельфа Северного ледовитого океана. Интересно отметить, что Китай также рвется на Север и строит ледокольный флот.

В свете рассматриваемой проблемы интересен следующий исторический факт. Заключив в 1939г. пакт «Молотова-Рибентропа», Сталин разрушил «антикоминтерновский пакт», «вывел» Японию из войны с Россией. В то время, как следует из рассекреченных телеграмм Р. Зорге, почти сразу после его подписания в Японии произошел правительственный кризис, сменилось правительство и, главное, тон во внешней политике стал задавать флот, а не армия. Япония в подготовке к мировой войне **переориентировалась с северного** (Российского) направления (армия) на **южное** (англо-американское) направление (флот). В этой связи вызывает настороженность тот факт, что

почти сразу после оглашения Российской стороной своего согласия на глубокие сокращения в сфере СЯС Парламент Японии осенью 2010г принял закон в соответствии с которым произведена юридическая аннексия не принадлежащих ей Российских территорий т.е. произведена явная экспансия. А что же произойдет с устремлениями Китая после согласия России на новые разоруженческие инициативы США и принятия курса на дальнейшее ослабление СЯС России и сокращения ее ТЯО?

Не придется ли России подвергнуться военному нажиму сразу с 3-х направлений (Западного, Южного и Восточного)?

Не ждет ли нас то, чего Советскому Союзу (понимая лживость, двусмысленность и русофобскую традицию Запада) удалось избежать в 20 веке во время начала глобального изменения ролевых функций в мире? Мир-система движется в сторону потрясений и глобальных изменений. Если Россия хочет сама потреблять свои ресурсы и не согласна с мыслями, которые уже не скрывая высказывают Западные политики, например, «несправедливо, что Россия владеет Сибирью», она должна быть сильной. Надо отчетливо понимать, что грядущая борьба за ресурсы может перерасти в «окончательное решение Русского вопроса».

История уже показала неэффективность политики «умиротворения» (например, «Мюнхенские соглашения»), ее пагубность для стран, которые проводят такую политику.

В замечательной книге финского сатирика Марти Ларни «Четвертый позвонок» есть такая фраза: «муж и жена должны спать вместе крепко взявшись за руки, чтобы один не мог неожиданно ударить другого». Таким образом, политика сдерживания рекомендуется даже на бытовом уровне, пусть шутливо. Сейчас России предстоит выбирать между стратегическим сдерживанием или «умиротворением». Данный выбор напрямую определит ее **положение (ролевую функцию)** в меняющемся мире. Что касается указанной ролевой функции, тут хотелось бы процитировать мнение на сей счет А.С.Пушкина:

«Паситесь, **мирные** народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их **должно резать или стричь**;
Наследство их из рода в роды-
Ярмо с гремушками да бич».

4. **Четвертый сценарий** связан со стремлением укрепления «гудвила» США как составной части их геополитического статуса**.** В этой связи необходимо отметить следующее.

Мощь государства (в т.ч. его геополитический статус) определяется рядом составляющих, в числе наиболее важных из которых можно перечислить следующее:

- экономическая мощь (включая уровень развития технологий, науки промышленности и т.д.);

- занимаемая территория, включая запасы природных ископаемых, климат, географическое положение и т.д.;
- население - количество, «ассабийа», уровень образования, «законопослушность», и т.д.;
- военная (силовая) мощь – размер и оснащенность ВС (количество военнослужащих, В и ВТ и др.), структура ВС, современный технический уровень вооружений, уровень развития обеспечивающих подсистем (например, разведка, связь, медицинское обеспечение) и т.д.;
- **положительный образ государства на мировой арене (так называемый «goodwill» - англ. «добрая воля»).**

Анализ происходящих в последнее время мировых событий, в том числе связанных с внешнеполитической деятельностью администрации США, дает основания выдвинуть гипотезу о том, что интегральным критерием, на основе которого США будут выстраивать новые механизмы управления конкурентным столкновением может стать **«стоимость конкурентоспособности» страны.**

Стоимостное представление конкурентоспособности регионов и стран исторически берет свое начало в договорах купли-продажи предприятий и выражается указанной выше экономической категорией («goodwill»).

При этом свой «положительный образ» и, соответственно, «отрицательный образ» потенциального противника, в настоящее время, особенно с учетом бурного развития информационных технологий, является наиболее легко формируемым и управляемым. Более того, с экономической точки зрения (при грамотной постановке дела) он может стать еще и экономически выгодным: часть образа в виде кинофильмов, телевидения, печатных и электронных средств массовой информации (дезинформации), произведений культуры и т.д. можно продать, в том числе и вероятному противнику (для подтверждения этой мысли достаточно включить телевизор). Т.е. он может не только быть самоокупаемым, но еще и приносить прибыль.

В качестве аналога «положительного образа» государства можно привести «goodwill» крупных фирм: «доброе» имя фирмы является важным фактором в борьбе с конкурентами, является основанием для более высоких цен на продукцию этой фирмы (по сравнению с конкурентной продукцией) и определяет существенную часть капитализации фирмы (т.е. выполняет чисто экономические функции).

Анализ причин возникновения финансово – экономического «кризиса» и направленности действий администрации США по «выходу» из него дает основание полагать, что будущим источником мировой власти могут стать не только и не столько успехи в гонке материальных технологий. Одним из центральных источников власти субъекта международных отношений, его статусного положения в мировом сообществе

представляется овладение новой системой технологий управления поведением «акторов» международных отношений. В отличие от уже существующих (и задействуемых США) технологий управления поведением новая система технологий может быть очень глубоко переплетена с управлением стоимостью. Точнее, будет являть собой гибрид из управления поведением противостоящими «акторами» международных отношений и управления стоимостью.

После создания новой мировой посткризисной финансовой системы или существенной модернизации существующей, источником власти может стать не только неконтролируемая кредитная эмиссия, а интегральная «стоимость конкурентоспособности», не доллар, а «goodwill».

В истории развития «goodwill» США за последние 20 лет можно выделить несколько этапов.

1-й этап – конец 1980-х – конец 1990-х годов.

В этот период три (наиболее важные) составляющие мощи США были очень «велики»:

В экономическом плане США стали самыми развитыми. Этому способствовали бурное развитие информационных и финансовых технологий, а также то, что США остались единственным государством, которое могло позволить себе поддержание и развитие ВСЕХ существующих научных направлений. Значительный вклад в экономическое развитие США в этот период внесла программа по конверсии военных технологий и их интенсивное использование в гражданской сфере (например, Интернет). Также к этому можно добавить то, что после развала СССР и всего восточного блока у Запада и, прежде всего США, появилась возможность практически бесплатно получить научные и технологические разработки (в том числе и военного назначения) СССР и других бывших социалистических стран, а также «импортировать» значительную часть интеллектуального потенциала всего мира и в том числе СССР.

При этом бывший главный противник США СССР и его приемник – Россия в экономическом плане очень быстро деградировал и превращался в сырьевой придаток. Это открыло выход на большую часть ранее закрытых для США рынков сбыта, что позволяло достаточно эффективно (в смысле очень выгодно) обменивать высокотехнологичную продукцию на различного вида ресурсы. Еще более выгодно в реальные материальные ресурсы конвертировались «добрые советы» американских специалистов.

Китай, Индия и другие развивающиеся страны в то время хоть и бурно развивались, еще не представляли значительной экономической угрозы для США.

Но в развитии экономики США (и всего Запада) появились новые тенденции – сокращение собственного промышленного производства, особенно товаров народного потребления, ориентация имеющегося промышленного потенциала на новые высокотехнологичные направления в области химии, микробиологии, радиоэлектроники,

авиации и т.д., значительное увеличение в ВВП доли сектора услуг, виртуализация экономики.

С военной точки зрения США стали единственной сверхдержавой. Это позволило даже несколько снизить военные расходы (в первой половине 1990-х годов).

Проведенная военная операция в Ираке «для обуздания агрессора», которая в том числе выполняла функции крупномасштабных учений вооруженных сил США и крупномасштабных испытаний новых видов вооружений (авиация, разведка, связь, управление и т.д.) в реальных условиях, показала всему миру военное превосходство Америки.

Единственно, что омрачало это состояние – наличие крупных запасов ядерного оружия и средств его доставки в России, а также наличие у нее достаточно большого объема современных вооружений. Однако это легко компенсировалось высокой управляемостью российского руководства и активностью СМИ (в том числе и российских), ведущих «информационные войны» против российских Вооруженных сил.

В части «положительного образа» у США наступил «золотой» век: победа над «империей зла» и бурный экономический рост способствовали широкому распространению в мире американского образа жизни. Пожалуй, единственно, что в это время могло вызвать озабоченность США – это то, что ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция, Италия) стали позволять себе «слишком» много независимости, что вылилось в усиление экономической и политической мощи Евросоюза (в старом его составе).

2-й этап – конец 1990-х – начало 2000 г.

В экономическом плане положение США стало ухудшаться. Это определялось следующими факторами:

• надежды на развитие информационных технологий себя не оправдали (по крайней мере, так, как того ожидали);

• спрос на высокотехнологичную продукцию США оказался существенно ниже предложения, что потребовало для поддержания высокотехнологичных отраслей промышленности увеличения госзакупок в виде военного заказа;

• Евросоюз (в составе государств Старой Европы) стал мощным конкурентом для США, особенно после введения безналичного и наличного евро;

• усилилась экономическая мощь Китая, по крайней мере, в качестве производителя товаров повседневного спроса, что вызвало некоторую зависимость в экономическом плане от него и др.

С точки зрения «положительного образа» у США начались некоторые проблемы, обусловленные несколькими причинами:

• активное внедрение американского образа жизни в странах восточной Европы, в том числе России, и активное участие американских специалистов в управлении этими

государствами привели к резкому повышению отрицательного отношения к США со стороны обнищавшей части населения этих стран;

• нарастание, с одной стороны, экономической мощи развивающихся стран (Латинская Америка, и т.д.) и их желание оградить себя от очень плотной опеки со стороны США привели к тому, что в этих государствах к власти пришли политики левой и антиамериканской направленности;

• усиливающийся «положительный образ» Китая, основанный на его экономических успехах, давал пищу для сравнения экономической и политической моделей Китая и США далеко не всегда в пользу США;

• экономические проблемы в США вызвали настороженное отношение к ним. При этом появились первые публикации (например, Л. Ляруш), предрекавшие наступление скорого экономического кризиса и др.

В военном плане США не только остались сверхдержавой, но и начали резкое увеличение своего военного потенциала, в первую очередь за счет развития и активного внедрения новых высокотехнологичных видов вооружений.

Для компенсации указанных выше негативных явлений США предприняли ряд мероприятий, например:

• Для снижения экономической роли Европы и привлекательности евро как альтернативной доллару США валюты в 1998-1999 гг. была организована агрессия против Югославии (в начале 1999 г. Китай, Япония и др. страны объявляли о том, что планируют перевести часть своих золотовалютных резервов в евро. После войны в Югославии этот процесс на несколько лет существенно замедлился).

Также США способствовали усилению напряженности и неопределенности на новых границах Евросоюза и на важных транзитных каналах поставки ресурсов (в первую очередь, энергоресурсов), например, те же Югославия, Украина.

• Для снижения «самостоятельности» Евросоюза США активно способствовали включению в его состав государств Восточной Европы бывшего соцлагеря (Польша, Венгрия, Литва, Латвия, Эстония и т.д.), которые, во-первых, снизили экономический потенциал Евросоюза (со стороны стран старой Европы потребовались существенные вложения в экономику новых государств Евросоюза), во-вторых, поскольку руководство новых государств Евросоюза зависело от США и проводило их политику, резко снизилась внутренняя управляемость Евросоюза и опосредовано усилилось влияние США на весь Евросоюз.

• Для создания образа «жертвы» были использованы теракты 11.09.2001 г. (по крайней мере, идеологические, да и экономические результаты этих терактов были использованы очень эффективно). В результате:

а) удалось предотвратить надвигавшийся экономический кризис (его начало прогнозировали на ноябрь 2001 г. – см. Л.Ляруш /5, 6/);

б) привлечь в качестве сторонников к борьбе с «международным терроризмом» большинство стран мира, а ряд стран объявить рассадниками терроризма и угрозой миру (Иран, Ирак, Афганистан, Северная Корея и т.д.) – т.е. **эффективно создать образ врага**;

в) обосновать резкое увеличение военных расходов, которые были направлены на поддержку собственной промышленности;

г) провести военную операцию «по борьбе с распространением оружия массового поражения и международного терроризма» в Ираке (в том числе опять провести крупномасштабные испытания и учения);

д) получить согласие России и развернуть военные базы на территории СНГ в Центральной Азии;

е) и главное – **повысить goodwill США как жертвы терроризма и активного борца с ним**.

3-й этап. Начало 2000-х годов – 2008 г.

Этот этап в целом является продолжением второго этапа с появлением нескольких новых тенденций:

• резкое усиление виртуализации экономики США, раздувание финансовых «пузырей»;

• резкое увеличение военных расходов и соответственно увеличение военной мощи. Военные расходы США в середине первого десятилетия XXI века составляли около 50% от всех мировых расходов;

• усиление конкурентов США на мировой арене (Евросоюз, Китай, некоторое усиление России);

• на фоне этих тенденций - снижение положительного образа США.

После того как в 2008 году разразился экономический кризис, это отразилось на геополитическом статусе США.

Экономическая составляющая. Несмотря на то, что экономика США остаётся наиболее мощной, кризис показал, что у нее очень много проблем. В результате – снижение экономической мощи США, начались активные обсуждения вопроса о необходимости отказа от доллара США как резервной валюты (для справки, в начале XXI века статус доллара США как резервной валюты давал США до 1 трлн. долл. дохода в год), усиление экономической мощи Китая и других развивающихся стран и т.д. Пожалуй, главным здесь нужно упомянуть то, что реально появилась угроза борьбы с США экономическими методами (угроза выброса на международные рынки золотовалютных резервов Китая и других стран).

«Положительный образ». После того как мировой экономический кризис затронул практически все страны мира и почти все активное экономическое население мира, сформировался образ США как источника и причины экономических проблем.

Единственно, что стало существенно больше, так это военная мощь США. При этом опыт Ирака и Афганистана показал, что подавляющее военное превосходство не позволяет добиться быстрой и легкой победы в партизанской войне.

В этой ситуации перед руководством США встала очень важная задача – **резко улучшить «положительный образ»** *США* и тем самым, во-первых, способствовать улучшению экономической ситуации в стране, во-вторых, получить дополнительные возможности для управления конкурентным столкновением.

Эта задача весьма многоплановая и комплексная.

Одним из ее направлений может стать **политика «ядерного разоружения».**

Данная политика обладает рядом весьма существенных (с точки зрения США) достоинств:

• Сокращение ядерных вооружений (и других видов оружия массового поражения) создает положительный образ у практически всех людей на планете. Ведь «белые и пушистые» США предлагают избавиться от того, что угрожает жизни всех людей. Соответственно те, кто противится ядерному разоружению – угрожают всему миру, они «плохие», с ними нужно бороться.

• Обладая неядерным высокоточным оружием (в том числе неядерной компонентой стратегических наступательных сил), которое по своей эффективности уже близко к ядерному оружию малой мощности, и другими новыми видами вооружений (например, лазерным) США не очень сильно снижают свой военный потенциал.

• Даёт возможность (как это было в прошлые десятилетия) привлечь к решению своих военных проблем страны Западной Европы и других союзников или, по крайней мере, добиться от них более сдержанной экономической политики, учитывающей интересы США.

• Сокращение ядерного оружия в России при отсутствии у неё современных видов вооружений, разведки, связи и т.д. делает ее в военном плане практически безоружной (с одной стороны) и потребует резкого увеличения расходов на ликвидацию отставания в этих видах вооружений и очередной виток ядерных разоружений (с другой стороны).

• Развертывание США противоракетной обороны (независимо от способа ее базирования) при значительном сокращении ядерного оружия США и России делает ситуацию близкой к той, которая была в конце 1950-х годов, т.е. практически к ядерному доминированию США. Отличием будет являться то, что всегда можно будет сказать, что «ведь у них тоже есть ядерное оружие. В смысле обеспечения собственной безопасности ядерными средствами мы практически равны». При этом «противоракетная оборона не является наступательным оружием, поэтому-де она не угрожает другим странам, а только повышает военную безопасность США и всего цивилизованного мира от неадекватного поведения «стран-изгоев». При этом смена способа базирования перспективной ПРО с наземного (в Восточной Европе) на морской и/или авиационный позволит данной ПРО быстро адаптироваться к изменению текущей международной ситуации.

• Борьба за нераспространение ядерного оружия позволит активно и **«обоснованно» вмешиваться в дела государств**, которые подозреваются и/или проводят работы по созданию собственного ядерного оружия (например, Иран, Северная Корея) – «ведь мы (США) сократили свое ядерное оружие, а они его производят. Значит мы мирные, а они агрессивные. Значит нужно их остановить любыми средствами, в первую очередь – экономическими, но не исключаются и военные».

• Появляется возможность **«обоснованно» вмешиваться** во внутренние дела государств, уже обладающих ядерным оружием, но имеющих реальные или потенциальные проблемы (например, Пакистан). **При организации таких проблем на территории России** (по аналогии с Чечней и парадом суверенитетов начала 1990-х годов) можно будет «обоснованно» вмешаться и в наши дела.

• Взаимодействие РФ и США по сокращению СЯС будет способствовать в России активизации и повышению снизившегося за последние годы статуса «агентов перемен» (различного рода НКО, политологов, институтов и других субъектов прозападной либерально-компрадорской направленности).

Предложение США о ядерном разоружении для современной России может стать очередной **ловушкой**. Поскольку ядерные вооружения РФ по сути компенсируют «провал» в силах общего назначения, их сокращение нецелесообразно. Но прямое (простое) отрицание со стороны РФ ядерного разоружения может создать образ РФ как якобы «агрессивного государства», которое не желает «ликвидировать угрозу жизни на Земле для всех ее жителей» и способно защищать свои интересы только военными средствами – ведь (как это «вбито» в общественное сознание) ядерное оружие (в отличие от ПРО) является «наступательным».

Попытки объяснить большим массам людей нецелесообразность ядерного сокращения с использованием рассуждений о **необходимости обеспечения стратегической стабильности, достаточности параметров СЯС для решения задачи сдерживания (деэскалации конфликтов)** и др. **малоэффективны**, такие рассуждения понятны только специалистам. Тем более что давать такие объяснения придется на фоне рассуждений прозападно настроенных либеральных «экспертов». Они на основе «простых, доступных для понимания неправильных решений» обоснуют, что глубокие сокращения с сфере СЯС не только возможны, но и остро необходимы. Этот тезис словно мантры исступленно повторяют российские «агенты перемен» либеральных воззрений, усердные в стремлении оправдать отход от отстаивания интересов России в собственных глазах и в глазах народа неискушенного в военно-политических аспектах теории конфликтов. Чтобы противостоять их демагогии у наших военных экспертов нет ни опыта, ни умения вести информационное противоборство.

Таким образом, американские предложения могут поставить Россию перед «**выбором**» – либо действовать в интересах США и пойти на существенное снижение своего

геополитического статуса за счет снижения потенциала СЯС, либо, отказавшись следовать американскому сценарию развития будущего, снизить свой «гудвилл».

В данных условиях целесообразной поведенческой стратегией России должна быть поговорка: «Собака лает, караван идет».

Мы должны разъяснить, сколько и почему нам нужно ЯО и спокойно делать свое дело.

Вместе с тем, в свете вышесказанного необходимо указать на следующую ситуацию с «гудвиллом» России, в которую она попала. В общем, ее можно охарактеризовать как **«использование извне потенциала организации-объекта управления (России) для действий, которых эта организация в нормальных условиях не стала бы совершать»**.

Россия в настоящее время не в состоянии этому противостоять по двум причинам.

Во-первых, все наши попытки оказать противодействие информационной агрессии остаются в рамках так называемых технологий информационных войн «второго поколения», в частности, «Доктрины И.Панарина», практическая реализация которой не может быть ресурсно обеспечена. Технологии информационных войн «второго поколения» эффективны в «стационарных» условиях обстановки. В этом случае решающее значение для победы играет соотношение финансовых ресурсов конфликтующих сторон. Примером технологии информационных войн второго поколения являются технологии так называемых «цветных революций». Россия сейчас не располагает ресурсами, необходимыми для применения данных технологий с целью сдерживания информационной агрессии.

Во-вторых, в тяжелые девяностые годы в России был запущен механизм ее саморазрушения. Наши геополитические конкуренты через систему грантов поддержали и продвинули на ключевые позиции множество лиц, которые ныне в системе государственного управления и СМИ представляют их интересы. Помимо этого, в России при поддержке США и международных неправительственных фондов был создан ряд новых ВУЗов, к руководству авторитетных академических институтов, ВУЗов и кафедр были приведены «агенты перемен» (термин Д.Ильчмана и Г.Бенвенисты) психологически прикомандировавшие себя к Западу. Следует отметить, что ни фундаментальную, ни прикладную науку наши геополитические конкуренты, как правило, не поддерживают. В сфере их интересов в основном находятся экономический и гуманитарный циклы обучения и направления «научной» деятельности. В данной сфере готовятся управленческие кадры для государства и бизнеса. Эта сфера формирует ментальную модель россиян (систему убеждений). Лица и организации, представляющие интересы наших геополитических конкурентов, разрабатывают нормативно-правовую и нормативно-методическую базу отечественного образования, поддерживают атмосферу нетерпимости к критике их разрушительной деятельности. Любая критика расценивается как попрание «свободы» и «демократии».

Возникает **парадокс, чем выше темпы экономического роста России, тем больше ресурсов направляется на разрушение общества и государства**.

При этом наша политическая терпимость позволяет «заслуженным либералам» приносить любой вред стране.

Что касается возможностей российской стороны на переговорах с США по проблеме сокращения СЯС, то усилиями лиц и организаций, представляющих интересы геополитических конкурентов России сформировалась среда, в которой становятся весьма затруднительны действия, направленные на сохранение (повышение) ее геополитического статуса.

В связи с указанными обстоятельствами ответ России должен быть асимметричным. В первую очередь, находясь в рамках существующего информационного поля, целесообразно демонтировать механизм саморазрушения. Для последующих действий необходимо привлечение технологии войн третьего поколения – технологии интеллектуальных информационных войн, где исход противоборства не зависит от соотношений финансовых ресурсов конфликтующих сторон /7…9/.

К таким технологиям, в частности, относятся технологии сетевых войн.

При овладении новой системой технологий управления поведением «акторов» международных отношений основная деятельность российской стороны сегодня должна быть направлена на демонтаж механизма саморазрушения, **поскольку основные источники угроз ее безопасности находятся в самой России**. Работа в первую очередь должна охватывать сферы воспитания и обучения.

Информационные воздействия, направленные вовне, целесообразно в том числе организовывать и осуществлять через сети русской эмиграции.

Подъитоживая вышесказанное необходимо отметить, что США, выступая с инициативами о глубоких сокращениях СЯС, играют в беспроигрышную игру: «орел – я выиграл, решка – ты проиграл».

В условиях, когда Россия «обречена» пойти на сокращения потенциала своих СЯС, требуются решительные меры по недопущению обвального снижения ее геополитического статуса, по сохранению сдерживающих возможностей.

В этой связи необходимо отметить, что только военная сверхдержава (такая, как США) еще может себе позволить «смотреть сквозь пальцы» на деятельность внутри страны различного вида консорций, направленную непосредственно или опосредованно на снижение ее геополитического статуса. Для России, если она хочет сохранить сдерживающие возможности и не допустить обвального снижения своего статусного положения в Мир-системе, такое поведение недопустимо.

Надо отчетливо понимать, что существенно сокращая свои СЯС, мы уже достигли и перешагнули «критический порог сокращений». Данный шаг просто детерминирует для нас другие (очень даже непопулярные в либеральной среде) действия.

Процесс глубоких сокращений СЯС в России (невзирая на неизбежные протесты «заслуженных либералов») должен сопровождаться ликвидацией внутренней «пятой

колонны», демонтажем внутренних сетевых структур, созданных геополитическими соперниками России, формированием в обществе оборонного сознания. «Провал» в военной компоненте геополитического потенциала должен быть скомпенсирован подъемом «ассабийи», а также выходом из «Вашингтонского консенсуса» и переходом государства на новую финансовую систему (типа той, которая была в СССР и в Германии 30-х годов), когда рубль уже не будет «деривативом» доллара.

Если российская сторона не осознает необходимости целенаправленной информационной борьбы, мы рискуем проиграть в борьбе за обеспечение достойного статусного положения в мировой системе и покорно следовать американской политике по снижению геополитического статуса России за счет снижения потенциала ее СЯС.

В целом, учитывая вышесказанное, можно сделать общий вывод о том, что в нынешних условиях для Российской стороны целесообразно:

- основывать свои поведенческие стратегии на **«стратагемном поведении»** /10/, не отрицая в принципе возможность сокращений в сфере СЯС, но при этом предлагая **новые подходы** к ограничениям в сфере стратегических вооружений;
- **обусловить** процесс сокращений большим количеством условий, направленных на снижение военного превосходства США и стран Запада в обычных вооружениях. Реализация таких увязок должна потребовать для противостоящей стороны больших материальных ресурсов и времени;
- развернуть информационную войну, направленную на снижение потенциала «обычных вооружений» США и Запада**.** При этом на простых, понятных для обычного обывателя, далекого от вопросов эффективности вооружений, примерах показывать, что без решения этих проблем идти дальше нельзя.

Что касается пятого возможного варианта (сценария) развития будущего, то он будет подробно рассмотрен ниже в разделе «Зачем «обнуляется» Россия? Пятый сценарий (к вопросу о всеобщем ядерном разоружении)».

7 НА ОЧЕРЕДИ ОСТАТКИ ТАКТИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ РОССИИ

После обмена ратификационными грамотами по «Договору между Российской Федерацией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» (ДСНВ) «ядерный фактор» снова становится в центр Российско – Американских отношений. Спустя десять дней после процедуры обмена ратификационными грамотами начал «работать» один из **«скрытых параметров»** ДСНВ. В соответствии с поправкой сената США (поправка Сене Лемье 4/S.AMDN.4908) прием на хранение ратификационных документов (а именно с этого момента ДСНВ вступает в США в полную силу) должен быть проведен после согласия Российской стороны на переговоры по вопросу так называемой «**ликвидации дисбаланса»** в тактическом ядерном оружии (ТЯО) России и США (читай согласия на сокращение Российского ТЯО). И вот уже третьего февраля 2011г Б.Обама (выполняя требования сената) в письме, направленном ряду ключевых сенаторов, заявил о начале в ближайшее время переговоров с Россией, направленных «на устранение диспаритета между тактическими ядерными вооружениями РФ и США и на обеспечение безопасности и сокращение числа тактических ядерных боеголовок способом, поддающимся проверке».

Вместе с тем, как было отмечено выше, «международный фон», на котором должен проявляться « ядерный фактор», в настоящее время крайне неблагоприятен для принятия далеко идущих разоруженческих инициатив в сфере ядерных вооружений (ЯО), к которым толкают Россию.

Целый ряд факторов международной обстановки определяют для России объективные основания сохранения и поддержания на соответствующем (количественном и качественном) уровне группировки «нестратегического» ЯО (ЯО регионального сдерживания), как одного из наиболее важных элементов из «гиперкласса» средств «направленного воздействия» на участников межгосударственных конфликтов «высокой интенсивности».

Это тем более важно, поскольку уроки истории и особенно события последних десятилетий учат, что международное право как инструмент обеспечения интересов страны и, в том числе, ее безопасности не стоит и гроша, если нет вооруженных сил, способных его убедительно отстаивать.

Настойчивое стремление Запада к демонтажу Ялтинско-Потсдамской политической системы и развал (после распада СССР) сформировавшейся после второй мировой войны Мир-системы открывают «ящик Пандоры» с невиданными последствиями. В этой связи возникает очевидный вопрос – с чем мы их встретим? Вместе с тем, из анализа внешнеполитической деятельности России складывается впечатление, что наше руководство может недооценить нависшую над головой угрозу.

К такому выводу приводят, в том числе, и события последних лет, связанные с реализацией технологий внешнего «институционального» управления Россией по «втягиванию» ее в процесс «денуклеизации» на основе неуклонного и поэтапного снижения своего ядерного потенциала.

В этой связи необходимо отметить, что еще не так давно США в военном отношении тактическим ядерным оружием (ТЯО) России были не особо озабочены. Тем более, что с начала 1990-х годов Россия в одностороннем порядке приняла обязательство о значительном (на 75%) сокращении своего арсенала ТЯО и выводе носителей из пограничных районов. Эти сокращения затронули все виды ТЯО – наземного, морского и воздушного базирования.

Ликвидация российского ТЯО была предметом усилий в основном наших «Евродрузей», которые, пользуясь слабостью и бессубъектностью России в 2010г даже позволили себе выдвинуть требования об одностороннем создании на нашей территории двух «безъядерных зон» - Калининградской обл. и Кольского полуострова. В результате (по замыслу глав внешнеполитических ведомств Польши и Швеции) «денуклеаризации» подлежали территории, включающие в себя главные районы базирования Балтийского и Северного флотов. К сожалению, российская дипломатия оказалась не в состоянии поступить аналогично тому, как в свое время практиковал в подобных случаях великий русский дипломат и государственный деятель А.М.Горчаков. А именно, «выйти» со встречными предложениями к США «денуклеаризовать» их ядерные военно-морские базы в Норфолке и Сан-Диего. Что касается Великобритании, то в качестве адекватной встречной меры необходимо было бы предложить демонтировать ее ядерную военно-морскую базу в Фаслейне, а для Франции – соответственно в Бресте.

При несоизмеримом превосходстве потенциала сил общего назначения (СОН) США (НАТО) над Россией (рядом экспертов озвучиваются соотношения в диапазоне от 60:1 до 12:1) возникшая вдруг «озабоченность» США по поводу «диспаритета» в ТЯО требует пристального внимания и выявления как ее возможных мотивов, так и выработки соответствующих поведенческих стратегий в военно-политической сфере.

В качестве первой, лежащей на поверхности версии побудительных мотивов США является их стремление к расширению возможностей внешнего институционального управления Россией. Оно заключается в том, что целенаправленно ограничивается множество ее возможных действий в качестве реакции на происходящие глобальные процессы, включая дестабилизирующие события в военно-политической сфере. Такое ограничение может осуществляться путем «втягивания» России в систему международных Договоров, «каналирующих» процессы в ее военно-технической сфере в нужное (для Запада) русло. В этой связи организация сокращения Российского ТЯО представляется для США особенно актуальной, поскольку Заявления Российской стороны о развертывании потенциальных носителей ТЯО в последнее время были обязательным элементом реакции на всякого рода «расширения» НАТО, развертывание сил и средств ПРО в Европе и др. Как

«**политическое оружие»** ТЯО было востребовано российской стороной, и это стало особенно видно в последние два-три года. Американцы, вероятно, это заметили и «оценили».

Вторая версия (озвученная выше) побудительных мотивов для усилий, предпринимаемых США по ускоренному снижению ядерного потенциала России, также представляется достаточно очевидной – последовательное и управляемое снижение геополитического статуса России.

Исходя из результатов математического моделирования геополитической динамики, проводимого в Академии военных наук, сокращения российского ТЯО после выполнения условий нового ДСНВ «отбрасывают» Россию по «геополитической шкале» вниз в «геополитический аттрактор», покинуть который без кардинальных мировых потрясений (типа мировой войны) практически невозможно /10/.

Вместе с тем, понимая, что, к сожалению, мы можем оказаться «обреченными» на ведение переговоров по ТЯО и заключение соглашений в данной области, целесообразно, отложив (на время) рассмотрение 1-го «извечного русского вопроса» (кто виноват?), сосредоточится на 2-м (что делать?). И здесь нельзя не отметить, что перед началом переговоров по ТЯО Россия имеет (в принципе) **выигрышную позицию и может сравнительно просто ввести наших «контрпартнеров»по переговорам в состояние «цугцванга»** (когда все его «ходы» -плохие)**.**

Для этого необходимо выполнить несколько достаточно ясных условий.

Во-первых, «провести работу над ошибками», отказаться от практики следования в русле американских инициатив и не дать нашим «контрпартнерам» (как это было в переговорах по ДСНВ) в будущих переговорах по ТЯО «захлестнуть нас петлей цикла Бойда».

Во-вторых, для подавления «циклов Бойда» (базовой технологии организации США переговорных процессов) опереться на совершенно очевидное «железобетонное» основание - требование по выполнению первой и второй статей Договора о нераспространении ЯО (ДНЯО). В соответствии с ними США, вступая в переговоры, должны (и уже давно) вывести ЯО из следующих «неядерных» стран (участников ДНЯО!): Бельгии, Италии, Нидерландов, ФРГ и Турции на свою национальную территорию.

В-третьих, для выработки позиции российской стороны нам пора бы внимательнее ознакомится с **шестой статьей** ДНЯО, которую часто (как правило) упоминают как основание для «денуклеаризации» России. Вместе с тем, в ней говорится лишь о необходимости вести переговоры по ядерному разоружению. Но она также определяет необходимость договариваться и о сокращениях в области **«обычных» вооружений**.

В-четвертых, опираясь на формулировки шестой статьи ДНЯО, Россия должна (и имеет все к тому основания) требовать увязки сокращения (ограничения) в ТЯО с сокращениями в ударной компоненте СОН стран НАТО (в частности, с сокращениями крылатых ракет морского базирования).

В-пятых, позиция России должна основываться на том очевидном факте, что ТЯО - это оружие **регионального сдерживания**, и, следовательно, при определении договорных параметров российского арсенала ТЯО должно быть **учтено ЯО Франции, Великобритании, Израиля, Пакистана.**

Вместе с тем, анализ озвучиваемой за последний год позиции американских экспертов позволяет сделать вывод, что она отражает стремление США к усилению своего влияния и контроля в Европе, не учитывает сложившийся баланс сил в Европейском и других прилегающих к границам России стратегических районах, сравнительные возможности сторон по обеспечению национальной безопасности в оборонной сфере, в том числе:

многократное фактическое превосходство НАТО над Россией по количественным уровням обычных вооружений, и подавляющее превосходство по их боевым потенциалам;

наличие «нестратегического» ядерного оружия на вооружении ВС Франции, Великобритании, Пакистана и Израиля;

наличие и интенсивное совершенствование стратегической «неядерной» компоненты ВС США, включая силы и средства «быстрого глобального удара».

Если для США нестратегическое ядерное оружие после исчезновения «угрозы с Востока» имеет скорее **политическое значение** и призвано продемонстрировать их привержённость обязательствам о ядерных гарантиях союзникам по НАТО, то для России оно является важным средством парирования существенного превосходства вероятного противника в количественном составе и уровне технической оснащенности сил общего назначения, а также действенным инструментом противодействия вызовам региональной стабильности и внешним угрозам территориальной целостности страны.

Реальные перспективы достижения сбалансированных договоренностей в области нестратегического ядерного оружия остаются неопределенными. Это обусловлено не только возникшими проблемами политического, технического и экономического характера в мире, без решения которых приступать к новым переговорам было бы непоследовательно и преждевременно. По-видимому, определяющим является то, что складывающийся на региональном уровне баланс сил и долгосрочных интересов не способствует одинаковой заинтересованности различных государств в ограничении и сокращении нестратегического ядерного оружия в силу его различной значимости для обеспечения собственной военной безопасности и реализации своих внешнеполитических целей.

По нашему мнению позиция России на переговорах в области нестратегического ядерного оружия должна быть направлена в первую очередь на выработку договоренностей, обеспечивающих существенное снижение, а еще лучше - полную ликвидацию стратегической военной угрозы РФ со стороны НАТО, а также американских нестратегических ядерных и стратегических «неядерных» средств, размещенных в пределах досягаемости нашей территории. При этом для России необходимо сохранить возможность развития этого вида оружия как одного из важных элементов потенциала средств управления

конфликтами высокой интенсивности с «сильными акторами», обеспечивающего их деэскалацию на «поздней демонстрационной фазе» и на «доядерной» военной фазе и, в целом, региональное сдерживание и военную безопасность России. Подход к вопросам определения будущего нестратегического ядерного оружия России по нашему мнению должен основываться на том, что на обозримую перспективу такое оружие сохранит свое ключевое значение для поддержания баланса сил в Европе и других жизненно важных для безопасности России и ее союзников регионах.

В случае принятия политического решения о проведении российско-американских переговоров по нестратегическому ядерному оружию позиция делегации России, по нашему мнению, должна основываться на понимании необходимости сохранить в России на долгосрочную перспективу трехкомпонентную структуру нестратегических ядерных сил (воздушного, наземного и морского базирования, включающую ядерное оружие дальней авиации континентального радиуса действия и фронтовой авиации, Сухопутных войск и войск ПВО, морских сил общего назначения) как наиболее **эффективную и экономически состоятельную** независимо от изменения состава аналогичных средств на вооружении других ядерных держав.

Дальнейшие шаги по сокращению нестратегического ядерного оружия целесообразно базировать на следующих основных положениях:

- вопросы ограничения и сокращения нестратегического ядерного оружия следует обсуждать на международном уровне **только после того, как будет завершена технологическая модернизация ВС РФ** и определены основные параметры и направления развития ВС РФ, а потенциал неядерных сил общего назначения России позволит (хотя бы в обозримом будущем) обеспечить баланс сил для эффективного парирования военных угроз и региональную стабильность на прилегающих ТВД;
- нестратегическое ядерное оружие не может и не должно рассматриваться изолированно от других видов вооружений в прилегающих к России регионах, в первую очередь в Европе;
- **недопустимо механическое, изолированное** сопоставление нестратегических ядерных средств России и только американского ядерного оружия, развернутого в Европе в рамках стратегии НАТО. Если основываться на принципе досягаемости, то применительно к Европе речь должна идти о ядерных арсеналах **всех партнеров по НАТО** (США, Франция, Великобритания) с одной стороны, и России - с другой;
- для России американское тактическое ядерное оружие, способное достигать российской территории, имеет такое же значение, как и стратегическое ядерное оружие США, тем самым, оно является как бы добавлением для США сверх баланса, установленного российско-американскими договорами по СНВ. Одним из возможных решений этой проблемы является сосредоточение ядерных вооружений только на национальной

территории государств, ими обладающих;

- целесообразно разделение нестратегического ядерного оружия на ударное и **оборонительное** потому, что последнее скорее всего будет применяться в основном **над территорией страны обладателя такого оружия** и для России может оказаться, по сути дела, наиболее эффективным при защите особо важных объектов от средств воздушно-космического нападения, в том числе от ударов стратегических разведывательно-ударных комплексов типа В-2.

На первом этапе переговоров по нестратегическому ядерному оружию делегацией России могут быть внесены для обсуждения следующие вопросы:

- о гарантиях неразвертывания ядерного оружия на территории стран - новых членов НАТО;
- о выводе всех размещенных за рубежом ЯБП на национальную территорию соответствующих стран-изготовителей (в настоящее время, предположительно, на территории неядерных стран НАТО заскладировано сотни ЯБП американского и десятки ЯБП британского производства. При этом все ЯБП России и бывшего СССР находятся под надлежащим контролем на территории России);
- о запрете в мирное время на полеты самолетов-носителей ядерного оружия тактической авиации за пределы национальных границ и их базирование на чужих территориях (в настоящее время США базируют свои самолеты-носители ядерного оружия в Италии, ФРГ и Великобритании на базах ВВС Авиано, Рамштайн и Лейкенхит, соответственно; Великобритания - на авиабазе в Брюггене на территории ФРГ; Россия - только на собственной территории).

При положительном решении этих вопросов делегацией России может быть предложено рассмотреть на втором этапе переговоров:

- меры контроля неразмещения ЯБП на складах вне национальных территорий;
- перспективу частичной ликвидации нестратегического ударного ядерного оружия и высокоточного неядерного оружия большой дальности морского базирования, предназначенного для применения на континентальных ТВД;
- проблему создания безъядерной зоны в Центральной Европе;
- ограничение на создание и развертывание в Европе систем ПРО.

На третьем этапе переговоров целесообразно рассмотреть вопросы о возврате всех средств двойного назначения в пределы своих национальных территорий и ликвидации инфраструктуры для размещения ядерного оружия за рубежом.

При наличии благоприятных военно-политических условий только на четвертом этапе переговоров возможно рассмотрение вопроса об ограничении и поэтапном сокращении на многосторонней основе суммарного потенциала ядерных и обычных ударных вооружений, исходя из принципов равной безопасности

8 ЗАЧЕМ «ОБНУЛЯЕТСЯ» РОССИЯ. ПЯТЫЙ СЦЕНАРИЙ (К ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕМ ЯДЕРНОМ РАЗОРУЖЕНИИ)

8.1 «Ядерный гамбит» большой геополитической игры США

Как известно, одной из народившихся на свет, причем сравнительно недавно, глобальных инициатив «мировой общественности» является призыв к всеобщему сокращению ядерного оружия, материализовавшийся в виде движения «Global Zero». Что же, конечно, если судить с позиций «общечеловеческих ценностей», «цивилизационных идеалов», «бесконфликтного мира» и тому подобных парадигм светлого будущего человечества это вроде бы должно горячо приветствоваться. Однако, прежде, чем ратовать за подобные сокращения, необходимо, как обычно, рассмотреть этот вопрос с других, в том числе и более прагматичных, «приземленных» позиций.

В первую очередь необходимо вспомнить, что сегодня мы живем (и, по прогнозам специалистов, еще долго будем жить) в постоянном «силовом поле», в условиях противоборства государств, коалиций, а в перспективе и цивилизаций. Данное противостояние сегодня реализуется (явно или неявно) во всех основных сферах международной жизни: геополитической, экономической, информационной, военной и др. И главное, вероятность перерастания его в вооруженную, «горячую» фазу сегодня, как показывает ретроспективный и прогнозный анализ, не уменьшается.

На этом фоне естественно возникает вопрос: как повлияют эти благородные инициативы, если они все же будут реализованы, не на все полуабстрактное «человечество», а на конкретные государства, на их возможности обеспечивать свои базовые национальные интересы, главным из которых, как хорошо известно, является обеспечение военной безопасности. И в первую очередь нас интересует, конечно же, наша страна. Что приобретает Россия, пойдя на «глобальный ноль» и, самое главное – что она теряет?

С этих позиций и оценим основные геополитические и военно-стратегические последствия ядерного «обнуления» мира и, соответственно, России. Причем, данные последствия для нашей страны оценим в контексте интересов мирового лидера – Соединенных Штатов. При этом будем использовать количественные методы анализа системы международных отношений, которые, как известно, наиболее объективно и наглядно способны отражать влияния исследуемых процессов.

В качестве конкретного инструмента используется упоминавшаяся выше методология количественного прогнозирования динамики геополитических статусов (ГС) государств [11…14]. При этом основным показателем, на котором непосредственно базировались количественные оценки, являлась так называемая «геополитическая дистанция» (ГД), представляющая в общем случае текущую разность ГС двух стран мира. С помощью данного показателя можно наиболее наглядно оценить и количественно интерпретировать один из основных фундаментальных постулатов, лежащих в основе национальной стратегии

Соединенных Штатов – постулат неприемлемости для Америки потери мирового лидерства. Как было указано выше, анализ американских декларативных документов показывает, что доминирование, лидерство в мировой геополитической иерархии рассматривается американским руководством и политической элитой как необходимое условие процветания и развития страны в XXI веке). Таким образом, потеря лидерства в данном, конкретном случае количественно выражается в отрицательных значениях ГД между США и Китаем – главным на сегодня претендентом на мировое лидерство.

Основные «предметные» исходные данные включали текущие и прогнозные параметры ядерных потенциалов всех ядерных государств. По условиям расчетного «сценария обнуления» считалось, что сокращение происходит равномерно, начиная с 2015 года, пока в 2020 году не реализуется полный «ноль». (При этом первыми начинают США и Россия, а остальные страны подключаются к процессу по мере выравнивания ядерных потенциалов всех участников).

Полученные результаты показывают, на первый взгляд, невыгодность «глобального нуля» для США. И действительно, как видно из рис.8.1, США в этом случае теряют свое лидерство на всем рассматриваемом интервале прогнозирования (до 2050 года).

Рисунок 8.1 – Динамика ГД между США и Китаем в мирное время

Причем, образовавшееся геополитическое отставание от Китая будет более существенным (примерно в 1,5 раза), чем без сокращений, а, кроме того, оно реализуется на 5-6 лет раньше. Данный факт объясняется тем, что ядерное оружие США и Китая, в силу известной кардинальной неравнозначности (предполагалось, что к началу сокращений существующее сегодня количественное отношении ядерных боезарядов ~20:1 в пользу американцев сохраняется), вносит различный вклад в военные потенциалы этих стран. Причем это неравнозначный вклад не сглаживается даже соответствующим дисбалансом обычных вооружений. Соответственно негативный эффект «обнуления», сопровождающийся, к тому же, соответствующим снижением военных расходов (что было учтено в расчетном сценарии), больше всего затронет именно Соединенные Штаты.

Ответы на естественно возникающие вопросы («В чем же тогда выгода американцев? В какой сфере она расположена? При каких условиях реализуется?») можно получить, если рассмотреть ядерное оружие России с позиций его главного военно-политического «функционала», а именно – как основной инструмент реализации стратегического сдерживания потенциальных противников, главным из которых по-прежнему остаются США.

С этой целью и было реализовано сценарное количественное исследование динамики ГД между **США и Китаем** после гипотетического крупномасштабного военного конфликта между **Россией и Америкой**, «начавшегося» в 2021 году, сразу после «глобального обнуления» (принято, что Китай в конфликте «не участвовал»).

Результаты моделирования (рис.8.2) со всей очевидностью высвечивают теперь военно-стратегическую выгоду Америки: война со сравнительно сильной ядерной Россией (пусть даже находящейся в режиме ДСНВ), в том числе и при наличии системы национальной ПРО (которая учитывалась в расчетных сценариях) **бесперспективна!** И в первую очередь бесперспективна с точки зрения сохранения своего статусного положения в Мир-системе.

Рисунок 8.2 – Динамика ГД между США и Китаем после ядерной и безъядерной войны США с Россией

Как видно, в случае ядерной войны с Россией США однозначно теряют первенство в мировой геополитической иерархии и, более того, не восстанавливают его на всем рассматриваемом интервале прогнозирования. При «обычной» же войне, в условиях «глобального нуля», США **не только возвращают, причем очень быстро, утраченное лидерство, но и существенно увеличивают постконфликтную дистанцию с Китаем!**

Данное преимущество еще более очевидно при сравнении с «мирной» динамикой ГД (рис.8.3).

Рисунок 8.3 – Сравнение динамики ГД между США и Китаем в условиях мира и войны США с Россией при «глобальном нуле»

Этот «нелогичный», на первый взгляд, результат объясняется тем, что в условиях крупномасштабной войны происходит конкуренция двух главных процессов, определяющих «модельную» динамику ГС: увеличивающих (в основном, за счет радикального увеличения военного потенциала) и уменьшающих (вследствие военных потерь) геополитические атрибуты государства. Эта конкуренция, разумеется, была отражена в расчетном сценарии. Таким образом, «естественное», в условиях крупномасштабной «обычной» войны, кардинальное увеличение военного и военно-экономического потенциалов США не компенсировалось (как в случае ядерного конфликта) соответствующими потерями. Считалось, что обычными вооружениями, при современных тенденциях их развития, Россия не способна нанести существенный, сравнимый с «ядерным», ущерб США.

Полученные результаты позволяют сделать следующий главный вывод: **война с Россией (естественно, победная), причем, обязательно в условиях «глобального ядерного нуля» является практически единственным шансом США не утратить (точнее, быстро возвратить) однозначно теряемое геополитическое лидерство!** Конечно, при современных тенденциях развития основных геополитических параметров ведущих государств мира.

Именно поэтому, «глобально обнуляя» себя и других, временно «жертвуя», таким образом, своим актуальным геополитическим статусом (и, как следствие, «мирной» ГД), США **приобретают возможность** решить две главные задачи:

а) остаться на геополитическом олимпе и

б) убрать, попутно, Россию как одного из основных геополитических соперников. В последнем случае помимо указанной собственно геополитической задачи играют и другие причины, более низкого иерархического порядка, анализ которых мы здесь опускаем.

Необходимо отметить, что способ геополитического возвышения посредством «организации» (инициирования) глобального вооруженного столкновения (типа мировой

войны) хорошо известен из исторической практики и теории. На основе этого можно постулировать следующую закономерность: кардинальное изменение геополитической конфигурации мира, в том числе и обусловливающее возможность смены лидера, реализуется только при соответствующих радикальных изменениях геополитических атрибутов ведущих стран мира. А мировая война как раз и приводит, как показывает история, к таким изменениям. Существует, конечно, и «мирный» («холодный») способ свержения геополитического противника – по типу того, что произошло с Советским Союзом. Однако будем надеяться, что современное руководство России и ее национальная «нефте-газоэлита» все же не допустят очередной Беловежской пущи.

Интересно отметить, в исторической ретроспективе, что США уже трижды пользовались подобным способом. Как показывает анализ геополитической конфигурации мира **после мировых войн, США всегда получали в итоге существенную геополитическую выгоду**, увеличивая свой геополитический статус, изменяя в свою пользу ГД между мировым лидером или другим претендентом.

Так, в результате Первой мировой войны (рис.8.4) Соединенные Штаты почти на треть сократили геополитическое отставание от лидера – Британской империи.

Рисунок 8 4– Статусы ведущих стран в период 1914-1922 гг.

Более того, интересно отметить своего рода парадокс, выявленный количественно, и хорошо согласующийся с соответствующими выводами историков, – США оказались **единственным** государством (даже среди держав-победительниц!), которые в итоге увеличили свой ГС (по сравнению с его довоенным значением)!

Вторая мировая война «помогла» США стать мировым лидером (рис.8.5), а распад СССР, названный нашим Президентом «геополитической катастрофой XX века», избавил, правда, лишь на некоторое время, от опасного идеологического и геополитического противника.

Рисунок 8.5 – Статусы ведущих стран мира после Второй мировой войны

Тем не менее, это дало Соединенным Штатам лишь короткую передышку, поскольку почти мгновенно, по историческим меркам, появился («свято место пусто не бывает») новый претендент, новый геополитический соперник – Китай. По прогнозам политологов, с которыми совпадают и наши количественные оценки, смена мирового лидера должна произойти (при существующих тенденциях мировой геополитической динамики) примерно на рубеже 2025 года. И сохранить свое лидерство Америка сможет лишь организовав новое радикальное изменение геополитических параметров ведущих стран. При этом «мгновенность» такого изменения обеспечивает, как уже отмечалось, **только крупномасштабная война.**

Следовательно, чтобы априори исключить такой сценарий, Россия должна сохранить свой ядерный потенциал, причем на уровне, который будет гарантированно, при любых условиях ядерного конфликта с Америкой, обеспечивать потерю американского геополитического лидерства. Необходимо сохранить любой ценой наш постепенно слабеющий, но еще пока «геополитически эффективный» ядерный кулак. Обязательно сохранить. По крайне мере, до тех пор, пока у нас не появится соответствующий

альтернативный, неядерный инструмент, гарантирующий бесперспективность, для США, нового «военного» передела мира за счет России.

8.2 «Денуклеаризация России» как предпосылка ее второй «геополитической катастрофы».

Озвучивая «5й сценарий», авторы отдают себе отчет в том, что в их адрес от многочисленных «агентов перемен» последуют обвинения в «пещерном мышлении». Предпочитая смотреть на мир «чужими глазами», эти «квислинги», когда дело касается «ядерного фактора», действуют в «лучших традициях» И.Геббельса и А.Грамши, как мантры повторяя одни и те же положения о ненужности для России обладания ядерным оружием, высоким геополитическим статусом, о необходимости отказа от политики сдерживания и перехода к неким «новым» «партнерским» взаимоотношениям и т.д./34/.

«Агенты перемен», сформировавшие «российский кластер» международной группы «глобальный ноль» содействуют «денуклеариизации» России на уровне формирования и внедрения соответствующих архетипов в аффективную и когнитивную компоненты сознания основных базовых элементов системы принятия решений в военно – политической области. Пока это будет некритически восприниматься и от них не будет требоваться предъявления (для анализа) системы принципов достаточного основания фундирующей позицию о целесообразности «денуклеариизации» России небольшое, но исключительно активное так называемое «экспертное сообщество» сможет достаточно успешно «держать за горло» Российское Минобороны и ОПК.

Предлагая «5й сценарий», авторы считают необходимым уточнить используемый здесь термин «большая война». Содержание понятия «война» есть сложный в научном отношении концепт. Война это многоаспектное явление. Нам хорошо известно, что всяческих определений понятия «война» существует многие десятки. Все они лишь более или менее адекватно отражают его различные аспекты. Для придания операциональной значимости (повышения «эвристического потенциала») определение войны данное, например, Клаузевицем требует своего дальнейшего раскрытия. Универсального (операционального) определения такого сложного явления пока создать не удалось, да и нет смысла это делать. Если исходить из очевидного положения, что всякая деятельность должна быть целесообразной (т.е. сообразной некой цели), то давайте вспомним - зачем мы обсуждаем проблему «ядерное оружие и безопасность». В первую очередь, чтобы определить желаемый «образ будущего» для СЯС РФ (через «надцать» лет). А для этого может оказаться вполне достаточным учет лишь **«оружейного» аспекта** концепта «война».

В данном случае для определения рассматриваемого понятия можно несколько видоизменить определение войны данное Б. Г. Лиддел – Гартом и представить его следующим образом:

ВОЙНА – это такой **способ разрешения конфликта**, при котором ОТСУТСТВУЮТ ОГРАНИЧЕНИЯ НА МАСШТАБЫ, НОМЕНКЛАТУРУ И ТИПЫ СРЕДСТВ НАПРАВЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА.

Иначе говоря, по Б. Г. Лиддел – Гарту (его еще на Западе называют «Клаузевицем 21века») состояние войны характеризуется тем, что выживание противостоящего «актора» конфликта не рассматривается как ограничивающее условие при использовании совокупности «средств направленного воздействия».

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

Предметная область концепта «война» в общем случае включает следующие три гиперкласса методов направленного воздействия**,** охватывающие, по существу, все известные формы движения материи:

•гиперкласс «Оружие»: совокупность методов*, предназначенных для реализации искусственного разрушения или прекращения функционирования объектов и комплексов объектов;

•гиперкласс «Метаоружие»: совокупность методов искусственного создания с использованием технических и иных средств условий для реализации (инициирования) природных явлений и сами природные явления, вызывающие разрушение объектов и комплексов объектов или нарушающие (прекращающие) их функционирование;

•гиперкласс «Квазиоружие»: совокупность методов искусственного создания с использованием технических и иных средств условий для развития экономико-социальных явлений и сами экономико-социальные явления, вызывающие деградацию, нарушение или прекращение функционирования экономико-социальных комплексов объектов (в том числе государства и его институтов).

Примечание: *«Метод» здесь понимается как «средство воздействия» + «способ его применения».

Каждый гиперкласс является совокупностью огромного числа методов. Структура такой совокупности сложна и многомерна.

Методы из первого гиперкласса («Оружие») наиболее близки к традиционному пониманию сути оружия как средства силового воздействия на противника. Принципиальной отличительной особенностью этих методов является искусственное происхождение практически всех частных процессов, составляющих механизм порождения поражающих факторов и механизм разрушения (или подавления функций) объекта поражения. С энергетической точки зрения важен тот факт, что почти вся энергия на реализацию указанных процессов черпается из «искусственного источника» - взрыва химического ВВ, ядерных реакций в ядерном боеприпасе и т.д. (см. процессные схемы на рис. 8.6).

Во втором гиперклассе («Метаоружие») процессы искусственного происхождения составляют только часть механизма порождения поражающих факторов. Они служат для возбуждения (инициирования) природных процессов, которые могут идти и при определенных условиях идут в природе без вмешательства человека. Роль искусственных процессов - это роль "спускового механизма", обеспечивающего развитие природного процесса в нужное время в нужном месте с определенной целью. С энергетической точки зрения отличие второго гиперкласса от первого принципиально: подавляющая часть энергии черпается из эксплуатируемых природных явлений, то есть запасена в природе без вмешательства человека (см. процессные схемы на рис.8.6).

Методы из третьего гиперкласса («Квазиоружие») схемно подобны методам из второго гиперкласса за исключением того, что вместо «природных» явлений эксплуатируются «экономико-социальные». Основная энергия на развитие поражающих факторов здесь черпается также не из инициирующих искусственных процессов, а из инициированных экономико-социальных явлений. При этом различение «природных» и «экономико-социальных» явлений может осуществляться по следующим признакам: если хотя бы часть процессов данного явления протекает в ментальной сфере и эти ментальные процессы являются составной частью процессов функционирования институтов государства, на которое оказывается воздействие, то данное явление интерпретируется как экономико-социальное.

Каждый из названных гиперклассов может детализироваться по многим аспектам:

(1) - природа поражающих факторов;

(2) - механизм порождения поражающих факторов;

(3) - механизм разрушения (подавления функций) объекта поражения;

(4) - конструктивно-технологическая реализация указанных выше механизмов в используемых средствах поражения;

(5) - требования к средствам доставки средств поражения;

(6) - системные эффекты, порождаемые разрушением (подавлением функций) объектов поражения;

(7) - влияние внешних условий на эффективность применения различных методов;

и т.д.

В качестве иллюстрации на рис. 8.7 дано графическое представление структуры совокупности методов направленного воздействия, детализированное только по первому аспекту (в таблицах ему соответствуют первые две колонки). Приведенный граф качественно иллюстрирует существенное многообразие возможных видов методов даже при условии, что для «видообразования» используются только два признака – «форма движения материи в первичном процессе механизма порождения поражающих факторов» и «тип первичного процесса», раскрывающие первый аспект.

Рис 8.6 Качественные линейные схемы процессов применения методов (средств) направленного воздействия (t-время).

Рис. 8.7 Граф – иллюстрация структурной сложности предметной области проблемы (на «иллюстрации» раскрыты только некоторые ветви графа).

Таким образом «Большая война» рассматривается авторами в первую очередь как способ разрешения конфликтных противоречий связанных не в последнюю очередь с неравномерностью распределения ресурсов, как правило сконцентрированных не в «богатых» странах, а на полупериферии и периферии Мир-системы. Она, как было показано

выше, происходит на переходе от «понижательной» к «повышательной» волне «Большого кондратьевского цикла» составляющем период значительных геополитических и геоэкономических сдвигов.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

Мы часто употребляем конструкт «холодная война» в кавычках, тем самым как бы допуская определенную образность данного высказывания. Но нет. В свете приведенного выше определения «холодная» война была именно **войной.** И это не риторичское преувеличение. Она велась на основе следования новой парадигме войны составляющей суть «Теории непрямых действий» Б. Г. Лиддел Гарта /35/. Ее особенностями было неограниченное применение основными «акторами» средств направленного воздействия из гиперкласса «квазиоружие» и ограниченное применение средств составляющих гиперкласс «оружие».

Следует признать, что в третьей мировой («холодной») войне с Западным блоком СССР потерпел поражение.

Речь следует вести именно о **поражении** СССР, поскольку имеют место все признаки побежденной страны:

- утрата территорий (отпадение бывших республик СССР);
- утрата политической самостоятельности (в 90-е годы), установление режима внешнего управления;
- экономическое поражение (снижение ВВП почти в 2 раза, то есть сильнее, чем во время Великой отечественной войны), деиндустриализация страны;
- лишение самостоятельной финансовой политики, присоединение к режиму «Вашингтонского консенсуса» на правах полуколониальной страны, демонетизация экономики, и, в результате, реализация «мягкой формы» репарационных платежей;
- утрата идеологии (ценностей и смыслов), отказ от собственной истории;
- депопуляция (в том числе прямые потери населения), лишение будущего (деградация здравоохранения, системы образования

Экономические масштабы произошедшего наглядно иллюстрирует рисунок 8.8.

Таким образом, предлагая и обосновывая «5й сценарий», авторы не утверждают, что на следующий день после «деактивации» (согласно предложениям Global Zero) российского ядерного арсенала последует прямое военное нападение на нашу страну. Мы в параграфе 2.5 настоящей работы специально провели анализ содержания «умной обороны НАТО» и идентифицировали наличие фазы перехода к очередной «микрореволюции» в военном деле, которую образно определили в форме «От стратегии Клаузевица к Сунь-Цзы». В результате был сделан вывод о том, что в основу концепции «умной обороны НАТО» положена новая «побеждающая стратегия» войны (рассматриваемой как один из способов разрешения

международного конфликта), в рамках которой происходит переход к новым технологиям управления международным конфликтом с задействованием «силового фактора».

Рисунок 8.8 – Динамика ВВП США и России в XX веке (в долларах США 1990 г.). Источник: база А.Мэддисона [36]

В условиях новой концепции войны на стратегическом уровне управления международным конфликтом «высокой интенсивности» (начальная фаза войны) ведется активная подрывная деятельность (по Сунь-Цзы) с неограниченным задействованием технологий из гиперкласса «квазиоружие», включая технологии «информационных войн 2го поколения» (по терминологии корпорации РЭНД), организационного оружия» и др..

С учетом вышесказанного мы полагаем, что «Большая война» с Россией после ее «денуклеаризации» (или «деактивации» СЯС) может начаться не с прямого крупномасштабного военного нападения, а с неограниченного применения средств направленного действия из указанного выше гиперкласса «квазиоружие» и ограниченного применения средств из гиперкласса «оружие» в том числе посредством резкого усиления террористической активности на нашей территории в форме «насыщающего террористического нападения» /37/.

Цель воздействия – окончательное решение «Русского вопроса», дальнейший развал России (вторая «глобальная геополитическая катастрофа») и появление на ее пространстве ряда зависимых государств – доминионов находящихся под «жестким» внешним управлением.

Очевидно и не требует каких либо доказательств, что **для Запада совершенно неприемлемы риски связанные с распадом мощной ядерной державы**. Отсюда можно сделать вывод, что США активно готовятся к будущему возможному (в том числе и организованному извне) распаду России. Соответствующие сценарии уже «вывешивались» на сайте ЦРУ. Таким образом в рамках политики «денуклеизации» («ядерный гамбит

большой геополитической игры») решается задача **минимизации соответствующих рисков**. В свете вышесказанного необходимо отметить очень настораживающий факт, что сценарии распада России (см. выше на рис.4.8) подтверждаются результатами математического моделирования на основе использования теории борьбы условных информаций /2, 4. 11/. Хотя, как уже указывалось выше, возможны (см. выше на рис.4.9) и другие сценарии – **сценарии Евразийского объединения** /2, 4, 11/, которые фундируются высоким геополитическим статусом России **недостижимым без сохранения (усиления) ее ядерной мощи!**

Без сильной ядерной России Евразийский союз нереализуем, к чему так активно и стремятся США. Обладание мощным ядерным потенциалом должно дать России «окно возможностей» в процессе протекающих геополитических сдвигов.

И как бы мне хотелось, чтобы меня приняли в эту игру!
Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли…
Хотя, конечно, больше всего мне хотелось быть Королевой.
Л. Кэрролл «Алиса в Зазеркалье».

9 БОЛЬШАЯ ЯДЕРНАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИГРА ПО ФОРМУЛЕ «7+1»

9.1 По пути «благих намерений»

12 апреля, спустя всего 4 дня после подписания в Праге нового договора о СНВ и спустя год после объявленного там же Б. Обамой начала «большой ядерной игры» в Вашингтоне был проведен саммит «G-8» по проблемам ядерной безопасности. Это уже 2-й саммит «большой восьмерки» по данной глобальной проблеме, хотя обычно повестка дня не повторялась. Первый раз он уже проходил в 1995 г в Москве. Для его проведения с участием России даже была придумана оригинальная арифметическая зависимость - саммит «7+1», отражающая «стратагемный подход» наших западных «контрпартнеров» в их взаимоотношениях с Россией. Стратагемный, поскольку при реализации предлагаемой «формулы» в совокупности с повесткой дня саммита и деятельностью группы западных «шерпов» в процессе подготовки саммита – 1995 явно просматривалось стремление «взаимодействовать» с нами согласно стратагеме № 36 («стратагеме цепочки стратагем» по К. Криппендорфу) /15/. Она включает в себя стратагему № 4 («выманить тигра с гор на равнину») и стратагему № 10 («вытащить хворост из очага») /15/. Интересно отметить, что «арифметический подход» к России проявился также в 2009 г, когда очередной саммит (по финансово-экономическим вопросам) шел по формуле «8-1» !.

Складывается впечатление, что Россию («тигра») хотят видеть в «элитном клубе» стран («выманивают на равнину») в основном по вопросам, существенно затрагивающим ее геополитический потенциал (ядерное оружие, ядерный оружейный комплекс, ядерная энергетика и др.) для того, чтобы попытаться его **снизить** («вытащить хворост из очага»). А, если дело касается «серьезных вопросов», существенно затрагивающих интересы ведущих держав «золотого миллиарда», то уж извините,- «это вас (т.е. нас) не касается».

Нельзя не отметить, что упомянутая выше встреча «G-8» имела ряд интересных особенностей, отличающих ее от аналогичных встреч:

1. Во-первых, американской стороной она была умело хронологически увязана с переговорным процессом по подготовке нового Договора о СНВ. Как уже отмечалось, Российская сторона на переговорах была «зажата» сроками саммита «G-8» по проблеме ядерной безопасности, намечавшимися на апрель 2010 г. Без ущерба для «goodwill» страны Россия просто не смогла «выйти» на саммит «G-8», не подписав ДСНВ. Это дало большие преимущества американской стороне на переговорах и существенно ограничило российскую

сторону в возможностях исключения «скрытых» дестабилизирующих параметров в новом соглашении. В результате Россия была вынуждена фактически отойти от позиции, озвученной ее руководством в апреле 2009 г по взаимоувязке в новом договоре комплекса вопросов, определяющих стратегическую стабильность. Далее, Российскую сторону, не успевшую «прийти в себя» после переговоров по ДСНВ, «втянули» в новые обсуждения вопросов (и принятие соответствующих решений), затрагивающих в том числе ее ядерный оружейный комплекс (ЯОК), например, по запрещению производства делящихся материалов. А эти решения напрямую связаны с обеспечением ядерным топливом для реакторов судов с ядерными энергетическими установками (АПЛ и др.). Такое «сжатие» времени переговорного процесса позволяет сделать вывод, что Россию пытаются «затянуть» в систему договоров, соглашений и т.д., **каналирующих развитие ее СЯС и ЯОК в нужное для США русло**, т.е. осуществить внешнее «институциональное управление» российским оборонно-промышленным комплексом.

2. Во-вторых, она происходила на фоне повышенной активности международной группы «Global zero» («G-Z»), хронологически согласованной с процессом подготовки нового ДСНВ и встречей «G-8». Анализируя деятельность «G-Z» в совокупности с активностью «мыслящей паутины» из Российских групп влияния («агентов перемен»), психологически прикомандировавших себя к Западу, можно видеть признаки «молекулярной агрессии» (по А. Грамши), направленной против российского ядерного потенциала.

В целом, рассматривая хронологию происходящих событий вокруг «ядерных проблем» и связанную с ней активность наших западных «контрпартнеров» по переговорам через «концептуальную лупу», складывается общее впечатление об управляемом сжатии «внутреннего времени переговорной системы» (затрагивающей в той или иной степени российский ядерный потенциал и ЯОК), проводимом на фоне упомянутой выше «атаки мыслящей паутины».

Россию «сжали петлей OODA» Дж.Бойда (Observe – наблюдай, Orient – ориентируйся, Decide - решай, Act – действуй), которая уже давно превратилась в США в стандарт цикла принятия решений в военно-политической сфере.

3. В-третьих, подготовка к «G-8» шла в условиях глубокой конфиденциальности, почти не комментировалась СМИ (включая электронные). Результаты деятельности «шерпов» не выходили за рамки очень «узкого круга лиц» и не обсуждались в кругу военных и научных экспертов по рассматриваемой проблеме. Это заметно отличает проводившийся саммит от аналогичного московского саммита 1995 г, подготовка к которому (под руководством Ю.Батурина) шла в условиях проведения глубокой **научной экспертизы** предложений западных «шерпов», выработки на **научной основе** позиции Российской делегации, проводившейся двенадцатью (!) научными организациями (Минобороны, Минатома, РАН и др.) при общей головной роли Академии военных наук. По

всей видимости чиновники МИДа с тех пор так «выросли», а «креативность» новых так называемых «эффективных менеджеров», рекрутированных в ГК «Росатом» из бизнес-структур (и слегка «потренированных» господином Щедровицким-мл.) такова, что они могут решать **сложные междисциплинарные проблемы** в ядерной сфере и без этой «путающейся под ногами науки». Тем более, как известно из Салтыкова-Щедрина, что только те науки имеют право на жизнь, которые способствуют внедрению начальнических предписаний.

4. В-четвертых, для саммита был характерен исключительно широкий спектр обсуждаемых вопросов.

Если обобщить скудные сообщения, посвященные встрече, то, в круг обсуждаемых вопросов были включены следующие:

1. Введение полного моратория на ядерные испытания;

2. Запрет на производство материалов, которые могут применяться для изготовления ядерного оружия;

3. Ликвидация неких «черных рынков» в области материалов для производства ядерного оружия («отслеживание и уничтожение маршрутов их транзита»);

4. Обеспечение безопасного развития ядерной энергетики в мире.

5. Укрепление авторитета Договора о нераспространении ядерного оружия и основанного на нем режима нераспространения.

6. Содействие контрольным функциям МАГАТЭ, создание нормальных предсказуемых условий для доступа неядерных стран к мирному атому.

7. Пресечение незаконного оборота ядерных материалов, предотвращение распространения террористической активности на ядерную сферу.

8. Захоронение радиоактивных отходов.

9. Иранская ядерная программа;

10. Корейская ядерная программа.

Широкий спектр обсуждаемых вопросов объясняется спецификой физических процессов, сопровождающихся высвобождением в больших масштабах ядерной энергии, принципиальной сложностью задачи контролируемого использования этой энергии в интересах человечества и обусловил необычный характер конференции. При этом необходимо отметить, что любые обсуждения в области использования ядерной энергии прямо или косвенно связаны с созданием ЯО и затрагивают в той или иной мере вопросы обеспечения военной безопасности государств, которые вряд ли удастся вывести за рамки обсуждаемой проблематики.

Как следует из материалов печати и высказываний ведущих политических деятелей целью проводившейся конференции следует считать выработку общественного мнения о необходимости установления всеобщего действенного контроля в ядерной производственной сфере и подчинения его задачам обеспечения безопасности ядерной

промышленности, нераспространения ядерного оружия и, в конечном итоге, недопущения использования ядерной энергии в военных целях.

В целом, оценивая обсуждаемые вопросы с позиции национально-государственных интересов России, необходимо отметить следующее.

Время, когда декларативная политика МИДа на международном уровне и практическая деятельность в области ядерного оружия были независимы, ушло в прошлое. Практически каждое решение, принимаемое по ядерному оружию и ядерной безопасности на международном уровне, влияет на формирование определенных процессов внутри государства и ядерного комплекса в частности. Как правило, все они связаны с огромными материальными затратами, не стимулирующими экономическое развитие страны и укрепление военной мощи государства.

В этом плане подготовка международного форума должна была бы быть спланирована так, чтобы не допустить принятие решений, усиливающих процесс одностороннего ядерного разоружения России.

Что касается направленности проводившегося саммита на противодействие «горизонтальному распространению» ЯО, то в этой связи необходимо отметить следующее.

Американское руководство, признавая положительное влияние ДНЯО на процессы ограничения «горизонтального распространения», стало в своей деятельности все больше склоняться к крайней позиции, состоящей в том, что «традиционная политика обеспечения нераспространения продемонстрировала свою несостоятельность».

Впервые указанная позиция была озвучена в выступлении Минобороны США Лес Эспина в Национальной Академии наук 7 декабря 1993г. Все дальнейшие события, происходящие на международной арене, подтвердили готовность США к «силовому» решению проблемы «горизонтального распространения»

В многочисленных предложениях видных американских политиков по вопросу обеспечения режима нераспространения просматривается мысль о необходимости «наказания» государств, в отношении которых будут иметься подозрения о проведении ими неразрешенной ядерной деятельности, с превентивным использованием вооруженных сил для разрушения объектов ядерной инфраструктуры.

Исходя из того, что "политика, в основе которой лежал отказ от продажи ядерных материалов и технологий, рассматривается как недостаточная для того, чтобы справиться с масштабами угрозы со стороны потенциальных распространителей оружия", в США уже давно обсуждается концепция "контрраспространенческих" военных действий против стран, в отношении которых будут иметься подозрения о проведении неразрешенной ядерной деятельности. Эта концепция наряду с задействованием сил общего назначения в рамках концепции «глобального удара» даже допускает использование новых ЯБП сверхмалой мощности для разрушения объектов ядерной инфраструктуры /16/. Несмотря на «вялотекущее сопротивление» Конгресса, исследования и разработки в части базовых

технологий подобных ЯБП (так называемых "мини-ньюков"), ведутся, что позволяет США сохранять научно- технический и производственный потенциал ядерного оружейного комплекса. В этой связи важно отметить, что США не ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и поддерживают в «рабочем состоянии» штольневый комплекс на Невадском полигоне. Важным обстоятельством является также то, что с использованием эффекта «декаплинга» можно провести неконтролируемые испытания таких ЯО (сверхмалой мощности) /17…19/. Это показал в том числе советско - американский эксперимент на семипалатинском и невадском испытательных полигонах по контролю Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ЯО /18, 19/.

С конца 90х годов правительственными кругами США в качестве нового базового элемента военно-технической политики выдвигается «Оборонная инициатива против оружия массового уничтожения». Военно-техническая часть указанной программы направлена на совершенствование военного потенциала путем создания неядерных контрсиловых систем, позволяющих уничтожать средства доставки ОМП (в основном речь везде идет о ракетных комплексах) на различных этапах их функционирования, а также системы защиты территории страны от баллистических ракет и системы противоракетной обороны выдвинутой на театр военных действий (ПРО ТВД).

Анализ действий США в военно – технической области дает основания для вывода о том, что «под флагом» новой оборонной инициативы обосновывается разворачивание технологической гонки вооружения на базе реализации результатов так называемой «третьей военно-технологической революции».

В представленном Президентом США докладе Конгрессу «Стратегия национальной безопасности» определяется, что: «США сохраняют за собой способность нанести удар по тем странам, которые захотели бы применить оружие массового поражения (ОМП), чтобы последствия нашего удара значительно превосходили выгоду от использования ОМП».

В обеспечение решения указанной задачи Администрацией США и руководством Министерства обороны (МО) и спецслужб реализуется комплексная система военно-технологических и политических мер, включающая в себя следующие компоненты /19….31/:

1. Сдерживание потенциала опасности, распределенного в РФ и Китае, что выражается в следующих мерах:

- Повышение стратегического контрсилового потенциала вооруженных сил (ВС) путем усиления возможностей стратегических наступательных сил (СНС) США по поражению межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) Российской Федерации (РФ) за счет использования неядерных средств, созданных на основе результатов «третьей военно-технологической революции» [21].

- Поддержание необходимого ядерного арсенала с «пропорциональным количеством вооружений»/31…33/. Создание условий, при которых РФ не сможет в случае ее выхода из режима заключенного Договора СНВ в сравнительно короткий период восстановить уровень стратегических ядерных сил (СЯС) для чего еще с середины 90х годах были предусмотрены:

а) скупка делящихся материалов из снимаемых в РФ с вооружения ядерных боеприпасов (ЯБП) и переработка их в США в топливо для атомных электростанций. В этих целях в США открыта специальная корпорация USEC;

б) установление эффективной системы контроля за соблюдениями РФ положений заключаемых Договоров о СНВ, включая существенное усиление потенциала национальных технических средств контроля и интенсификацию агентурной деятельности в указанном направлении;

в) обеспечение возможности по резкому наращиванию СНС США при выходе из заключаемых Договоров о СНВ /23…33/;

г) организация договорного процесса по дальнейшему снижению количественного состава СЯС РФ

2. Политику нераспространения ОМП включающую:

- жесткий экспортный контроль, расширение круга стран входящих в режимы ядерных и ракетных технологий, Австралийскую группу;
- прямое военное противодействие странам, стремящимся развивать потенциал ОМП и средства доставки;
- подготовку новой редакции Договора по нераспространению ядерного оружия, расширение круга входящих в него стран;
- проведение политики поддержки спецслужбами США действий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), организация тайных операций против «пороговых» стран, т.е. стран имеющих промышленную и научно-техническую базу создания ядерного оружия (ЯО).

Как следует из вышесказанного, все концептуальные положения, отражающие суть «сдерживания потенциала опасности распределенного в России» вошли составной частью в базовую методическую парадигму подготовки всех последующих разоруженческих соглашений в сфере СЯС. Приходится к сожалению констатировать, что в России указанные выше положения до сих пор остаются как бы ненаблюдаемыми.

США готовят почву для «легитимизации» на международном уровне планов «контрраспространенческих» действий военного характера с привлечением для этой цели структур НАТО, Евросоюза, ООН и т.д.

Очевидно, что указанные предложения американских политиков в силу геополитического положения России противоречат интересам обеспечения ее национальной безопасности.

В условиях современной военно-стратегической ситуации и экономического положения страны для России, по-видимому, целесообразно с осторожностью подойти ко всякого рода предложениям, предусматривающим военное или экономическое «наказание» государств, в отношении которых будут выдвинуты обвинения в незаконной (для членов ДНЯО) или опасной ядерной деятельности. Такие планы подразумевают прежде всего действия против государств, расположенных в непосредственной близости от территории России, причем со многими из которых у России традиционно хорошие отношения. При этом многие из указанных государств являются перспективными импортерами нашей наукоемкой продукции (промышленных технологий, вооружений и т.д.).

Необходимо также отметить, что выработка и реализация под международным контролем плана совместных действий по борьбе с хищением и незаконным вывозом в третьи страны ядерных материалов без решения глобальных вопросов международной безопасности **не дает безусловной гарантии предотвращения незаконного распространения ядерных технологий**, особенно на долгосрочную перспективу. Такой план является попыткой **борьбы со следствием, а не с причиной.** Не устранив основополагающую причину (либо не выработав действенных мер по ее устранению) – желание обладать ядерным оружием и его политическую привлекательность – такие попытки заведомо не могут исключить возможности катастрофических последствий, особенно с учетом того, какими средствами будут располагать и какие обходные пути могут использовать лица (государства), желающие незаконно приобрести ядерные материалы.

Комментируя повестку дня проводившегося саммита «G-8», необходимо отметить, что участникам саммита с западной стороны, очень озабоченным проблемами «горизонтального распространения», для введения действительно эффективных мер по нераспространению в первую очередь надо бы **убедительно объяснить**, почему Израилю, Пакистану, Индии – **«можно»**, а Ирану, Северной Корее и другим пороговым странам - **«нельзя».** При этом (только подозреваемый в связи с так называемым «международным терроризмом») Иран – **прагматичная, устойчиво управляемая страна**, а ядерный Пакистан – фактически центральная база движения «Талибан», «Аль-каиды» и т.д. Вызывает удивление (и вопросы), почему Запад вкупе с Российским «экспертным сообществом либеральных воззрений» усиленно «не замечали» хотя бы того скандально вопиющего факта, что вооруженные силы движения «Талибан» в 2008 г контролировали обширную территорию, расположенную почти в 300 км от столицы Пакистана!? При этом весьма боеспособную пакистанскую армию заставляли воевать с ними буквально «пинками» американских советников.

Вот где надо «бить в колокола» и в первую очередь решать вопросы нераспространения, непопадания ЯО и делящихся материалов в руки террористических организаций - в Пакистане, а не в Иране, который хочет, в основном, чтобы его оставили в покое и дали возможность самому распоряжаться своими природными ресурсами. Что касается Северной Кореи, то проблема, как представляется, может легко решиться в обмен за рис, нефтепродукты и гарантии невмешательства в ее внутренние дела.

Существует еще один важный аспект проблемы нераспространения, который усиленно «не хотят замечать» западные и российские «денуклеаризаторы». Это – «Израильская проблема».

Идущие в настоящее время (объективные) мировые процессы привели к следующему эмерджентному эффекту, в значительной мере определяющему изменение геополитических потенциалов противостоящих «акторов» Ближневосточного конфликта.

1. У Израильского населения происходит снижение ассабийи. Молодое поколение Израиля все больше «вестернизируется» (все чаще «выбирает пепси»). В целом «личная годность человеческого материала» вооруженных сил по сравнению с прошлым веком снижается.

2. При этом в окружающих странах «исламского мира» наметился пассионарный подъем, резко возросла рождаемость, растет экономика. Все это приводит к геополитическому дисбалансу в сторону исламских стран.

В этой связи у Израиля остается единственная возможность повлиять на неблагоприятный «геополитический тренд» - это обладание собственным ядерным оружием и средствами доставки вплоть до средней дальности.

Таким образом, из-за невозможности объяснить, почему Израилю «можно», а другим странам «нельзя», возникает концептуальный «ядерный тупик». И никакие призывы, угрозы, санкции, решения «G-8» здесь в принципе не могут помочь.

В свете анализируемых вопросов необходимо отметить следующее. Западная сторона все чаще предлагает рассматривать экономический аспект проблемы обеспечения техногенной ядерной безопасности исключительно в направлении выполнения требований "осуществления необходимых политических реформ", а также преобразования атомной энергетики под контролем международных финансовых организаций в интересах развития "рыночно - ориентированного энергетического сектора". В этих условиях возможность получения Россией дополнительных ресурсов для решения приоритетных проблем ядерной безопасности в виде прямых инвестиций в ядерный комплекс вызывает сомнения. Не ясно также, каким образом при предлагаемом преобразовании ядерно-энергетического сектора может быть решена проблема периодической наработки трития, необходимого для обеспечения нормального функционирования ядерных боеприпасов.

Это свидетельствует о попытках поставить под контроль и управлять ядерным оружейным комплексом России. Подобные попытки под разными предлогами, в том числе

под прикрытием ложного тезиса о большей действенности международной системы обеспечения безопасности по сравнению с национальной, предпринимались США и ранее (в том числе и при подготовке к саммиту 1995г). Отмеченное обстоятельство указывает на прямую связь обсуждаемого вопроса с проблемой обеспечения военной безопасности России.

9.2 Что скрывается за словами об укреплении ДНЯО?

Известный афоризм, высказанный Шарлем Морисом де Талейраном, о том, что «язык нужен, чтобы скрывать мысли», постоянно приходит на ум, когда знакомишься с материалами, сопровождавшими предварительный и рабочий этапы Обзорной конференции ООН 2010г. по вопросу ДНЯО, а также саму ее работу.

Данный международный форум подвел своеобразный итог в цепочке (кластере) значимых событий мировой политики 2009 – 2010 гг., формирующих «глобальное сообщество» в рамках комплекса проблем, непосредственно или опосредовано связанных с ядерным оружием.

Сегодня отчетливо видно, что «ядерный фактор» в международных отношениях снова оказался в самом центре глобальной политики, поскольку после провала Обзорной конференции ООН в 2005 г. проходившая конференция представлялась последним шансом хоть как-то укрепить слабеющий режим ДНЯО.

И это важно для Запада, так как основу создаваемой им системы политических отношений составляет деятельность, направленная на сохранение существующего порядка распределения власти и ресурсов.

В этой связи необходимо отметить, что имеющее место явное ослабление роли ДНЯО объективно отражает состояние кризиса системы международно-правового регулирования, которое возникло в результате распада Версальско-Вашингтонской модели мировой политической системы (завершившегося Второй мировой войной), а затем и активным демонтажом Западом Ялтинско-Постдамской системы.

Как представляется, указанное ослабление роли ДНЯО в современных условиях неизбежно, поскольку сам по себе Договор являлся продуктом декларативной политики. Он не помешал (да и не мог помешать) «горизонтальному распространению» ЯО, появлению данного оружия у Индии, Пакистана, Израиля, Северной Кореи, ЮАР. И это обусловлено тем очевидным фактом, что стабилизирующая роль Договора держалась и держится только на усилиях государств-лидеров Мир-системы, поскольку он имеет явно дискриминационный характер. Невозможно внятно объяснить, почему, например, одним странам можно иметь ЯО, а другим нельзя.

В настоящее время в мире складываются две противоречивые тенденции: идут процессы ядерного разоружения и происходит все более активное использование ядерного

фактора государствами для обеспечения своих национальных интересов. При этом возможность и стремление ряда государств использовать ядерный фактор для достижения своих целей в современных условиях усиливается.

Задействование ядерного фактора для достижения целей и разрешения противоречий (конфликтов) зависит от их остроты, уровня развития, экономической и военной мощи вовлеченных государств, «общей стоимости» разрешаемой проблемы и других обстоятельств. Так, при разрешении экономических противоречий страны с мощной экономикой могут в принципе обойтись без применения военной силы, поскольку у них существует широкий спектр способов экономического характера для управления конфликтами. У страны с неразвитой или кризисной экономикой возможность достижения своих целей подобными способами весьма ограничена и, если решимость отстоять свои интересы высока, то она может опираться только на мощь вооруженных сил. Такое положение дел в значительной мере обусловливает притягательность ядерных вооружений для большинства государств с невысоким уровнем развития экономики, которые им не обладают. При этом политика Запада делает все возможное, чтобы усилить указанные выше дестабилизирующие тенденции.

Здесь необходимо указать на то, что отмеченные многими аналитиками процессы, идентифицируемые как «восстание Азии», не могут не вызывать существенного беспокойства Запада и его активизации по недопущению появления новых ядерных стран. То есть грабить страны с неразвитой экономикой, потреблять львиную часть ресурсов планеты Запад хочет «неконвенционально», а вот воевать, отстаивая это «право», хочется исключительно «конвенционально» в основном в форме шоу «бесконтактных войн» в условиях отсутствия противодействия с использованием ОМП.

Важным фактором провала усилий по предотвращению «горизонтального распространения» представляется все усиливающаяся тенденция увеличения «геополитической дистанции» между Исламским миром и Израилем, что вынуждает его к сохранению своего ядерного статуса как последней надежды обеспечения военной безопасности. Данное обстоятельство сразу же заводит в тупик проблему денуклеаризации Пакистана и обеспечения нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке.

Указанные проблемы в конечном счете привели к срыву Конференции 2005 г., на которой не удалось достигнуть консенсуса ни по одному из вопросов, направленных на укрепление Договора. Присутствовавшие делегации даже отказались подтвердить обязательства, принятые на предыдущих конференциях.

Были ли учтены причины провала в 2005 г. при подготовке к Обзорной конференции 2010г. и могла ли она закончиться успехом, причем успехом реальным, а не «виртуальным»?

Если проанализировать подготовленное перед началом конференции «Заявление Китая, Франции, России, Великобритании и США на Обзорной конференции 2010 г. Договора о нераспространении ядерного оружия», то складывается впечатление, что вряд ли возможен

какой-либо реальный, а не декларируемый успех в вопросах нераспространения. В указанном заявлении все проблемные вопросы, обуславливающие процессы ядерного распространения либо старательно обойдены, либо на них даны весьма уклончивые ответы в стиле декларативной политики.

Одновременно центральным пунктом обсуждений рассматриваемой проблемы, выдвигаемым под давлением США и других западных стран, опять выдвигался «Иранский вопрос». При этом по отношению к Ирану, который является членом ДНЯО, применяется своеобразная **презумпция виновности**. Запад, и прежде всего США, постоянно выдвигают к нему требования в форме: «ты докажи, что…», «ты сними подозрение…». В то же время сами «озабоченные» страны находятся в своеобразной «позиции Станиславского» с его знаменитым «не верю!», не обращая внимание на то, что после иракских событий эта позиция просто неприлична.

Представляется, что западные политики в качестве динамических психологических стереотипов поведения по отношению к Ирану взяли «метод» римского сенатора Катона - старшего, который все свои выступления на любую тему заканчивал фразой: «И впрочем Карфаген (т. е. Иран) должен быть разрушен» (А «главной» во все времена должна оставаться Америка). В этой связи нельзя не согласиться с мнением Э. Гамильтона, высказанным им в статье «Не стоит зацикливаться на иранском вопросе» («The Independent», Великобритания): «…Америка возвела Тегеран в ранг главной угрозы миру во всем мире. Даже если отложить в сторону вопрос о том, действительно ли Иран твердо вознамерился пойти по пути Северной Кореи, очевидно, что для старых ядерных держав его демонизация стала полезным тактическим ходом.

США пользуются ядерной программой Ирана для оправдания своей поддержки Израиля. Израиль пользуется воинственными заявлениями Ахмадинежада, чтобы требовать поддержки у Вашингтона, намекая на то, что в случае бездействия США он в одностороннем порядке нанесет удары по ядерным объектам Ирана.

Для британцев Иран - это вопрос, позволяющий им показать американцам свою полезность, оправдать продолжение собственной ядерной программы и решимость модернизировать ядерный арсенал, проявляемую как тори, так и лейбористами. Французы, со своей стороны, только рады тому, что есть такой вопрос, который отвлекает внимание от их собственного арсенала.

Но дело в том, что Иран подписывал ДНЯО, принимал у себя международные инспекции, хотя и с ограничениями, и - несмотря на утверждения Клинтон об обратном - МАГАТЭ не уличило его в нарушении положений договора. Рациональная интерпретация существующего положения вещей - а если речь идет об Иране, то США по историческим причинам неспособны мыслить рационально - должна подтолкнуть Запад и ООН к тому, чтобы пользоваться ДНЯО для дипломатического взаимодействия с Ираном и привлечения

его к реальным усилиям по установлению более жесткого контроля над торговлей ядерными материалами и ноу-хау.

Вместо этого мы делаем прямо противоположное, пытаясь загнать страну в угол и вынудить ее к подчинению при помощи санкций, которые лишь укрепляют позиции правительства Ирана и создают внутренние, а не внешние проблемы.

Получается, что его президент прав. ДНЯО не работает. Он слишком неравноправен, слишком перегружен лицемерием и исключениями. Что касается Ближнего Востока, то США и Британия занимают оригинальную позицию, утверждая, что поддержание мира возможно только путем сохранения ядерной гегемонии Израиля - страны, которая сознательно отказалась подписывать ДНЯО, и наказания Ирана - страны, которая это сделала» (конец цитаты). Трудно что-либо добавить к процитированному мнению.

Используя (вместе с З. Бжезинским) «шахматную терминологию», необходимо отметить, что Запад, и прежде всего США, ведя «великую шахматную партию», своими действиями на международной арене (в условиях бессубъектности России) завел ядерную политику противодействия «горизонтальному распространению» в состояние «цугцванга», когда все ходы плохие.

10 ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Современная военно-техническая политика США определяется тремя взаимосвязанными группами факторов: военно-политическими (институциональными), экономическими и технологическими.

Важнейшим внутренним военно-политическим фактором, определяющим направленность современной военно-технической политики США и действие институциональных структур является постоянное стремление руководства этой страны к военному превосходству над потенциальными противниками. В основе такого политического курса, перманентно проводимого США в течение всего послевоенного периода, лежит глубоко укоренившийся в американском общественном сознании стереотип примата силы. В соответствии с ним главным средством, опираясь на которое государство могло бы гарантировано обеспечить свое существование, сохранение национальных ценностей, достичь целей своей внешней политики вопреки деятельности других государств и общественно-политических движений, считается военная сила. При этом военную силу рассматривают не только как инструмент прямого вооруженного насилия, но и как эффективное средство сдерживания, политико-психологического и экономического воздействия.

Главным объектом для использования военной силы в качестве инструмента политико-психологического воздействия является Российская Федерация. Многочисленные высказывания американских политических деятелей показывают, что идущие процессы ограничения ядерных вооружений, переход России к оборонной доктрине, события в Центральной и Восточной Европе рассматриваются США как результат проведения политики с позиции силы и сдерживания методом «устрашения». Анализ документов военно-политического руководства США показывает, что данный фактор будет действовать и в долгосрочной перспективе. При этом использованию военной силы в качестве инструмента не прямого, а косвенного воздействия будет, вероятно придаваться в США возрастающее значение.

В этой связи совершенно неправомерен вывод о региональной направленности современной военно-технической политики США, который зачастую делается, исходя из поверхностного рассмотрения документов и заявлений некоторых должностных лиц.

Углубленный анализ сущности вопроса свидетельствует не только о сохранении в американской военной теории и практике всего арсенала связанного с глобальной войной проблем, но и о разработке качественно новых подходов к подготовке вооруженных сил и страны в целом, к реагированию на такого масштаба угрозы [2,3,17,18]. При этом в США считается, что вследствие развала СССР, а также известной экономической ситуации в РФ и состояния ВС РФ они получили определенный «период стратегического предупреждения»

вследствие чего стало возможным более интенсивно заняться в том числе и региональными проблемами с организацией соответствующего технического оснащения ВС США.

При хорошей организации и четкой работе всех звеньев управления вооруженными силами и экономикой страны, считают американские аналитики, можно, уменьшить численность СЯС. Что сейчас и происходит.

При этом, американским военным не приходится беспокоиться в отношении того, не переусердствуют ли их политики в разоружении.

Как было отмечено выше для этого американской администрацией еще в начале 90-х годов в качестве одного из основных принципов стратегии национальной безопасности была принята так называемая концепция «воссоздания», предусматривающая сохранение инфраструктуры СЯС и оборонной индустриальной базы, обеспечение лидерства США в жизненно важных технологиях и накопление стратегических материалов[18].

В реализации этой концепции основной упор делается на решение проблем мобилизационного развертывания американской военной промышленности. Разработчики «воссоздания» подчеркивают, что на неясные и нечеткие сигналы о стратегическом предупреждении достаточным ответом может быть не мобилизация и развертывание СЯС, а мобилизация военно-промышленного потенциала.

К упоминавшимся выше внутренним военно-политическим факторам влияющим на действия руководства США можно отнести и такую характерную особенность американского политического мышления как технократизм. Это явление представляет собой естественное порождение глубоко укоренившейся в американском сознании веры в превосходство американского технического гения, убежденность в том, что американская изобретательность, включенная в научно-технический прогресс, является гарантом политической, экономической и военной гегемонии Америки в мире. Тезис о технологическом превосходстве США является одним из главных пропагандистских стереотипов, который используется для консолидации общества в отсутствии глубоких национальных, культурных и исторических традиций.

Стремление к военному превосходству реализуется прежде всего через усиление акцента на развитие военной техники и технологии в общей системе военных приготовлений [13]. Конкретно это проявляется, во-первых, в стремлении обеспечить такую номенклатуру и качество военной техники, которые удовлетворяли бы требованиям ведения всех видов войн и вариантов их развязывания, всем возможным географическим зонам и физическим средам военного конфликта; во- вторых, в стремлении достигнуть и сохранить на длительную перспективу военно-техническое превосходство над вероятными противниками и прежде всего над РФ; в-третьих, в стремлении как можно чаще создавать для РФ ситуацию военно-технической внезапности. Технократический аспект явно присутствует в концепции «Оборонная инициатива против ОМП».

Таким образом, направленность действий Администрации США на обеспечение военного превосходства над любой страной в мире вытекает из самой сути общественного сознания правящей элиты страны.

Они реализуются в виде военных программ развития контрсиловых систем, проводимых как под флагом «Оборонной инициативы против ОМП», так и в рамках разработки научно-технологической базы создания новых систем ЯО. В политическом плане указанные военные приготовления направлены на сохранение гегемонии США утрачиваемой в настоящее время в связи с экономическим кризисом, появлением «объединенной Европы» и усиления роли Японии.

Вместе с тем, для ответа на поставленный выше принципиально важный вопрос о направленности современной военно-технической политики США и, в частности, о причинах появления «Оборонной инициативы против ОМП» кроме институционального важно рассмотреть еще технологический и экономический аспекты гонки вооружений, проводимых США в послевоенный период.

В настоящее время США обладают наивысшим в мире уровнем развития научно-технического потенциала. На них приходится около половины затрат на НИОКР всего развитого мира. США существенно опережают другие страны и по численности ученых и специалистов. Американским исследователям принадлежит более трети мирового объема научных и технических публикаций. США опережают другие страны и по уровню материально-технического обеспечения научных исследований и разработок. Туда происходит основная и «утечка мозгов» и результатов НИР и НИОКР из России и стран, входивших ранее в состав СССР.

Использование новых технологий позволяет достигнуть такого положения дел, когда экономическая эффективность производства новой продукции становится сопоставимой с эффективностью крупносерийного производства. Данная ситуация непосредственно отражается и на планировании развития, создания и эксплуатации вооружения и военной техники (В и ВТ), как неотъемлемой части современной техносферы.

США стремятся сохранить военное и технологическое превосходства в мире. Цель предполагается достичь за счет развития передовых технологий и создания на их основе новых видов оружия. Фактически все основные соглашения о контроле над вооружениями оставляли широко открытыми двери для разработки перспективных систем вооружений [13].

США перешли к новой фазе развития средств вооруженной борьбы, которую можно условно назвать «технологической». Основным содержанием указанной фазы является переход к новому этапу научно-технической революции. Сущность этого этапа, который некоторые исследователи определяют как «технологическую» революцию состоит в том, что главным источником развития становятся быстро внедряемые в практику научные знания. Это обусловлено созданием развитой информационно-управленческой структуры, использующей

возможности современных информационных технологий и способной перерабатывать огромные объемы информации, обеспечивая при этом выбор оптимальных решений в условиях неопределенности, быстрого изменения внешней среды и потребностей. Фактически речь идет о таком же усилении возможностей интеллектуальной деятельности человека, которое было ранее (в результате промышленной революции) достигнуто в отношении его физических возможностей.

Свое материальное воплощение новая фаза развития нашла в появлении новых базисных технологий военного назначения так называемых «технологий третьей военно-технической революции» [2].

Данные технологии и соответствующие средства вооруженной борьбы возникли как результат реализации прорывных достижений, полученных в фундаментальных и поисковых исследованиях длительное время проводимых ДАРПА в рамках бюджетных категорий «Развитие научно-технической базы» и «Перспективные военно-технические разработки». Кроме того, технологии разработанные в рамках СОИ «не сданы в архив», а активно реализуются в системах вооружения.

Указанная фаза характеризуется следующими особенностями, обеспечиваемого ими стратегического контрсилового потенциала ВС США [2]:

a) обеспечивается оптимальное сочетание стратегических наступательных (СНС) и стратегических оборонительных систем вооружения, опирающихся на высокоточные неядерные средства;

b) реализуются технологии оружия селективного поражения техники при минимальном воздействии на людей так называемые «средства нелетального воздействия», а также соответствующее ядерное оружие нового поколения Nuclear Directed Energy Weapons (CN DEW);

c) разрабатываются технологии создания высокоточного оружия поражающего элементы СЯС на различных этапах их функционирования;

d) для контрсиловых систем разрабатываются технологии с использованием элементов искусственного интеллекта;

Принципиально важным результатом развития средств вооруженной борьбы третьей военно-техологической революции является значительное совершенствование систем разведки наблюдения и сопровождения целей (RSTA) для обеспечения «информационного превосходства» во время войны [2].

Одновременно ведется активная разработка так называемых «умных» управляемых обычных вооружений (PGM). К их числу относят современные противоракетные системы и новые авиационные ракеты большого радиуса действия. Помимо уже достаточно широко известных и примененных в Ираке и Афганистане высокоточных боеприпасов заглубленного действия появляются неядерные средства на новых физических принципах [3].

Речь идет, в частности, об авиационных крылатых ракетах (КР), корпуса которых изготовлены по технологии «стелс». Особый упор делается на оснащение их помехозащищенными датчиками, совершенной системой наведения с высокой разрешающей способностью и боеголовками, способными воздействовать на электроэнергетические объекты противника и выводить их из строя. Помехозащищенные датчики призваны обеспечивать устойчивость управления ракетами в условиях активного противодействия, когда широко применяются высокоэффективные средства радиоэлектронной борьбы. Сердцевиной систем высокоточного наведения должны стать так называемые «универсальные решатели задач» (УРЗ). Эти устройства позволят обеспечить автоматическое распознавание цели - на первых порах частичное, а впоследствии ничем не ограниченное, полное. Иными словами, ракету достаточно будет вывести в район намеченного к поражению объекта, и она сама сумеет безошибочно найти его. При этом ожидается, что точность попадания на дальних дистанциях будет составлять до нескольких м /3/.

Что касается новых боеголовок, то поражающее действие многих из них может основываться не только на использовании химической энергии взрыва, как это практикуется сейчас, а и на иных факторах.

В соответствии с информацией /49/: «Помимо боевых частей традиционного типа, американские КР начали комплектоваться и принципиально новыми типами БЧ. В ходе операции "Буря в пустыне" в 1991 г. впервые были использованы КР, несущие волокна тонкой медной проволоки, разбрасываемые над целью. Такое оружие, получившее в дальнейшем неофициальное название "И-бомба", служило для вывода из строя линий электропередач, электростанций, подстанций и других объектов энергетики: повисая на проводах, проволока вызывала короткое замыкание, лишающее электроэнергии военные, промышленные и коммуникационные центры противника. В ходе боевых действий против Югославии применено новое поколение этого оружия, где вместо медной проволоки использованы более тонкие углеродные волокна. При этом для доставки новых "противоэнергетичеких" боевых зарядов к целям используются не только КР, но и свободнопадающие авиационные бомбы. Еще один перспективный тип боевых частей американских КР - взрывомагнитная БЧ, при срабатывании которой генерируется мощный электромагнитный импульс (ЭМИ), "выжигающий" радиоэлектронное оборудование противника. При этом радиус поражающего воздействия ЭМИ, генерируемого взрывомагнитной БЧ, в несколько раз превышает радиус поражения обычной осколочно-фугасной БЧ такой же массы. По ряду сообщений средств массовой информации, взрывомагнитные БЧ уже были применены США в реальных боевых условиях».

В совокупности с противоракетными системами и «умными» управляемыми обычными вооружениями (PGM) [2, 16] комбинация RSTA-PGM является технической основой «оборонной инициативы против ядерного распространения» и включает в себя

наступательный (так называемая «стратегическая авиационная инициатива») и оборонительный (ПРО территории страны, ТВД, защита от ограниченных ударов балистических ракет) компоненты. Таким образом, формируется неядерная компонента (RSTA-PGM) стратегического контрсилового потенциала США, дополняющая средства СЯС и обладающая более широкими возможностями к применению, в том числе и в ограниченных региональных конфликтах.

Необходимо отметить, что появление новых видов В и ВТ, с использованием которых можно решать стратегические задачи, есть не только результат реализации некой «политической воли» правящей элиты стран ведущих гонку вооружений. Вырисовывается ярко выраженный «технологический императив», направляющий процесс совершенствования вооружений.

Под указанным «технологическим императивом» здесь понимается существующее вне политического контекста, само себя питающее мощное принуждение к использованию всего потенциала научных знаний в интересах военной машины. Саморазвитие есть имманентное свойство научно-технического прогресса. Появление сложных и дорогостоящих вооружений побуждает к дальнейшим разработкам еще более совершенных и эффективных систем.

Анализируя ход военно-технологических процессов в США, можно сделать общий вывод о том, что, несмотря на конкретные действия по снижению уровня стратегических ядерных вооружений, США не столько ограничивает масштабы военно-технологического соперничества сколько переводят его в другую плоскость.

Политическая демилитаризация (разрядка, перезагрузка и т.п.) и технологическая гонка вооружений - это два процесса, которые хоть в принципе и связаны между собой, но протекают в значительной мере самостоятельно.

Динамика разработки новых вооружений во многом зависит от инновационных всплесков, рождающихся за стенами военных лабораторий. Можно указать на множество примеров, когда военные НИОКР приводили к результатам, предвосхищавшим развитие политических событий и определяющим действий военно-политического руководства [19].

Новые системы вооружений появляются не столько из-за необходимости укрепления военной мощи или обеспечения безопасности, а потому, что спонтанно развивающаяся военная технология часто берет верх над политическими соображениями и диктует свои правила игры, навязывая оружие, потребность в котором ранее еще не была осознана. Изменение материально-вещественной базы вооружений, в свою очередь, требуют пересмотра военно-политических доктрин. По этой схеме получается, что технология может играть роль локомотива, тянущего за собой весь «состав» военно-политических решений, что отчетливо проявляется в настоящее время в действиях правящих кругов и МО США [19].

Что касается экономических аспектов современной военно – технической политики США, то их можно лаконично описать словами Вильяма Дж. Баумоля (VilliamJ.Baumol -

Экономический Департамент Нью-Йоркского Университета США) : «Гонка вооружений - верховный закон рыночной экономики /20/.

Подытоживая вышесказанное можно сделать вывод о том, что для СЯС России, в период действия нового Договора о СНВ возможно появление принципиально новых «угроз», связанных с революционным развитием военных технологий, которые могут привести к недопустимому снижению потенциала сдерживания и нарушению стратегической стабильности.

Таким образом, анализируя последствия сокращения ядерной компоненты стратегических наступательных сил (СНС) США, важно отметить, что США в значительной мере **технически готовы к быстрому снижению своего ядерного потенциала**, несмотря на прогнозируемое (временное) сокращение ГД с Китаем. Америка имеет возможность сравнительно быстро **восстановить свой ГС** и сделать «рывок» в военном потенциале **за счет реализации результатов новой «микрореволюции» в военном деле**, позволяющей существенно усилить **неядерную компоненту** стратегических наступательных и оборонительных сил, а также осуществить качественный (беспрецедентный) скачек в повышении потенциала сил общего назначения. Здесь Россия (да и Китай) отстает от США, скорее всего «навсегда».

В контексте обеспечения устойчивости потенциала сдерживания необходимо отметить, что помимо (находящейся «на слуху») системы «стратегической» ПРО и так называемой «нестратегической» ПРО ТВД в качестве основных дестабилизирующих факторов на предполагаемый период действия нового ДСНВ, можно указать также следующие /21 ….50/:

- Базовые военные технологии создания **высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых высокоточных ударных средств большой дальности в «обычном оснащении»;**
- **Ударные беспилотные летательные аппараты** (БЛА) различного типа, включая **платформы для противоракет**.

Вызывает удивление, почему указанные дестабилизирующие факторы при заключении нового ДСНВ оказались «ненаблюдаемыми», хотя российская сторона была просто обязана рассматривать их в качестве объекта институционального управления (т.е. объекта ограничений, обусловленных сокращениями в сфере СЯС).

Применительно к указанным дестабилизирующим факторам необходимо отметить следующее.

Основываясь на опыте боевых действий в Ираке, американские КР были модернизированы в направлении повышения гибкости их боевого применения. Теперь ввод полетного задания может осуществляться дистанционно, непосредственно на борту самолета или корабля-носителя, в процессе решения боевой задачи. За счет внедрения оптической корреляционной системы конечного самонаведения, а также оснащения блоком спутниковой навигации (GPS), значительно повысились точностные характеристики оружия

(КВО -8…10 м), что обеспечило возможность поражения не просто конкретной цели, а ее определенного участка**.**

ВМС США, активно проводят работы по дальнейшему совершенствованию тактических авиационных КР в направлении придания им способности автоматического распознавания целей (режим ATR -Automatic Target Recognition). Указанными системами управления уже оснащена, например тактическая крылатая ракета Боинг AGM-84H SLAM-ER с дальностью порядка 280 км. Придание системе наведения КР SLAM-ER способности автономно выявлять цели - крупный шаг в области совершенствования ВТО. По сравнению с режимом автоматического захвата цели (ATA - Automatic Target Acquisition), уже реализованным в ряде авиационных средств поражения, в режиме ATR "картинка" потенциальной цели, получаемая бортовыми датчиками, сравнивается с ее цифровым образом, заложенным в память БЦВМ, что позволяет осуществлять автономный поиск объекта удара, его идентификацию и нацеливание ракеты при наличии лишь приблизительных данных о местонахождении цели.

Ракетой SLAM-ER оснащаются палубные многоцелевые истребители F/A-18B/C, F/A-18E/F, а в перспективе - и F-35A /49/.

В США одним из приоритетных направлений развития средств воздушного нападения является реализация (в ближней перспективе) программ создания **высокоскоростных управляемых ракет (УР) большой дальности** «для нанесения в кратчайшие сроки массированных, одиночно-избирательных ракетных ударов по наземным и морским критичным по времени целям» /49/.

Под указанное определение **прекрасно подходят объекты Российских СЯС.**

В связи с этим наряду с разработкой гиперзвукового управляемого оружия (предполагаемого на среднесрочную и долгосрочную перспективу) ведутся исследования по созданию высокоскоростных сверхзвуковых УР (М=4…4,5), обладающих высокими тактическими свойствами, прежде всего широкими возможностями маневра по высоте и скорости полета, а также эффективностью поражения.

В частности, научно-исследовательский центр ВМС совместно с ВВС, управлением перспективных исследований министерства обороны США и НАСА в рамках демонстрационной программы RATTLRS (Revolutionary Approach To Time-Critical Long Range Strike) ведет работы в целях создания семейства высокоскоростных сверхзвуковых УР классов "воздух-земля" и "корабль-берег". Общими требованиями к этим средствам поражения заданы: максимальная скорость полета, соответствующая числам М>4; максимальная дальность стрельбы – не менее 900 км; возможность боевого применения с внешних подвесок **«тактических» истребителей** и внутренних отсеков вооружения стратегических бомбардировщиков, установок вертикального пуска надводных кораблей и подводных лодок, а также торпедных аппаратов последних /49/.

Указанные данные позволяют сделать вывод, что место относительно «медлительных» КРМБ «Томахок», включая их последнюю модификацию «блок 4» («Тактический Томахок»), в морской ударной группировке в период после 2020г займут дешевые высокоскоростные сверхзвуковые УР (М=4…4,5), способные осуществлять полет к цели на сверхмалых высотах и на больших сверхзвуковых скоростях /49/.

В случае, если дальность полета указанных ракет будет составлять порядка 1200…1500 км, российские ПР РВСН , расположенные в европейской части страны, станут потенциальными объектами для осуществления массированного «быстрого» контрсилового удара («экологически приемлемого») с морских платформ различного вида из прилегающих акваторий Черного, Балтийского и Баренцева морей.

В свете вышесказанного, разрабатываемые сверхзвуковые УР морского базирования являются существенным дестабилизирующим фактором (военно-технологической угрозой системе сдерживания), что потребует введения в новом ДСНВ ограничений на их предельную дальность действия.

Одновременно за рубежом (прежде всего в США) широким фронтом ведутся работы по развитию гиперзвуковых технологий с целью создания и принятия гиперзвукового ракетного оружия на вооружение в среднесрочной перспективе в период 2015-2020 годов /21…28, 30, 31, 35..44, 49/. Научно-технические программы США (ARRMD, HyStrike, Hyper-X, HyTech, HyFly, IHPRPTP, Falcon и другие) направлены на отработку технологий создания принципиально новых боевых гиперзвуковых летательных аппаратов. Прежде всего, это гиперзвуковые ракеты с прямоточными воздушно-реактивными двигателями (ПВРД). Опытные образцы гиперзвуковых ракет со скоростью полета, соответствующей числу Маха М=6-7, разрабатываемые по программе HyFly, с 2005 года проходят летные испытания. Ведется наземная стендовая отработка и в 2008 году начались летные испытания гиперзвуковой ракеты Х-51 с заявленной дальностью полета 1200 км. Создание таких средств значительно повысит эффективность тактических и стратегических ударных систем вооружения стран НАТО.

В среднесрочной перспективе (2015-2020-е гг.) в США предполагается создать КР большой дальности нового поколения, рассчитанные на полет с большой сверхзвуковой и гиперзвуковой (М=4 и более) скоростью, что должно значительно уменьшить время реакции оружия, а также, в сочетании с малой радиолокационной заметностью, степень его уязвимости от существующих и перспективных средств ПРО противника.

ВМС США прорабатывает проект высокоскоростной универсальной крылатой ракеты JSCM (Joint Supersonic Cruise Missile). КР должна иметь дальность порядка 900 км и максимальную скорость, соответствующую М=4,5-5,0. Предполагается, что она будет нести унитарную бронебойную часть или кассетную БЧ, снаряженную несколькими суббоеприпасами.

Предполагается, что КР JSMC сможет запускаться с надводных кораблей, оборудованных универсальными вертикальными пусковыми установками Мк 41. Кроме того, ее носителями могут являться многоцелевые палубные истребители типа F/A-18E/F и F-35A/B (в авиационном варианте ракета рассматривается как замена дозвуковой КР SLAM-ER) /49/.

Таким образом, министерство обороны США, используя технологические достижения в области развития авиационных и информационных технологий, активно реализует программу оснащения вооруженных сил качественно новыми ударными средствами воздушного нападения. Эти управляемые ракеты, способные выполнять полет с крейсерскими скоростями более 5800 км/ч на высотах более 20 км, будут обладать малой зависимостью от метеоусловий и времени суток, высокими боевой устойчивостью от перехвата современными и перспективными средствами ПВО, поражающей способностью проникающих (бронебойных) боевых частей, а также **универсальностью по носителям** /49/.

Из вышесказанного следует, что не только тяжелобомбардировочная и стратегическая авиация, но и **«тактическая»** авиационная компонента ВС США модернизируется под обеспечение возможности поражения **«критичных по времени целей»** и, таким образом, приобретает способность к нанесению эффективного, в том числе «экологически приемлемого», **контрсилового удара** по СЯС России. В этой связи указанные разработки базовых военных технологий представляются не только дестабилизирующим военно-технологическим фактором, но и фактором, стимулирующим обострение международных отношений (Россия-НАТО) по поводу американских военных баз на территории бывшего СССР, а также приема в НАТО новых членов (Азербайджан, Грузия).

Интеграция технологий гиперзвуковых УР «воздух-земля» с разрабатываемыми тактическими авиационными системами нового поколения, отличающимися сверхзвуковой скоростью полета, универсальностью базирования (морское, наземное, в том числе и с неподготовленных площадок), малой заметностью, большим радиусом действия и боевой нагрузкой, (в частности, с такими как перспективные тактические истребители F-22 и F-35) позволит США создать в так называемом «тактическом звене» своих ВС эффективную и, главное, **не подпадающую под договорные ограничения контрсиловую компоненту**. Технические характеристики разрабатываемых систем вооружения позволяют соделать вывод, что указанная компонента способна не только эффективно поражать объекты СЯС России в так называемый «безъядерный период» ведения боевых действий (на «нижних» ступенях эскалации военного конфликта), но будет представлять собой «тактическую» группировку, способную к нанесению **внезапного контрсилового и «обезглавливающего» удара по объектам Российских СЯС и органам управления.** Договорные ограничения на число стратегических носителей (т.е. потенциальных целей) могут еще больше обострить данную проблему.

Информационно-технический анализ состояния разработки в США соответствующих базовых военных технологий (по «открытым» источникам /21…49/) дает основания сделать вывод, что **достигнутый американцами уровень технологической готовности в каждой области исследований позволяет на современном этапе успешно реализовывать программы создания гиперзвукового управляемого оружия большой дальности со скоростями полета, соответствующим числам М=7…8.**

Реализация планов создания гиперзвуковых управляемых ракет различных классов позволит США иметь на вооружении качественно новые системы высокоточного оружия, обладающие высокой боевой эффективностью, универсальностью применения и малой уязвимостью от средств ПВО.

Такие ударные летательные аппараты и управляемое авиационное вооружение, способные выполнять полет с крейсерскими скоростями более 6500 км/ч на высотах более 30-45 км, обладающие малой зависимостью от метеоусловий и времени суток, будут иметь по сравнению с современными образцами вооружения существенные боевые преимущества. Важнейшими из них являются: **малое подлетное время до цели**; сравнительно низкая возможность их перехвата по скорости и высоте современными и перспективными средствами ПВО и ПРО; высокая поражающая способность проникающих (бронебойных) боевых частей, а также сокращенный потребный наряд сил и средств обеспечения.

Фирмой Боинг совместно с ВВС США прорабатывается концепция гиперзвуковой КР с решетчатым крылом, предназначенной для доставки в район цели двух - четырех сверхминиатюрных автономных дозвуковых КР типа LOCAADS /49/. Основной задачей системы должно являться поражение современных мобильных баллистических ракет. Гиперзвуковая крылатая ракета должна достигать района цели в течении 6-7 мин. после получения целеуказания. На поиск и поражение цели суббоеприпасами (мини-КР LOCAADS или планирующими боеприпасами типа BAT) может быть отведено не более 3 мин.

В рамках этой программы исследуется возможность создания демонстрационной гиперзвуковой ракеты ARRMD (Advanced Rapid Response Missile Demonstrator). УР должна выполнять крейсерский полет со скоростью, соответствующей М=6. При М=4 должен осуществляться выброс суббоеприпасов. Гиперзвуковая ракета ARRMD со стартовой массой 1045 кг и максимальной дальностью 1200 км будет нести полезную нагрузку массой 114 кг /49/.

Россия не имеет и в обозримом будущем вряд ли сможет иметь аналогичные по возможностям (включая приближенность к объектам США) «тактические» группировки ударных средств. Таким образом, возникает все более и более увеличивающийся **дисбаланс в боевых возможностях СЯС** России и СНС США, связанный с неучетом влияния разрабатываемых базовых военных технологий, составляющих перспективу развития ударного авиационного компонента сил общего назначения США, на обеспечение

сдерживающих функций СЯС России при принятии решений на их глубокое сокращения, в том числе и сокращения числа носителей.

Если мы действительно (а не декларативно) рассматриваем сдерживание в качестве одной из важных составляющих государственной политики, то **процесс дальнейшего сокращения СЯС России должен быть жестко обусловлен в том числе введением ограничений в сфере разработки базовых военных технологий в ударной компоненте СОН**, которые носят дестабилизирующий характер и, в частности, в сфере создания и принятия на вооружение тактической авиации высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых высокоточных управляемых ракет «воздух-земля».

Помимо придания «контрсиловых возможностей» силам общего назначения США в рамках проекта "Фалкон" активизируют научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию высокоточных средств доставки неядерного боевого оснащения на трансконтинентальную дальность.

Как отмечается в «открытых» информационных источниках /30/ «В качестве главных ударных средств "первого дня войны" (в "Руководстве по оборонному планированию» прим. Авт.) названы беспилотные самолеты и гиперзвуковые летательные аппараты. Наведение данных средств воздушно – космического нападения (СВКН) на цели должно осуществляться с помощью глобальной системы мониторинга поверхности Земли и управления из космоса и через космос. Они будут оснащаться боеприпасами нового типа - так называемыми "компактными" (в том числе и в ядерном, небольшой мощности, исполнении), обеспечивающими нанесение "широкомасштабных высокоточных ударов" по укрепленным и глубоко залегающим целям. Их необходимо иметь в таком количестве, чтобы атаковать намеченные объекты одновременно в трех разных странах».

Как отмечает военный эксперт Уильям Аркин: "…ни одна цель на планете или в космосе не будет неуязвимой для американской атаки. США смогут без предупреждения нанести удар в любое время и в любом месте, в котором они заподозрят угрозу, а сами будут защищены при этом противоракетной обороной". Добавим, что этим "любым" местом и "в любое время" может оказаться и Россия, и союзное или дружественное ей государство.

Анализ показывает, что некоторые страны НАТО, и прежде всего США, в последнее время активизировали работы по созданию СВКН, траектории полета которых будут находиться на высотах от 35-40 до 100-120 км, а скорости достигнут значений от М – 3…5 до М – 15…20. Благодаря таким средствам, по мнению руководства США, время от момента принятия решения на нанесение удара по назначенным целям до его осуществления составит всего несколько часов. Важно, что на начальном этапе конфликта не потребуется проводить переброску войск (сил) в "горячую точку", тратить значительные средства на организацию воздушных коридоров и аренду аэродромов.

СВКН с вышеназванными характеристиками получили название "гиперзвуковые летательные аппараты" (ГЗЛА). Это - планирующие головные части баллистических ракет, гиперзвуковые крылатые ракеты, воздушно-космические самолеты (системы).

Считается, что с помощью ГЗЛА могут решаться такие основные задачи, как поражение стратегических высокозащищенных объектов с обеспечением высокой скрытности и точности ударов; поражение мобильных наземных, морских, воздушных и космических целей в глубине территории противника, на всем пространстве Мирового океана, во всех зонах воздушно-космического пространства; ведение оперативно-стратегической разведки; вывод на околоземные орбиты КА различного предназначения» (конец цитаты).

В качестве примера одной из типичных разработок ГЗЛА можно указать на проект CAV /31, 33, 34/.

Аппарат CAV предполагается снаряжать несколькими кассетными боеприпасами BLU-108, каждый из которых содержит четыре самоприцеливающихся боевых элемента "Скит".

Уничтожение стационарных высокозащищенных (заглубленных) целей будет обеспечиваться применением проникающей боевой части при скорости встречи с целью до 1200 м/с.

Необходимо отметить, что CAV по своей сути представляет собой управляемую гиперзвуковую «аэробаллистическую капсулу», для транспортировки к цели различного боевого оснащения, которая может применяться как с баллистических ракет и гиперзвуковых летательных аппаратов, так и с космических платформ, обеспечивая в последнем случае **минимальное подлетное время к объектам СЯС (!).**

Необходимо отметить, что в США NASA одновременно разрабатывает «небоевую» версию CAV – HGV для транспортировки различного вида грузов.

Результаты проведенного анализа дают основания интерпретировать действия США в рамках программ CAV и HGV как возможную подготовку базы для «обхода» количественных ограничений ДСНВ на число носителей. При этом развертывание группировки CAV может быть осуществлено «под прикрытием» развертывания HGV на носителях, заявленных как носители космических аппаратов (КА), например ракеты «Пегас», «Минотавр-2», «Минотавр-3».

Таким образом, технологии типа CAV являются не только дестабилизирующими факторами системы стратегического сдерживания, но и дают возможность в том числе «обхода» количественных ограничений на число стратегических носителей. Вследствие этого, в новом ДСНВ **все средства, на которых будут размещены аппараты HGV (CAV), обязательно должны идти в зачет количественного состава стратегических носителей.**

Ведущиеся в США работы в области беспилотных летательных аппаратов (БЛА), особенно т.н. "БЛА тяжелого типа", будут иметь в среднесрочном и долгосрочном плане **большой дестабилизирующий эффект** и представлять собой одну из серьезных военно-

технологических угроз системе стратегической стабильности. В самом деле, мы являемся свидетелями появления ударного оружия в новом классе вооружений - беспилотных боевых авиационных летательных аппаратов, которые вскоре по своему боевому потенциалу могут сравняться с уже существующими оперативно-тактическими и стратегическими авиационными и ракетными системами. В сочетании это создаст предпосылки для формирования новой парадигмы в средствах вооруженной борьбы, особенно в контексте перехода к высокоточному оружию.

Как отмечают Е. Демидюк и В. Чеховский /30/: Автоматические боевые авиационные машины, которые уже разрабатываются DARPA в рамках программы Unmanned Combat Air Vehicle (UCAV) в ближайшем будущем станут важной составляющей наступательного потенциала США.

В соответствии с информацией представленной в /30/: «Все (или практически все) технические предложения по проекту UCAV были апробированы в экспериментальном беспилотном самолете фирмы Boeing X-45A ("X" по принятой в США терминологии означает экспериментальный вариант). Первый 14-минутный полет самолета X-45A состоялся 22 мая 2002 г. на военно-воздушной базе Эдвардс в Калифорнии. Начиная с 2006 г. выпускается более совершенный прототип X-45B, выполненный с элементами технологии "СТЕЛС"…….

Бортовая аппаратура БЛА будет сама распознавать атакуемую цель и даже выбирать ее из компактной группы объектов. Практически речь идет о кибербомбардировщике, способном автономно выполнять свою задачу.

Летающий робот X-45 должен нести разнообразные варианты бомбовой нагрузки, однако основу ударного вооружения, например, X-45A составят две 450-кг бомбы GBU-32 JDAM, наводимые на цели по сигналам спутниковой навигационной системы НАВСТАР. Для обеспечения высокоточного поражения большого количества наземных объектов по программе SDB (Small Diameter Bomb) разрабатываются компактные боеприпасы малого диаметра и весом менее 113 кг, которые будут направляться на цель с помощью автономной подсистемы атаки.

Самолеты X-45A можно длительное время хранить (до 10 лет без обслуживания) и перевозить по воздуху в специальных контейнерах. Транспортный самолет С-5 способен взять на борт до 12 таких контейнеров, что обеспечивает **быструю доставку и развертывание** целой эскадрильи боевых беспилотных средств **практически на любом ТВД**. Срок эксплуатации одного X-45 - 25 лет.

Первые испытания X-45A на точность бомбометания были проведены уже в апреле 2004 г. Целью служил грузовик, находящийся на территории авиабазы Эдвардс. 250-фунтовая (около 113,4 кг) бомба без взрывчатки, наводимая по сигналам НАВСТАР, упала буквально в нескольких сантиметрах от автомобиля…….Анализ возможностей США позволяет сделать вывод, что к 2015 г. они могут иметь высокоточные непилотируемые

средства поражения (главным образом воздушного и морского базирования) в таком количестве, которого вполне хватит для проведения в течение 30 суток непрерывной бесконтактной стратегической воздушно-космической операции против сильного в военном отношении государства в любом регионе планеты. Потенциал же американского военно-промышленного комплекса позволяет к 2020 г. довести продолжительность подобной операции до 60, а после 2040 г. - до 90 суток».

Представляется, что тенденции в повышении потенциала т.н. тяжелых БЛА таковы, что в обозримом будущем этим машинам будет по силам доставлять в заданные районы мира системы обнаружения старта и полета баллистических ракет, а также гиперзвуковые противоракеты воздушного базирования /30,49, 50/.

Фактически уже сейчас мы стоим, а может, и переступили порог новой гонки вооружений, хотя и стараемся этого не замечать /50/.

Технологии БЛА, сопряженные с новыми управляемыми авиационными средствами поражения, разрабатываемыми в США, существенно повысят из контрсиловой потенциал, сосредоточенный в «нестратегической» авиационной компоненте военно-воздушных сил.

При оснащении БЛА боеприпасами, разрабатываемыми в рамках программы "Доминатор", способными самостоятельно обнаруживать, распознавать и наводиться на различные цели, расположенные на значительной площади, появляется возможность эффективного поражения Российских ПГРК в так называемый «безъядерный» период ведения боевых действий.

Необходимо отметить, что развитие нового класса вооружений - БЛА проходит безо всяких ограничений и самоограничений и пока с подавляющим преимуществом одного государства – США /50/. При этом, разрабатываемые в США БЛА фактически не вписываются в условия советско-американских договоров об ограничении наступательных вооружений, особенно РСМД. Однако, как отмечается в /50/: «…похоже, что США это мало заботит. Выход был найден в толковании терминологии, т.е. в формальном отделении крылатых ракет, ограничиваемых по РСМД, от БЛА, на которые никакие международные ограничения до сих пор не распространяются, а, значит, и все претензии и жалобы на их фактически бесконтрольное развертывание юридически не обоснованы.

А пока будут, как обычно, затяжно вестись дискуссии на тему "что делать?", основные задачи по БЛА американцы уже решат. По-видимому, пентагоновские правовики тогда решили пойти путем "разграничения", и дело можно в худшем случае "заморозить" на уровне, который сохранит американское превосходство на многие годы. В данном случае пострадает стабильность и относительное военное равновесие, а для таких стран, как Китай, это будет на длительное время угроза "обнуления" его стратегического ракетно-ядерного потенциала».

В последнее время в рамках концепции «оправданной противоракетной обороны» выдвигаются предложения по использованию научно-технического задела, формируемого в

США с начала 1990-х годов для создания выдвинутой мобильной компоненты ПРО путем оснащения БЛА противоракетами /21…24, 29, 50/.

Такая противоракетная система, построенная по сетевому принципу, будет способна эффективно блокировать пуски российских БРПЛ, а также создать за время «безъядерного периода» ведения боевых действий блокирующую «противоракетную сеть» над российскими ПР РВСН. Указанные технологии ПРО **являются для России еще более опасными и дестабилизирующими, чем так называемый третий позиционный район ПРО в Европе.** Предлагаемые глубокие сокращения СЯС России, в том числе сокращения носителей, снизят количество потенциальных целей для ударных БЛА и явятся фактором, стимулирующим США к полномасштабному развертыванию таких систем. Поэтому предлагаемые параметры сокращений СЯС в новом ДСНВ должны быть обусловлены введением соответствующих запретов и ограничений в сфере БЛА.

11 НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В связи с наличием и развитием «неядерной компоненты» СНС США и приобретением существенных контрсиловых возможностей СОН необходимо отметить следующее. Важной сдерживающей функцией ЯО является **сдерживание технологической гонки вооружений**.

Одним из следствий деградации СЯС России уже стал выход США из Договора по ПРО 1972 г. Это привело, в том числе, к созданию 3-го позиционного района ПРО в Европе, с чем так активно в настоящее время борется российское руководство. Дальнейшее снижение потенциала СЯС может активизировать создание и развертывание США **новых контрсиловых систем**.

Таким образом, в качестве безусловного императива можно сделать вывод о том, что **всякое снижение потенциала СЯС России и, в частности, снижение числа носителей, в условиях отсутствия ограничений на неядерную компоненту СНС США (наступательную и оборонительную), а также на СОН приобретающие существенные контрсиловые возможности представляет собой серьезный дестабилизирующий фактор системы стратегической стабильности.** Оно может явиться источником новых вызовов и угроз для военной безопасности России и подтолкнуть США к «раскручиванию» нового витка гонки вооружений в сфере «неядерных» стратегических наступательных и оборонительных систем, обладающих контрсиловыми возможностями.

В условиях радикальных сокращений СЯС состояние стратегической стабильности России будет определяться не только наличием запаса устойчивости военно-стратегического равновесия (который будет отсутствовать), но и возможностями по компенсации дестабилизирующего действия возникающих военно-технологических сдвигов. При этом процесс **дальнейшего количественного сокращения СЯС (в том числе ограничение на число носителей) должен быть жестко увязан с введением ограничений в военно-технологической сфере**. Это положение может составить **суть новых подходов** к политике сокращений СЯС.

В условиях экономического кризиса и практического развала системы научно-технического воспроизводства Россия пока не в состоянии эффективно вести технологическую гонку вооружений. США являются ведущей мировой державой, проводящей интенсивные разработки перспективных военных технологий. Технологический отрыв с каждым годом будет возрастать. **Переговоры, которые направлены на ограничение в первую очередь количественного состава СЯС, делают мало для того, чтобы обуздать развитие военных технологий**, обеспечивающих создание новых, не ограничиваемых соглашениями стратегических контрсиловых систем. Это требует разработки **новой содержательной парадигмы обеспечения стратегической стабильности с учетом технологического фактора**.

Сегодня большую (если не основную) угрозу для российской системы стратегического сдерживания составляет опасность того, что современные российско-американские отношения опять, как и в 1990-х годах, будут представлять собой триумф «оптимизма» над разумом. Как известно из курса виктимологии (криминальной психологии), это положение составляет один из базовых архетипов мышления жертв мошейничества.

В настоящее время в силу ряда причин Россия (в отличие от СССР) не может следовать **«стратегии сильного»,** когда на каждый военно-технологический вызов США давался адекватный ответ (стратегия «действие-противодействие»). Сейчас в рамках политики стратегического сдерживания мы вынуждены перейти к **«стратегии слабого»** с широким задействованием механизмов рефлексивного и институционального управления противостоящей стороной.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

Рассматривая проблему «новых подходов» к ограничениям и сокращениям в сфере СЯС, необходимо отметить, что устойчивость систем вооружения, функционирующих в условиях целенаправленного противодействия, в первую очередь должна определяться возможностью в процессе ее жизненного цикла дать «быстрый ответ» на возникающие «угрозы». Причем, как отмечалось выше, повышение контрсилового потенциала противника может происходить не только за счет быстрого наращивания количественного состава традиционных средств противодействия (формирования военных коалиций государств, использования мобилизационных потенциалов и т.д.), но и за счет создания **принципиально новых высокоэффективных контрсиловых систем**.

Иначе говоря, для комплексов системы вооружения СЯС должна быть реализована техническая возможность обеспечения устойчивости системы вооружения к вариации технических «угроз» при ограничениях на количество комплексов в системе.

Под указанными «угрозами» понимается такое качественное изменение технологического базиса вооружения стран вероятных противников за счет внедрения базисных и улучшающих инноваций в стратегические контрсиловые системы вооружения, которое:

- обладает свойствами военно-технической внезапности;
- может привести к дестабилизирующему наращиванию контрсилового потенциала противостоящей стороны, то есть к такому увеличению способности поражения комплексов вооружения СЯС РФ на различных этапах их функционирования, которое вызывает снижение потенциала ответно-встречных действий и потенциала сдерживания ниже требуемого для военно-стратегического равновесия уровня;
- не может парироваться путем наращивания численного состава группировки:

а) в рамках договорных ограничений;

б) при выходе из договорных ограничений **за располагаемое допустимое время** с использованием мобилизационных ресурсов оборонной промышленности.

- потребует от РФ больших чем возможному противнику материальных затрат при реализации экстенсивных мер повышения потенциалов сдерживания и ответно-встречных действий за счет ввода новых производственных мощностей и увеличения группировки.

Важным элементом стратегической стабильности, который может сыграть определяющую роль в периоды времени, соответствующие смене технологического базиса стратегических контрсиловых систем возможного противника, является **«технологический паритет»**.

Здесь под «технологическим паритетом» понимается такое состояние научно-технической базы противодействующих сторон, при котором ни для какой из них (в рассматриваемый период времени) не может реализоваться фактор военно-технической внезапности, вследствие чего потенциал сдерживания снижается ниже требуемого уровня.

Обеспечение «технологического паритета» должно стать одним из базовых элементов, определяющих позицию Российской стороны на переговорах по дальнейшим ограничениям в сфере СЯС. Цель достижения «технологического паритета» - обеспечение устойчивости потенциала сдерживания.

Для обеспечения устойчивости потенциала сдерживания Российских СЯС необходимо введение **ограничений на количественный состав** американских гиперзвуковых и высокоскоростных сверхзвуковых УР большого радиуса действия воздушного в тактическом звене) и морского базирования. При этом следует разрешить использование авиационных версий указанных УР только в силах специальных операций (они должны управляться только командованием специальных операций), поскольку США мотивируют их использование якобы для борьбы с терроризмом. Для реализации данного ограничения целесообразно запретить оснащать тактические истребители СОН указанными УР и использовать в качестве платформ только авиационную технику **специального** назначения, например самолеты типа АС-Х (перспективный ударный самолет специального назначения) или поступаемые на вооружение самолеты короткого взлета и посадки с поворотными двигателями CV-22B.

Количественный же состав указанных выше УР в группировке сил специальных операций не должен превышать разумные потребности нанесения «быстрых специальных ударов» по базам террористов и исключать возможность проведения массированного контрсилового удара по объектам СЯС России.

Если «тактические» истребители СОН все же будут оснащаться указанными средствами, то необходимо засчитывать их как **стратегические носители!**

На гиперзвуковые и высокоскоростные сверхзвуковые УР большого радиуса действия, сосредоточенные в морской компоненте, целесообразно введение **ограничений на максимальную дальность действия,** чтобы исключить возможность нанесения контрсиловых ударов по ПР РВСН из прилегающих к России морских акваторий, либо засчитывать их как стратегические носители.

Одновременно необходимо вернуться в режим Договора о ПРО-72г., а как крайняя мера ввести количественные **ограничения** на развертывание систем ПРО **на воздушных платформах** и в качестве безусловного императива запретить их развертывание на БЛА. При этом должны быть запрещены полномасштабные разработки (включая испытания) гиперзвуковых противоракет воздушного базирования, а также аналогичные разработки многоцелевых УР нового класса «воздух-воздух/земля» с дальностью действия свыше 100 км.

Необходимо введение ограничений на боевое оснащение «стратегических БЛА». При этом безусловному запрещению подлежит оснащение БЛА, выполненных по технологиям «STELLS», высокоточным оружием.

Учитывая способность высокоскоростных высокоточных ракет в неядерном оснащении большой дальности воздушного, морского и наземного базирования эффективно решать стратегические задачи по поражению объектов СЯС (стационарных и мобильных ПУ РВСН, РПК с БРПЛ в базах, стратегических бомбардировщиков на аэродромах), а также потенциальную возможность эффективного поражения БРПЛ и МБР на активном участке траектории полета высокоскоростными неядерными ракетами, базируемыми на беспилотных летательных аппаратах, в случае предлагаемой американской стороной разработки нового ДСНВ (еще более ограничивающего количественный состав СЯС) или пролонгации действующего Договора на более длительный период времени на данные средства поражения и их носители должны быть **наложены ограничения.**

Помимо вышесказанного с целью однозначного толкования текстов и затруднения реализации в соглашениях «скрытых параметров» **предлагается ввести следующие термины:**

1. Термин **«высокоскоростная ракета»** означает ракета любого из возможных классов (баллистическая, крылатая, аэробаллистическая и др.) с максимальной скоростью полета M>2, предназначенная (испытанная) для поражения наземных целей.

2. Термин **«авиационная платформа – носитель высокоскоростных ракет» (АП-НВР)** означает летательный аппарат (ЛА) того или иного типа (включая беспилотные летательные аппараты), какой-либо из ЛА который оснащен **высокоскоростными ракетами** дальностью более 300км.

3. Термин **«морская платформа – носитель высокоскоростных ракет» (МП-НВР)** означает морская платформа того или иного типа (надводный корабль, подводная лодка и др.), какая-либо из платформ которого оснащена **высокоскоростными ракетами** дальностью более 1000км.

С учетом вышесказанного при ведении переговоров о дальнейшем сокращении СЯС можно предложить в основной текст Договора по СНВ следующие формулировки.

1. Если количество **АП-НВР** у любой из Сторон превышает число АП-НВР, необходимое для проведения специальных операций (антитеррористических и др.) –

(например) 50….? единиц, превышающее это число количество АП-НВР должно входить **в общее ограничение** на число стратегических носителей, а число размещаемых на указанных платформах высокоскоростных ракет должно входить в общее ограничение на число стратегических боезарядов. Одновременно **отменяется** запрет на баллистические ракеты класса "воздух-поверхность" воздушного базирования дальностью более 600км (п.18 d Договора СНВ-1).

2. Если количество **МП-НВР** у любой из Сторон превышает число МП-НВР, необходимое для проведения специальных операций (антитеррористических и др.) – (например) 10…..? единиц, превышающее это число количество МП-НВР должно входить в общее ограничение на число стратегических носителей, а число размещаемых на указанных платформах высокоскоростных ракет должно входить в общее ограничение на число стратегических боезарядов.

3. В случае прекращения действия Договора о запрещении ракет средней и меньшей дальности, **число высокоскоростных ракет наземного базирования** дальностью более 1000…5500км, в случае их развертывания, **должно входить в общее ограничение на число стратегических боезарядов**.

4. **Запрещается** испытание и развертывание на беспилотных летательных аппаратах высокоскоростных ракет (М>3) класса "воздух-воздух", предназначенных для поражения баллистических ракет на активном участке траектории полета.

В целом проведенный анализ дестабилизирующих военно-технологических факторов российской системы стратегического сдерживания позволяет сделать общий вывод о том, что **США обладают огромным «пространством возможностей» по «конвенциональной» девальвации российского потенциала сдерживания.** Маловероятно, что за оставшееся время в случае начала переговоров по новому ДСНВ российская сторона может его существенно сузить.

В связи с этим, если обеспечение стратегического сдерживания является реальным, а не декларативным элементом российской политики, всякие ограничения (сокращения) в сфере СЯС для России **в настоящее время не выгодны.**

В указанных условиях представляется целесообразным сохранить возможности **поддержания устойчивости потенциала сдерживания СЯС** России как за счет обеспечения их требуемого количественного состава (не ниже уровня, допускаемого ДСНВ), так и за счет модернизации ВиВТ СЯС, внедрения комплекса мер по повышению их боевой устойчивости, разработки и ввода в состав группировок СЯС новых образцов ВиВТ.

При этом предметом новой договоренности может стать усовершенствованный вариант ДСНВ (при условии ликвидации его скрытых, дестабилизирующих параметров). Основной проблемой, которую необходимо решить в будущем, является **обеспечение устойчивости потенциалов сдерживания в условиях нового этапа военно-технологической революции.**

В качестве крайней меры (если имеются некие веские доводы о безусловной необходимости заключения нового ДСНВ, лежащие вне плоскости обеспечения стратегической стабильности) в новом ДСНВ целесообразно предусмотреть сравнительно короткий срок его действия. При этом обусловить принимаемые соглашения проведением переговоров по ликвидации дестабилизирующих военно-технологических факторов системы стратегического сдерживания. Связать продление ДСНВ с успехом этих переговоров и заключением соответствующих договоренностей.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что новые условия требуют выработки новых подходов к контролю над вооружениями и организации договорного процесса по глубоким сокращениям СНВ. На первый план должен быть выдвинут принцип достижения технологического паритета в соответствующей сфере с основными странами, обладающими ядерным оружием.

Реализация данного принципа может стать основным моментом в будущих переговорах по СНВ. **Основные договоренности должны лежать не в количественной сфере, а в сфере ограничений на наиболее опасные военно-технологические программы**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Всякая доктрина проходит три этапа: сначала ее атакуют, объявляя абсурдной, потом допускают, что она, очевидно, справедлива, но незначительна. Признают, наконец, ее истинную важность, и тогда оппоненты оспаривают честь ее открытия».

У.Джеймс

Сдерживание как один из принципов политики и военной стратегии столь же старо, как и сама война.

Сегодня стратегическое сдерживание представляет собой особый вид быстродействующего и широкомасштабного контроля над внешнеполитической и военной ситуацией, позволяющей «слабым» участником конфликта при наличии адекватного механизма реагирования и соответствующих средств (материальных - ВиВТ и информационных) «заморозить» состояние конфликта на допустимой для него ступени эскалации.

Поражение СССР в «холодной войне» на пороге 90-х годов породило большой «оптимизм» по поводу возможности избавиться от ядерного противостояния и заложить в основу международной безопасности принципиально новые отношения, инструменты и институты. Многие надеялись, что с прекращением биполярной конфронтации наступит радикальное сокращение ядерного оружия (выдвигались даже проекты подчинения оставшихся его запасов ООН), а «ядерный фактор» окончательно уйдет из повестки дня мировой политики, национальной и международной безопасности.

Но случилось по-другому. Чуть больше двух десятилетий спустя в общественном восприятии этой проблемы воцарилось глубокое разочарование и растущая тревога, а «ядерный фактор» вновь становится в центре мировой политики.

В настоящее время руководство единственной страны – сверхдержавы – США рассматривает идеологию и видение мировой динамики через призму так называемого «цивилизованного подхода», развитого в трудах З.Бжезинского и С.Хантингтона.

В соответствии со взглядами С. Хантингтона, возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытка переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными; страны сгруппируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций.

Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями. В этом новом мире локальная политика является политикой этнической или расовой принадлежности, глобальная политика – это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций.

Прогнозируется, что наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации.

Необходимо отметить, что при анализе военно-стратегических проблем роль прогнозов и теорий существенно отличается от роли таковых в естественно – научных дисциплинах. С одной стороны, в силу известного в социологии эффекта Эдипа, будучи сделаны и обнародованы, прогнозы сами по себе становятся одним из факторов, предопределяющих выбор будущего из поля возможных сценариев. С другой стороны, независимо от научной обоснованности и достоверности стратегического прогноза, будучи взят на вооружение лидерами сверхдержавы он становится большой, реально действующей силой. Это показывают Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, дальнейшие усилия США по ослаблению «оси зла». Если ведущий идеолог США З.Бзежинский утверждает, что в XXI веке США «будут развиваться против России, за счет России и на обломках России», то это становится важным фактором, в российско-американских отношениях, которые нельзя игнорировать.

Передел сфер влияния в мире вступил в фазу силового противостояния, что многократно увеличивает риски и цену политических решений, принимаемых в настоящее время. Это особенно, и в первую очередь, относится к решениям, принимаемым относительно СЯС России и ее ядерного оружейного комплекса, а также в части создания и реализации системы стратегического сдерживания.

В этой связи следует политически наивной ставку на действенность «демонстраций миролюбия», акций по сокращению своего ядерного арсенала без учета его конкретных характеристик, без сопоставления мощи ВС РФ в целом с вооруженными силами вероятных противников.

Ближайшими целями официальных и, вероятно, скрытых политических сил, стремящихся к мировому господству, является установление контроля над основными мировыми ресурсами, сосредоточение военной силы в одних руках, повсеместная ликвидация политической независимости, подавление источников угроз, как в области идеологии, научных исследований и разработок новой техники, так и на уровне государств и населения. Финансово-экономическое обеспечение решения этих задач основано на принудительном использовании ресурсов стран, вовлекаемых в идущее развитие (подавление за счет подавляемых).

В этой связи, с учетом вышесказанного, можно сделать вывод, что агрессия против России и ее союзников возможна, время «работает» против нас. Для менталитета хозяев совокупного Запада сама возможность нанесения им неприемлемого ущерба любой третьей стороной при овладении объектом конфликта является абсолютно непозволительной, в частности, потому, что не вписывается в концепцию унифицированной по американскому образцу, однополярной глобализации мира. Поэтому Запад готовится к победоносной войне,

как способу разрешения конфликта, и, конечно, не упустит свой шанс воспользоваться слабостью России.

Таким образом, на текущем этапе исторического и цивилизационного развития роль военно-промышленного комплекса в первую очередь состоит в том, чтобы выиграть время и удержать другие цивилизации, прежде всего американскую, от попыток расчленить Россию, от территориальных захватов, от акций, направленных на резкое сокращение возможностей России по отстаиванию своих национальных интересов.

Стратегическое сдерживание в условиях быстрой милитаризации мира и одновременном отсутствии крупных войн, накоплении напряжения и усиливающейся их разрядке, сочетании неустойчивости и стабилизации становится более важным средством, чем в период гонки вооружений, когда оно впервые было предложено. Оно должно рассматриваться не только как средство деэслакации конфликтов, но и как средство дающее время и оперативный простор для подъема сознания субъектов.

Процессы самоидентификации населения страны, выращивания национальной элиты, лишенной комплекса вины в развале сверхдержавы, выход из нынешнего демографического кризиса и модернизации экономики, переоснащения вооруженных сил современными образцами В и ВТ являются медленными. Поэтому можно ожидать, что вооруженным силам страны придется обеспечивать защиту государственных интересов в крайне неблагоприятых внешних и внутренних условиях по крайней мере в течение ближайших 15-20 лет. Примерно столько же лет при нынешнем курсе страны и темпах экономического развития займет решение трех стратегических задач, сформулированных в Посланиях Президента РФ: удвоение ВВП, победа в борьбе с бедностью и оснащение вооруженных сил РФ оружием новых поколений. В условиях слабости сил общего назначения России и складывающейся не в последнюю очередь от действий США неблагоприятной геополитической ситуации главным военным средством обеспечения механизма сдерживания являются СЯС.

Развитие событий в мире не обещает, что XXI век будет спокойным и безмятежным. В результате все возрастающей военно-политической активности США и НАТО, ростом противоречий между Севером и Югом, а также локальных войн и военно-силовых акций, обострения борьбы за сырьевые и энергетические ресурсы война как социальное явление не только не сходит с исторической арены, но и приобретает новые формы и геополитические характеристики. Это говорит о том, что сохранение необходимого потенциала сдерживания для СЯС на ближайшие десятилетия XXI века можно считать одной из важнейших не только военных, но и военно-политических задач нашего государства. Но для ее решения потребуются проработка и принятие конкретных мер с учетом максимального сохранения существующей и создания перспективной группировки СЯС, способной иметь потенциал ядерного сдерживания. А значит, и определенные усилия государства в экономическом плане, наконец, политическая воля руководства страны.

Исторический опыт учит, что политики должны направлять свои основные усилия на предотвращение войны, а военные, наоборот, сосредоточить их на подготовке к войне на тот случай, если не удастся ее предотвратить. Для армии недопустима неподготовленность к вооруженной защите национальных интересов и безопасности своего государства, своего народа. В противном случае возможны неоправданные тяжелые потери и бедствия как для самой армии, так и для всего народа.

Таким образом, от уровня боеготовности, устойчивости и оперативности боевого управления, способности надежно поражать различные цели противника на удаленных территориях зависит реализация СЯС функции сдерживания и предотвращения войны.

На сегодня и ближайшую перспективу РВСН как основа СЯС России остаются той реальной военной мощью, наличие которой вносит значительный вклад в поддержание ее обороноспособности.

В этой связи особого внимания заслуживает изучение и объективная оценка предложений американской стороны по дальнейшим глубоким сокращениям в сфере СЯС, поддерживаемой международной группой «Глобальный ноль» и предложений так называемого российского «экспертного сообщества», направленных на поиски «новых моделей» и подходов к ядерному сдерживанию, особенно, если указанные предложения активно внедряются в структуры органов государственного и военного управления, отвечающих за формирование военно-технической политики России в сфере строительства СЯС и их основного компонента - РВСН.

В предлагаемой работе показано, что России необходима полноценная оптимизированная ядерная деятельность, включая адекватную реакцию на различного вида разоруженческие инициативы. Указанная адекватность в первую очередь подразумевает переход к невербальным основам принятия решений в военно-политической сфере. Вырабатываемые решения должны стать результатом количественного анализа альтернатив с задействованием методов математического моделирования для идентификации возможных **вариантов развития будущего.**

При выработке рациональных поведенческих стратегий в области глубоких сокращений ЯО необходимо перейти от «одномерного» (то есть чисто военного) рассмотрения проблемы **к комплексному учету влияния ядерного фактора на будущее**.

Теория и методология обоснования предельных уровней сокращения должна основываться на рассмотрении СЯС:

а) как фактора сдерживания;

б) как геополитического фактора (фактора мощи государства).

Исследования по выработке рациональных решений в области СЯС должны иметь своей целью анализ геополитической динамики, проводимый на основе математического моделирования сдерживающих возможностей СЯС и их влияния на сценарии развития мировой системы до 2030…2040 гг., оценку возникающих в этом контексте альтернатив для

мира России, открывающихся (закрывающихся) возможностей и наиболее вероятных угроз для нашей страны.

Математическое моделирование и системный анализ мировой геополитической динамики представляют собой ту «концептуальную лупу», через которую надо рассматривать различного вида разоруженческие предложения.

В этой связи анализ предложений американской стороны показывает, что новый разоруженческий «план Б.Обамы» неприемлем для России, поскольку:

а) с одной стороны, он абсолютно дестабилизирующий (в том числе не обеспечиваются сдерживающие возможности СЯС),

б) с другой стороны, «отбрасывающий» Россию вниз в «мировой табели о рангах» (существенно снижающий ее геополитический статус), что может привести к возникновению новых вызовов и угроз в период 2015…2020 гг.

На основе результатов математического моделирования геополитических последствий сокращения СЯС (относительно уровня, определяемого Договором о СНВ) сделан вывод, что «промежуточные варианты» (между «уровнями Б.Обамы» и «уровнями нового ДСНВ») не позволяют обеспечить сдерживающие возможности СЯС России во всех условиях проведения ОВУ в период 2015…2020 гг. Кроме того, сопровождающее сокращения СЯС существенное снижение геополитического статуса России в прогнозируемый момент максимального развития мирового экономического кризиса (2015…2017 гг.) приведет к резкому изменению мировой геополитичесой «конфигурации» и сократит ее возможности достойно «вписаться» в новую мировую систему.

В результате существенных сокращений СЯС Россия попадет в «геополитический коридор-аттрактор», что может привести к долговременной потере ею самостоятельности, не даст возможности консолидировать вокруг себя (в период спада добычи энергоносителей) энергодобывающие страны. План В. Путина по превращению России в великую энергетическую державу не сможет быть реализован за обозримый период времени. Как следует из результатов моделирования с использованием положений теории борьбы условных информаций, глубокие сокращения СЯС России являются фактором, «работающим» на распад страны.

Россия, приняв параметры заключенного Договора о СНВ, уже достигла «критического порога» своих СЯС. Обсуждаемые «глубокие сокращения» СЯС не обеспечивают стратегическую стабильность, дадут эмерджентный (неочевидный) эффект, в том числе приведут к «раскручиванию» Соединенными Штатами технологической гонки вооружений в сфере СНС, стратегических оборонительных систем и СОН, обострению отношений с США вокруг приема новых членов в НАТО, сохранения американских авиабаз на территории СНГ. Для обеспечения стратегической стабильности необходимо, в первую очередь, ликвидировать дестабилизирующие параметры Договора о СНВ.

В условиях радикальных сокращений СЯС состояние стратегической стабильности России будет определяться не только наличием запаса устойчивости военно-стратегического равновесия (который будет отсутствовать), но и возможностями по компенсации дестабилизирующего действия возникающих военно-технологических сдвигов. При этом процесс дальнейшего количественного сокращения СЯС (в том числе ограничение на число носителей) должен быть жестко увязан с введением ограничений в военно-технологической сфере. Это положение может составить суть новых подходов к политике сокращений СЯС.

В условиях экономического кризиса и практического развала системы научно-технического воспроизводства Россия пока не в состоянии эффективно вести технологическую гонку вооружений. США являются ведущей мировой державой, проводящей интенсивные разработки перспективных военных технологий. Технологический отрыв с каждым годом будет возрастать. Переговоры, которые направлены на ограничение в первую очередь количественного состава СЯС, делают мало для того, чтобы обуздать развитие военных технологий, обеспечивающих создание новых, не ограничиваемых соглашениями стратегических контрсиловых систем. Это требует разработки новой содержательной парадигмы обеспечения стратегической стабильности с учетом технологического фактора.

В настоящее время в силу ряда причин Россия (в отличие от СССР) не может следовать «стратегии сильного», когда на каждый военно-технологический вызов США давался адекватный ответ (стратегия «действие-противодействие»). Сейчас в рамках политики стратегического сдерживания мы вынуждены перейти к «стратегии слабого» с широким задействованием механизмов рефлексивного и институционального управления противостоящей стороной.

В этой связи переговорный процесс по заключению нового ДСНВ, а также достигнутые договоренности должны рассматриваться Российской стороной в качестве одного из механизмов, реализующих управление стратегическим сдерживанием, в рамках четырех базовых типов управлений:

- управления «гудвилом» страны;
- институционального управления,
- мотивационного управления, заключающегося в целенаправленном изменении предпочтений (функции полезности) контрпартнера по переговорам;
- информационного управления, путем:

а) целенаправленного влияния на информационную среду переговорного процесса;

б) целенаправленного влияния на представления контрпартнера по переговорам о субъективных параметрах, которыми руководствуется Российская сторона (передаются «основания» для принятия решений американской стороной);

в) «активного» прогноза, заключающегося в целенаправленном сообщении информации о будущем, связанным с действиями субъектов переговорного процесса.

Если же мы действительно (а не декларативно) рассматриваем сдерживание в качестве одной из важных составляющих государственной политики, то процесс дальнейшего сокращения СЯС России должен быть жестко обусловлен в том числе введением ограничений в сфере разработки базовых военных технологий в ударной компоненте СОН (морской и авиационной), которые носят дестабилизирующий характер и, в частности, в сфере создания и принятия на вооружение тактической авиации высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых управляемых ракет «воздух-земля» большой дальности.

Проведенный в работе информационно – технический анализ позволил сделать вывод о том, что помимо системы «стратегической» и так называемой «нестратегической» ПРО в качестве основных дестабилизирующих факторов, представляющих собой угрозы системе стратегической стабильности на предполагаемый период действия нового ДСНВ, можно указать следующие:

- Базовые военные технологии создания высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых высокоточных ударных средств большой дальности в «обычном оснащении»;
- Ударные беспилотные летательные аппараты (БЛА) различного типа, включая платформы для противоракет.

Данные дестабилизирующие факторы целесообразно рассматривать в качестве объекта институционального управления (т.е. объекта ограничений, обусловленных сокращениями в сфере СЯС) при ведении переговоров о дальнейших сокращениях СЯС.

В складывающихся условиях единственной рациональной поведенческой стратегией России в ответ на американские инициативы по дальнейшим сокращениям СЯС представляется следующее:

1. Поддерживать верхний уровень количественного состава СЯС, допускаемый Договором о СНВ.

2. В рамках переговорного процесса, когда США активно выступают с «разоруженческой инициативой», целесообразно отойти от «оборонительной» тактики (от тактики «отступления на некие заранее подготовленные рубежи», например к промежуточному варианту количественного состава СЯС), а основываться на «стратагемном поведении», чтобы не дать возможность американской стороне повысить свой «гудвил» и снизить «гудвил» России.

В этой связи Российской стороне целесообразно активно выдвигать парадигму «новых подходов» к контролю над стратегическими вооружениями и, в частности, направить ход переговоров в новое русло, не затрагивающее количественные параметры российских СЯС. При этом отстаивать положение о том, что основные договоренности должны лежать не в

количественной сфере, а в сфере ограничений на наиболее опасные военно-технологические программы.

3. Разоруженческие усилия целесообразно сконцентрировать на ликвидации «скрытых параметров» Договора о СНВ и, в частности, на снижении «возвратного потенциала» СНС США как существенно дестабилизирующего фактора, сокращениях дестабилизирующих видов т.н. «нестратегического ЯО» (крылатых ракет морского и авиационного базирования), увязке стратегических наступательных и оборонительных вооружений и недопущении развертывания космического эшелона ПРО, ограничениях на неядерный компонент стратегических наступательных сил, введении ограничений на технические характеристики и возможности «стратегических» БЛА (которые «выпали» из договорного процесса, но становятся все более и более эффективными контрсиловыми системами).

4. Для обеспечения устойчивости потенциала сдерживания Российских СЯС необходимо введение ограничений на количественный состав гиперзвуковых и высокоскоростных сверхзвуковых УР большого радиуса действия воздушного (в тактическом звене) и морского базирования. При этом следует разрешить не попадающее под ограничения использование авиационных УР только в силах специальных операций (они должны управляться только командованием специальных операций), поскольку США мотивируют их использование якобы для борьбы с терроризмом. Для реализации данного ограничения целесообразно добиваться запрета оснащения тактических авиационных средств СОН указанными УР и использовать в качестве платформ только авиационную технику специального назначения, например самолеты типа АС-Х (перспективный ударный самолет специального назначения) или поступаемые на вооружение самолеты короткого взлета и посадки с поворотными двигателями CV-22B.

Количественный же состав указанных выше УР в группировке ССО не должен превышать разумные потребности нанесения «быстрых специальных ударов» по базам террористов и исключать возможность проведения массированного контрсилового удара по объектам СЯС России.

Если же запрет «не пройдет», и ударные авиационные средства СОН будут оснащаться указанными УР, необходимо добиваться засчета их как стратегических носителей.

На гиперзвуковые и высокоскоростные сверхзвуковые УР большого радиуса действия, сосредоточенные в морской компоненте, целесообразно введение ограничений на максимальную дальность действия, чтобы исключить возможность нанесения контрсиловых ударов по ПР РВСН из прилегающих к России морских акваторий, либо засчитывать их как стратегические носители.

Одновременно необходимо начать переговоры о возвращении в режим Договора о ПРО-72г., а как промежуточная мера ввести количественные ограничения на развертывание систем ПРО на воздушных платформах и в качестве безусловного императива запретить их развертывание на БЛА. При этом должны быть запрещены полномасштабные разработки

(включая испытания) гиперзвуковых противоракет воздушного базирования, а также аналогичные разработки многоцелевых УР нового класса «воздух-воздух/земля» с дальностью действия свыше 100 км.

Необходимо введение ограничений на боевое оснащение «стратегических БЛА». При этом безусловному запрещению подлежит оснащение БЛА, выполненных по технологиям «STELLS», высокоточным оружием.

Что касается реализуемости группировки СЯС России позволяющей эффективно решать задачу обеспечения стратегического сдерживания, то в соответствии с приведенными в работе результатами математического моделирования реакции экономики страны на военные расходы показано, что у России нет экономических ограничений на поддержание верхнего количественного уровня СЯС, допускаемого Договором о СНВ. Увеличение ГОЗ в 1.5 раза относительно существующего уровня не приведет в среднесрочной перспективе к сколь-нибудь значимой инфляции и не снизит ВВП. И, наоборот, создаст условия для перевода экономики в высокопродуктивное состояние и обеспечит экономическую устойчивость предприятий оборонно-промышленного комплекса (и, в частности, отечественного машиностроения), что исключительно важно в условиях развивающегося мирового экономического кризиса.

В целом, оценивая возможности адекватного реагирования на предложения по глубоким сокращениям в сфере СЯС, приходится констатировать, что после развала СССР и разрушения хоть не самых эффективных, но работающих механизмов принятия и реализации государственных решений в области обеспечения военной безопасности, новых действенных механизмов управления стратегическим сдерживанием, а также таким сложным и чувствительным (уязвимым) к принятию внешнеполитических решений «хозяйством», как СЯС, создано не было.

Если перед Россией реально (а не декларативно) стоит задача превращения в великую энергетическую державу, то она должна удерживать за собой соответствующий геополитический статус (2..3-е место). В преддверии наступления пика развития экономического кризиса и прогнозируемого начала спада добычи энергоносителей для России нет другой альтернативы как стать лидером добывающих стран, точкой их консолидации, а для этого ей в том числе необходимо обладать и соответствующей мощью, которую в значительной мере обеспечивают СЯС.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Андре Моруа. Мемуары. М.: Варигус. 1999. 512с.
2. Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2011.-432с.
3. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития/ Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 488с.
4. В.А.Садовничий, А.А.Акаев, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков. Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с.
5. Андреев В. Г. 1999. Геополитика и мировая война.*Обозреватель – Observer* 12/119.
6. Арон Р. 2000.*Мир и война между народами*. М.: NOTABENE.
7. БжезинскийЗ. 2000. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы.*М.: Международные отношения.
8. Винокуров Г. Н., Коняхин Б. А., Подкорытов Ю. А. 2008. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов. *Стратегическая стабильность* 2: 49–53.
9. Дугин А. Г. 1997.*Основы геополитики*. М.: Арктогея.
10. Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2010. *История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее*. М.: Либроком/URSS.
11. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*а*. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛКИ/URSS.
12. Малков С. Ю. 2002. Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие*/ Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов. М.: Наука. С. 291–323.
13. Малков С. Ю. 2003. Математическое моделирование динамики общественных процессов. *Связь времен*/ Ред. И. Л. Жеребцов. Т. 2. М.: МГВП КОКС. С. 190–214.
14. Малков С. Ю. 2004. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели. *Моделирование социально-политической и экономической динамики*/ Ред. М. Г. Дмитриев. М.: РГСУ. С. 76–188
15. Малков С. Ю. 2009. *Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования*. М.: Либроком/URSS.
16. Малков С. Ю., Ковалев В. И., Малков А. С. 2000. История человечества и стабильность (опыт математического моделирования). *Стратегическая стабильность* 3: 52–66.
17. Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010. К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики*/ Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 234–248.

18. Малков А. С., Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2010. Математическое моделирование взаимодействия центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики*/ Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 277–286.
19. Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.*Современные тенденции мирового развития*. М.: Либроком/URSS.
20. Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS. С. 78–117.
21. Акаев А. А. 2010*а*. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом. *Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS. С. 230–258.
22. Акаев А. А. 2010*б*. Фундаментальные пределы экономического роста и потребления. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: УРСС. С. 12–30.
23. Акаев А. А., Садовничий В. А. 2010. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики. // *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 5–69.
24. Акаев А. А. 2007. Вывод общего уравнения макроэкономической динамики, описывающего совместное взаимодействие долгосрочного роста и деловых циклов.// *Доклады Академии наук* 417/4: 439–441.
25. Акаев А. А. 2008. Влияние деловых циклов на долговременный экономический рост. *Доклады Академии наук* 421/1: 29–33.
26. Акаев А. А. 2009*а*. Вывод общего уравнения макроэкономической динамики с нелинейным акселератором и анализ его решений. // *Время, хаос и математические проблемы* 4: 183–202.
27. Акаев А. А. 2009*б*. Качественный анализ влияния деловых циклов на экономический рост.// *Экономика и математические методы* 45/3: 78–137.
28. Акаев А. А., Ануфриев И. Е., Акаева Б. А. 2011. Математическое моделирование мирового развития. Демография, экономика, энергетика, технологии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS, 2011. С. 278–311.
29. Акаев А. А., Ануфриев И. Е., Попов Г. Н. 2010. Технологическая модернизация промышленности и инновационное развитие – ключ к экономическому возрождению России в XXI веке. *Инновации* 11/145: 15–28.
30. Акаев А. А., Галилеев М. М., Михайлушкин А. И. 2011. Компьютерный анализ модели долгосрочной экономической динамики *Проекты и риски будущего. Концепции, модели,*

инструменты, прогнозы / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 130–137.

31. Пантин В. И. 1996. *Циклы и ритмы истории.* Рязань: Аракс.
32. Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+.
33. Пантин В. И. 2010. Циклы политического развития и прогноз мировой динамики в период 2010–2025 гг.: политические риски и альтернативы. *Циклы политического развития: прогностический потенциал* / Ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН. С. 28–45.
34. Ричард Данн. Эпоха религиозных войн. 1559-1689. М.: Центрполиграф. 2011
35. Криппендорф К. 36 стратегий для победы в эпоху конкуренции / Перев. с англ. — СПб.: Питер. 2005.—256 е.: ил.
36. Ковалев В.И., Ракитянский Н.М.,ЗинченкоМ.С. О «большой войне» на Ближнем и Среднем Востоке. Как понимать и что делать». «Информационные войны» №4, 2012, с. 10..29.
37. Андреев В. Г. 1999. Геополитика и мировая война.*Обозреватель – Observer* 12/119.
38. Арон Р. 2000.*Мир и война между народами*. М.: NOTABENE.
39. Винокуров Г. Н., Коняхин Б. А., Подкорытов Ю. А. 2008. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов. *Стратегическая стабильность* 2: 49–53.
40. Глобальный силометр. 2005.*Политический журнал №*3.
41. Коняхин Б. А., Подкорытов Ю. А., Винокуров Г. Н. 2006. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств. *Стратегическая стабильность* 1: 9–16.
42. Кузьмин В. И., Галуша Н. А. 2000.*Количественная геополитика*. М.: Институт политического и военного анализа.
43. Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Малков С. Ю., Малков А. С. 2002.Математическое моделирование геополитических процессов.*Стратегическая стабильность*1: 60–66.
44. Amerikan National Security and Process, N.Y, 1981, p 553
45. Безгинов А.. Костюк А. Ретроспективная оценка роли ядерного оружия. //Стратегическая стабильность. – 1998. – №2. – с. 38–46.
46. Денисов А.А., Денисова Е.В. Переход к постиндустриализму и условия нового баланса сил в военной области. // «Информационные войны», № 3, 2010. С. 15-23.
47. Марк Твен Старые времена на Миссисипи (Old Times on the Mississippi),
27. 1875 Перевод Р.Райт-Ковалевой http://www.gramotey.com/
48. «Снижение ядерных рисков: могут ли Россия и США отказаться от взаимного ядерного устрашения».- М. ИСКАН. 2004г.
49. Сунь-Цзы Искусство войны (под редакцией Томаса Клири) Перев. с англ. — М.: Издательство «София», 2010. — 224 с., илл.
50. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957.

51. Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. Геополитическая траектория государства: моделирование и прогноз /«Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы» Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2013
52. Винокуров Г. Н., Ковалев В. И., Малков С. Ю. Геополитическая динамика и сокращение ядерных вооружений / Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с.
53. Ковалев В.И. Технологическая гонка вооружений и стратегическая стабильность. // Двойные технологии. №1. 1997
54. Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее/ Изд.2/ Под ред. и с предисл. Г.Г.Малинецкого/ Синергетика: от прошлого к будущему. №50/ Будущая Россия. – М.: Либроком, 2012. – 288 с.
55. Агеев А.И., Курдюмов В.С., Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего. Кризис и идеи С.П. Курдюмова// Экономические стратегии. 2009, №4, с.94-102.

ГЛАВЫ 1…3

1. Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения.-М.: ИЛ, 1957.
2. Фейнберг Е.Л. Кибернетика, логика, искусство. – М.: Радио и связь, 1981 – 144с.
3. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977;
4. Rescher N. The Coherence Theory of Truth. Oxf., 1973.
5. Михайлов В. Н. Я – «ястреб»: Воспоминания, публикации, интервью. 1988-2007 годы.- М.:Институт стратегической стабильности Росатома, 2008
6. Климатические и биологические последствия ядерной войны. М.:Наука, 1987.
7. Струве П.Б. «Великая Россия». – М.: Вопросы философии №12, 1992
8. http://www.regnum.ru/news/polit/1612222.html#ixzz2I7Ccy1ea
9. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957. Оригинал: *Liddel Hart B.H.* Strategy The Indirect Approach. — N.-Y., 1954.
10. http://www.finanal.ru/002/perspektivy-rossiisko-amerikanskogo-yadernogo-razoruzheniya?page=0,5
11. Максим Калашников, Евгений Осинцев Завтра была война. 22 декабря 201... года. Ахиллесова пята России. М.: АСТ, Астрель, ВКТ, 2010.
12. Ковалев В.И. Технологическая гонка вооружений и стратегическая стабильность. // Двойные технологии. №1. 1997
13. Ивлев А.А. «Основы теории Бойда. Направление развития, применения и реализации.» М.2008 – 64 с.
14. Hammond G.T. The Mind of Warjohn Boyd and American Security. Institution Press, 2001
15. Мартин Ван Кревельд «Трансформация войны. Перев. с английского – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005 – 344с.

16. А.С.Дьяков, Е.В.Мясников «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США. М.:Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, 2007г.
17. Денисов А.А. «Призрачные» субъекты в управлении современным военным и политическим конфликтом. // «Государственная служба», № 2 (64), 2010. С. 67-70.
18. Денисов А.А. I. Подавление циклов Бойда: Опыт управления военными и политическими конфликтами 1999-2009 гг. // «Информационные войны», № 2 (14), 2010. С. 2-13.
19. Денисов А.А., Денисова Е.В. II. Подавление циклов Бойда: Новый принцип управления военными и политическими конфликтами. // «Информационные войны», № 3, 2010. С. 2-14.
20. Денисов А.А., Денисова Е.В. Переход к постиндустриализму и условия нового баланса сил в военной области. // «Информационные войны», № 3, 2010. С. 15-23.
21. Денисов А.А., Денисова Е.В. III. Подавление циклов Бойда: Полная схема управления постиндустриальным военным и политическим конфликтом. // «Информационные войны», № 4, 2010. С 26-37.
22. Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД. // «Информационные войны», № 3 (19), 2011. С. 33-44.
23. Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД («Призрачные субъекты»). // «Информационные войны», № 4 (20), 2011. С. 2-11.
24. Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД (Математическая теория Сказочника). // «Информационные войны», № 1(21), 2012.
25. ИРИСЭН «Меняющееся лицо войны: четвертое поколение» (У.С.Линд, К.Найтингейл и др.) Marine Corps Gazette, October 1989, pp. 22-26.
26. Ковалев В.И. проблема управления процессами модернизации в военной сфере в условиях неопределенности представлений о военных конфликтах будущего. // «Информационные войны», № 4(24), 2012.
27. Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Малков С. Ю., Малков А. С. 2002.Математическое моделирование геополитических процессов.//*Стратегическая стабильность №*1: 60–66.
28. Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. Геополитическая траектория государства: моделирование и прогноз /«Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы» Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2013
29. Андреев В. Г. 1999. Геополитика и мировая война.*Обозреватель – Observer* 12/119.
30. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность // Т. II, М.: НП «Центр общественных экспертиз», 544 с., 2009 г.
31. Коняхин Б. А., Подкорытов Ю. А., Винокуров Г. Н. 2006. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе

математического моделирования динамики геополитических статусов государств. // *Стратегическая стабильность* 1: 9–16.

32. Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010. К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 234–248.
33. Малков А. С., Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2010. Математическое моделирование взаимодействия центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 277–286.
34. Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2011.-432с.
35. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития/ Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 488с.
36. В.А.Садовничий, А.А.Акаев, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков. Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с.
37. Акаев А. А., Садовничий В. А. 2010. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 5–69.
38. Кондратьев Н.Д. 1928. *Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждения в Институте экономики.* М.: РАНИОН.
39. Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010. Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 5–69.
40. Гринин Л. Е. 2006. *Производительные силы и исторический процесс.* 4-е изд. М.: УРСС.
41. Гринин Л. Е. 2007. Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: ЛКИ/URSS. С. 219–246.
42. Гринин Л. Е. 2010. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.
43. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.

44. Айвазов А. 2008. Либеральные сказки и кондратьевские волны. *Профиль* 40.
45. Глазьев С. Ю. 1993. *Теория долгосрочного технико-экономического развития*. М.: ВлаДар.
46. Кондратьев Н. Д. 1989. *Проблемы экономической динамики*. М.: Экономика.
47. Кругман П. 2009. *Возвращение великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата*. М.: Эксмо.
48. Пантин В. И. 1996. *Циклы и ритмы истории*. Рязань: Аракс.
49. Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в*. Дубна: Феникс+.
50. Arrighi G. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso.
51. Arrighi G., Moore J. 2001. Capitalist development in World-historical Perspective. *Phases of Capitalist Development. Booms, Crises and Globalization*. London: Macmillan.
52. Goldstein J. 1988. *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven, CT: Yale University Press.
53. Mason T. 2008. Flashpoint: Surviving the Financial Crisis. *Tribune Star*. December 13, 2008.
54. Modelski G. 1988. *Long Cycles in World Politics*. London: Macmillan.
55. Modelski G., Thompson W. R. 1996. *Leading Sectors and World Powers. The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
56. Perez-Perez C. 1984. Structural Change and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System. *Long Waves in the World Economy* / Ed. by Ch. Freeman. London: Frances Pinter.
57. Van Room G. 1984. Historians and Long Waves. *Long Waves in the World Economy* / Ed. by Ch.
58. Акаев А. А., Турдуев М. 2010. Об одном подходе к математическому описанию долговременной динамики экономического развития, основанном на учении о больших циклах Н. Д. Кондратьева. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А
59. Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2010. *История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее*. М.: Либроком/URSS
60. Пантин В. И. 2010. Циклы политического развития и прогноз мировой динамики в период 2010–2025 гг.: политические риски и альтернативы. *Циклы политического развития: прогностический потенциал* / Ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН. С. 28–45.
61. Брагинский О. Б. 2008. Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику. *Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д. И. Менделеева)* LII(6): 25–36.
62. Гринин Л.Е. 2010*а*. *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* Изд. 2-е, испр. М.: Либроком/URSS.

63. Гринин Л. Е. 2010*б*. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.

64. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*а*.*Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: Либроком/URSS.

65. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*б*. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.

66. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.*Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛИБРОКОМ.

67. Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю.2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из «мальтузианской ловушки»: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории: Математическое моделирование исторических процессов* /Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS. С. 78–117.

68. Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010*а*. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах русской революции /* Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ/URSS.С. 368–427.

69. Гринин Л. Е., Коротаев, А. В., Малков С. Ю. 2010*б*. Русские революции в столетней ретроспективе. Введение. *О причинах русской революции /* Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ/URSS.

70. Гринин Л. Е., Малков С. Ю, Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и математика. Процессы и модели / Ред.* Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS.С. 134–210.

71. Кепель Ж. 2004. *Джихад. Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир.

72. Коротаев А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Восточная литература.

73. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005. *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография. Экономика. Войны*. М.: Ком. Книга/URSS.

74. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007. З*аконы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.

75. Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.*Современные тенденции мирового развития*. М.: Либроком/URSS.

76. Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/URSS.

77. Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.

78. Национальный разведывательный совет США. 2009. *Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США*. М.: Европа.
79. Нефедов С. А. 1999. *Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества*. Автореферат дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет.
80. Нефедов С. А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: УГГУ.
81. Нефедов С. А. 2008. *Факторный анализ исторического процесса*. М.: Территория будущего.
82. Побережников И. В. 2006.*Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
83. Турчин П. В. 2007.*Историческая динамика. На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/URSS.
84. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков. С.Ю, Малков А.С Борьба условных информаций. История и синэргетика: Математическое моделирование социальной динамики /Отв. ред. Малков С.Ю., Коротаев А.В.-М.: КомКнига, 2005.-192с
85. А.Л.Чижевский. Земное эхо солнечных бурь. Москва, 1973. С.25.
86. А.Л.Чижевский. Теория гелиотараксии. М.:Изд.автора, 1930. С.4
87. А.Л.Чижевский. Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995. 765 с.
88. Modelski, George. 1978. "The long cycle of global politics and the nation-state." COMPARATIVE STUDIES IN SOCIETY AND HISTORY 20,2:214-35.
89. С.С.Сулакшин «Мировые финансово-экономические кризисы и глобальное латентное управление миром». Материалы научного семинара. Вып№3. М.: Научный эксперт. 2011
90. Федотова В.Г., Кросс Ш. Российский социум на переломе. Православие, Вебер и новый русский капитализм // Общественные науки и современность. 2006. № 2.
91. Ковалев В.И., Ракитянский Н.М.. Зинченко М.С. О «большой войне на ближнем и Среднем Востоке. Как понимать и что делать? // Информационные войны . 2012. №4
92. Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. 2012. № 5.
93. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВИЗО, 2002.
94. Панарин А.С. Реванш истории. – М., 2005. – С. 11-12.
95. Москва – Константинополь. Кто объединит Православный мир и Евразийское пространство? // Aurora Expertum. Москва – Париж. 2012. № 1. – С. 38-39
96. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2000. – С. 179
97. Г.Винокуров, В.Ковалев, С.Малков «БОЛЬШАЯ ВОЙНА» НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ». М.: Вестник Академии Военных наук, №1, 2012
98. США приняли решение о начале «горячей фазы»? URL: earth-chronicles.ru/news/2012-06-15-24840
99. Империя против Ирана и Сирии. URL: geopolitica.ru/Articles/1430/

100. «Арабскую весну» готовили не США или НАТО. URL: www.rosbalt.ru/main/2012/07/06/1007667.html. 06 июля 2012
101. Троицкий М. Внешнеполитические горизонты Митта Ромни. URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4=582
102. Сергеев В.«Сирийская весна» и пределы прочности режима БашараАсада. URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4=266
103. К чему может привести ослабление шиитов в Сирии и Ливане? URL: friendfeed.com/newsland/24d417ef
104. Супонина Е.Куда качнется сирийская чаша весов? URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4=552
105. Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Моск. ун-та. 2012. № 4.
106. Аватков В., Тюкаева Т. Турция – Саудовская Аравия: конфликтный союз вокруг Сирии. URL: регнум.рф/news/polit/1516993.html
107. Переформатирование политического пространства Ближнего Востока в неоколониальном контексте. URL: geopolitica.ru/Articles/1429/
108. Паника в Саудовском королевстве. URL: topwar.ru/16148-panika-v-saudovskom-korolevstve.html
109. Эр-Рияд в зоне риска. URL: newsland.ru›news/detail/id/992235/
110. Турция рвется в шерифы Ближнего Востока.URL: www.utro.ru/articles/2011/09/13/998111.shtml
111. *Нож* к *горлу Евразии.*URL: www.segodnia.ru/content/110383
112. СМИ: военные США готовятся к новой операции на Востоке.URL: www.newsland.ru/news/detail/id/989510/
113. Р.А.Исмаилов, С.Б.Переслигин «Учение о темпах операции». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002г.
114. С.Б.Переслигин «Введение в теорию неаналитических операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2000г
115. С.Б.Переслигин «Стратегия чуда. Введение в теорию неаналитических операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002г
116. США: мы не позволим Ирану закрыть *Ормузский пролив*.URL: webground.su/topic/2011/12/28/t403/
117. Медведский Д. «Иллюминация» КРИЗИСА. URL: www.zavtra.ru/content/view/illyuminatsiya-krizisa/
118. Ракитянский Н.М.Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. 2012. № 4.
119. Разведка религиозных недр. Борьба за природные ресурсы в будущем примет форму войн за веру. URL: http://religion.ng.ru/politic/2009-04-01/6_razvedka.html
120. Kurth J. The Protestant Deformation and American Foreign Policy // Orbis. – 1998. Spring.Vol. 42.No. 2.

121. Цит. по: Turner, B. Social Cement / B. Turner, R. Bocock, K. Thoompson // Religion and Ideology, A reader. Ed. by, – Manchester: Manchester University Press, 1985.P. 236.
122. Негри А.,Хардт М. Империя. URL: http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Polit/hardt/01.php
123. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003.– С. 12.
124. Джемаль Г. Освобождение Ислама. – М., 2004.
125. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность / Под ред. Д.Б. Малышевой. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. – С. 65.
126. Борисов Б. Многопроклятый мир. – М.:Русский обозреватель, 2009.
127. НАТО переходит к доктрине «умной обороны» http://voennovosti.ru/2012/06/nato-perexodit-k-doktrine-umnoj-oborony/
128. Концепция "умной обороны" и саммит НАТО http://rus.ruvr.ru/2012_05_23/75681914/
129. «Умная оборона» для НАТО http://old.actualcomment.ru/idea/669/
130. Умная оборона НАТО. Инициатива «smart defence». http://modernpolitics.ru/2012/05/agenda-yadernoe-usilenie-rossii-umnaya-oborona-nato-tragediya-v-sirii/
131. НАТО обороняется от кризиса http://nationalsafety.ru/n69129
132. Опасная реформа НАТО: альянс хочет выйти на новый уровень, дав России шанс хорошо заработать http://www.newsru.com/world/15may2012/natoreform.html
133. Неэкономная "Большая Восьмерка" и "умная оборона" НАТО Западная элита ищет новые рецепты выхода из кризиса. https://peoplefirst.org.ua/ru/articles/uneconomical-g8-and-natos-clever-defense
134. Умная оборона, или Оптимизация безопасности по-натовски ("Geopolitika", Литва) http://www.inosmi.ru/world/20130114/204599540.html
135. Ф.А. Лукьянов - Не очень умная оборона. http://globalaffairs.ru/redcol/Ne-ochen-umnaya-oborona-15552, 17 мая 2012
136. J.S.Goldstain Long Cycles: Prosperity and War in modern age, 1988
137. К.Криннендорф «36 стратегий для победы в эпоху конкуренции». – СПб.: Питер, 2005 - 256
138. 138. *The Art of War, Sun Zi's Military Methods*, Translated by Victor H. Meir, Columbia University Press, 2007 ISBN 978-0-231-13383-8, *Introduction* стр. 14
139. Бочаров И. Создается ядерное оружие четвертого поколения /НВО *2005-10-14*
140. Бочаров И. "Создается ядерное оружие 4-ого поколения" (http://www.contr-tv.ru/common/1371/
141. Стреляев С. П.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук `Проблема достаточности СНВ в современном мире`
142. Кристенсен Г., Хэндлер Д. Смена ядерного прицела. Современные ядерные доктрины противодействия распространению оружия массового уничтожения в третьем мире. Доклад Международной организации ГРИНПИС. март-апрель 1995.
143. Атомные пули http://www.popmech.ru

144. Американцы изобрели новое ядерное оружие:// www.nm2000.kz
145. С. Лесков. Бомба из гафния бьет по живому. http://nlo-mir.ru/tech/14319-bomba-iz-gafnija-bet-po-zhivomu.html
146. Михайлов В.Н. "Перспективы новых технологий разработки ядерного оружия". "НВО", # 15, 1999
147. Белоус. В. Ядерное оружие 3го поколения. http://army-news.ru/2011/10/yadernoe-oruzhie-tretego-pokoleniya/
148. В.Козин. Х-37В: старт Вашингтона к размещению оружия в космосе // Национальная оборона, №12, 2010г.
149. 140секунд. - Lenta.RU 26.04. 2010г
150. Boeng разрабатывает «умную версию» гиперзвуковой ракеты - Lenta.RU 29.06. 2010г.
151. Ю.Филатов. Америка угрожает России новым оружием: КМ.RU Новости.
152. А.Орлов. Конгресс США вмешался в реализацию «Быстрого глобального удара» Буша: www.zian.ru
153. К 2030 г. США смогут поразить любой объект в Росси из космоса: www//top.rbs.ru.
154. А.С.Дьяков, Е.В.Мясников «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США. М.:Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, 2007г.
155. В Вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция: http://nvo.ng.ru, 2005
156. T.Postol «Defensible missile defense»: International Herald Tribune, №13, 2009г.
157. Наступательный потенциал в «Оборонном планировании США. http://old.vko.ru
158. Исследования в США по созданию неядерных ГЧ для баллистических ракет: http://www.pentagonuses.ru
159. Опасность ядерного разоружения, перспективы создания новых Российских ядерных сил http://www.apn.ru
160. А.С.Дьяков, Е.В.Мясников, И.И.Соков Процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними в российско-американских отношениях: -МФТИ, 2006г.
161. Павлов А.Л. «Воздушно-космическая оборона в системе военной безопасности Российской Федерации» Диссертация: www.pdffaktory.com
162. Карев И. Большая дубинка-2. http://vpk.name/news/
163. В. Мясников. В двадцать раз быстрее звука. http://vpk.name/news/
164. ВВС США заинтересовались оружием "быстрого глобального удара". http://vpk.name/news/
165. Гиперзвуковой прорыв ВВС США http://vpk.name/news/
166. В.Щербаков. Космолет-разведчик или новый виток "звездных войн" http://vpk.name/news/
167. Р.Джелерейко. Гиперзвуковые прототипы Соединенных штатов http://vpk.name/news/
168. Пентагон отрепетировал нападение на Россию и Китай http://rnd.cnews//ru/reviews/
169. 168. В. Иванов. Американские генералы разгромили страну Соломонию.// НВО № 45 2005 г

170. В. Дьяченко, В. Мусорин, И.Остроухов М. Сосновский. Оценка возможностей стратегических наступательных сил США в условиях договорных ограничений. //Интернет, 2012, сайт www.iss-atom.ru
171. Договор от 8 апреля 2010 года между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. http://news.kremlin.ru/ref-notes/512
172. Договор от 24 мая 2002 года между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов. / Российская газета от 25.05.2002.
173. Ядерное оружие США. / Под ред. В.Н. Михайлова. ИСС Росатома. – М.; Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2011. – 240 с.
174. Hans M. Kristensen. Nuclear Weapons Status and Options Under a START Follow-On Agreement. / FAS Presentation to Arms Control Association Briefing. – April 27, 2009, p. 3.
175. Robert S. Norris & Hans M. Kristensen. U.S. Nuclear Forces, 2010. // Bulletin of the Atomic Scientists. – May-June 2010, vol. 66, no. 3, pp. 57-70.
176. Robert S. Norris & Hans M. Kristensen. U.S. Nuclear Forces, 2011. // Bulletin of the Atomic Scientists. – August 2011, vol. 67, no. 2, pp. 66-76.
177. Amy F. Woolf. U.S. Strategic Nuclear Forces: Background, Development and Issues. / CRS Report for Congress. – May 4, 2011, p. 8.
178. Hans M. Kristensen. Obama and the Nuclear War Plan, Nuclear Information Project. / FAS Issue Brief. – February, 2010.
179. Reframing Nuclear De-Alert: Decreasing the operational readiness of U.S. and Russian Arsenals. / EastWest Institute, 2009.
180. M.G. McKinzie, T.B. Cochran, R.S. Norris, W.M. Arkin «The U.S. Nuclear War Plan: a Time for Change», Natural Resources Defense Council, 2001.
181. Распространение БЛА – нарастающая угроза безопасности?//Аэронавтика и космос. Еженедельник. №25 (441) от 20..26 июня 2005г. Информ агентство АРМС ТАСС
182. International Defense Review // Vol. 26 №11, p. 850..851, 1993.
183. Flight // 27/X – 2/XI, Vol. 144, №4393, p. 37, 1993.
184. ЗИ // ГосНИИАС, № 47, с. 6..7, 1991 г.
185. ЗИ // ГосНИИАС, №№ 48, 49, с. 7, 1991 г.
186. Т.Постол. Оправданная противоракетная оборона. //International Herald Tribune, 2009г
187. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. Издание третье. М.:Институт психологии РАН.2000.
188. Ионов М.Д. От информационных войн к управляемой конфронтации и сотрудничеству. //Рефлексивные процессы и управление.№1.2001г.
189. Лефевр В.А. Стратегические решения и мораль. //Рефлексивные процессы и управление.№1.том 2. 2002г.
190. Лефевр В.А. Воспоминания автора. Как родилась идея написания книги «Алгебра совести». //Рефлексивные процессы и управление.№1.том 2. 2002г.

191. Лефевр В.А.; Баранов П.В.; Лепский В.Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх. //Техническая кибернетика,№4,1969.
192. Лефевр В.А. Формальный метод исследования рефлексивных процессов. // Вопросы философии,№9,1971г.
193. Лефевр В.А. Закон само-рефлексии: возможное общее объяснение трех различных психолошических феноменов. //Рефлексивные процессы и управление.№1.том 3. 2003г.
194. Лефевр В.А. Рефлексия.-М.: Когито-центр, 2003г.
195. Лефевр В.А Идеология, мораль и политическая организация. . //Рефлексивные процессы и управление.№2.том 2. 2002г.
196. Лефевр В.А. Формула человека. М.: Прогресс,1991г.
197. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Идея, алгоритм, решение.-М.: Воениздат, 1974г.
198. Тараканов К.В. Математика т вооруженная борьба.- М.: Воениздат, 1974г.
199. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Конфликтная радиолокация (опыт системного исследования). – М.: Радио и связь. 1982г.
200. Ионов М.Д. Психологические аспекты управления противником в антогонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Специальный выпуск. №1. 1994г.
201. К. Маркс. Лорд Пальмерстон // «Neue Oder-Zeitung» №79 и 83, 16 и 19 февраля 1855г, Перевод с немецкого
202. Hammond G.T. The Mind of Warjohn Boyd and American Security. Institution Press, 2001
203. Фаер С. «Приемы стратегии и тактики предвыборной борьбы.» СПб: Стольный град», 1998 – 136с.
204. В.В.Цыганов, С.Н.Бухарин « Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология» - М.: Академический проект, 2007 – 336с.
205. С.Н.Бухарин, В.В.Цыганов «Методы и технологии информационных войн» - М.: Академический Проект, 2007 – 382с.
206. Расторгуев С.П. «Информационная война. Проблемы и модели» - М.: Гелиос АРВ, 2006 - 240с.
207. Расторгуев С.П. «Философия информационной войны» - М.: МПСИ, 2003, 496с.
208. Р.Грин «33 стратегии войны» Перев. с английского. М.: «Рипол классик», 2007.
209. А.А.Денисов «Нетократия и рефлексия» -М.: «Рефлексивные процессы и управление» №1, т.7.
210. Лепский В.Е. «Рефлексивный анализ парадигмы управления» (www.refflexion.ru)
211. Америка угрожает России новым оружием: КМ.RU Новости.
212. Бурбаки В.И. Проблемные вопросы работы в информационной сфере в условиях вступления России в ВТО. «Информационные войны» №4, 2012г.
213. Денисов А.А. Роль и место конкурентной разведки в современном предпринимательстве. Публикация от 08-08-2008 00:00 http://daily.sec.ru/dailypblshow.cfm?rid=17&pid=21389
214. 1. Том Коупленд, Тим Коллер, Джек Муррин. Стоимость компаний: оценка и управление. // М., ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.

215. Безгинов А.. Костюк А. Ретроспективная оценка роли ядерного оружия. //Стратегическая стабильность. – 1998. – №2. – с. 38–46.
216. Физика ядерного взрыва: В 2т. том 1 Развитие взрыва /Министерство обороны Российской Федерации. – М.: Наука. Физматлит, 1997.
217. Винокуров Г. Будущее ядерного сдерживания в контексте мировой геополитической динамики.//Высокие технологии – стратегия 21 века. Материалы конференции 21 Международного форума «Высокие технологии 21 века» - М.: ЗАО «ИНФЕСТ», 2010.
218. Орлов. Конгресс США вмешался в реализацию «Быстрого глобального удара» Буша: www.zian.ru
219. 2030 г. США смогут поразить любой объект в Росси из космоса: www//top.rbs.ru.
220. А.С.Дьяков, Е.В.Мясников «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США. М.:Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, 2007г.
221. В Вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция: http://nvo.ng.ru, 2005
222. М. Вильданов, В. Лумпов Миротворческие инициативы Барака Обамы и стратегическое ядерное планирование //Армейский вестник http://army-news.ru
223. Карл Бартц Трагедия Абвера. Немецкая военная разведка во Второй мировой войне. 1935 – 1945/ Пер. с немю Е.Н.Захарова.-М.:ЗАО Центрполиграф, 2010

ГЛАВА 4

1. Гринько В. Ф., Кохан С. И. Концепции сдерживания и стратегическая стабильность в современных условиях. //Военная мысль. – 1993. – №4. – с.14–21.
2. Цыгичко В.Н. Геополитические аспекты формирования ядерной политики России. //Военная мысль. – 1996. – №3. – с. 2–9.
3. Безгинов А.. Коняхин Б., Коробушин В. и др. Роль и место ядерного оружия в обеспечении безопасности России. //Стратегическая стабильность.–1997. – №1. –с.21-37.
4. Василенко В., Кузнецов Г., Стреляев С. Ядерное оружие и современный мир. //Стратегическая стабильность. – 1997. – №1. – с. 35–41.
5. Белоус В. Концепция ядерного сдерживания и Договор СНВ-3. //Ядерный контроль. – Март-апрель 1998. – №2. –т.38. – с. 44–52.
6. Крейдин С.В. О проблемах глобального и регионального ядерного сдерживания крупномасштабной агрессии. //Военная мысль. – 1998. – №5. – с. 49–53.
7. Ивасик В.А., Письяуков А.С., Хряпин А.Л. Ядерное оружие и военная безопасность России. //Военная мысль. – 1999. – №4. – с. 71–73.
8. Крейдин С.В. Глобальное и региональное ядерное сдерживание: к системе принципов и критериев. //Военная мысль. – 1999. – №4. – с. 73–80.
9. Ахмеров Е.Н., Кравченко Н.Ф., Собченко И.И. О направленности регионального
10. Крейдин С.В. Проблема ядерного сдерживания: боевая устойчивость ядерного потенциала. //Военная мысль. – 2000. – №4. – с. 70–74.
11. Кан Г. Об эскалации. – М.: Воениздат, 1966.

12. *Броди Б.* Стратегия в век ракетного оружия. – М.: Воениздат, 1961.
13. *Веселов В.А., Евстафьев Д.Т., Скороспелов П.П.* Геополитический аспект войны в зоне Персидского залива. //Военная мысль. – 1993. – №2. – с. 3–15.
14. *Лисс А. В.* Война в Персидском заливе как модель «новой» войны. //США: экономика, политика, идеология. – 1995. – №4. – с. 90–102.
15. *Жинкина И. Ю.* Эволюция американских подходов к достаточности ядерного потенциала. //США: экономика, политика, идеология. – 1992. – №4. – с. 3–12.
16. *Lens S.* The Day Before Doomsday. – N.Y: Doubleday and Co., 1977.
17. *МИЛЬШТЕЙН М. А.* К ПРОБЛЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. //США: ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ. – 1988. – №1. – С. 10–19.
18. США: военно-стратегические концепции. /Под ред. Р.Г.Богданова и др. – М.: Наука, 1980
19. *McNamara R. S.* The Essence of Security. Reflections in Office. – N. Y., 1968.
20. Department of Defense Appropriations for Fiscal Year 1969. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations. – U.S. Senate, part 5. – Wash., 1968.
21. *Трофименко Г.А.* Военная стратегия США – орудие агрессивной политики. //США: экономика, политика, идеология. – 1985. – №1. – с. 3–15.
22. *Kahn J.* Security in the Nuclear Age: Developing U.S. Strategic Arms Policy. – Wash., 1975.
23. «International Security». – Winter 1979. – p.54.
24. Анализ взглядов американских специалистов на возможные уровни неприемлемого для США ущерба в ядерной войне. М.: Воениздат, 1990г
25. *Хитч Ч., Маклин Р.* Военная экономика в ядерный век. – М: Воениздат, 1964.
26. Последствия ядерной войны. М: Энергоиздат, 1981.
27. *Чазов Е.И.* Международное движение врачей за предотвращение ядерной катастрофы./В сб. «Мир и разоружение. Научные исследования. 1982.». – М: Наука, 1982.
28. *Гинзбург А.С.* Ядерная зима – реальная угроза человечеству. //США: экономика, политика, идеология. – 1985. – №3. – с. 50–59.
29. *Дотто Л.* Планета Земля в опасности. – М: Мир, 1988.
30. Харуэлл, Т. Хатчинсон и др. Последствия ядерной войны. Воздействие на экологию и сельское хозяйство. – М.: Мир, 1988.
31. *Кокошин А. А., Ларионов В. В.* Предотвращение войны: Доктрины, концепции, перспективы. – М.: Прогресс, 1990.
32. *Цыгичко В.Н.* О категории «соотношение сил» в потенциальных военных конфликтах. //Военная мысль. – 2002. – №3. – с. 54–63.
33. *Кнорр К.* Военный потенциал государств. – М.: Воениздат, 1960.
34. *Галлуа П.* Стратегия в ядерный век. – М.: Воениздат, 1962.
35. *Безгинов А.. Костюк А.* Ретроспективная оценка роли ядерного оружия. //Стратегическая стабильность. – 1998. – №2. – с. 38–46.
36. США: ставка на победу в ядерной войне. Военные планы Пентагона. М.: Воениздат, 1988.

37. *Голотюк Ю.* Россия берет на вооружение критерий Кеннеди. Ядерное сдерживание возможно без паритета с США. //Известия. – 1999. – 17 февраля.
38. Россия отказалась от политики ядерного паритета. //Ядерный контроль. – Март-апрель 1999. – №2 – т. 44.- с. 16–17.
39. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М.: 1996г
40. *Семейко Л. С.* Сокращение стратегических сил и военная доктрина России. //США: экономика, политика, идеология. – 1992. – №11. – с. 33–38.
41. *Соков Н.* Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? //Ядерный контроль. – Февраль 1997. – с. 12–16.
42. *Медведев В.* Некоторые аспекты обеспечения Россией ядерного сдерживания в предстоящем десятилетии. //Ядерный контроль. – Январь-февраль 1999. – №1. –т.43. – с. 48–56.
43. *Савченко В.Я., Васильев С.В.* К вопросу о сокращении стратегических наступательных вооружений. //Военная мысль. – 1992. – №2. – с. 48–52.
44. *Ромашкин П.* К вопросу об обосновании критериев неприемлемости ядерного воздействия, обеспечивающих ядерное сдерживание. //Ядерное распространение. – Вып.21. – Декабрь 1997. – с. 47–53.
45. *Соков Н.* Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. //Ядерный контроль. – Январь – февраль 1998. – №1 – т. 37. – с. 46–61.
46. *Заборский В.* Ностальгия о будущем. //Независимое военное обозрение. – 2002. – №35. – 4-10 октября..
47. *Цыгичко В. Н., Пионтковский А. А.* Возможные вызовы национальной безопасности России в начале XXI века. //Военная мысль. – 2001. – №2. – с.63–70.
48. Рогов С. М. Ядерное оружие в многополярном мире. //США: экономика, политика, идеология. – 1998. – №8. – с. 3–18.
49. Андреев В.Г. Геополитика и мировая война// Обозреватель-Observer, №12 (119), 1999 г.
50. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.Ю. Математическое моделирование геополитических процессов // Стратегическая стабильность, №1 с. 60-66, 2002 г.
51. Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А., Винокуров Г.Н. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств // Стратегическая стабильность, №1 с. 9-16, 2006 г.
52. Винокуров Г.Н., Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов // Стратегическая стабильность, №2 с. 49-53, 2008 г.
53. Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. Геополитическая траектория государства: моделирование и прогноз /«Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы» Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2013

54. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития/ Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 488с.
55. В.А.Садовничий, А.А.Акаев, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков. Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с.
56. А. Полунин Россия теряет ядерный щит. http://svpressa.ru/
57. Василенко В.В., Клещенко А.Э., Левин А.И., Стреналюк Ю.В. Состояние и перспективы развития системы ПРО США // Стратегическая стабильность, №2, с. 51-61, 2006 г.
58. Война и мир в терминах и определениях. Словарь. http://www.voina-i-mir.ru/
59. Соломонов Ю.С. Ответно-встречный удар неизбежен. http://nvo.ng.ru/forces/2006-05-19/1_solomonov.html
60. Концепция ответного удара. Новости ВПК http://vpk.name/news/66555_koncepciya_otvetnogo_udara.html
61. Григорьев Ю.П. Проблемы стратегической безопасности России в XXI веке // Научное издание «Геомилитаризм, Геополитика, Безопасность». Альманах №10. – М.: Доблесть духа. 2007 http://makeyev.msk.ru/pub/sys/2007/StratSecurity.html
62. Григорьев Ю.П. Почему США вышли из Договора по ПРО. Журнал «Вооружение, политика, конверсия» №6 (78), 2007, http://www.rustunnel.ru/news/18073.html
63. Григорьев Ю.П. О новой концепции первого удара. Журнал РАРАН «Вооружение, политика, конверсия» №3 (81), 2008, http://chuk-sn.livejournal.com/27592.html
64. Алан Филлипс, Стивен Старр. Концепция ответно-встречного удара нуждается в замене. http://www.armscontrol.ru/pubs/change-low-ru.pdf
65. Малинецкий Г.Г. Проект «Россия» в синергетическом контексте // Экономические стратегии, № 7, 2008.
66. Villiam J. Baumol Red-Queen games:arms races, rule of law and market economies.Department of Economics, New York University, 269 Mercer Street, New York, NY 10003, USA
67. Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Изд. 2-е, испр. и доп. // М.: Едиториал УРСС, 2004 г.
68. Малков С.Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования. // М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 г.
69. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малинецкий Г.Г., Малков А.С. Борьба условных информаций // Информационные войны, №1, с.3-14, 2006г.

Глава 5

1. Малков С.Ю., Чернавский Д.С., Коссе Ю.В., Старков Н.И. Влияние военных расходов на макроэкономические показатели // Стратегическая стабильность, №2, с.27-39, 2008 г.

2. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В. К вопросу об определении оптимальной величины оборонных расходов государства // Стратегическая стабильность, №2, с.72-76, 2007 г.
3. Benoit, E (1973). Defense and Economic Growth in Developing Countries, Lexington Books, Boston).
4. Bernstein J and Nadiri, MI (1991). Product Demand, Cost of Production, Spillovers and the Social Rate of Return to R&D, NBER Working Paper No 3625, Cambridge MA, USA.
5. Benoit E (1978). Growth and defense in developing countries, *Economic Development and Cultural Change*, 26, 2, 271 – 80.
6. Bloom, N, Schankerman M and Reenen JV (2005). Identifying Technology Spillovers and Product Market Rivalry, CEPR, Paper 4912, London.
7. Buck, D, Hartley, K and Hooper, N (1993). Defence research and development, crowding-out and the peace dividend, *Defence Economics*, 4, 2, 161- 178.
8. Deger, S and Smith, R (1983). Military expenditures and growth in less developed countries, *Journal of Conflict Resolution*, 27,2, 335-53.
9. DTI (2003). Prosperity for All: The Strategy: Analysis, DTI, London
10. Dunne P, Smith R and Wilenbockel D (2005). Models of military expenditure and growth: a critical review, Defence and Peace Economics, 16, 6, December, 449 – 462.
11. Guellic D and Potterie BP (2001). R&D and productivity growth: panel data analysis of 16 OECD countries, OECD Economic Studies, 33, II, 103 – 126.
12. Hughes, A (2003). Knowledge Transfer, Entrepreneurship and Economic Growth: Some Reflections and Implications for Policy in The Netherlands, ESRC Centre for Business Research, University of Cambridge, Working Paper No. 273.
13. Macnair, E, Murdoch, J, Pi, C, and Sandler, T (1995). Growth and Defense: Pooled Estimates for the NATO Alliance, 1951-1988, *Southern Economic Journal*, 61, 3, 846-60.
14. Mo D (1987). Statement on the Defence Estimates, 1987, Ministry of Defence, HMSO, London
15. Morales-Ramos (2002). Defence R&D expenditure: The crowding-out hypothesis, *Defence and Peace Economics*, 13, 5, 365-383.
16. Nadiri M (1993). Innovations and Technological Spillovers, NBER Working Paper No 4423, Cambridge, MA, USA.
17. Sandler, T and Hartley, K (1995). The Economics of Defense: Cambridge Surveys of Economic Literature, Cambridge University Press, Cambridge.
18. Smith, R (1980). Military expenditure and investment in OECD countries, 1954-1973, *Journal of Comparative Economics*, 4, 19-32.
19. Watkins, T (2005). Do workforce and organizational practices explain the manufacturing technology implementation advantages of small defense contractors over non-defense establishments? Lehigh University, Bethlehem, USA, mimeo.
20. Hartley K Defence Spending and its Impact on the National Economy: A review of the literature and research issuesCentre for Defence Economics University of York YORK, YO10 5DD

21. Гари С. Беккер (1968 год), «Преступление и наказание: экономический подход», *Журнал о политической экономике*, 78(2), с.169-217.
22. Басудеб Бисвас и Рати Рам (1986 год), «Военные расходы и экономический рост в менее развитых странах: расширенная модель и очевидные перспективы», *Экономическое развитие и культурные изменения*, 34(2), с.361-372.
23. Айзек Ехрлих (1973 год), «Участие в незаконной деятельности: теоретическое и эмпирическое исследования», *Журнал о политической экономике*, 81(3), с.521-565.
24. Кейт Хартли и Тодд Сэндлер (ред.) (1995 год), *Руководство по военной экономике, том I*, (Амстердам: Северная Голландия).
25. НАТО (1998 год), «Финансовые и экономические данные, касающиеся оборонного сектора НАТО», Пресс-коммюнике M-DPC-2(98)147, 17 декабря 1998, Брюссель: НАТО.
26. Льюис Ф. Ричардсон (1960 год), *Оружие и небезопасность: математическое исследование причин и происхождения войны*, (Питцбург, штат Пенсильвания: Хоумвуд).
27. Тодд Сэндлер и Кейт Хартли (1995 год), *Военная экономика*, (Кембридж; пресс-служба Кембриджского университета).
28. Тодд Сэндлер и Кейт Хартли (1999 год), *Политическая экономика НАТО: прошлое, настоящее и вступление в XXI-й век* (Кембридж; пресс-служба Кембриджского университета).
29. Hartley K, Sandler T OVERVIEW AND INTRODUCTION to*The Economics of efence* Department of Economics Iowa State UniversityAmes, IA 50011USA October 1999
30. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. // М.: «Радио и связь», 1993 г.
31. И.Сталин «О ЗАДАЧАХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ» Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г,

ГЛАВЫ 6, 7, 8, 9

1. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность // Т. II, М.: НП «Центр общественных экспертиз», 544 с., 2009 г.
2. Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Изд. 2-е, испр. и доп. // М.: Едиториал УРСС, 2004 г.
3. Малков С.Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования. // М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 г.
4. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малинецкий Г.Г., Малков А.С. Борьба условных информаций // Информационные войны, №1, с.3-14, 2006г.
5. Ларуш Л. Вы на самом деле хотели бы знать всё об экономике? — 1992. — Перевод второго издания монографии Линдона Ларуша.
6. Ларуш Л. Физическая экономика / Шиллеровский институт науки и культуры; [пер. с англ. и подгот. к изд. выполняли: Возница В. А. и др.] — М.: Научная книга, 1997.
7. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология. - М.: Академический проект. 2007.
8. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. - М.: Академический проект. 2007.

9. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационный менеджмент. - М.: Академический проект. 2009.
10. Винокуров Г. Н., Ковалев В. И., Малков С. Ю. Геополитическая динамика и сокращение ядерных вооружений / Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с.
11. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.Ю. Математическое моделирование геополитических процессов // Стратегическая стабильность, №1 с. 60-66, 2002 г.
12. Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А., Винокуров Г.Н. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств // Стратегическая стабильность, №1 с. 9-16, 2006 г.
13. Винокуров Г.Н., Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов // Стратегическая стабильность, №2 с. 49-53, 2008 г.
14. Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. Геополитическая траектория государства: моделирование и прогноз /«Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы» Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2013
15. Криппендорф К. 36 стратегий для победы в эпоху конкуренции / Перев. с англ. — СПб.: Питер. 2005.—256 е.: ил.
16. Кристенсен Г., Хэндлер Д. Смена ядерного прицела. Современные ядерные доктрины противодействия распространению оружия массового уничтожения в третьем мире. Доклад Международной организации ГРИНПИС. март-апрель 1995.
17. ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ СССР том II «Технологии ядерных испытаний СССР. Воздействие на окружающую среду. Меры по обеспечению безопасности. Ядерные полигоны и площадки» http://www.iss-atom.ru/sssr2/3_6.htm
18. О. Кедров, Контролируется тишина http://n-t.ru/nj/nz/1988/0402.htm
19. Антонов А.И. К проблеме запрещения ядерных испытаний: переговорные этапы //Политический журнал №08 (59). Август 2011
20. Выступление министра обороны США Лес Эспина в Национальной Академии наук 7 декабря 1993г.
21. The Nuclear Asymtote on Conteininq Nuclear Proliferation: RAND/VCLA Centre for Soviet Studies, Santa Monica, 1993.
22. Военные аспекты национальной безопасности США: Красная Звезда, 1994г.
23. US Takes Nuclear Gamble: Defense News, April 4-10,1994.
24. Леонард С.Спектор К вопросу об истории и способах распространения ядерного оружия: Нью-Йорк, 1992.
25. Bill Heiser «Defense Counterproliferation Initiative»: OSD/CPP/Ma&R.
26. Nuclear Notebook. Bulletin of the Atomic Scientists, December, 1993.

27. G.Blair. Global Zero Alert for Nuclear Forces: Brokings Institution, March 1994.
28. Mussile Capabilitis of Selected Countries: The ARMS CONTROL Association, December 8, 1993.
29. The Proliferation of Ballistic Mussiles: The ARMS CONTROL ASSOCIATION, August 10, 1993.
30. Ядерное оружие распространяется. Предостерегает директор ЦРУ: Бюллетень Новостей ЮСИА, 30.07.93г.
31. Эрик Арнет. Наука, технология и контроль за вооружениями.
32. Д. Олбрайт Азбука распространения/ Бюллетень атомной науки, июнь 1993г.
33. О.Бухарин. Weapons to Fuel: Science and Global Sekurity,1993.
34. Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке / [Дж. Картрайт, С. Рогов и др.; гл. ред. : И. С. Иванов] ;Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М. : Спецкнига, 2012. — 64 с.
35. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957.
36. Maddison A. The world economy: a millennial perspective, OECD, 2001; www.ggdc.net/maddison
37. С.Б. Переслегин К оценке геополитического положения Европы./ "Звезда", №12, 1998

Глава 10

1. Выступление министра обороны США Лес Эспина в Национальной Академии наук 7 декабря 1993г.
2. The Nuclear Asymtote on Conteininq Nuclear Proliferation: RAND/VCLA Centre for Soviet Studies, Santa Monica, 1993.
3. Военные аспекты национальной безопасности США: Красная Звезда, 1994г.
4. US Takes Nuclear Gamble: Defense News, April 4-10,1994.
5. Леонард С.Спектор К вопросу об истории и способах распространения ядерного оружия: Нью-Йорк, 1992.
6. Bill Heiser «Defense Counterproliferation Initiative»: OSD/CPP/Ma&R.
7. Nuclear Notebook. Bulletin of the Atomic Scientists, December, 1993.
8. G.Blair. Global Zero Alert for Nuclear Forces: Brokings Institution, March 1994.
9. Mussile Capabilitis of Selected Countries: The ARMS CONTROL Association, December 8, 1993.
10. The Proliferation of Ballistic Mussiles: The ARMS CONTROL ASSOCIATION, August 10, 1993.
11. Ядерное оружие распространяется. Предостерегает директор ЦРУ: Бюллетень Новостей ЮСИА, 30.07.93г.
12. Потенциалы пороговых стран: Распространение оружия массового уничтожения. Служба внешней разведки РФ-М, 1993.
13. Эрик Арнет. Наука, технология и контроль за вооружениями.
14. Д. Олбрайт Азбука распространения/ Бюллетень атомной науки, июнь 1993г.
15. О.Бухарин. Weapons to Fuel: Science and Global Sekurity,1993.

16. M.Keeny Inventinq an Enemy/ THE NEW YORK TIMES, June 18,1994.
17. С.Выборнов. Нелетальное оружие/ Зарубежное военное обозрение, 1993, N4
18. «Глобальная война» не сдана Пентагоном в архив/ Красная Звезда, 1995г.
19. Современные концепции военно-бюджетной политики . Часть IV: Научно-аналитический обзор, АН СССР, ИНИОН, 1991.
20. Villiam J. Baumol Red-Queen games: arms races, rule of law and market economies. Department of Economics, New York University, 269 Mercer Street, New York, NY 10003, USA
21. International Defense Review // Vol. 26 №11, p. 850..851, 1993.
22. Flight // 27/X – 2/XI, Vol. 144, №4393, p. 37, 1993.
23. ЗИ // ГосНИИАС, № 47, с. 6..7, 1991 г.
24. ЗИ // ГосНИИАС, №№ 48, 49, с. 7, 1991 г.
25. А.Орлов. Конгресс США вмешался в реализацию «Быстрого глобального удара» Буша: www.zian.ru
26. К 2030 г. США смогут поразить любой объект в Росси из космоса: www//top.rbs.ru.
27. А.С.Дьяков, Е.В.Мясников «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США. М.:Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, 2007г.
28. В Вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция: http://nvo.ng.ru, 2005
29. T.Postol «Defensible missile defense»: International Herald Tribune, №13, 2009г.
30. Демидюк Е, Чеховский В. Наступательный потенциал в «Оборонном планировании США. http://old.vko.ru
31. Исследования в США по созданию неядерных ГЧ для баллистических ракет: http://www.pentagonuses.ru
32. Опасность ядерного разоружения, перспективы создания новых Российских ядерных сил http://www.apn.ru
33. А.С.Дьяков, Е.В.Мясников, И.И.Соков Процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними в российско-американских отношениях: -МФТИ, 2006г.
34. Павлов А.Л. «Воздушно-космическая оборона в системе военной безопасности Российской Федерации» Диссертация: www.pdffaktory.com
35. 140секунд. - Lenta.RU 26.04. 2010г
36. Boeng разрабатывает «умную версию» гиперзвуковой ракеты - Lenta.RU 29.06. 2010г.
37. Ю.Филатов. Америка угрожает России новым оружием: КМ.RU Новости.
38. Карев И. Большая дубинка-2. http://vpk.name/news/
39. В. Мясников. В двадцать раз быстрее звука. http://vpk.name/news/
40. ВВС США заинтересовались оружием "быстрого глобального удара". http://vpk.name/news/
41. Гиперзвуковой прорыв ВВС США http://vpk.name/news/
42. В.Щербаков. Космолет-разведчик или новый виток "звездных войн" http://vpk.name/news/

43. Р.Джелерейко. Гиперзвуковые прототипы Соединенных штатов http://vpk.name/news/
44. Пентагон отрепетировал нападение на Россию и Китай http://rnd.cnews//ru/reviews/
45. Конгресс США отказался выделять средства на перевод МБР "Трайдент-2" в неядерное оснащение 24-09-2010, http://oko-planet.su/politik/politikarm/49075
46. М.Вильданов, И.Русанов. Ключевое средство устрашения. Стратегические ракетные силы флота США в условиях действия договора о СНВ // Национальная оборона №12, 2012 г.
47. М.Вильданов. Оснащение ПЛАРБ ВМС США неядерными средствами поражения http://pentagonus.ru/publ/31-1-0-418
48. США — в расчёте на стратегическую внезапность, часть 2 //Армейский вестник http://army-news.ru/2010/12
49. Крылатые ракеты: настоящее и будущее http://www.aviaport.ru/digest/2002/09/24/36724.html
50. Распространение БЛА - нарастающая угроза безопасности? //Аэронавтика и космос. Еженедельник. №25(441) от 20-26 июня 2005 г. Информ агентство АРМС ТАСС